

ФОНД ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ РУССКО-НЕМЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ
«РУССКО-НЕМЕЦКИЙ ЦЕНТР ВСТРЕЧ
ПРИ ПЕТРИКИРХЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

НЕМЦЫ

в Санкт-Петербургской
губернии

ИСТОРИЯ
ЯЗЫК
ПЕСНИ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург

2013

УДК 81'33
ББК 81.1
П88

Книга является лауреатом Всероссийского конкурса
«Российские немцы в авангарде будущего» по поддержке проектов
и присуждению общественных грантов в сфере искусства, образования,
науки, спорта и развития гражданского общества, проведенного в 2013 г.
Международным союзом немецкой культуры.

Фонд поддержки и развития
русско-немецких отношений
«РУССКО-НЕМЕЦКИЙ
ЦЕНТР ВСТРЕЧ»

250 лет манифесту
Императрицы Екатерины II
о переселении немцев
в Россию

Проект осуществлен из средств бюджета Федеративной Республики Германия
в рамках программы по поддержке немецкого меньшинства
в рамках проекта «К 250-летию манифеста императрицы Екатерины Второй
о переселении немцев в Россию. Немецкие колонии Петербургской губернии»
под патронажем Фонда поддержки и развития русско-немецких отношений
«Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга».

Пузейкина Л. Н.

П88 Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни. —
СПб. : Нестор-История, 2013. — 384 с., ил.

ISBN 978-5-4469-0227-9

Настоящее научно-популярное издание посвящено изучению языковых особенностей песенного фольклора немецких поселенцев в России, в частности в Санкт-Петербургской губернии. При этом освещаются также вопросы истории немецких колоний под Петербургом. В свете теории языкового острова рассматриваются социокультурные факторы, способствовавшие сохранению языка немецких колонистов, и вопросы интерференции со стороны языка окружения.

Особое внимание уделяется характеристике собраний и исследований немецкого песенного фольклора, в первую очередь — коллекции академика В. М. Жирмунского, собранной в 20-е гг. XX века в рамках этнографических, фольклорных и диалектологических экспедиций в немецкие поселения СССР.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся различными сторонами жизни немецких колонистов в России и владеющих основами немецкого языка.

**УДК 81'33
ББК 81.1**

На обложке: Матильда Бреннер. Из архива А. Г. Бреннер — Э. Н. Скородумовой

ISBN 978-5-4469-0227-9

9 785446 902279

© Фонд поддержки и развития русско-немецких
отношений «Русско-немецкий Центр встреч
при Петрикирхе Санкт-Петербурга», 2013
© Л. Н. Пузейкина, 2013
© Издательство «Нестор-История», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
1. К истории немцев в России	12
1.1. Первые германские подданные в России (XIII — сер. XVIII в.)	23
1.2. Основы российской колонизационной политики в период правления Елизаветы Петровны	27
1.3. Образование первых немецких колоний в России и под С.-Петербургом при Екатерине II	30
1.4. Немецкие поселения России в периоды правления Павла I и Александра I. Образование второй группы колоний под Петербургом	38
1.5. Колонизационная политика государства при Николае I и Александре II. Образование и развитие «дочерних» колоний в Санкт-Петербургской губернии	46
1.6. Влияние Первой и Второй мировых войн на судьбу российских, в частности петроградских/ленинградских, немцев	51
1.7. Судьба российских немцев в период после Второй мировой войны и по сегодняшний день	63
2. Немецкие колонии как языковые острова на территории России	67
2.1. Понятие «языковой остров» в лингвистике. Немецкие языковые острова на территории бывшего СССР	67
2.2. Немецкая островная диалектология в России — история исследования	74
2.3. Влияние немецкого литературного языка на диалекты немецких колонистов	92
2.4. Социокультурные факторы, способствовавшие сохранению родного языка немецких колонистов	96
2.4.1. Церковь и школа в немецких колониях Петербургской губернии	96
2.4.2. Социокультурные рамки островного двуязычия и понятие интерференции в лингвистике	117
3. Немецкий песенный фольклор и исследование народных песен немецких колонистов XVIII–XX вв.	129
3.1. Фольклор. К постановке вопроса	129
3.2. Фольклористика, лингвофольклористика и язык фольклора	131
3.3. Немецкая народная песня — введение в историю вопроса	136
3.4. Архивы немецкой народной песни во Фрайбурге и Ленинграде: Джон Майер и В.М. Жирмунский	142

4. Коллекция немецких народных песен В. М. Жирмунского.	151
4.1. Виктор Максимович Жирмунский и исследование немецких колоний	151
4.2. «Архив немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского	162
4.3. Работа по сохранению материалов коллекции.	170
5. Особенности графики, лексики и некоторые особенности грамматики немецких колониcтских песен	176
5.1. Колонистские песни как особая группа песен немецких колонистов.	176
5.2. Смешанные немецко-русские или макаронические песни.	180
5.3. Особенности графики смешанных колониcтских песен.	187
5.3.1. Графическое отражение особенностей консонантизма языка смешанных колониcтских песен	189
5.3.2. Графическое отражение особенностей вокализма языка песен немецких колонистов.	202
5.4. Лексические особенности островного песенного фольклора немецких колонистов	211
5.4.1. Лексические заимствования в контактирующих языках	211
5.4.2. Причины появления русских лексем в текстах колониcтских песен смешанного характера	215
5.4.3. Тематические группы русских и соотносящихся с ними немецких лексических единиц в текстах немецких колониcтских песен	223
5.5. Проявление грамматической интерференции в островном песенном фольклоре немецких колонистов	298
5.5.1. Частеречная принадлежность русских слов в текстах немецких колониcтских песен	299
5.5.2. Присвоение русским словам несвойственных им грамматических категорий.	304
5.5.3. Порядок слов в предложении, синтаксические позиции заимствованных слов.	309
Заключение	319
Приложения.	328
Приложение 1а. Динамика численности населения немецких колоний С.-Петербургской губернии (конец XVIII — начало XIX в.)	328
Приложение 1б. Население немецких колоний С.-Петербургской губернии в 1827 г.	328
Приложение 2. Немецкий в качестве родного языка в зависимости от даты рождения и региона страны.	329
Приложение 3. Песни, взятые из песенников колонистов.	330
Приложение 4. Примеры некоторых смешанных колониcтских песен.	331
Приложение 5. Каталог пластинок и валиков из коллекции В. М. Жирмунского, записанных в немецких поселениях под С.-Петербургом.	342
Приложение 6. Протоколы перезаписи песен из коллекции В. М. Жирмунского на цифровые носители	368

ВВЕДЕНИЕ

Несколько последних десятилетий различные аспекты истории, языка и культуры немецких поселенцев в России привлекают всё большее внимание ученых разных специальностей. Возрождению интереса к данной теме способствовали перемены, произошедшие в нашей стране в конце 1980-х гг., когда был открыт доступ к закрытым ранее материалам российских библиотек и архивов и были сняты ограничения на обнародование закрытой ранее информации. С исторической точки зрения стали возможны изучение, анализ и обсуждение наиболее сложных тем, связанных с трагическими страницами истории немецкого народа в России, таких как гонения на немцев в конце XIX в., немецкие погромы, ущемление прав немецкого крестьянства, лишение собственности, репрессии 1930-х гг., массовые депортации на спецпоселения и в трудовую армию в 1940–1950-х гг., запрет на выезд и др. С лингвистической точки зрения особый интерес исследователей вызывает возможность изучения языковых островов, поскольку в ходе исследования явлений, происходящих с языком отдельной изолированной группы, можно сделать выводы, касающиеся языка в целом. Кроме того, сам факт, что языковые острова находятся в окружении иноязычной среды, дает возможность изучить явления интерференции, выявить факторы, способствующие или препятствующие взаимовлиянию языков, определить последовательность языковых изменений, происходящих в результате смешения языков. Литературоведов и фольклористов интересуют произведения народного творчества колонистов. Наследие, привезенное из мест изначального проживания в германских землях, с одной стороны, отчасти сохранилось в редкой форме, которая уже не встречается в Германии, с другой — возникли новые жанры, а также произведения, записанные с использованием языков окружения поселенцев. Новые народные песни

отражают процессы исторического, социального и культурного развития, которые происходили с немецкими поселенцами на протяжении столетий. Социологи изучают проблемы культурной и социальной адаптации немецких колонистов, в том числе после их реэмиграции в Германию.

На территории России активно ведутся исследования истории, культуры и языка российских немцев. В Санкт-Петербурге в 1993 г. был создан Фонд поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч»¹. Фонд курирует культурные и образовательные программы, а также деятельность нескольких филиалов. Основными направлениями его деятельности являются работа с молодежью, разработка языковых программ и социальная работа. Центр регулярно проводит образовательные выставки, посвященные истории и культуре немцев Петербурга и окрестностей, организует экскурсии по памятным местам, проводит различные мастер-классы, музыкально-литературные вечера, участвует в издании научных монографий и методических пособий по изучению истории и культуры немцев в России и в частности в Петербургской губернии, организует множество мероприятий для детей и многое другое.

В 1994 г. была создана Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН)², в которую входят 103 ученых: историков, этнографов, социологов, филологов, философов, политологов, культурологов и искусствоведов из восьми стран мира. С 1994 по 2012 г. МАИИКРН было проведено 17 конференций, посвященных проблемам истории и культуры российских немцев, изданы научные журналы, монографии и методические пособия по изучению немецкого языка и культуры. Организация поддерживает работу молодых ученых во многих регионах России. Язык рассматривается организаторами МАИИКРН как необходимая база для развития национального самосознания, о чем говорит, например, состоявшаяся в 2009 г. Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы изучения и преподавания немецкого языка: язык как основа сохранения и развития идентичности российских немцев». В июне 2011 г. был проведен форум преподавателей немецкого языка, в рамках которого состоялась международная научно-практическая конференция «Исследование немецких диалектов в России: прошлое, настоящее и будущее

¹ См. сайт Центра встреч: www.drb.ru

² См, например, сайт российских немцев: www.rusdeutsch.ru

отечественной островной диалектологии», в которой приняли участие 36 ученых из различных городов России, Германии и Венгрии.

В Сибири активно занимаются исследованием местных диалектов в Красноярске, Барнауле, Томске и т. д. Региональный диалектологический центр исследований языка этнических немцев Сибири при Красноярском государственном педагогическом университете проводит работу по созданию диалектных словарей, занимается социолингвистическими исследованиями и научно-организационной деятельностью. Центр организует конференции, посвященные вопросам изучения немецких диалектов в России, регулярно проводит семинары и круглые столы, к участию в которых приглашаются как научные сотрудники, так и студенты и представители немецкого этноса региона³.

В 90-х гг. исследованием языка и истории российских немцев начали активно заниматься в Германии, хотя надо отметить, что и до этого времени, уже с конца 40-х гг., здесь стали издаваться работы ученых, эмигрировавших из Советского Союза, в то время как в России практически до конца 80-х гг. любое обсуждение данной темы было под запретом. Важную роль в исследовании языка немецкого меньшинства за пределами Германии играет Институт немецкого языка⁴. В октябре 1989 г. И. Борном и С. Дикгисер здесь была издана работа, посвященная состоянию исследований, проводимых по теме «Немецкий в качестве родного языка за пределами стран, где он является государственным языком»⁵. Институт немецкого языка продолжает быть инициатором многих проектов и конференций, касающихся многоязычия, миграционной лингвистики, островных диалектов немецкого языка. В 2011 г. вышло повторное издание книги проф. отделения прагматики данного института Н. Г. Беренд, в которой подробно освещается развитие языковой ситуации в немецкоязычных регионах и отдельных поселениях в России на протяжении последних 250 лет⁶.

³ См. информацию на сайте Диалектологического центра: deu.kspu.ru

⁴ Institut für deutsche Sprache (IDS), Mannheim: www1.ids-mannheim.de

⁵ *Born J., Dickgießer S. Deutschsprachige Minderheiten. Ein Überblick über den Stand der Forschung für 27 Länder.* Mannheim: Institut für deutsche Sprache, 1989.

⁶ *Berend N. Russlanddeutsches Dialektbuch. Die Herkunft, Entstehung und Vielfalt einer ehemals blühenden Sprachlandschaft weit außerhalb des geschlossenen deutschen Sprachgebiets.* Halle: Projekte-Verlag Cornelius, 2011. Ссылка на основные публикации Н. Беренд дается на сайте Института немецкого языка: www1.ids-mannheim.de/prag/personal/berend.html

К этому же периоду относятся исследования немецких диалектов алтайского края сотрудника Европейского университета во Франкфурте-на-Одере П. Розенберга⁷. После завершения проекта, посвященного языку немцев в Сибири, проф. Розенберг продолжил заниматься исследованием морфологии немецких диалектов в Бразилии. В 2012 г. он выступал с лекцией об особенностях морфологии немецких диалектов Алтая и Бразилии в Санкт-Петербургском отделении Европейского университета.

Важную роль в исследовании истории немцев в России долгое время играл Институт германских и восточноевропейских исследований в Геттингене, возглавлявшийся с 1990 г. д-ром А. Айсфельдом⁸ (Геттингенский исследовательский центр, с 2002 г. вошел в состав Северо-Восточного института при Гамбургском университете)⁹. Институт культуры и истории немцев в Восточной Европе при философском факультете Университета им. Генриха Гейне в Дюссельдорфе, которым до середины 2008 г. руководил проф. Д. Брандес, и Институт Восточной и Юго-Восточной Европы в Регенсбурге (ранее — отделение Института Восточной Европы в Мюнхене под руководством Г. Байер-Тома)¹⁰ также продолжают исследования в области истории немцев за пределами Германии¹¹.

Центр исследований культуры и истории немцев в России при Гейдельбергском университете с 1991 г. выпускал периодическое научное издание «Исследования по истории и культуре российских немцев» («Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen»), к участию в котором привлекались и авторы из России и стран СНГ.

⁷ Rosenberg / Weydt (eds.). Deutsche in der ehemaligen Sowjetunion. Tübingen: Elwert, 1994. Основные публикации П. Розенберга см. на сайте Европейского университета: www.europa-uni.de

⁸ См., например: Einfeld A. Deutsche Kolonien an der Wolga 1917–1919 und das Deutsche Reich. Wiesbaden, 1985 и др. Основные публикации А. Айсфельда см. на личной странице на сайте Северо-Восточного института: www.ikgn.de/cms/index.php/wissenschaftliche-mitarbeiterinnen/dr-alfred-einfeld#Publikationen. Некоторые публикации на русском языке доступны на сайте: www.russdeutsch.ru/?lib=3&avtor=1748&bukva=A&nomer=0

⁹ Das Nordost-Institut (Institut für Kultur und Geschichte der Deutschen in Nordosteuropa e.V. (IKGN): www.ikgn.de/cms

¹⁰ См. информацию на сайте института: www.ios-regensburg.de

¹¹ См. список диссертационных исследований, проводимых в настоящее время в данном институте: www.phil-fak.uni-duesseldorf.de/geschichte/lehrstuehle/v-geschichte-und-kulturen-osteuropas/forschung

Судьбы российских немцев, эмигрировавших в Америку в конце XIX — начале XX в., а также история немецкого меньшинства в России находятся в центре научного интереса Американской исторической ассоциации немцев из России (Линкольн, штат Небраска)¹². Продолжает расти число работ по истории, языку и культуре российских немцев, издаваемых в США и Канаде.

Настоящее издание посвящено изучению языковых особенностей островного песенного фольклора немецких колонистов в России, в частности в Санкт-Петербургской губернии. В основу исследования легла кандидатская диссертация автора, написанная под руководством проф. Наталии Дмитриевны Светозаровой (С.-Петербургский государственный университет). Книга представляет значительно переработанный и дополненный вариант первоначального исследования. Краткий исторический очерк, представленный в первой главе, не претендует на полноту изложения и ставит своей целью ввести интересующегося читателя в круг исследуемых вопросов и предоставить ссылки на источники, необходимые для более глубокого понимания данной проблематики. Более подробно освещен период до начала 1930-х гг., когда были завершены экспедиции в немецкие колонии России, проведенные выдающимся филологом Виктором Максимовичем Жирмунским. В основу лингвистического исследования легла коллекция немецких народных песен, собранная Жирмунским в 20-е гг. XX в. в рамках этнографических, фольклорных и диалектологических экспедиций в немецкие колонии под Ленинградом, на Украине, в Крыму и в Закавказье. Коллекция включает 9597 документов на 10 325 листах и хранится в С.-Петербурге в Институте русской литературы (ИРЛИ) в двух архивах — в Рукописном отделе и в Фонограммархиве, в котором находятся 321 пластинка и 82 валика. В каталоге песен зафиксированы более 1100 типов песен в более чем 3700 вариантах.

Отдельно проанализированы записи текстов группы «Колонистские песни», собранных в разных регионах СССР и объединенных общей спецификой. В качестве сравнительного материала к исследованию привлекались многочисленные работы В.М. Жирмунского по данной проблематике¹³ и материалы сайта Архива немецкой

¹² American Historical Society of Germans from Russia: <http://www.ahsgr.org>

¹³ Полную библиографию работ В.М. Жирмунского см.: Академик Виктор Максимович Жирмунский: Библиографический очерк. 3-е изд., испр. и доп. / Вступ. статья П. Н. Беркова и Ю. Д. Левина; Отв. ред. А. В. Десницкая, Н. Н. Казанский; библиограф. ред. В. П. Алексеева. СПб.: Наука, 2001.

народной песни во Фрайбурге¹⁴. Записанные колони́стские песни происходят из разных колоний, не связанных общим диалектным ареалом. Значительная часть текстов была записана в Ленинградской области. Спецификой материала определяется и методология собственно лингвистической части работы. Исследуемый корпус текстов характеризуется неоднородностью с точки зрения как диалектной принадлежности песен, так и социальных сред, в которых они возникли. При этом во многих случаях диалектная и особенно социальная принадлежность текстов не поддается однозначной идентификации. На данном этапе изучения архива народной песни Жирмунского решение этой задачи требует специального исследования и может быть достигнуто только путем сопоставления текстов с диалектологическими материалами экспедиций Жирмунского (последние хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН)¹⁵.

Предметом изучения стали языковые явления, характерные для группы колони́стских песен в составе немецких народных песен на территории бывшего СССР, в том числе интерферирующее влияние русского языка. Одной из практических задач явилось определение жанровой специфики изучаемых текстов. Исследование опирается на комплексное использование методов лингвистической географии и исторического языкознания. Кроме того, при анализе материала применялись также описательный, сопоставительный методы и метод перцептивного анализа.

В приложении приводится часть составленного автором подробного сводного каталога песен из коллекции Жирмунского, а именно песни, записанные под Ленинградом на восковые пластинки и валики, а также часть протоколов перезаписи всей коллекции на цифровые носители, касающаяся ленинградских колоний. Протоколы дают информацию о современном состоянии коллекции, в том числе о сохранности и о качестве звучащего материала. Данное исследование представляет собой шаг к созданию базы данных для изучения песенного

¹⁴ Deutsches Volksliederarchiv: <http://www.liederlexikon.de/lieder>

¹⁵ В настоящее время изучением диалектологической части наследия В. М. Жирмунского, хранящего в С.-Петербургском филиале Архива РАН, занимается группа исследователей из С.-Петербурга (Л. Э. Найдич, Л. Н. Пузейкина, Н. Д. Светозарова) в рамках проекта «Германистические архивы в С.-Петербурге. Научная обработка архива В. М. Жирмунского в СПФ АРАН», поддержанного РГНФ. Целью проекта является ввести в научный оборот ценные диалектологические материалы коллекции, обработать их, проследить за отраженными в диалектологических анкетах явлениями.

фольклора немецких колонистов за пределами Германии. На основании сделанных в нем выводов возможно дальнейшее изучение языковых особенностей всех остальных групп песен, представленных в коллекции Жирмунского. Кроме того, составленные каталоги могут быть использованы, как уже показала практика, для самых разнообразных целей и облегчают доступ к унифицированной информации, касающейся отдельных объектов.

Издание данной книги было бы невозможно без помощи коллег, друзей и семьи. Благодаря консультациям и поддержке специалистов кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета (К. А. Филиппов, М. И. Тимофеева, С. М. Панкратова, Т. В. Пономарева, А. Л. Сотникова, Г. А. Баева, Н. А. Бондарко и многие другие) и кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ (Н. Д. Светозарова, Е. А. Варжавитина) стало возможным объединение в рамках одного исследования достаточно широкого круга вопросов, касающихся лингвистики и фольклористики в целом.

Особую благодарность хочется выразить Ирине Васильевне Черказняновой, которая помогла автору, не являющемуся специалистом в области исторических наук, сориентироваться в огромном многообразии имеющихся исследований по истории немецкого населения в России.

Большое спасибо директору РНД в Санкт-Петербурге Ирине Александровне Немковой, выступившей с инициативой опубликования данного исследования и поддерживавшей автора словом и делом на протяжении всего периода подготовки работы к печати.

1. К ИСТОРИИ НЕМЦЕВ В РОССИИ

Изучение любых вопросов, связанных с культурой немецких колонистов в России, возможно лишь с опорой на понимание своеобразия исторического развития немецких поселений на территории российского государства. Различным аспектам жизни немцев в России посвящено множество работ, изданных в России, Германии, США, Венгрии и других странах. С библиографиями данных исследований можно ознакомиться в ряде изданий, наиболее полно работы по истории немецких поселенцев в России представлены в двухтомном издании под редакцией Д. Брандеса¹. Первые сведения об иностранных поселениях в России встречаются в сочинениях ученых-путешественников, посещавших немецкие колонии во второй половине XVIII в.² Работы

¹ *Brandes D., Busch M., Pavlovič K.* Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Oldenburg, München, 1994. Bd. 1 — von 1764 bis 1917. (Schriften des Bundesinstituts für Ostdeutsche Kultur und Geschichte. Band 4); *Brandes D., Dönninghaus V.* (Hrsg.): Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Oldenburg, München, 2000. Bd. 2 — von 1917 bis 1998. (Schriften des Bundesinstituts für Ostdeutsche Kultur und Geschichte. Band 13). См. также: *Schiller F.* Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjetunion für die Jahre 1764–1926. Pokrowsk a/W, 1928; *Long J. W.* The German Russians: A Bibliography of the Russian Materials. Santa Barbara, Cal., Oxford, 1979; *Stumpp K.* Das Schrifttum über das Deutschtum in Russland. Tübingen, 1980; *Чернова Т. Н.* Российские немцы: Отечественная библиография: 1991–2000 гг. М., 2001 и др.

² *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1771–1805. Ч. 1–4; *Гмелин С.-Г.* Путешествие по России. СПб., 1783. Ч. II. С начала августа 1769 по 5 июля 1770 года; *Georgi J.-G.* Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772. SPb., 1775. Bd. 1; *Паллас П.-С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. III.

носят в основном описательный характер и дают в первую очередь представление о быте и хозяйственной деятельности немецких колонистов. В первой половине XIX в. стали появляться труды, носившие специальный характер. Это в первую очередь работы чиновников Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ, дающие физико-географическое и статистическое описания немецких колоний³. Начиная со второй половины XIX в., когда уже накопился некоторый исторический опыт, стали появляться работы по истории отдельных колоний, а также обобщающие работы по истории поселений в разных регионах России⁴. Широкомасштабным охватом отличается первое фундаментальное исследование, изданное в нашей стране и посвященное данной теме, книга А.А. Клауса «Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России»⁵. Клаус проследил социально-экономическое развитие немецких колоний, опираясь на дела государственных архивов и богатый статистический материал, что дало ему возможность по-новому и гораздо более широко, чем предыдущие исследователи, подойти к вопросу о немецкой колонизации в России. Период 1880–1890 гг. характеризуется выходом в свет ряда одиозных статей, написанных под влиянием общего антинемецкого настроения в стране из-за противоречий в российско-германских отношениях⁶. Ответом на них послужили

³ Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России // Журн. Мин. внутр. дел. 1837. № 12. С. 48–65; Заблочкий А. Статистические сведения об иностранных поселениях в России // Журн. Мин. внутр. дел. 1838. Ч. 28. Кн. 4. С. 1–83; Благовещенский В. Обзор правительственных мер относительно иностранных поселений в России // Журн. Мин. внутр. дел. 1850. Ч. 30. Кн. 4. С. 3–45; История и статистика колоний иностранных поселенцев в России // Журн. Мин. гос. имуществ. 1854. Ч. 52. Отд. 2. С. 35–78; Ч. 53. Отд. 2. С. 1–34; 1855. Ч. 54. Отд. 1. С. 71–88; Ч. 55. Отд. 2. С. 54–88, 121–137 и др.

⁴ В 1866 г. в Германии был издан труд Фр. Маттэи, в 1869 г. вышла работа о немецких колониях Закавказья, подготовленная пастором колонии Елизаветаль А. Шренком: *Matthäi Fr. Die deutschen Ansiedlungen in Russland: Ihre Geschichte und ihre volkswirtschaftliche Bedeutung für die Vergangenheit und Zukunft*. Gera, 1866; *Schrenk A.F. Geschichte der deutschen Kolonien in Transkaukasien: Zum Gedächtnis des 50-jährigen Bestehens derselben*. Tiflis, 1969.

⁵ *Клаус А.А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России*. СПб., 1869.

⁶ *Велицин А.А. Немецкое завоевание на юге России* // Русский вестник. 1890. № 1. С. 142–174; Немцы в России: Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. (Период 1764–1864). СПб., 1893; *Линранди А.П.* Как остановить мирное завоевание

статьи, представлявшие противоположную точку зрения на роль немецких колонистов в истории российского государства. Так, в работах Я. Дитца, Й. Штаха и др. положительно освещалась культурная и экономическая жизнь поволжских и южнорусских колоний⁷. К числу особенностей данного периода историографии немецкой темы относятся неполнота источниковедческой базы и в большинстве случаев локальный характер исследований.

Первым профессиональным историком, обратившимся к данному вопросу, стал Г. Г. Писаревский, которому удалось в своей фундаментальной монографии «Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке» детально рассмотреть различные этапы российской колонизационной политики, опираясь на богатый архивный материал. Впервые история колонистского движения в России была рассмотрена на фоне политической и экономической ситуации в Европе XVIII в. К числу работ Писаревского относится также исследование, посвященное хозяйственной жизни немецкой деревни Поволжья, на основе анализа происходивших в этом регионе социально-экономических процессов, а также небольшая работа о переселении в Россию меннонитов из Пруссии⁸.

Исторические работы периода 1918–1930-х гг., посвященные немецкой теме, отражают сложные исторические процессы, происходившие в нашей стране в этот период. Интересны работы Д. Шмидта, Е. Гросса, Ф. Серебрякова, Б. Бартельса, Г. Набатова⁹. В это же время стали

наших окраин? Немецкий вопрос, сущность и значение его в юго-западной России. Киев, 1890.

⁷ *Дитц Я. Е.* История поволжских немцев-колонистов. М., 1997; *Beratz G.* Die deutschen Kolonisten an der unteren Wolga in ihrer Entstehung und ersten Entwicklung. Saratow, 1915; *Штах Я.* Очерки из истории и современной жизни южно-русских колонистов. М., 1916; *Keller C.* Die deutschen Kolonien in Südrussland. Одесса, 1905.

⁸ *Писаревский Г. Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. М., 1909; Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья в XVIII — первой четверти XIX в. СПб., 1916; Переселение прусских меннонитов в Россию при Александре I. Ростов-на Дону, 1917.

⁹ *Schmidt D.* Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Pokrowsk, 1930. Teil 1. Seit der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkrieg; *Гросс Е.* Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья. Покровск, 1926; *Серебряков Ф.* Немецкая коммуна на Волге и возрождение юго-востока России. М., 1922; *Bartels B.* Die deutschen Bauern in Russland einst und jetzt. Moskau, 1928; *Набатов Г.* Республика немцев Поволжья. Л., 1930.

появляться первые в России исследования языка российских немцев, проводимые такими видными лингвистами, как Г. Дингес, А. Дульзон, В. М. Жирмунский¹⁰.

В Германии в начале XX в. также стали активно издаваться работы, посвященные немецкому населению на территории других стран. Важным шагом стало создание в 1917 г. Германского института зарубежья в Штуттгарте (*Deutsches Auslandinstitut*), в котором проводилось наибольшее число исследований по данной теме. Ряд видных ученых (Г. Бонвеч, Й. Шлейнинг, М. Лангханс-Ратценбург, Р. Шульце-Мёлкау, А. Эрт)¹¹ предприняли в 20-е гг. научно-исследовательские поездки в Россию, в том числе К. Штумп, посвятивший многие десятилетия данной проблематике¹².

В Советском Союзе в данный период вплоть до начала 1960-х гг. по политическим причинам практически не издавались работы, посвященные исследованию истории и культуры немецкого населения. Исследованиям подвергались не только этнические немцы, но и известные

¹⁰ См., например: *Dinges G.* Zur Erforschung der wolgadeutschen Mundarten (Ergebnisse und Aufgaben) // *Teuthonista*. Jg. I. 1924–1925. Bd. 1. H. 4. S. 299–313 и др.; *Дульзон А.* Итоги и задачи лингвистического изучения немцев Поволжья. Энгельс, 1934; *Schirmunski V.* Zur Volkskunde der deutschen Siedlungen in der Sowjetunion // *Das neue Russland*. 1927. Nr. 7–8. S. 37–42; *Die deutschen Kolonien in der Ukraine: Mundarten, Volkslied, Volkskunde*. М., 1928; *Жирмунский В.М.* Проблемы колониальной диалектологии // *Язык и литература*. Л., 1929. Т. III; *Schirmunski V.* Linguistische und ethnographische Studien 1926–1931 / Hrsg. von C.-J. Hutterer. München, 1992 u. a. См. также работы этого периода: *Bachmann Ch.* Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebiets der UdSSR. Char'kov, 1929; *Meyer E.* Deutsche Phonetik. Mit besonderer Berücksichtigung der Aussprache der Deutschen in Russland. М., 1929. Подробнее историю исследования немецкого языка и фольклора в России см. далее.

¹¹ *Bonwetsch G.* Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga. Stuttgart, 1919; *Schleuning J.* Die deutschen Kolonien im Wolgagebiet. Stuttgart, 1919; *Langhans-Ratzenburg M.* Die Wolgadeutschen: Ihr Staats- und Verwaltungsrecht in Vergangenheit und Gegenwart. Berlin, 1929; *Schulze-Mölkau R.* Die Grundzüge des Wolgadeutschen Staatswesens im Rahmen der russischen Nationalitätenpolitik. München, 1931; *Ehrt A.* Das Mennonitentum in Russland von seiner Einwanderung bis zur Gegenwart. Berlin–Leipzig, 1932.

¹² *Stumpp K.* Die deutschen Kolonien im Schwarzmeergebiet, dem früheren Neu- (Süd-) Rußland. Ein siedlungs- und wirtschaftsgeographischer Versuch. Stuttgart, 1922; *Die Rußlanddeutschen — Zweihundert Jahre unterwegs*. Stuttgart, 1923; *Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763 bis 1862*. Tübingen: Selbstverlag, 1972.

исследователи данной проблематики, в том числе Г. Дингес, А. Дultzон, В. М. Жирмунский, Д. Шмидт, А. Штрём и др.

Начиная с середины 50-х гг. последовали публикации в печати, носившие, правда, скорее пропагандистский характер. Начиная с 70-х гг. стали появляться научные работы. Значительную роль в возрождении исследований немецкой темы в СССР сыграл Л. В. Малиновский, защитивший в 1987 г. докторскую диссертацию, где на основании анализа большого количества архивных источников была представлена история социального развития и экономической жизни колоний юга России от их основания до революции 1917 г. В 1971 г. Малиновский опубликовал также монографию «Немецкое село в Сибири в период социалистического строительства»¹³.

В Германии продолжали в это время издаваться исследования немецкой проблематики в России. Наиболее глубокие из них принадлежат профессиональным историкам Д. Брандесу, И. Фляйшхауэр, Б. Майсснеру, А. Айсфельду¹⁴.

В России в начале 90-х гг. началось активное возрождение исследовательского интереса к истории и культуре немцев, чему во многом способствовала возможность изучать ранее закрытые фонды. На первом этапе работа была связана именно с систематизацией и публикацией источников, начали проводиться конференции и семинары, создаваться центры самоорганизации российских немцев. Основанная в 1994 г. Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев вносит существенный вклад в разработку данной темы

¹³ Малиновский Л. В. Социально-экономическая жизнь немецкой колонистской деревни в Южной России (1762–1917): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Л., 1986 (рукопись); Немецкое село в Сибири в период социалистического строительства. Новосибирск, 1971.

¹⁴ Brandes D. Die Ansiedlung von Ausländern im Zarenreich unter Katharina II., Paul I. und Alexander I. // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1986. Bd. 34. S. 161–187; Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich: Zwei Jahrhunderte deutsch-russischer Kulturgemeinschaft. Stuttgart: Deutsche Verl. Anstalt GmbH, 1986; Die Deutschen im Russischen Reich und im Sowjetstaat / Hrsg. von A. Kappeler, B. Meissner, G. Simon. Köln, 1987; Eisfeld A. Deutsche Kolonien an der Wolga <...> 1985; Die Deutschen in Russland und in der Sowjetunion. Wien, 1986 u. a. См. также специальные исследования: Osthoff H. W. Die deutsch-russischen Vertragsbeziehungen im Spiegel ihrer Zeit 1878–1978. Bern, München: Francke Verlag, 1980; Neymann L. Bibliographie zur rußlandsdeutschen Mundartforschung // *Jahrbuch für ostdeutsche Volkskunde*. Marburg, 1983. Bd. 26. S. 423–443; Moelleken W. W. Die russlanddeutschen Mennoniten in Kanada und Mexiko: Sprachliche Entwicklung und diglossische Situation // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. 1987. S. 145–183.

в нашей стране, проводятся конференции, материалы которых затем публикуются отдельными сборниками¹⁵. Ассоциация издает ежеквартальный бюллетень «Российские немцы», публикующий новые данные о различных архивах и фондах, состоявшихся защитах диссертаций, анонсы о конференциях. В Ассоциацию входят известные ученые-историки и этнографы. Труды И. Р. Плеве, А. А. Германа, Н. Э. Вашкау и др.¹⁶ посвящены проблемам поволжских колоний. И. В. Черказьянова, П. П. Вибе, Т. Б. Смирнова, В. Бруль и др.¹⁷ разрабатывают тему немецких колоний на Алтае и в Сибири. Южные колонии изучают Т. Н. Плохотнюк и А. Л. Черненко¹⁸, а колонии на Украине — Н. В. Осташева

¹⁵ Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения: Мат. Межд. науч. конф. Анапа, 20–25 сентября 1995 г. М., 1996; Российские немцы: Историография и источниковедение: Мат. Межд. науч. конф. Анапа, 4–9 сентября 1996 г.; Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Мат. Межд. науч. конф. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. М., 1998; Немцы России в контексте отечественной истории: Общие проблемы и региональные особенности: Мат. Межд. науч. конф. Москва, 17–20 сентября 1998 г. М., 1999; Немцы в России и СССР: 1901–1941: Мат. Межд. науч. конф. Москва, 16–19 сентября 1999 г. М., 2000; Немцы в СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие (1941–1955): Мат. Межд. науч. конф. Москва, 19–22 октября 2000 г. М., 2001 и др., см. раздел «Электронная библиотека» сайта www.rusdeutschsch.ru

¹⁶ Плеве И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998 и др.; Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. Саратов, 1992. Ч. I. Автономная область: 1918–1924; Саратов, 1994. Ч. II. Автономная республика: 1924–1941 и др.; Вашкау Н. Э. Школа в немецких колониях Поволжья: 1764–1917. Волгоград, 1998 и др.

¹⁷ Черказьянова И. В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. — 1938 г.). М., 2000; Черказьянова И. В. Состояние школьного дела в лютеранских приходах Сибири в XVIII — начале XX в. // Немцы России в контексте отечественной истории.... С. 379–393 и др.; Вибе П. П. К вопросу о факторах, определявших колонизационные возможности немцев-колонистов в Сибири (конец XIX — начало XX в.) // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. С. 232–237; Вибе П. П. Основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Миграционные процессы среди российских немцев... С. 134–144 и др.; Шадт А. А. Спецпоселение немцев в Сибири (1941–1955): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000 и др. Смирнова Т. Б. Этническое самосознание и этнические процессы у немцев Западной Сибири // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. С. 485–493; Бруль В. И. Немцы Западной Сибири. Топчиха, 1998 и др.

¹⁸ Плохотнюк Т. Н. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII — середина

и М. П. Костюк¹⁹. Г. К. Кронгардт и Л. А. Бургардт²⁰ изучают историю немецкий селений Киргизии и Казахстана.

Судьба российских немцев, эмигрировавших в конце XIX — начале XX в. в Америку, находится в центре внимания ученых из США и Канады. Последнее время издается достаточно много работ по истории и культуре этнических немцев при поддержке меннонитских организаций.

Историография немецких колоний под Санкт-Петербургом не отличается такой же полнотой исследования, работы ведутся отдельными учеными в специализированных областях науки. Одним из первых исторических исследований в этой области стала статья академика П. И. Кёппена «Об инородческом, преимущественно немецком населении С.-Петербургской губернии», основанная на статистических данных, законных актах и документах Полного собрания законов. В статью вошли также материалы научно-исследовательской поездки по уездам губернии в 1848 г., основной целью которой являлось составление этнографической карты С.-Петербургской губернии²¹.

В 1910 г. была издана известная брошюра А. Гернета, напечатанная в честь столетия основания второй группы немецких поселений, в первую очередь Стрельны. Работа дает ряд важных сведений о хозяйственной, культурной, духовной и экономической жизни приморских колоний, хотя и содержит неточности в описании истории появления этой группы немецких поселений²².

В 20–30-е гг. XX в. исследовательской деятельностью в колониях Ленинградской области занимались В. М. Жирмунский и его ученик А. Штрём. По материалам, собранным в колониях, было опубликовано

XX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1996 и др.; *Терещенко А. Г., Черненко А. Л.* Российские немцы на Юге России и Кавказе: Энциклопедический справочник: В 2 ч. Ростов-на-Дону, 2000.

¹⁹ *Осташева Н. В.* На переломе эпох. Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. М., 1998 и др.; *Костюк М. П.* Немецкая колонизация на Волыни (60-е годы XIX в. — 1914 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1999 и др.

²⁰ *Кронгардт Г. К.* Немцы в дореволюционном Кыргызстане. Бишкек, 1995 и др.; *Бургардт Л. А.* Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001 и др.

²¹ *Кёппен П. И.* Об инородческом, преимущественно немецком населении С.-Петербургской губернии // Журн. Мин. внутр. дел. 1850. Ч. 2. Кн. 11. С. 181–209.

²² *Гернет А.* Немецкая колония Стрельна под С.-Петербургом: 1810–1910: Юбилейный листок в память столетия существования колонии. СПб., 1910.

несколько работ, но основная часть данных осталась неизданной и хранится на сегодняшний день в Архиве Академии наук и в Институте русской литературы в С.-Петербурге²³.

Начиная с 30-х гг. вся научная деятельность в немецких колониях СССР была прекращена, исследования в этой области продолжали в этот период немецкие ученые. Э. Кох, посетивший в 1928–1929 гг. поселения немцев под Ленинградом и Новгородом, защитил в 1931 г. диссертацию о немецких колониях на севере России²⁴. Кох подробно описывает экономическо-хозяйственную, социальную и культурную деятельность колонистов, опираясь на материалы Полного собрания законов Российской империи, инструкции по управлению колониями, а также такие ценные источники, как церковная хроника Ново-Саратовского прихода (с момента основания по 1914 г.) и семейная хроника ново-саратовской семьи Вализеров.

В 1936–1938 гг. сотрудниками Германского института зарубежья²⁵ Э. Амбургером и Р. Шоллем были изданы три статьи по материалам церковной книги Ново-Саратовского прихода за 1765–1810 гг., которая оказалась в фондах института. В статье Шолля²⁶ дается общая характеристика документа, в работах Амбургера²⁷ проводится систематизация сведений о служивших в колонии пасторах и приводятся комментированные фрагменты из источника.

Следующее издание связано с деятельностью автора публикаций по южным немецким колониям России, уроженца Одессы

²³ Ström A. Deutsche Mundarten an der Neva I: Die Mundarten der drei ältesten deutschen Mutterkolonien im Neva-Gebiet // Viktor Schirmunski. Linguistische und ethnographische Studien 1926–1931 / Hrsg. von C.-J. Hutterer. München, 1992. S. 135–156; Schirmunski V. Deutsche Mundarten an der Neva II: Heimatbestimmung der ältesten deutschen Siedlungsmundarten im Neva-Gebiet (mit einer Karte) // Viktor Schirmunski. Linguistische und ethnographische Studien 1926–1931. S. 157–168. Подробнее об архиве В. М. Жирмунского и о его работе в немецких колониях СССР см. далее.

²⁴ Koch E. Die deutschen Kolonien Nordrusslands: Eine siedlungswirtschafts-geographische und kulturhistorische Untersuchung. Würzburg, 1931.

²⁵ Deutsches Auslandsinstitut, основан в 1917 г. в Штутгарте.

²⁶ Scholl R. Das erste Kirchenbuch von Neu-Saratovka // Jahrbuch für ausland-deutsche Sippenkunde. 1936. Nr. 1. S. 72–84.

²⁷ Amburger E. Die Pastoren von Neu-Saratovka 1766–1810 // Der Auslands-deutsche. 1936. Nr. 19. Hf. 9. S. 634; Aus dem Kirchenbuch der Kolonie Neu-Saratovka bei St.-Petersburg // Baltische Familiengeschichtliche Mitteilungen. 1938. Nr. 1. S. 6–7.

Г. Лейббрандта²⁸, являвшегося с 1933 г. руководителем восточного отделения внешнеполитического отдела Национал-социалистической партии. В 1941 г. Лейббрандт был назначен на должность начальника политического отдела Министерства по делам оккупированных восточных территорий под руководством А. Розенберга. В этом же году вышла брошюра о колониях под Ленинградом, содержащая подробную карту окрестностей Ленинграда, где были отмечены немецкие селения и города, в которых число этнических немцев превышало 50 человек, и сводные таблицы с данными о названиях населенных пунктов и численности населения (на сер. XIX в., нач. XX в. и в 1929 г.). Во время оккупации Ленинградской области в 1941–1942 гг. эти сведения служили основанием для репатриации части немецких колонистов в Германию.

Во время оккупации южных земель спецкоманда д-ра Штумпа (Sonderkommando Dr. Stumpp), следовавшая за наступающими войсками и также подчинявшаяся министерству А. Розенберга, собрала богатый статистический материал о южных немецких колониях, доступный сегодня для исследователей в Федеральном архиве ФРГ в Кобленце²⁹.

Из исследователей послевоенного периода нельзя обойти вниманием уже упоминавшегося уроженца С.-Петербурга Э. Амбургера, который собрал данные о более чем 100 тыс. немецких семей, живших в столице в XVIII–XIX вв. На основе этих данных в Институте Восточной Европы (Мюнхен) была создана компьютерная база данных «Немцы в С.-Петербурге». Подстоличным колониям посвящен раздел объемного труда Амбургера по истории Ингерманландии, где он не только осветил деятельность органов управления колониями, но дал справки о служивших в них чиновниках, в основном петербургских немцев³⁰.

В России историей петербургских колоний занимается Т. А. Шрадер³¹, опубликовавшая целый ряд статей по различным аспектам жиз-

²⁸ *Leibbrandt G.* Die deutschen Siedlungen in der Sowjetunion. Berlin, 1941. T. 1. Umgegend von Petersburg. Mit 1 Karte.

²⁹ См.: *Fleischhauer I., Pinkus B.* Die Deutschen in der Sowjetunion: Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert. Baden-Baden, 1990. S. 217–227; *Camphausen, G.* Die wissenschaftliche historische Russlandforschung im Dritten Reich 1933–1945. Frankfurt-am-Main, 1990. S. 213–225.

³⁰ *Amburger E.* Ingermanland: Eine junge Provinz Russlands im Wirkungsbe- reich der Residenz und Weltstadt St. Petersburg—Leningrad. Köln-Wien, 1980.

³¹ *Шрадер Т. А.* Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния:

ни и деятельности немцев Петербургской губернии. Первые статьи исследовательницы посвящены дореволюционному периоду жизни колоний, позже Шрадер обращалась больше к последним десятилетиями существования немецких колоний под Ленинградом, посвятив данной проблеме ряд работ, основанных на изучении большого количества материалов из архивов Петербурга.

Истории развития церковных приходов немецких колонистов под Петербургом посвящены работы Е. Е. Князевой и А. В. Вернера³². С. В. Смирницкая начала вводить в научный оборот диалектологическую часть архива В. М. Жирмунского³³. Л. Э. Найдич опубликовала в 1997 г. книгу, посвященную языку немецких колонистов под Петербургом³⁴. Автор описывает фонетическую систему, словообразование, морфологические и синтаксические особенности говоров немецких

Историко-этнографические исследования / Сост. и отв. ред. Н. В. Юхнева. Л., 1989. С. 132–140; Поселения немецких крестьян-колонистов в Петербургской губернии в XIX в. и в первые два десятилетия XX в. // Немцы в России: Люди и судьбы: Сб. статей / Отв. ред. Л. В. Славгородская. СПб., 1998. С. 81–100; Немцы Петрограда–Ленинграда и Петроградской–Ленинградской губернии в первые годы советской власти // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения: Мат. Межд. науч. конф. Анапа, 20–25 сентября 1995 г. М., 1996. С. 399–405; Результаты аграрной политики царского правительства в Петроградской губернии в годы Первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев... С. 196–204; Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е гг. // Немцы России в контексте отечественной истории... С. 156–173 и др.

³² Князева Е. Е. Материалы РГИА по истории лютеранских сельских приходов на территории Петербургской губернии в связи с переселением немцев // Миграционные процессы среди российских немцев... С. 63–72; Вернер А. В. Из истории лютеранских приходов Санкт-Петербургской губернии // Немцы в России: Петербургские немцы: Сб. статей / Отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 1999. С. 321–332.

³³ Смирницкая С. В. Архивные материалы академика В. М. Жирмунского по изучению немецких поселений в России // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения... С. 55–60; В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи: Сб. статей / Отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 2000. С. 61–70.

³⁴ Najdič L. Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad: Dialekte-Brauchstum-Folklore // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Beihefte. Hf. 94. Stuttgart, 1997; Найдич Л. Э. Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом // Немцы в России: Люди и судьбы... С. 101–107.

колонистов. При этом особое внимание уделяется также бытовой лексике и процессам интерференции на лексическом уровне. Отдельные разделы исследования посвящены различным аспектам духовной культуры немецких крестьян — семейным и календарным праздникам, народной песне, суевериям. С. Бокариус также рассматривает вопросы этнографии и истории немецких колоний региона, делая вывод о трансформации переселенческой культуры в культуру этнической группы³⁵. Многие работы по исследованию немецких колоний под Петербургом были опубликованы в изданиях петербургского семинара «Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи»³⁶.

Обобщающий характер носит исследование подстоличных колоний Е. В. Бахмутской³⁷. Работа содержит ценные сведения по различным аспектам социально-экономической и культурной жизни немецких колонистов С.-Петербургской губернии. Автор дает подробную оценку архивных документов, хранящих информацию о немецких колониях Петербургской губернии, что представляет отдельный интерес для самостоятельного исследователя. Среди исследованных архивов (Российский государственный архив древних актов, Архив внешней политики Российской империи, Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга, Российский государственный исторический архив) наиболее информативные источники находятся, по заключению Бахмутской, в фондах РГИА³⁸. Отдельные разделы исследования посвяще-

³⁵ *Bokarius S.* Die traditionelle Kultur der Deutschen des Gouvernements Petersburg: Historische und ethnographische Aspekte // Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Russlanddeutschen zur Modernisierung und Europäisierung des Russischen Reiches im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts / Hrsg. von B. Meissner und A. Eisfeld. Köln, 1996. S. 95–102.

³⁶ Работы участников семинара опубликованы в серии сборников: *Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия* / Отв. ред. Л. В. Славгородская. СПб., 1998; *Немцы в России: Люди и судьбы...*; *Немцы в России: Петербургские немцы...*; *Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи...*

³⁷ *Бахмутская Е. В.* Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760–1870-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. На правах рукописи. СПб., 2002.

³⁸ Фонд I Департамента Министерства государственных имуществ включает материалы организаций-предшественников: Канцелярии опекунства иностранных, Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства, Экспедиции (позднее Департамента) государственного хозяйства Министерства внутренних дел; фонд V Отделения собственной его императорского величества канцелярии хранит материалы по управлению немецкими колониями за период, когда ими заведовала подчинявшаяся

ны истории формирования колоний, их экономическому и культурному развитию, вопросу правительственной политики в сфере управления колониями. Можно сказать, что охвачены практически все сферы жизни подстоличных колонистов от основания первых колоний до изменения политики государства по отношению к немецким поселенцам в 1870-е гг. Исследования в данной области продолжаются петербургскими учеными. Так, недавно была издана книга «Ленинградские немцы: судьба военных поколений (1941–1955)» И. В. Черказьяновой³⁹, получившей премию Георга Дехио в области культуры за популяризацию истории ленинградских немцев после нападения вермахта на Советский Союз во время Второй мировой войны и в последующие годы. Исследовательница восстановила судьбы более 4000 немцев, пострадавших в указанный период от различных видов репрессий. Предшествующий списку репрессированных лиц подробный исторический очерк освещает судьбу немецкого населения Ленинграда и Ленинградской области в 1930–1950-е гг. на основании изучения большого объема архивных документов. Впервые заслуги исследователя истории российских немцев были отмечены признанием на международном уровне.

1.1. Первые германские подданные в России (XIII — сер. XVIII в.)

История немецко-русских взаимоотношений интересна и одновременно сложна. Первые немцы попали в Россию через Ганзейский союз, в основном это были купцы из северонемецкого города Любека, привозившие в Новгород, являвшийся также членом Ганзейского союза, различные товары, а вместе с ними и нормы европейского торгового права. Исследованию истории Ганзы посвящено достаточно много работ как отечественных, так и зарубежных исследователей, однако особый интерес с точки зрения лингвистики представляет вышедшая не так давно монография Е. Р. Сквайрс и С. Н. Фердинанд «Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов»⁴⁰. Работа подводит итоги ряда

V Отделению С.-Петербургская Палата государственных имуществ; фонды Царскосельского дворцового управления и Павловского городского правления и др.

³⁹ Черказьянова И. В. Ленинградские немцы: судьба военных поколений (1941–1955). СПб.: Нестор-История, 2011.

⁴⁰ Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М.: Индрик, 2002.

исследований московских филологов и историков об истории русско-немецких языковых и экономических контактов данного периода. Исследование проводится на материале рукописных источников по русской истории — нижненемецкие грамоты и документы Петрова подворья, общины немецких купцов Ганзы в Новгороде периода с XIII до начала XVI в. Используемые авторами методы позволяют установить специфику языковой манифестации социальных групп, отражающейся в исторических документах. Благодаря изучению типологии текстов и лингвистическому анализу источников авторам удалось разработать систему оценки исторических документов, которая позволяет по признакам языка и формуляра грамот определять время и место их создания.

Следующий этап переселения немцев в Россию связан с именем Ивана IV Грозного (1533–1584), хотя и до его правления в Россию продолжали приезжать немцы, но это были скорее единичные случаи. В XVI в., при Иване Грозном, в российскую армию привлекались на службу немецкие офицеры, знавшие правила западного построения войск и ведения военных действий. Подобная практика продолжилась при Борисе Годунове (1598–1605), который нанимал на службу уже не только офицеров, но также и солдат, создавая из них отдельные рода войск. По данным дипломата Сигизмунда фон Герберштейна, опубликованным в его книге «*Beschreibung Moskaus*», вышедшей в Вене в 1549 г., в российских войсках служило при Борисе Годунове более 1,5 тыс. немецких солдат-наемников. Русский историк С. Ф. Платонов пишет, что Борис Годунов «пользуясь техническими познаниями своих иноземных слуг... образовал у себя из немцев отряд войска на иноземный лад»⁴¹. Традиция привлечения на службу немецких солдат и офицеров значительно повлияла на развитие военного дела в России, а также на военный словарь и военную терминологию. Уже с 1576 г. у немцев был свой евангелическо-лютеранский приход в Москве, а с 1652 г. существовала Немецкая слобода на Яузе⁴². Адам Шлейзингер, посетивший Москву в 1680-х гг., следующим образом описывал

⁴¹ Платонов С. Ф. Учебник русской истории (1910): Переиздание. СПб.: Наука, 1993. С. 147; *Sommer E. F.* Die Moskauer Deutsche Sloboda im Wandel der jüngsten Forschung // *Die Deutschen in der UdSSR in Geschichte und Gegenwart*. Baden-Baden: Verlag, 1990. S. 29–43.

⁴² См. *Fechner A. W.* Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau. Bd. 1–2. М., 1876; *Ковригина В. В.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII века. М.: Археографический центр, 1998; *Миклашевская Е. П., Цепляева М. С.* Знаменитые немцы Лефортова. История в лицах. М.: РОССПЭН, 2000.

немцев, живших в России: «...Большая часть европейцев в России, и притом знатные — немцы, отчего русские всех иностранцев называют немцами, хотя между ними есть голландцы, англичане, французы, поляки и др. Немцы в большинстве офицеры, другие — лейб-медики, купцы, аптекари, цирюльники, художники, ремесленники. За исключением купцов и ремесленников, все они состоят на царской службе»⁴³. Стоит, впрочем, заметить, что слово *немец* исторически использовалось для обозначения всех иноземцев, говоривших неясно, непонятно. В Актах Археологической экспедиции 1588 г. есть информация о том, что немцами называли англичан, шотландцев, брабантцев, венецианцев, голландцев и др.⁴⁴ Даль также указывает на то, что данное слово использовалось на Руси для обозначения всех западноевропейцев. Скорее можно говорить как раз о сужении значения для обозначения этим словом именно людей германской национальности, поскольку среди прочих иностранцев число немцев в столице явно превалировало.

В более широкой сопоставительной перспективе можно указать на два историко-лингвистических памятника раннего Нового времени, служащих материалом для изучения истории русско-немецких языковых контактов: русско-нижненемецкий разговорник ганзейского переводчика Тёниса Фенне и русскую грамматику Лудольфа 1696 г.⁴⁵ Богатый историко-лингвистический материал по данному периоду можно найти также в классических работах Б.А. Ларина, посвященных восприятию разговорной речи допетровской Руси в записях иностранцев⁴⁶.

Следующий этап интенсивной эмиграции немцев в Россию связан с эпохой Петра I (1689–1725). Так, Г.Г. Писаревский пишет, что «особенно усилился приток иноземцев с царствования Петра Великого, который, предаваясь кипучей преобразовательной деятельности, нуждался

⁴³ Цит. по: История немцев России: Хрестоматия. М., 2005. С. 5.

⁴⁴ Акты Археологической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1. 1294–1598.

⁴⁵ Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607 / Ed. by L. L. Hammerich and R. Jakobson. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970; Русская грамматика Лудольфа 1696 г. Л.: Ленинград. науч.-исслед. ин-т языкознания при ЛИФЛИ, 1937.

⁴⁶ Ларин Б.А. Разговорная речь Московской Руси XVI–XVII вв. в записях иностранцев (тезисы доклада на сессии, посвященной 125-летию Ленинградского университета). Л., 1944; Ларин Б.А. О записях иностранцев как источнике по истории русского языка // Труды юбил. науч. сессии ЛГУ. Секция филолог. наук. Л., 1946. С. 71–85; Ларин Б.А. Три иностранных источника по истории русского языка XVI–XVII вв. // Доклады и сообщения Ин-та русского языка. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 157–165.

в помощи различных специалистов и потому не жалел никаких средств для привлечения в Россию нужных людей из-за границы»⁴⁷. Поэтому 16 апреля 1702 г. был издан «Манифест о вызове иностранцев с обещанием им свободы вероисповедания»⁴⁸, в котором говорилось о необходимости привлечения иностранных специалистов военного дела, ученых в различных областях знаний в Россию для поддержки ее науки и культуры, а также лиц, готовых служить на благо России. Вслед за этим, как пишет Е. А. Савельева, исследовавшая историю создания и развития Академии наук, «в начале XVIII в. в Россию с Запада хлынул поток <...> переселенцев, среди которых были и ученые, желавшие своими знаниями способствовать развитию просвещения в этом государстве и проведению в жизнь петровских реформ в области науки и культуры. <...> Многие из приехавших остались в этой стране и навсегда связали с ней свою судьбу. <...> И именно подобные специалисты положили начало русской науке»⁴⁹.

Из немцев, приехавших в Россию при Петре I, большинство поселилось в городах, в основном в столицах — Москве и Петербурге. По данным А. Келлера, исследовавшего жизнь немцев в Москве и С.-Петербурге в XVIII в., здесь насчитывалось в общей сложности 70 000 немцев из 100 000, живших в городах России⁵⁰, что позволяет некоторым исследователям выделять особую группу столичных немцев. Немцы активно участвовали во всех сферах общественной жизни. Среди них были ученые, врачи, архитекторы, художники, инженеры, учителя, мастера золотых, часовых, колбасных дел, пивовары, булочники

⁴⁷ См.: Писаревский Г. Г. Избранные произведения по истории иностранной колонизации в России. Подготовка текста, составление, редактирование, комментарии И. В. Черказыяновой. М.: МСНК, 2011. С. 36. Будучи первым профессиональным историком, заинтересовавшимся проблемой немецкой колонизации России, Г. Г. Писаревский обратился в своей первой публикации на эту тему к эпизоду посольства императора Максимилиана I к Василию III (1895). В своих последующих трудах ученый больше не обращался к столь раннему периоду, все его дальнейшие исследования, в том числе фундаментальная монография «Из истории иностранной колонизации в России», посвящены периоду с XVIII по первую треть XIX в.

⁴⁸ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. Т. 4. № 1910.

⁴⁹ Савельева Е. А. И. Д. Шумахер и библиотека Академии наук // Немцы в России: Петербургские немцы... С. 9–19.

⁵⁰ Keller A. Bildung der Wohlfahrt, Gesellschaften und Vereine. Deutsches Leben in Moskau im 19. und frühen 20. Jahrhundert // Nordost-Archiv / Zeitschrift für Regionalgeschichte. Deutsche in St. Petersburg und Moskau vom 18. Jahrhundert bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Neue Folge. 1994. Bd. III. H. 1. S. 93.

и т. д. Приехавшие в Россию немцы не оставались без поддержки соотечественников. Они объединялись в общины со своими церковными приходами и самоуправлением. В 1727 г. в С.-Петербурге была основана газета «St.-Petersburgische Zeitung»⁵¹.

Особую роль в научном и техническом прогрессе в России сыграло создание при Петре I Академии наук. Она служила своеобразным научным убежищем с оплачиваемыми должностями, которые Россия предоставляла целой группе европейских ученых, испытывавших определенные затруднения у себя на родине и не имевших возможности продолжать там научную деятельность⁵². Так в России появились крупные европейские ученые, среди которых были и немцы — Г. З. Байер (1694–1738), Г. Ф. Крафт (1701–1754), П. Б. Бюльфингер (1693–1750), Я. Герман (1678–1733). С 1725 по 1733 г. в Петербургской Академии наук состояло, согласно данным, которые приводит Б. И. Иванов, 20 немцев, пять швейцарцев, два француза и один русский, т. е. число немецких ученых явно превалировало⁵³.

Работы немецких ученых издавались, как правило, сначала на немецком языке и лишь потом в переводе на русский. Рукописные варианты тоже сохранились на немецком языке. Это характерно для первого периода жизни немцев в России, когда их родным языком, на котором они говорили и писали, а также общались друг с другом, оставался немецкий.

1.2. Основы российской колонизационной политики в период правления Елизаветы Петровны

Около середины XVIII в. российское правительство начало задумываться о пользе привлечения иностранных поселенцев для массовой колонизации еще не освоенных территорий. Данные идеи шли в русле

⁵¹ Данное издание было запрещено в 1916 г. в связи с гонениями на немцев во время Первой мировой войны и издается вновь лишь с 1991 г.

⁵² Имеется обширная литература о приглашении иностранцев для работы в Академии наук. См., например: *Байер-Тома Г.* Миграция немецких ученых в Россию в XVIII — начале XIX в. // *Немцы в России: три века научного сотрудничества*: Сб. статей / Отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Дм. Буланин, 2003. С. 39–45; *Смагина Г. И.* Российско-немецкие научные связи в XVIII–XIX вв. // *Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи...* С. 208–224 и др.

⁵³ См.: *Иванов Б. И.* Роль Э. Х. Ленца и Б. С. Якоби в становлении петербургской электротехнической школы // *Немцы в России: Петербургские немцы...* С. 119–125.

европейских тенденций того времени, основанных на теории народонаселения, по которой благополучие страны зависело от численности ее жителей. Данная теория считалась несомненной и бесспорной, на ней основывалась политика многих европейских государств, в первую очередь Дании и Пруссии. Достижение увеличения народонаселения предполагалось за счет поощрения брачных союзов и увеличения рождаемости, препятствия безбрачию, запрета эмиграции и привлечения иммигрантов. Популяционистские теории легко прижились на русской почве в силу местных особенностей. Источником постоянных проблем служили степные пространства на юге и юго-востоке России, присоединенные в XVI–XVIII вв. Самовольное стихийное заселение данных территорий начинало лишь в XVIII в. постепенно переходить к государственной регуляции. Е. В. Бахмутская отмечает, что «начиная с 30-х гг. XVIII в. правительство предпринимает ряд попыток по освоению степей Поволжья: в 1731 г. там разрешается расселяться всем желающим при обеспечении их хлебом и деньгами на обзаведение; в 1732 г. осуществляется переход к принудительному заселению региона путем отправки туда казаков. В 40-е гг. XVIII в. с планами освоения Поволжья выступают астраханский губернатор В. Н. Татищев, симбирский заводчик А. Духов»⁵⁴. Реализации данных планов препятствовало, однако, крепостное право, в силу которого перемещение больших масс народа было значительно затруднено. Г. Г. Писаревский писал по этому поводу в своем очерке «Вопрос о колонизации в царствование Елизаветы Петровны»: «Людей свободных, вольных делается все меньше; крепостное право, развиваясь и количественно и качественно, лишает крестьянское население империи свободы передвижения; оно задерживает, таким образом, естественное распределение населения по территории, сообразное с количеством почвы, и искусственным образом сосредотачивает его в менее плодородном центре»⁵⁵. В результате указанных причин российское правительство пришло к выводу, что культурно освоить и укрепить степные окраины государства можно наилучшим образом за счет земледельческой и военной колонизации этих земель.

Первый проект иностранной колонизации в самом начале 50-х гг. XVIII в. был связан с военными стратегическими задачами, стоявшими перед российским правительством при Елизавете Петровне. Для охраны южных государственных границ на Украине были размещены четыре полка

⁵⁴ Бахмутская Е. В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760–1870-е гг. С. 51.

⁵⁵ Писаревский Г. Г. Указ. соч. С. 37.

австрийских сербов по 4000 человек в каждом, образовавшие ряд военных поселений под общим названием Новой Сербии и Славяно-Сербии.

Следующий план — поселение на Украине французов-гугенотов из Лангедокской провинции — был связан с проектом француза де Лафонта, который был подан канцлеру графу А. П. Бестужеву-Рюмину. Положительный опыт Голландии и Дании, принявших у себя французских эмигрантов, сообщения об успешной колонизационной политике Пруссии и Дании подготовили почву для начала колонизации в России. Проект был благосклонно воспринят императрицей, и Коллегия иностранных дел, которой была поручена его детальная разработка, отправила в Гаагу, Лондон, Варшаву, Гамбург и Гданьск циркулярный рескрипт для русских резидентов, которые должны были собрать подробнейшие сведения о французских эмигрантах и условиях их приема на новых местах поселения. После разработки проект был вновь представлен императрице, но только через три месяца после представления последовало устное повеление Елизаветы Петровны о передаче вопроса о вызове иностранных колонистов в полном объеме на рассмотрение в Сенат, но его дальнейшему развитию помешало начало Семилетней войны (1756–1763).

Однако война способствовала появлению новых колонизационных проектов, преследовавших уже военные, а не культурные цели. Обер-берейтор на русской службе француз де Ларивьер привез из служебной поездки в Германию в 1756–1757 гг. просьбу более чем тысячи немецких семейств, пожелавших селиться колониями в России, на которую Императорская конференция ответила принципиальным согласием. А в 1758 г. саксонский генерал Вейсбах подал русскому посланнику при польско-саксонском дворе статскому советнику Гроссу «Проект поселению бранденбургскими подданными земли меж старою украинскою линиею и новою с турками 1741 года». Проект имел целью «нанести ущерб прусскому королю (Фридриху II. — Л. П.) в доходах и войске» путем предоставления льгот привлечь на юг России прусских беженцев, в том числе из Польши⁵⁶.

Таким образом, можно сказать, что вопрос об иностранной колонизации в России был поставлен, разработан и тщательно подготовлен в царствование Елизаветы Петровны. Однако планы по основанию иностранных колоний в России в силу различных причин не были осуществлены в этот период.

⁵⁶ Подробнее см.: *Писаревский Г. Г.* Вопрос о колонизации в царствование Елизаветы Петровны // *Писаревский Г. Г.* Очерки по иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 2011. С. 36–60.

1.3. Образование первых немецких колоний в России и под С.-Петербургом при Екатерине II

Основание немецких колоний в России традиционно связывают с именем Екатерины II (1762–1796). Императрица была сторонницей теорий о народонаселении и сама инициировала вызов иностранцев на поселение в Россию. Основной целью привлечения колонистов стало развитие сельского хозяйства, в первую очередь в пустынных степных окраинах государства, и его усовершенствование за счет новых промыслов и орудий труда на освоенных территориях. Уже при вступлении на престол Екатерина II заявляла о желании увеличить численность жителей империи. Началом колонизационной политики императрицы явился ее собственноручный указ Сенату от 14 октября 1762 г. связываться напрямую с Коллегией иностранных дел при приеме желающих поселиться в России, которым устранялись излишние бюрократические формальности⁵⁷. В последовавшем вслед за этим манифесте от 4 декабря 1762 г. содержались приглашение всем иностранцам, за исключением евреев, селиться в России и обещание им монаршей милости и благоволения⁵⁸. Однако вскоре после того, как манифест был разослан русским резидентам при иностранных дворах для дальнейшего его распространения через местные газеты, некоторые дипломатические агенты обратили внимание правительства на необходимость добавлений и уточнений условий переселения и привилегий, полагающихся иностранным поселенцам в России. В связи с этим Коллегия иностранных дел обратилась в Сенат, приложив при этом проект де Лафонта, составленный еще при Елизавете Петровне. Благодаря вмешательству императрицы дело о предоставляемых иностранным поселенцам льготах, а также о создании особого учреждения, заведующего иностранной колони-

⁵⁷ Подробнее см.: Немцы-колонисты в Век Екатерины / Сост. Е. Е. Лыкова, М. И. Осекина. М.: Древлехранилище; Общественная академия наук российских немцев, 2004. В сборник вошли материалы, сосредоточенные в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) «Канцелярии опекунства иностранных», «Сената», «Кабинета Екатерины II» и др. Первый выпуск включает в себя все законодательные акты императрицы Екатерины II, Павла I и Правительствующего сената по этому вопросу, а также документы первых лет деятельности Канцелярии опекунства иностранных по приему и заселению немецких колонистов на Волге. Практически все документы РГАДА были опубликованы впервые.

⁵⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 16. № 11720.

заций в России, было рассмотрено достаточно скоро, и в результате 22 июля 1763 г. были обнародованы два документа — Указ об учреждении Канцелярии опекунов иностранных (переселенцев) и «Манифест о даруемых иностранным переселенцам привилегиях» («Манифест о дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах»)⁵⁹.

Колонистам разрешалось селиться во всех губерниях, обеспечивался бесплатный транспорт в Россию, гарантировалась свобода вероисповедания, давалось разрешение на строительство церквей и колоколен в колониях, а также на назначение нужного количества пасторов и церковных служащих, разрешался беспошлинный ввоз имущества, давалось освобождение от военной службы «на вечные времена», разрешалось покинуть Россию в любое время, предоставлялось право покупки земли, крепостных крестьян, фабрик и мануфактур, если позволяли собственные доходы, гарантировались внутреннее самоуправление и освобождение от податей на различный срок, в зависимости от места поселения. Тот, кто селился на необжитых землях, освобождался на 30 лет, остальные — на 5 или 10 лет в зависимости от трудностей условий проживания. Кроме того, манифесты императрицы давали немцам право иметь в подчинении мусульман.

В XVIII и XIX вв. многие немцы искали счастья на востоке. Манифесты Екатерины II были положительно восприняты бедным немецким крестьянством, так как условия, предлагавшиеся в них, были для колонистов недостижимы на родине. Кроме того, свобода вероисповедания являлась чрезвычайно важным фактором, привлекавшим немцев в Россию, в особенности для меннонитов, для которых важен был манифест освобождения от любых государственных служб, в том числе и от службы в армии, что соответствовало их религиозным убеждениям⁶⁰. Кроме того, немцам гарантировался беспрепятственный выезд на родину, если бы они того захотели.

⁵⁹ ПСЗ. Собр. 1 (1649–1825). Т. 16. № 11879, 11880.

⁶⁰ Подробнее об истории меннонитов в России и за ее пределами см.: *Friesen P.M.* Die Alt-Evangelische Mennonitische Bruderschaft in Rußland (1789–1910) im Rahmen der mennonitischen Gesamtgeschichte. Halbstadt, Taurien: Raduga, 1911; *Gerlach H.* Die Rußlandmennoniten. Ein Volk unterwegs. Kirchheimbolanden (Pfalz): Im Selbstverlag des Verfassers, 1992.; *Reger A., Plett D.* Die Steine. Die Russlandmennoniten. Steinbach (Manitoba): Crossway Publications Inc., 2001.; *Nieuweboer R.* The Altai Dialect of Plautdiitsch (West-Siberian

К. Штумп⁶¹ отмечает среди основных причин готовности немецкого населения к эмиграции тяжелое экономическое положение Германии в послевоенный период, усилившееся вследствие таких факторов, как неурожай, повышение цен и налогов, необходимость исполнения рекрутской, подводной и постоянной повинностей в связи с военными действиями. На эти же причины эмиграции указывает В. Хиппель, посвятивший свое исследование анализу колонизационной политики XVIII и XIX вв.⁶² Наиболее явно действие данных факторов проявлялось в таких регионах, как Верхнерейнская низменность, Пфальц и в юго-западных землях Германии. Важные данные по поводу становления колонизационной политики России представлены с опорой на большое количество архивных материалов в уже упоминавшемся труде Г. Г. Писаревского «Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке». Помимо уже перечисленных выше факторов, способствовавших активной эмиграции части европейского населения, ученый говорит также о роли активной агитационной политики держав, заинтересованных в иностранной колонизации, и положительных отзывов уже переселившихся семей. Переселенцы, прибывавшие из разных частей Германии, размещались зимой на временных квартирах в сборных пунктах, откуда они переправлялись в ходе летней навигации морским путем сначала в Ревель и Кронштадт, затем — в С.-Петербург. Здесь колонисты размещались на первых порах в доме Черкасовых на Мойке, затем, ввиду увеличения их численности, — в бывших казармах голштинской гвардии Петра III в Ораниенбауме, где они приносили присягу на подданство российской короне и готовились к дальнейшему пути в предназначенные для них регионы. И. Р. Плеве, подробно исследовавший процесс переселения в 1763–1766 гг.⁶³, оценивает его как успех российского правительства, которое за короткое время сумело организовать переселение более 30 тыс. человек на значительное расстояние и с незначительными потерями.

Mennonite Low German). Rijksuniversiteit Groningen, 1998; *Smith H.* Die Geschichte der Mennoniten Europas. Newton, Kansas, 1964.

⁶¹ *Stumpp K.* Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland...

⁶² *Hippel W.* Auswanderung aus Südwestdeutschland: Studien zur württembergischen Auswanderung und Auswanderungspolitik im 18. und 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1984.

⁶³ *Плеве И. Р.* Прием иностранных колонистов в России и отправка к месту поселения в 60-х годах XVIII в. // Миграционные процессы среди российских немцев... С. 13–26; *Плеве И. Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998.

По данным К. Штумпа, большинство крестьян переселялось из Гессена и других немецких земель, пострадавших от Семилетней войны, через Балтийское море, в Санкт-Петербург, и затем на Волгу. В 1764 г. на Волге стали основываться первые колонии. Так назывались немецкие поселения, а сами поселенцы именовались колонистами. Колонии на Волге относятся к старейшим поселениям немцев в России. Говоря об истории возникновения немецких колоний в России, можно выделить три этапа, и к первому из них относится возникновение волжских колоний на обоих берегах Волги, в бывших Саратовской и Самарской губерниях, между городами Вольск и Камышин. В этот период на Волге возникло всего 300 деревень, которые были основаны в 1764–1774 гг. Одновременно со старейшими колониями на Волге, в 1765 г. были основаны шесть немецких деревень в Конотопском округе Черниговской губернии, получившие название *Beleweser* (по названию колонии Белые Вежи)⁶⁴. В это же время были основаны колонии под Петербургом, которые позже разрослись до 30 деревень благодаря постоянному притоку приезжих немцев, а также в результате образования дочерних колоний.

К первому периоду (но уже позже, начиная с 1789 г.) относится и возникновение поселений на юге Украины, которые находятся недалеко от основанного в то же время г. Екатеринослава на Днепре. Исследователи более позднего периода указывают на то, что первой колонией на Днепре, основанной в 1789 г., была первая колония меннонитов на территории России, названная Хортицей (*Chortitza*)⁶⁵. С этим же периодом соотносится начало переселения религиозной группы меннонитов в Россию с 1790 г., к 1824 г. году вокруг Хортицы (область Запорожье, бывшая Екатеринославская губерния) были основаны 18 колоний меннонитов, а возле реки Молочная (округ Мелитополь, бывшая Таврическая губерния) — 38 колоний.

⁶⁴ Более подробно об этом колонистском округе см.: Немцы России: Населенные пункты и места поселения: Энциклопедический словарь / Сост. В.Ф. Дизендорф. М.: «ЭРН», 2006. С. 53. Данное издание содержит около 5200 статей и справок о населенных пунктах и регионах проживания российских немцев, немецких колонистских округах и волостях. См. также: *Brandes D. Von den Zaren adoptiert: die deutschen Kolonisten und Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien. 1751–1914. München, Oldenburg, 1993.*

⁶⁵ *Frank H. Zur sprachlichen Entwicklung der deutschen Minderheit in Rußland und in der Sowjetunion // Europäische Hochschulschriften. Reihe I. Deutsche Sprache und Literatur. Frankfurt am Main, Berlin, New York, Paris, Wien, 1992. S. 89.*

В начале 90-х гг. XVIII в. были основаны колонии Хортица и Молочная (иногда Молочна), разросшиеся затем путем образования дочерних колоний.

У немецких крестьян на новых местах поселения было значительное число преимуществ перед русскими. Во-первых, они не были крепостными и подчинялись совету общины, во-вторых, полученные земли выдавались в собственность общине, поселенцам разрешалось выкупать новые земли у соседей. В результате немецкие колонии быстро расширялись и процветали. В своей книге «Российские немцы или немецкие россияне» Э. Кресс проводит различие между «городскими» и «сельскими» немцами. Говоря о «сельских немцах», он упоминает о том, что для них были характерны культурный и религиозный консерватизм, обособленный быт, почти полное отсутствие смешанных браков как средство выживания национального меньшинства, чему поначалу способствовала их географическая обособленность на Волге.

Следует, конечно, сказать о большой разнице между «городскими» и «сельскими» немцами, однако необходимо учитывать, что эти отличия не всегда распространялись на язык немцев. Среди исследователей нет единого мнения по данному вопросу. Так, например, Э. Кресс пишет о том, что «сельские немцы» не овладевали русским языком в той же мере, что и просвещенные, зачастую космополитичные «городские» немцы, быстро овладевавшие языком, культурой и традициями русскоязычной среды, а также передававшие ей свой культурный багаж. Однако в исследовательской литературе часто говорится о том, что немцы, жившие в городах, так же как и сельские, зачастую говорили только на немецком языке, в кругу семьи общались на немецком языке, письма и другие письменные источники составляли на немецком языке, детей называли немецкими именами и всячески поддерживали свою культурную и национальную самобытность. Кроме того, в отличие от большинства немцев-колонистов⁶⁶ они находились в постоянном контакте со своей исконной родиной, ездили в Германию, переписывались с оставшимися там родственниками и людьми, близкими им по духу. Колонисты же переселялись часто целыми общинами, а не только семьями, и на родине у них не всегда оставались родственники. Таким образом, можно сказать, что и немцы, жившие в городе, и немцы, жившие в деревне, пытались сохранить свой язык и культуру, и немецкий

⁶⁶ Хотя зажиточные колонисты, например меннониты, тоже часто ездили за границу, вели активную переписку, о чем свидетельствуют архивные документы.

язык не подвергался на начальном этапе сильному влиянию русского языка.

С.-Петербургская губерния во многом отличалась от других российских регионов. Как и Московская, это была губерния столичного типа с большим потенциалом экономического и культурного роста. Отличия заключались в первую очередь в экономической жизни населения, которое было ориентировано на обслуживание столицы, что способствовало развитию товарных отношений: снабжение города продуктами питания, вывоз мусора, работа на фабриках, извоз и пр.

Уже в 1765 г. началось строительство первой группы иностранных поселений. Это было связано с повелением императрицы «управителю» Царского Села надворному советнику А. Ф. Удолову «близ Санкт-Петербурга изыскав порозжие земли, коими как крестьяне через земледелие, так и казенные места не пользуются, каких бы то ведомств ни было, селить колонистов, и притом казенные по способности брать, а вместо тех когда понадобится, на обмен отдавать из других казенных земель равного качества и равное число без изъятия»⁶⁷. Поселенцам, находившимся в ораниенбаумском лагере и ожидавшим отправления в Саратов, было предложено заключить контракты о поселении в окрестностях С.-Петербурга. 27 августа 1765 г. группа в 60 семей подписала первый контракт. Для поселения этих крестьян был выбран участок земли на Выборгской стороне, напротив Рыбной слободы, в 16 верстах от Петербурга. Сюда были причислены земли Конюшенной канцелярии Ильинской мызы, Канцелярии строения домов и садов, владения Московской и Вологодской ямских слобод, в том числе земли генерала-поручика Овцына, а также крестьянские владения Рыбной слободы. Крестьянам выделили взамен 12 рыбных тонь по р. Неве. Колония получила название Ново-Саратовской, так как семьи были назначены изначально к поселению в районе Саратова.

Датой основания следующей колонии можно считать 6 августа 1766 г., когда егермейстер фон Польшман, которому в сентябре 1765 г. было поручено руководство мероприятиями при основании колоний, заключил контракты с двумя группами колонистов (22 семьи) о поселении на земле Царскосельской вотчины. Земля была выделена в 12 верстах от столицы по Большой Царскосельской дороге, возле дворца Средних Рогаток. Колония получила название Среднерогатской.

⁶⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 18 (1767–1769). № 13325. С. 927.

На правом берегу Ижоры, вблизи от Московской перспективной дороги, в 14 верстах от Царского Села, на относящейся к нему территориально даче под названием Чернышевская пустошь, была основана еще одна колония, состоявшая из двух деревень — Верхней (12 дворов) и Нижней (16 дворов), всего 28 семей. Эта колония получила позднее название Ижорской, через некоторое время ее стали называть также Колпинской. Первые три колонии под С.-Петербургом обозначались первоначально в обиходе по количеству живших в них семей как «Sechziger Kolonie», «Zweiundzwanziger Kolonie» и «Achtundzwanziger Kolonie».

Заключение контракта с колонистами следующей группы, так называемых «ямбургских колоний», состоялось годом позже, 19 ноября 1766 г. Титулярный советник Д.И. Роде был специально отправлен из Петербурга в Ревель, где находилась данная партия колонистов (всего 92 семейства). Все семьи поселили в окрестностях Ямбурга, в юго-западной части С.-Петербургской губернии. Три колонии, основанные по берегу реки Луги, получили названия Луцкой, Порховской и Франкфуртской.

Жители Среднерогатской, Ново-Саратовской и Ижорской колоний, в большинстве своем уроженцы Бранденбурга, Вюртемберга и Гессен-Дармштадта, были протестантами по вероисповеданию в отличие от ямбургских колонистов-католиков, прибывших из Пфальца. Поскольку претенденты на поселение под С.-Петербургом были произвольно отобраны из массы эмигрантов, можно предположить, что их социальный и профессиональный состав примерно совпадал с составом колонистов, прибывших на поселение на Волгу. И.Р. Плеве, проанализировавший списки первых поселенцев на Волге, указывает, что 60 % из них являлись земледельцами, 40 % были представителями более чем 150 различных профессий, что отчасти соответствует данным В. Хиппеля, исследовавшего состав поселенцев из юго-западной части Германии. При этом практически все сельские и многие из городских ремесленников также располагали земельными участками и занимались сельскохозяйственной деятельностью. Среди ремесленных специальностей поволжских немцев наиболее распространены были текстильная (ткачи, портные, сапожники и др.), строительная (каменщики, плотники и др.) и пищевая (пекари, мясники и др.) отрасли, а материальное положение вновь прибывших позволяло отнести их к беднейшим слоям населения.

Проектирование домов в петербургских колониях было поручено архитектору А.И. Мельникову, который вместе с инженером И. Ф. фон Либиенталем руководил строительными работами, продол-

жавшимися около трех лет. Проектам домов уделялось особое внимание, поскольку колонии располагались вблизи столицы и должны были наглядно демонстрировать процветание иностранных поселенцев в России. Дома колонистов, поселившихся под Петербургом, значительно превосходили по своим характеристикам дома, строившиеся для иностранных поселенцев в других регионах страны. В комиссию, образованную для разработки проектов, входили также представители колонистов. Из трех домов, построенных по разным проектам, для массовой застройки был выбран один. Е. В. Бахмутская описывает его следующим образом: «...Рассчитанный на одно семейство двухэтажный деревянный дом площадью 240 кв. м (по 120 кв. м в каждом этаже), стоявший на фундаменте из положенных друг на друга скрепленных известковым раствором плит, с крытой брусом крышей, обшитый досками, выходил на улицу фасадом с пятью окнами. Под жилым помещением находился вместительный подвал, под крышей — чердак. Со стороны двора дом имел двухэтажную галерею, служившую защитой от ветра и холода. На одном из концов галереи был вход в дом, рядом — открытая деревянная лестница, ведущая на галерею второго этажа, и люк, служивший входом в подвал. Планировка жилых помещений в нижнем и верхнем этажах была одинаковой и включала четыре комнаты и кухню. Стены комнат были оштукатурены и оклеены обоями, кухня и потолки в комнатах побелены. Непосредственно к дому примыкали, находясь с ним под одной крышей, хозяйственные постройки: дверь из сеней вела в хлев, соединявшийся, в свою очередь, с сараем, а над ними, на уровне второго этажа, располагался сеновал»⁶⁸.

В новые дома колонисты переехали в 1766 г. Каждой семье в Среднерогатской и Ижорской колониях было выделено по 30 десятин земли и по 35 десятин в Ново-Саратовской и ямбургских. Семьям предоставлялся также первоначальный заем в размере 300 рублей на обустройство и ведение хозяйства, который надлежало вернуть в течение 10 лет. Три колонии — Ново-Саратовка, Средняя Рогатка и Ижора (Колпино) — составляли вместе один церковный приход. Первые деревянные церковь и школа были построены сразу после основания колоний, между 1766 и 1768 гг. Церковь была освящена 16 марта 1768 г. и названа церковью Святой Екатерины, поскольку деньги на ее строительство в размере 6000 рублей были выделены лично императрицей⁶⁹.

⁶⁸ Бахмутская Е. В. Указ. соч. С. 82–83.

⁶⁹ См.: Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX веков / Сост. С. А. Шмидт. 2008. С. 12–15; Стрельнинская

Заведовать вопросами, связанными с колониями Ингерманландии, императрица поручила указом от 30 сентября 1765 г. егермейстеру В. Р. фон Польману, назначив его обер-директором. При этом пост директора колоний занимали сначала И. Ф. фон Лилиенталь (1766–1768), Ф. Ю. фон Йорк (1768–1779) и Ф. Роггенбуке (1779–1790). Колонии Луцк, Порхов и Франкфурт под Ямбургом подчинялись управляющему городом гофмейстеру Елагину.

После того как была упразднена Канцелярия опекунов иностранных в 1782 г., колонисты стали подотчетны казанским палатам и директорам домоводства. Однако в итоге им подчинялись лишь три ямбургские и Ново-Саратовская колонии, а жители Средневогатовской и Ижорской колоний были поручены попечению управляющего дворцовыми селениями, тайного советника М. П. Изъединова. Таким образом, можно сказать, что управление подстоличными колониями не было в этот период централизовано, что не могло способствовать упорядочению хозяйственной деятельности колонистов.

1.4. Немецкие поселения России в периоды правления Павла I и Александра I. Образование второй группы колоний под Петербургом

После окончания правления Екатерины II немецкое население в России не осталось без внимания российских императоров. Сразу же после восшествия на престол Павел I предпринял ряд мер по выяснению причин хозяйственного упадка в колониях и улучшению их экономического положения. Особого внимания удостоились при этом петербургские колонии ввиду своей близости к столице. В ходе предпринятой в этих целях ревизии Х. Контениуса выяснилось, что не все обязательства государства по отношению к колонистам были выполнены. В целях улучшения положения император принял решение возродить систему централизованного управления колониями, подчинить колонистов Экспедиции государственного хозяйства и увеличить наделы, выделяемые поселенцам. В качестве подотчетных Экспедиции органов были созданы местные управления для поволжских, петербургских и южных колоний.

немецкая колония под Санкт-Петербургом (200-летию основания посвящается): Каталог образовательной выставки / Сост. и науч. ред. И. А. Черказьянова. СПб., 2010.

Павел I принял также меры по укреплению финансовой базы своих реформ, повелев переводить деньги, поступавшие из колоний в счет уплаты казенного долга, в распоряжение Экспедиции государственного хозяйства, чтобы использовать их на нужды самих колонистов. Экспедиция провела ревизии в колониях, чтобы выяснить реальное положение дел. Основное внимание было уделено по высочайшему повелению колониям С.-Петербургской губернии, которые должны были служить образцом для улучшения положения во всех иностранных колониях в России. Одним из важнейших мероприятий, осуществленных по указанию Экспедиции (после ревизий З.А. Хитрово и В. Озерова), было приведение земельных наделов колонистов в соответствие с условиями их контрактов. 6 сентября 1800 г. меннонитам были предоставлены дополнительные права Всемилоувицейшей Привилегией Павла, которая давала им освобождение от военной и гражданской службы «на все времена», освобождение от присяги перед судом, свободу ремесел и т. д.

При Александре I (1801–1825) продолжилась эмиграция немцев в Россию, а также законодательная деятельность в отношении колонистов. В 1802 г. была подписана «Инструкция для внутреннего распорядка и управления в Санкт-Петербургских колониях», регулировавшая различные стороны жизни колонистов и их хозяйственные отношения. 20 февраля 1804 г. был высочайше утвержден доклад министра внутренних дел «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов»⁷⁰. Манифест Александра I приглашал немцев на поселение в Причерноморье и особо выделял поселенцев, могущих служить образцом в крестьянском деле, хороших земледельцев, знающих толк в виноградарстве, в выращивании тутовника и других полезных растений или имеющих опыт в скотоводстве, особенно в разведении овец новых пород, крестьян, обладающих всеми необходимыми знаниями для экономического ведения хозяйства. Из Манифеста можно сделать вывод о тех целях, которые преследовал российский император, призывая в Россию иностранных крестьян. Перед ним стояли практически те же задачи, что и перед Екатериной II, — улучшить и усовершенствовать ведение сельского хозяйства в России, правда, улучшив качественный состав поселенцев. В данном указе были также предложены меры, регламентирующие деятельность русских властей по приему и расселению колонистов, например требование заранее отводить земли под колонии и хорошо организовывать процесс переселения. При этом число

⁷⁰ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 28. № 21163.

принимаемых семей ограничивалось до 200⁷¹, глава каждой из них должен был предъявить свидетельство о добром поведении, знании земледелия, а также о наличии ввозимого в Россию капитала или имущества на 300 гульденов. Учитывая то, что Россия долгое время была сельскохозяйственной державой, получавшей свои основные доходы от экспорта сельскохозяйственной продукции, призыв иностранцев на поселение и предоставляемые им привилегии были вполне объяснимы. Основной поток направлялся в южные губернии.

В результате изданного Александром I Манифеста в 1814 г. возникли первые немецкие поселения в Бессарабии, в 1816 г. переселенцы из Западной Пруссии, Пфальца, Вюртемберга и Рейна оседали в Волыни⁷². Возникновение данных колоний относится ко второй волне переселений немцев в Россию. Основные поселения возле Черного моря (на юге Украины, в Крыму и Закавказье⁷³) были основаны как раз в этот период. До 1823 г. на юге Украины (называвшейся в данный период Новороссией), в Херсонской, Екатеринославской, Таврической губерниях

⁷¹ Начиная с 1808 г. данное правило было изменено, разрешение на переселение давалось более чем 700 семьям (см. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 298. Л. 161–165). А в 1809 г. данная цифра вполне ожидаемо увеличилась ввиду неспокойного положения в Европе. К сентябрю во Франкфурте-на-Майне паспорта были выданы для 2193 семей (10 954 душ).

⁷² Подробнее об истории в том числе и волыньских немцев в XIX в. см.: *Hösch E. Rußland und die «Rußlanddeutschen» im 19. Jahrhundert* // *Wolynische Hefte*, 3. Folge. Schwabach, Wiesenheid, 1984. См. также: *Костюк М. П.* Историография волыньских немцев: реалии, проблемы и перспективы исследований // Ключевые проблемы истории российских немцев. Матер. X Межд. конф. 18–21 ноября 2003. М.: МСНК-Пресс, 2004. С. 434–447; Колонисты Волыни: адаптация в инонациональной среде и взаимоотношения с окружающим социумом (XIX — нач. XX в.) // Росс. гос-во, общ-во и этнические немцы: осн. этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): Материалы XI Межд. науч. конф. в Москве 1–3 ноября 2006 г. / Под ред. А. А. Германа. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 101–107; Миграционные процессы в среде волыньских немцев в конце XIX — нач. XX в. // Этнические немцы России: исторический феномен народа в пути: Матер. XII Межд. научн. конф., Москва, 18–20 сентября 2008 / Под ред. А. А. Германа. М.: МСНК-пресс, 2009. С. 411–420 и др.

⁷³ О немецких поселениях на Кавказе см.: *Чернова-Дёке Т. Н.* Из истории становления немецких поселений на Северном Кавказе // Ключевые проблемы истории рос. немцев... С. 381–417; Депортация немцев Закавказья // «Выселить с треском»: очевидцы и исследователи о трагедии рос. немцев: Сб. науч. ст. и воспоминаний / Под ред. А. А. Германа и О. Ю. Силантьевой. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 175–197 и др.

и в Бессарабии было основано 159 колоний. Говоря о поселениях возле Черного моря, необходимо выделить особую группу немцев, которые переселились в 1816–1819 гг. из королевства Вюртемберг на юг России. Это была большая группа пиетистов в несколько тысяч семей, приверженцев хилаизма, так называемые «вюртембергские сепаратисты», ожидавшие скорого появления Антихриста и будущего тысячелетнего правления Царства Божьего. Они желали пережить конец света вблизи святых мест — Палестины и г. Арарат. Часть этих переселенцев основала колонии в Закавказье, остальные поселились в Новороссии. Сепаратисты, отставшие от больших колонн, образовали колонию Гофнунгсталь под Одессой (Hoffnungstal) и швабские колонии под Бердянском на Азовском море.

Немецкие колонии, возникшие на Украине, в Причерноморье, в Закавказье и в Бессарабии, очень быстро разрастались⁷⁴, хотя сначала поселенцам надо было заложить поля и дуга, у них не было необходимых инструментов, отсутствовали здания и дороги. Кроме того, в пограничных регионах России бывали случаи нападения на колонистов. Однако исследователи указывают на то, что немецкие поселенцы вскоре создали, несмотря на это, процветающие колонии. Существовали католические, протестантские общины и колонии меннонитов. Как правило, немецкое население, принадлежавшее к разным религиозным общинам, не смешивалось и строго соблюдало религиозные обряды. Строились церкви, основывались школы. Немецкий оставался для колонистов, несмотря на отдаленность от родины, родным языком, поскольку они мало контактировали с местным населением⁷⁵.

В 1808 г. император решил продолжить освоение земель под Петербургом, начатое Екатериной II. Между Ораниенбаумом и Красной Горкой колонистам был выделен участок в 20 тыс. десятин. Планируя колонии на данной территории, Александр I хотел снять с Петербурга нагрузку по обеспечению продовольствием Кронштадта. Однако российские дипломаты за рубежом столкнулись с проблемами при

⁷⁴ Колонии на юге Украины очень быстро разрастались на восток и север — до Дона и Северного Кавказа, а также в сторону Харькова и Киева. Так, в 1890 г. на данной территории насчитывалось 484 колонии, а в 1914 г. — уже 966, а вместо 614 тыс. десятин земли немцы владели уже 3814 000 десятинами (одна десятина равна 1,0924 га).

⁷⁵ *Cammann A. Märchen—Lieder—Leben. In Autobiographie und Briefen der Rußlanddeutschen Ida Prieb // Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde e. v. / Hrsg. von Ulrich Tolksdorf. Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1991. Bd. 54. S. 133–298.*

привлечении иностранных колонистов, так как последние уже имели сведения о поселениях в России и желали переселяться только в южные губернии России.

Лишь в 1809 г. на предложение императора откликнулось более 90 семей, выходцев из германских государств (в том числе из Вюртемберга, Баден-Дурлаха, Нижнего Эльзаса, Пруссии), проживших некоторое время на землях, отошедших Пруссии после раздела Польши и разоренных в ходе наполеоновских войн (Иновлац на реке Пилице). Колонисты прибывали группами в течение нескольких месяцев в Радзивиллов, откуда их партиями переправляли в Петербург. При этом дорогу до границы переселенцам приходилось оплачивать за свой счет, лишь в Радзивиллове им выдавались кормовые деньги. Е. В. Бахмутская приводит следующие данные: «Первая партия из 18 семей прибыла из Иновлаца 18 мая 1809 г. под руководством старосты М. Мельхера. Она была отправлена в С.-Петербург под надзором губернского секретаря Ф. Штромера 27 мая и прибыла туда 29 июня. Прибывшие в течение июня 55 семей были отправлены в сопровождении следовавшего в Петрозаводский уезд титулярного советника Неймана 29 июня и добрались до места назначения 30 июля. Последняя партия из 18 семей, которую вел ковельский квартальный надзиратель поручик фон Кек, двинулась в путь 16 сентября и прибыла в столицу 13 октября. С прибытием в столицу в середине октября 1809 г. последней партии общее число колонистов составило 91 семейство (375 душ о. п.)»⁷⁶.

Водворение новых семей колонистов близ Петербурга было поручено смотрителю колоний Санкт-Петербургской губернии титулярному советнику Петру Пегелу, которого в 1809 г. сменил на этой должности Егор Федорович (Францевич) Канкрин, будущий министр финансов России. Первоначально переселенцев разместили в старых колониях. В Ново-Саратовской колонии поселили 48 человек в пяти домах, в Ижорской колонии — 20 человек в трех домах, остальных поселенцев разместили в Среднерогатской колонии. По прибытии колонистов приводили к присяге на подданство российской короне, лютеран — в лютеранской церкви Ново-Саратовки, католиков — в городском костеле. Транспортные списки, сохранившиеся в фондах Российского государственного исторического архива, дают представление о родах занятий колонистов, абсолютное большинство которых являлось земледельцами. Кроме того, были представители ремесленных профессий,

⁷⁶ Бахмутская Е. В. Указ. соч. С. 86.

бывшие при этом также земледельцами: плотники, садовники, каменщики, булочники, сапожники.

В мае 1809 г. министр внутренних дел Алексей Борисович Куракин сообщил Александру I о полной непригодности земель, предназначенных под поселение. Поскольку первая партия колонистов уже была в пути и двигалась по направлению к столице, проблема требовала срочного решения. В августе 1809 г. Канкрин доложил о 15 тыс. десятин земли в юго-западной части Царскосельского уезда, в так называемом Изварском обресе, где было поселено большинство поселенцев, основавших три колонии — Большую, Среднюю и Нижнюю. В Большой колонии насчитывалось 23 двора на 37 семей, в Средней — 11 дворов на 18 семей и в Нижней — 16 дворов на 23 семьи. Одновременно с этим были построены четыре небольших колонии вдоль берега Финского залива: Стрельнинская (8 домов для малых семей), Ораниенбаумская (3 дома), Петергофская (2 дома для больших семей) и Кронштадтская (6 домов для 7 семей).

Архитектура строений, возводившихся для второй группы петербургских колоний, несколько отличалась от домов, которые строились при Екатерине II. Приморские колонии были спроектированы как часть общего ансамбля Петергофской дороги — главного пути из Кронштадта в С.-Петербург, проходившего вдоль берега Финского залива. План строительства поселений был разработан на основе рекомендаций, данных инспектором петербургских колоний Е. Ф. Канкриным. Дома были одноэтажными, деревянными, возводились на каменных фундаментах и покрывались дощатыми крышами. Они строились в одну линию с хозяйственными постройками, соединялись с хлевом и сараем. Напротив, также в линию, строились прочие подсобные помещения: сеник, ледник, навес и погреб, который являлся при строительстве первых петербургских колоний частью основного дома, но был вынесен отдельно по совету «первых» колонистов. Размеры дома и количество жилых помещений зависели от числа членов семьи, для которой он предоставлялся, возводились «большие двойные», «средние двойные» и «малые» дома. Власти придавали большое значение внешнему облику домов, поскольку они находились в непосредственной близости от императорских и великокняжеских резиденций. Император одобрил 11 фасадов из представленных ему 20 проектов и пожелал разнообразия во внешнем облике колоний. Дома, стоявшие рядом, имели, правда, одинаковые фасады, выкрашенные одним цветом, и располагались по обе стороны от разделявшего их фруктового сада. Такое расположение придавало единство внешнему облику колоний.

Когда весной 1810 г. колонисты приступили к полевым работам, выяснилось, что отведенные им участки непригодны для земледелия, что вызвало естественное недовольство поселенцев. Первое возмущение, вспыхнувшее в Стрельне, Канкрину удалось погасить, договорившись с управляющим данным регионом отводить колонистам как можно меньше неудобных земель.

К зиме 1811 г. были в целом закончены строительные работы и все поселенцы были окончательно распределены по колониям. Земли, отведенные под поселение в Изварском обресе, также оказались непригодными для сельскохозяйственного труда, что вызвало возмущение жителей. Статском советнику И. П. Бунину, сменившему Канкрин на должности инспектора С.-Петербургских колоний в марте 1811 г., удалось убедить только жителей Большой колонии отказаться от своих претензий. При этом он пообещал выделить им мелкий рогатый скот, произвести расчистки на полях и увеличить сумму кормовых денег.

Подобные обещания не устроили жителей Средней и Нижней колоний, которые требовали переселить их на другие земли. Колонисты подали прошение лично на имя Александра I и императрицы Марии Федоровны (урожденной Софии-Доротеи Вюртембергской). Однако их просьбы были проигнорированы, и для подавления вспыхнувшего недовольства вызваны войска. Зачинщиков было разрешено отдавать в работные дома и применять телесные наказания по отношению к прочим бунтовщикам. Однако даже такие меры не принесли желаемых результатов, и властям пришлось признать, что болотистые и песчаные земли в Изварском обресе непригодны для земледения. В результате 12 сентября 1811 г. был издан именной указ Александра I о переселении колонистов на другие земли. Большинство поселенцев были отправлены в Новороссию (45 семей), 20 семей поселили в Стрельнинской колонии, а 11 семей основали новую колонию у почтовой станции Кипень в Ораниенбаумском уезде на специально выделенных для них землях. Императрица Мария Федоровна пожелала поселить шесть семей на собственной земле в Павловске, но осуществление данного плана было отложено. Часть домов и общественных построек с земель Изварского обреза была разобрана и перевезена на новые места поселения колонистов в Петербургской губернии.

Через несколько лет, в конце 1810-х гг., под С.-Петербургом были основаны две последние колонии, жителями которых являлись выходцы из германских государств. В 1818 г. вдовствующая императрица осуществила план по поселению семей колонистов на принадлежащих ей землях Павловского имения, выделив при этом средства

на строительство и обзаведение из своей личной казны. В двух домах на окраине дворцового парка были размещены три семейства из родного императрице Вюртемберга (К. Дромметера, Я. и И. Горникелей). Колония получила название «Этюп» в память о летней резиденции родителей Марии Федоровны близ г. Монбельяр.

В следующем 1819 г. была основана мануфактурная колония Фриденталь. Данное поселение было единственной неземледельческой колонией в С.-Петербургской губернии. Идея основания такого поселения принадлежит ткачу Кемперу, прибывшему в феврале 1819 г. в Петербург с предложением основать под столицей мануфактурное селение по модели, существовавшей на его родине, в Бергском герцогстве. Кемпер представлял группу соотечественников в более чем 20 семей. Министерство внутренних дел, куда обратился фабрикант, составило доклад императору и получило высочайшее согласие на основание новой колонии. Под С.-Петербургом было выделено около 30 десятин земли при выезде из Царского Села по Московской дороге. Участок, выделенный Александром I в 1816 г., находился за городским валом, так что его задняя граница составляла прямую линию с Кузьминским бульваром, а Софийский бульвар составлял боковую линию надела⁷⁷. Проектирование домов для колонистов было поручено архитектору В.П. Стасову. Дома располагались вдоль Московского шоссе с отступом от красной линии застройки. Все дома были построены с учетом нужд ткацкого производства, каждый деревянный дом был рассчитан на два семейства и строился на каменном фундаменте. Во дворе располагались хозяйственные и производственные постройки — две мастерские, два помещения для работников, хлев, конюшня, насест и пр. За дворами во всю ширину надела тянулось 15 узких и длинных полевых участков, 13 семейных и 2 общих. Всего было построено 7 одноэтажных, бревенчатых и обшитых тесом домов, которые оставались в собственности Царскосельской вотчины ввиду их высокой стоимости. При этом колонисты обязались содержать строения в исправности и осуществлять починку за свой счет. Для Кемпера был построен до сих пор сохранившийся отдельный дом, его семейство занимало половину первого этажа, при этом вторая часть постройки вместе с мезонином предназначалась для конторы, магазина и школы. Больше новых колоний под Петербургом не строилось, а расширение владений колонистов происходило за счет образования «дочерних» поселений.

⁷⁷ О данной колонии см.: *Семенова Г.В.* Немецкая мануфактур-колония Фриденталь в Царском Селе // *Россия—Германия — пространство общения: Материалы X Царскосельской научной конференции.* СПб, 2004. С. 379–390.

1.5. Колонизационная политика государства при Николае I и Александре II. Образование и развитие «дочерних» колоний в Санкт-Петербургской губернии

В 1833 г. Николай I ввел новые принципы управления колониями, что было связано с окончанием устройства иностранных колонистов и запретом на свободный въезд в пределы России. 1 июля 1833 г. был издан указ об упразднении Екатеринославской, Одесской, Бессарабской и Грузинской контор опекунов иностранных. Всё управление южными колониями было сосредоточено в руках Попечительского комитета, подчиненного Экспедиции государственного хозяйства. В том же году был введен институт смотрителей колоний, которые выполняли роль посредников между попечительскими органами и поселенцами.

Император подтвердил 9 ноября 1838 г. привилегии немцев-колонистов, а через четыре года, в 1842 г., осуществил кодификацию всех свобод, прав и обязанностей колонистов при получении российского гражданства. Данный шаг способствовал экономическому и социальному расцвету немецких поселений. К этому периоду относится третья волна основания немецких колоний в России. Границы данного этапа определяются большинством историков 1830–1870 гг. и связываются с поселением на Волини немцев, переезжавших в основном из старых колоний в русской части Польши, где до Первой мировой войны насчитывалось более 550 деревень.

В данный период немецким колонистам была предоставлена коммунальная автономия, т.е. право избирать сельского и верховного старост, которые были подотчетны собранию села или района. В это время было основано большое количество дочерних колоний, образовавшихся при переселении немцев из старых мест на новые, еще не освоенные территории. Это относится и к С.-Петербургской губернии, где количество немецких деревень увеличивалось за счет расселения выходцев из уже существующих поселений. Быстрый рост новых колоний основывался на принятой у колонистов подворно-наследственной формой землепользования, препятствовавшей проведению семейных разделов. Инициатором образования некоторых «дочерних» колоний под С.-Петербургом явилось государство, при этом колонистам предоставлялись льготы и ссуды на обустройство.

В 1833 г. Николай I решил создать новую колонию в Петергофе и повелел выбрать семьи для перевода на новое место. Отобрано было несколько семей, получивших от сельских приказов свидетельства о хорошем ведении хозяйства и безупречном поведении. При этом сельские приказы должны были также гарантировать, что из-за переселения колонистов не пострадают те хозяйства, из которых они выбывают. Из Ново-Саратовской колонии был выбран Ф. Бич, из Среднерогатской — М. Лорер, П. Шмидт и И. Эйдемиллер. Колонистам по их согласию была выделена земля по берегу Самсоновского канала, а также лесные угодья вне пределов колонии. Новую колонию назвали по высочайшему повелению Александринской в честь супруги Николая I, императрицы Александры Федоровны. Позже, в 1835–1836 гг. сюда из Средней Рогатки переехали еще А. Лорер, Д. Фритцлер и А. Бауэр. Переселялись как взрослые сыновья, отделившиеся от своих семей, так и родители, оставившие хозяйства детям.

Следующая колония, построенная по высочайшему повелению возле столицы, называлась Знаменской, так как находилась на мызе Знаменской. На эти земли, подаренные ей в 1835 г. Николаем I, императрица пожелала поселить несколько семей переселенцев, среди которых были М. Лорер и Я. Беккер из Среднерогатской, И. Шеффер из Ижорской и М. Траубнер из Кронштадтской колоний. Колонисты разместились в домах, построенных по дороге от Знаменского дворца на Ропшу. Основная же часть переведенцев из Среднерогатской, Ново-Саратовской, Ижорской и Стрельнинской колоний (84 семьи общей численностью более 300 человек) была размещена на территории Новгородской губернии. Здесь были основаны колонии Горелая, Николаевская и Александровская.

Однако большинство «дочерних» колоний под Петербургом было основано самими колонистами на купленной или арендованной земле. Колонии-выселки разрастались постепенно, по мере приобретения колонистами из первоначальных колоний всё новых земель. Первая значительная дочерняя колония — Гражданка — разрасталась постепенно на землях между Мурино и Лесным. Е. В. Бахмутская приводит следующие сведения, почерпнутые из архивных источников: «В 1827 г. братья Вализеры из Ново-Саратовки купили по 7,5 дес. земли, относившейся к Муринскому имению графа Воронцова. В 1830 г. к ним присоединились среднерогатские и ижорские колонисты: Аманы (приобрели участки в 19 и 10 дес.), Эйдемиллеры (7,5 и 7,5 дес.), Шеффер (15 дес.), Бауэр (15 дес.); еще 7,5 дес. присовокупил к своему участку

А. Вализер. 15 дес. было куплено Фогельзангом⁷⁸ из Ново-Саратовки из лежавших тут же владений помещицы Быковой. В 1836 г. выходцами из Ново-Саратовской и Среднерогатской колоний были куплены 92 дес. земли у графа Воронцова, помещиков Беклешова и Пискарева. В 1857 г. колонист Бич из Средней Рогатки приобрел участок площадью 40 дес. у генерала Чижикова⁷⁹.

Следующая группа поселений возникла по Петергофской дороге. Это были колонии Соломина, или Буксгевден (1828 г., 38 десятин), Поселок Шефферов (1836, 90 десятин), Поселок Берчей (с 1838 г., всего 94 дес. земли за несколько лет), Красненькая (1838).

В этот же период возникли колонии в Шлиссельбургском уезде, выше Ново-Саратовки по Неве. Наиболее значительной являлась колония Овцыно (с 1832 г.), разраставшаяся на месте бывшей финской деревни, принадлежавшей помещице Фрязиной, постепенно распродававшей свои земли. К концу 1840-х гг. в данной колонии владели землей 24 семейства, семь из которых жили здесь постоянно⁸⁰.

Архитектура «дочерних» колоний отличалась от первых поселений. Новыми деталями стали веранда, пристраиваемая к нижнему этажу, окна с резьбой по типу русской архитектуры, более плоская крыша. Во второй половине XIX в. чаще всего стал возводиться дом с мезонином традиционного русского типа. Такой тип постройки сохранялся с некоторыми изменениями (площадь дома, тип кровли) вплоть до революции 1917 г. Постройки стали носить более разнообразный характер и приближаться в общих чертах к традиционной русской сельской архитектуре. Однако немецкие поселения сохраняли некие общие черты, объединявшие как новые, так и старые колонии. Они располагались вдоль реки или центральной улицы, вдоль которой прорывали канавы. За состоянием канав постоянно следили и перекрывали одну из них мостками, чтобы получалась удобная пешеходная дорожка. Каждая семья отвечала за сохранность и хорошее состояние своей части дороги. По обе стороны улицы росли аккуратно посаженные деревья, а в палисадах, отделявших дома от дороги, росли декоративные кустарники. Общественные постройки располагались в центре колонии и делили ее на две части.

⁷⁸ В Ново-Саратовке проживала семья Фогельгезанг. Здесь фамилия приводится в редакции цитируемого автора.

⁷⁹ Бахмутская Е. В. Указ. соч. С. 105.

⁸⁰ Подробнее о данной колонии: Сысоева Н. Немецкая колония Овцыно: прошлое и настоящее // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): Биографический аспект / Отв. ред. Т. А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2005. Вып. 3. С. 289–308.

На этом периоде в целом заканчивается этап благоприятного развития немецких поселений в России. При Александре II (1855–1881), начиная с 1871 г. постепенно стали ущемляться гражданские и экономические права немцев как национального меньшинства. Франко-прусская война и образование Германской империи в 1871 г. послужили толчком к отмене колониального статуса немецких поселенцев и лишению их тем самым данных на «вечные времена» прав и привилегий. Упразднение самоуправления произошло 4/16 июня 1871 г. И строго говоря, с данного момента немцев-поселенцев нельзя называть колонистами, так как их статус как колонистов был фактически отменен и они приравнялись по своим правам к русским крестьянам.

В результате реформы Александра II в местах наибольшего сосредоточения колонистов были организованы немецкие волости. Под Петербургом это были Ново-Саратовская и Среднерогатская в Петербургском уезде и Колпинская в Царскосельском. Более мелкие группы колоний составили сельские общества.

С 1874 г. на всех немцев распространялась всеобщая воинская повинность, замененная для меннонитов службой в лесничествах. Однако, если вспомнить предшествовавшие указы о том, что все немецкие поселенцы освобождались не только от военной, но и от гражданской службы «на вечные времена», то данное послабление уже не выглядело столь привлекательно. Ограничение прав и свобод немцев повлияло и на их язык. Немецкий язык потерял статус официального в административных органах и при судах в районах с немецким населением. Результатом данных изменений стала активная эмиграция немецких колонистов, прежде всего меннонитов, которые переезжали в США, Канаду и Южную Америку целыми общинами.

Однако большинство немцев все-таки осталось в России, несмотря на изменение национальной политики. С этим периодом связан следующий этап образования «дочерних» колоний под Петербургом. Все первоначальные подворные участки в «старых» колониях были разделены пополам, а запрет на дальнейшее деление наделов вынуждал колонистов искать ввиду естественного прироста населения способы приобретения или аренды новых земель. В 60-х гг. XIX в. возникли колонии Янино (1859), Безбородкино, или Уткина Заводь (1856), Приютино (1857), Ковалево (1860), Каменка (1865), Фарфоровая (1865), Ручьи (1865), Ново-Парголово, или Шувалово (1868), Малая колония у Средней Рогатки (1868/1875), Ново-Александровская (1872), Веселый Поселок (1880), колония возле деревни Мурино (1889 или 1895), Широкие Места (1895), Волково (1892 или 1900). К началу XX в.

на территории Санкт-Петербургской губернии насчитывалось около 40 немецких поселений. В начале XX в., незадолго до Первой мировой войны, ижорские колонисты основали колонию *Lagerkolonie* (1912), уже при советской власти возникла колония *Rote Ansiedlung* (1918).

Начиная с 1880 г. под Новгородом (в окрестностях Чудово, Малой Вишеры и Старой Руссы) стали возникать разрозненные колонии переселенцев из Санкт-Петербургской губернии. Позже стали появляться колонии-выселки переселенцев уже из Новгородской губернии: Вишерка (1923), Шёндорф, Тарасиха и Воронье-остров — из Николаевской колонии (1925), а также новые поселки вокруг Николаевской колонии. Численность немецкого населения в подстоличных колониях выросла с 1747 чел. в 1799 г. до 11 445 чел. в 1915 г. Немцы имели свои общественные национально-культурные объединения, выпускали газеты на немецком языке (всего около 10 изданий только в С.-Петербурге).

Среди арендованных земель у колонистов преобладала пашня, в то время как у остальных сельских сословий более 93 % арендуемых угодий составляли сенокосы. Данная особенность была связана с ориентацией колонистских хозяйств на товарное производство картофеля и овса. Окупаемость сельскохозяйственного производства в колониях была выше средней по губернии, что отчасти объяснялось более низким уровнем платежей на десятину земли и на одного работника, чем у других категорий крестьян, а также более высоким уровнем ведения сельского хозяйства и применением новых земледельческих технологий.

Промысловая деятельность также существовала в колониях, однако рассматривалась чаще как вспомогательная, хотя в пореформенный период численность колонистов, занимавшихся различными промыслами, увеличилась. Среди наиболее распространенных промыслов можно назвать извоз в Петербургском и Царскосельском уездах и лесной промысел в Ямбургских колониях. Колонисты также занимались очисткой петербургских домов от мусора и нечистот, что обеспечивало им достойный заработок. Самым распространенным оставался, однако, дачный промысел, при этом большинство дачников, отдыхавших в колониях, были петербургскими немцами среднего достатка. Одним из наиболее популярных курортов стала Стрельна. Дачников привлекала возможность легко добраться до колонии по вновь отстроенной Петергофской дороге, благоустроенность колонии и ее окрестностей, морской воздух, дешевизна снимаемого жилья и близость к столице. Здесь же находился один из самых больших в Петербурге и пригородах

циклодром Стрельнинского общества велосипедистов, ставший культурным центром южных пригородов столицы. Рядом с циклодромом построили большое здание для собраний и танцевальных вечеров, а также летний театр. Часто играл местный духовой оркестр, устраивались праздники с фейерверками. В 80-е гг. XIX в. численность населения Стрельны доходило в дачный сезон до 5 тыс. человек. Летнее перемещение жителей города на дачи в шутку называлось «великим дачным переселением».

К данному периоду, начиная с 1890 г., относится образование наиболее поздних поселений немцев на территории России: на юге Урала, в Сибири и Туркестане, в целом более 200 деревень. Данные колонии были основаны многочисленными безземельными немцами из старых поселений на Волге, в Причерноморье и на Воляни. Новейшие «дочерние» колонии стали образовываться на Северном Кавказе, Урале и в Азии, т. е. в тех областях, где еще можно было найти незаселенные территории.

1.6. Влияние Первой и Второй мировых войн на судьбу российских, в частности петроградских/ленинградских, немцев

Однако отношение к немецким поселенцам в России начало меняться после заключения Австро-германского союза 7 октября 1879 г., о чем свидетельствуют вышедшие в это время работы, например книга А. А. Велицина «Немецкое завоевание на юге России»⁸¹. Начались гонения на немцев, продолжавшиеся затем почти целое столетие. В том же году была издана и книга А. П. Липранди «Как остановить мирное завоевание наших окраин? Немецкий вопрос, сущность и значение его в юго-западной России»⁸².

С 1881 г. в обществе стал распространяться страх перед германизацией России, который еще более усилился при Николае II (1894–1917), в частности после его женитьбы в 1894 г. на дочери великого герцога Гессен-Дармштадского Людовика IV, внучке английской королевы Виктории, Алисе-Виктории-[Елене-Бригитте-Луизе-Беатрисе] Гессенской, нареченной после принятия православия в 1894 г. Александрой Федоровной.

⁸¹ Велицин А. А. Указ. соч.

⁸² Липранди А. П. Указ. соч.

История немецкого населения в России в XX столетии развивалась очень драматично. Когда Пруссия забыла предостережения О. фон Бисмарка, который, будучи послом Пруссии, годами жил в Петербурге, хорошо знал Россию и не советовал воевать с ней, и стала противницей Российской империи в Первой мировой войне, на долю российских немцев выпали новые тяжелые испытания⁸³. Была развернута антинемецкая кампания, затронувшая все сферы жизни переселенцев из германских государств. Было запрещено говорить и писать на немецком языке, использовать его в школе, церкви или в общественной жизни. Были закрыты все немецкие общества и запрещено издание немецких газет. Немцы были объявлены «внутренним» врагом, были запрещены общественные собрания немцев более трех человек. В Москве данные меры привели к немецким погромам в мае 1915 г., в результате которых, по данным Л. Гатаговой, «пострадало 475 торговых предприятий, 207 квартир и домов, 113 германских и австрийских подданных и 489 русских подданных (с иностранными или похожими на иностранные фамилиями). Общая сумма убытков составила более 50 млн рублей»⁸⁴. 1 июня 1915 г. вышел указ об обязательном увольнении всех немцев с московских предприятий и прекращении деятельности в городе немецких фирм.

Министр внутренних дел Н. Маклаков сообщал в своем докладе, высланном в октябре 1914 г. в Совет министров, что российское правительство уже на протяжении 30 лет проводит политику по упорядочению иностранного землевладения в России, а первые ограничения прав колонистов вступили в силу в 1892 г. Колонистам ставилось в вину «отсутствие стремления слиться с окружающим населением, сохранение своей особенности, отчуждение от русского народа». Министр считал, что колонисты формально относятся к своему подданству и тяготеют к своим зарубежным сородичам по политическим убеждениям, языку, обычаям и религии⁸⁵.

Процесс отчуждения владений иностранных подданных и «неприятельских выходцев» проходил по следующей схеме: сначала публи-

⁸³ Ср., например, начало одной из колонистских песен из коллекции В.М. Жирмунского: «Welch ein Schrecken war's im Jahre // Neunzehnhundertvierzehn doch...» (М 19 № 1), которая поется на мелодию известной немецкой песни «Alle Menschen müssen sterben...»

⁸⁴ Гатагова Л. Хроника бесчинств // Родина. 2002. № 10. С. 22.

⁸⁵ См.: Шрадер Т.А. Результаты аграрной политики царского правительства в Петроградской губернии в годы Первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев... С. 198.

ковались списки владельцев земель, подлежащих отчуждению, затем обнародовались сведения о количестве владений, представленных на торги, и предоставлялись данные о покупке Крестьянским поземельным банком, хотя при этом допускали и частные сделки. Все сведения о ходе отчуждения отправлялись в «Особый комитет по борьбе с немецким засильем», созданный по инициативе премьер-министра Б. В. Штюрмера как вспомогательный орган при Кабинете министров и упраздненный 14 июня 1917 г. От отчуждения освобождались немецкие офицеры, служившие в русской армии, но на солдат эта льгота не распространялась. Всего в начале Первой мировой войны в российской армии служило более 300 тыс. немецких солдат и офицеров, однако из-за недоверия их отправляли только на Кавказский фронт, где большая часть проходила службу в запасных бригадах ополченцев. Дискриминация призывников-немцев, фактическое приравнение их к военнопленным привели в результате к тому, что начало расти дезертирство с фронта. Позже именно вернувшиеся домой фронтовики стали носителями революционных идей и опорой большевиков.

Жители колоний, находившихся близко к границам, переселялись на Восток, были запланированы достаточно большие депортации «неблагонадежных» немцев, некоторым из которых воспрепятствовала революция 1917 г. 2 февраля 1915 г. был принят Закон о насильственной продаже земельной собственности всех российских подданных германского и австро-венгерского происхождения, проживавших в пограничной и прибрежной (берега Балтийского, Черного, Азовского и Каспийского морей) полосе шириной в 100–150 верст. 13 декабря 1915 г. был принят закон о выселении немецкого населения из Волыни в Сибирь, в Оренбургскую, Самарскую и Саратовскую губернии⁸⁶.

Меры по ликвидации немецкого землевладения в России затронули и подстоличных колонистов, хотя они меньше пострадали от этого, чем жители приграничных колоний⁸⁷. В феврале 1915 г. в Земский отдел

⁸⁶ Линдеман К. Законы 2-го февраля и 13-го декабря 1915 г. («Об ограничении немецкого землевладения в России»); их влияние на экономическое состояние южной России. М., 1916. См. также: *Stumpp K.* Die deutschen Kolonien im Schwarzmeergebiet, dem früheren Neu- (Süd-) Rußland... S. 43 и мн. др.

⁸⁷ В статье «Результаты аграрной политики царского правительства в Петроградской губернии в годы Первой мировой войны» Т. А. Шрадер раскрывает ход отчуждения земель в данный период в Петроградской губернии на основе документов РГИА (Российского государственного исторического архива) в С.-Петербурге: *Шрадер Т. А.* Указ. соч.

Петроградского губернского управления было направлено циркулярное письмо Министерства внутренних дел, где указывалось на необходимость особо бдительно относиться к внутренней жизни обособленных союзов жителей немецкого происхождения. В ответном донесении исправника Царского Села сообщалось, что колонисты ведут замкнутый уединенный образ жизни, вступают в браки с соплеменниками, и среди них нет русского населения. Характеризуя немецких поселенцев как предупредительных и грамотных людей, не противодействующих властям, исправник Царского Села все же писал, что нельзя положиться на то, что они не допустят чего-то предосудительного и тайного, и полагал их присутствие вблизи царской резиденции нежелательным. Губернское управление собрало сведения обо всех 38 больших и малых колониях на более чем 10 300 десятинах земли, однако расчеты губернского землемера и уездных полицейских в ряде случаев не совпадали.

Из 837 владений, подлежащих отчуждению в Петроградской губернии, было продано 136 площадью в 14 210 десятин. Что касается добровольного отчуждения путем частного соглашения, на 1 апреля 1916 г. было продано, согласно данным, приводимым Шрадер, 169 имений площадью 3280 десятин, из них 128 владений «неприятельских подданных» площадью 3107 десятин и 39 — «неприятельских выходцев» площадью около 180 десятин. Среди последних были владения жителей Среднерогатской, Стрельнинской и Ново-Саратовской колоний.

Февральская революция, в результате которой к власти пришло Временное правительство, несколько улучшила положение немецких поселенцев в России. В марте 1917 г. Временное правительство отменило ряд направленных против них законов, в частности 11 марта специальным постановлением было приостановлено исполнение законодательных актов по отчуждению немецкой собственности. К маю 1917 г. стала вырисовываться тенденция к отмене актов по массовым депортациям, хотя возвращению немецких военнообязанных в родные дома препятствовало армейское руководство. На фоне новых тенденций стало формироваться движение немцев за автономию, за политическое и национальное самоопределение. 18 марта 1917 г. в Одессе был создан Временный организационный комитет (ВОК). С 14 по 16 мая 1917 г. там же прошел Первый Всероссийский конгресс российских немцев, на котором обсуждался вопрос об автономии. ВОК стал издавать газету «Еженедельник» («Wochenschrift»), выходившую сперва на русском языке ввиду остававшегося в силе запрета на использование немецкого языка. Вторым центром по организации немецкого населения стала Москва, здесь также прошел конгресс с 20 по 22 апреля

1917 г., в котором приняли участие 86 представителей немцев из различных регионов страны. Для представления интересов немцев во Временном правительстве был создан Комитет из трех членов Государственной думы: К. Линдемана, Я. Проппа и А. Робертуса. Комитет должен был заседать в дальнейшем в Петрограде. Третий центр борьбы за автономию сложился в Саратове, который намеревался сконцентрироваться на региональных задачах. Здесь из наиболее уважаемых граждан был создан Распорядительный комитет, призванный защищать интересы поволжских немцев. В Саратове стала издаваться «Саратовская немецкая народная газета» («Saratower deutsche Volkszeitung»). Затем были организованы еще два центра — в Закавказье и в Сибири. Однако немецкое национальное движение в 1917 г. отличалось сильной раздробленностью, расхождением в политических взглядах и соперничеством в борьбе за власть. Эти факторы отрицательно сказались при выборах в Учредительное собрание 12 ноября 1917 г., когда удалось провести лишь одного кандидата — барона А. Майендорфа от Таврической губернии. На этом закончился первый этап движения за автономию, в ходе которого немецкое население России стремилось прекратить дискриминацию на национальной основе, выступало за возрождение языка, образования и культуры. При этом в программных требованиях не шла речь о территориальной автономии.

Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война, а также германская оккупация Украины принесли российским немцам новые беды. Хотя в числе первых законодательных актов нового советского правительства была принята 2 ноября 1917 г. «Декларация прав народов России», провозглашавшая национальное равенство и право народов на самоопределение, на деле речь о реальной автономии не шла и декларация преследовала скорее пропагандистские цели. Однако она породила надежды среди немцев в России и вызвала новую волну движения за автономию, что не дало положительного отклика новой власти. В декабре 1917 г. была запрещена газета «Saratower deutsche Volkszeitung», зимой 1917–1918 гг. актам террора подверглись как немецкие, так и русские села региона. Началось насаждение новой коммунистической идеологии, в июне 1918 г. была создана партия немцев-коммунистов, партия немцев-социалистов была распущена. В результате немецкие колонисты, большинство из которых было противниками большевизма, стали искать защиты у «Комиссии попечения о германских реэмигрантах», назначенной германским правительством, поскольку Брест-Литовским мирным договором от 3 марта 1918 г. предусматривалось право на эмиграцию.

Германия признавала немецких поселенцев гражданами Советской России. Однако, как пишет исследователь этого периода жизни немцев в России В. И. Бруль, тем немцам, которые сами или предки которых являлись выходцами из Германии, предоставлялось право реэмиграции с переводом своих капиталов. Основанием для этого служили статьи 21 и 22 дополнения к мирному договору. Реэмиграция в Германию разрешалась в течение десяти лет после ратификации данного договора⁸⁸. После опубликования данных статей началась новая волна эмиграции немцев из России, однако официальным путем покинуть страну удалось лишь нескольким десяткам семей из-за срыва выполнения данных статей советской стороной.

Установившийся режим военного коммунизма, действовавший в экономической жизни, сказался и на петербургских колониях. В 1919 г. Земельное управление Петроградского губисполкома начало собирать сведения о хозяйствах немецких колонистов под Петроградом. Учитывались данные о составе семьи (количество работников и едоков), величине земельного надела, посевной площади, размере урожая. Проводилась политика продразверстки, «излишки» строго изымались. В каждой колонии существовали «тройки по учету урожая», которые следили за изъятием у крестьян овощей и сена. Так, в 1919–1920 гг. в Стрельнинской колонии был собран урожай картофеля 30 346 пудов, из которых 4410 было оставлено на семена, 8206 — на еду, а так называемые «излишки», подлежащие изъятию, составили 17 937 пудов⁸⁹.

Население Петроградских колоний увеличилось после революции 1917 г. за счет новых переселенцев, на этот раз — с Поволжья, где люди умирали от страшного голода 1921–1922 гг., ставшего результатом политики военного коммунизма. Голодало население 35 губерний, но больше всего пострадала Автономная область немцев Поволжья. В этот период в Поволжье немецкое население сократилось на четверть в результате смертности и переселения в другие регионы⁹⁰.

⁸⁸ Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха (Алтайский край), 1995. Ч. 1, 2. С. 86.

⁸⁹ Шрадер Т. А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е гг. // Немцы России в контексте отечественной истории... С. 158–159.

⁹⁰ О трудностях этого периода напоминают колонистские песни из собрания немецких народных песен В. М. Жирмунского: «Neunzehnhundert einundzwanzig // War für uns ein schweres Jahr» (М 16 № 1).

Петроградские колонии, как и всю страну, охватило в этот период кооперативное движение. В Петрограде в 1922 г. возникло Товарищество немецких колонистов, переименованное в апреле того же года в «Потребительский кооператив немецких колонистов», в который вошли все немецкие колонии губернии. Начали возникать также кооперативы в отдельных колониях. Так, в 1929 г. по инициативе братьев Адольфа и Александра Менг в Стрельнинской колонии было организовано товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ).

Только время нэпа, новой экономической политики, создало предпосылки для экономического, политического и культурного развития в жизни немецких поселенцев. Именно тогда немецкое национальное меньшинство еще раз пережило короткий, но бурный подъем. Созданная в 1918 г. Трудовая коммуна немцев Поволжья⁹¹ была возведена в 1924 г. в ранг Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (*Autonome Sozialistische Sowjetrepublik der Wolgadeutschen*) со столицей в г. Энгельсе под Саратовом. Вскоре на последовавшем затем съезде советов была принята Конституция республики.

За пределами Республики немцев Поволжья в РСФСР насчитывалось 6 немецких районов (округов) и 249 немецких школ, а на Украине существовало девять немецких районов и 628 школ с преподаванием на немецком языке. Повсюду в Советском Союзе, где были компактные немецкие поселения, за ними признавались права культурной и административной автономии, преподавание в школах велось на немецком языке, на котором осуществлялись также управление и судопроизводство⁹².

Всего лишь несколько лет спустя закончился этот спокойный период в жизни российских немцев. Массовая коллективизация и раскулачивание особенно сильно затронули состоятельные немецкие семьи. Первые годы существования колхозов давались колонистам тяжело, так как в обмен на сданные овощи им не выдавали промтоваров, не хватало строительных материалов для сооружения новых

⁹¹ Указ о создании Трудовой коммуны (автономной области) немцев Поволжья был подписан В. И. Лениным 19 октября 1918 г.

⁹² См., например: *Pinkus B., Fleischhauer I.* Die Deutschen in der Sowjetunion. Baden-Baden, 1987. S. 128–149; *Wiens H.* Volk auf dem Weg: Deutsche in Rußland und in der GUS 1763–1993. Stuttgart: Landsmannschaft d. Deutschen aus Rußland, 1993.

общественных построек и т. д. Одним из передовых колхозов Ленинградской области был основанный в Стрельне 1 апреля 1930 г. колхоз «Роте Фане», так как колхозники били все рекорды в выращивании овощей и размножении семян. Так, например, при самом высоком коэффициенте трудовых показателей по Ленинградской области в 41 ед., бригадир-стахановец Петр Адамович Эйдемиллер установил коэффициент в 65 ед. Одним из самых высоких в области был также показатель продуктивности молочной фермы колхоза. Такие высокие показатели свидетельствовали в первую очередь о честном и добросовестном труде колхозников, так как заработной платы они в этот период практически не получали, а большинство работ производилось вручную⁹³.

Организация колхозов сопровождалась массовым раскулачиванием наиболее зажиточных крестьян. В связи с этим началось новое переселение немцев из СССР, в особенности меннонитов⁹⁴.

В 1929–1931 гг. были закрыты церкви, запрещены богослужения, а большинство священников и служителей церкви арестованы и сосланы. С 1932 по 1934 г. немцы, как и все остальные жители страны, пережили еще один голод.

В. И. Бруль пишет о дальнейших бедах, которые ожидали немцев в 1937–1938 гг. По ним очень жестоко ударили массовые репрессии этих годов. Преследования усугубило то, что немцы были в целом более состоятельны, чем окружавшее их население, и у многих были родственники за границей. Достаточно было лишь одного письма из-за границы, чтобы быть арестованным. Немцам не разрешали покидать страну, несмотря на положения Брест-Литовского мирного договора и на то, что в 1925 г. между Россией и Германией было подписано дополнительное соглашение, дающее немцам право выезжать на постоянное место жительства в Германию⁹⁵. Некоторые поселенцы были репрессированы дважды — сперва раскулачивание и ссылка в отдаленные регионы страны, в Алтайский край, затем — повторный арест, возвращение в Ленинград и расстрел. Органы НКВД составляли длинные списки людей, приговоренных к расстрелу по национальному признаку. Арестовывали как рядовых колхозников, так и пар-

⁹³ См. Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом... С. 46–49.

⁹⁴ Подробнее о судьбе меннонитов в России и за рубежом см.: *Smith H.* Указ. соч.; *Kopp Th.* Deutsche Muttersprache in der Pampa Argentinien // *Muttersprache*. 1957. Н. 10. С. 369–379.

⁹⁵ *Бруль В. И.* Указ. соч. С. 88.

тийных активистов. Так, 24 ноября 1937 г. в Ленинграде по списку «немецких шпионов» было расстреляно 97 человек, 9 июля 1938 г. — 93 чел. по списку № 16 «Немцы» от 8 июля 1938 г. и 89 чел. по списку № 20 «Немцы» от того же числа⁹⁶.

Перед Второй мировой войной внутренняя и внешняя политическая ситуация еще более обострилась. На положении немцев сказалось ухудшение отношений между режимами Гитлера и Сталина. Поддержка Германией генерала Франко во время гражданской войны в Испании в 1936–1939 гг. разожгла антинемецкие настроения в Советском Союзе. К началу учебного года 1938/1939 все немецкие школы, имевшиеся у российских немцев за пределами территории Республики немцев Поволжья, были переведены на русский или украинский язык в зависимости от той области, в которой они находились, а в 1939 г. были упразднены немецкие районы⁹⁷. Началось повальное выселение немцев с обжитых территорий и переселение их на новые места жительства⁹⁸.

23 сентября 1939 г. был подписан договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, а также секретный дополнительный протокол к нему, а 28 сентября того же года между СССР и Германией был заключен договор о дружбе и границе, один конфиденциальный и два секретных протокола к нему, которые давали немцам право переселяться в Германию или на территории, находящиеся в ее сфере влияния. В результате, по данным, опубликованным в книге Ю. Фельштинского «СССР—Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г.», немцев стали выселять из Западной Украины (Указ от 03.11.1939 г.), Северной Буковины и Бессарабии (05.09.1940 г.), Прибалтики (10.01.1941) в массовом порядке

⁹⁶ Данные цит. по: Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом... С. 58.

⁹⁷ Крекс Э. Указ. соч. С. 13.

⁹⁸ См. также: Neutatz D. Die Nationalitätenpolitik der Sowjetunion // Russlandsdeutsche Kultur: eine Fiktion? / Hrsg. von H.-W. Retterath. Freiburg, 2006. S. 17–43 / Schriftenreihe des Johannes-Künzig-Institutes. Hrsg. von W. Mezger. Band 7 — к вопросу о национальной политике Советского Союза начиная с периода правления большевиков и заканчивая перестройкой; Kloberdanz T.J. Die Auswanderung nach Amerika und Ihre Auswirkung auf Identität und Weltanschauung der Wolgadeutschen in Rußland // Dahlmann D., Tuchtenhagen R. Zwischen Reform und Revolution. Die Deutschen an der Wolga 1860–1917. Essen, 1994. S. 172–189 — о переселении поволжских немцев в Америку.

и независимо от их желания, хотя договоры и предполагали переселение на добровольной основе⁹⁹.

Самой значительно катастрофой для немцев в СССР стало нападение Германии на Советский Союз в 1941 г. Этому, очень тяжелому периоду в жизни немцев в СССР посвящено большое количество исследований и опубликованных воспоминаний и писем самих поселенцев. В течение нескольких месяцев после 22 июня 1941 г. среди немцев было много арестов и расстрелов ввиду первоначальных больших потерь Красной армии и поиска виноватых. Вскоре после нападения Германии на Советский Союз Советская Республика немцев Поволжья была распущена. Тогда же была начала депортация немцев в Сибирь и Казахстан¹⁰⁰. Декрет Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 г. о переселении немцев Поволжья представлял данное решение таким образом, как будто бы это было прямым следствием нападения Германии и выдвигало тяжелые обвинения против немцев. Из Поволжья в Сибирь было депортировано 340 тыс. человек в специально оборудованных вагонах, как сообщалось в Декрете, а на самом деле, по воспоминаниям самих немцев, в вагонах для скота. Из Украины, с Кавказа и из Ленинграда и Ленинградской области было в целом транспортировано ровно 800 тыс. российских немцев в азиатскую часть Советского Союза. На поселения прибывали, однако, только матери, дети и пожилые люди, поскольку все мужчины от 15 до 60 лет, а также бездетные женщины и женщины с детьми старше трех лет вынуждены были работать в трудармии. Специальным дополнительным положением о проведении Указа в жизнь было запрещено говорить членам семьи о предстоящей разлуке. В трудармии немцы жили, вынужденно работая в нечеловеческих условиях. Никто не знает, сколько тысяч трудармистов тогда погибло до 1955 г., когда были упразднены лагеря трудармии.

По Указу, в котором говорилось только о переселении немцев Поволжья, начали переселять всех российских немцев. Их обвинили в связях с Германией и стали выселять в Сибирь и Среднюю Азию. Этой судьбы удалось избежать лишь тем немцам, которые в начале войны оказались в зоне немецкой и румынской оккупации. В 1943–1944 гг. 350 тыс. немцев Причерноморья из областей между Днепром и Днестром было

⁹⁹ Фельштинский Ю.Г. СССР—Германия 1939: Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс, 1989. С. 60–65.

¹⁰⁰ См. например: *Вашкау Н.Э.* Без вины виноватые. Российские немцы на спецпоселении и в трудармии // Родина. 2002. № 10. С. 99–104.

переселено в район Вартегау (ныне Западная Польша), а оттуда частично в Германию. Но позже, со вступлением Красной армии в Германию, 250 тыс. российских немцев из Вартегау и других районов были подвергнуты насильственной репатриации в СССР, где их ожидали пожизненная ссылка и принудительные работы за измену Родине. К ним как к изменникам относились еще более сурово, чем к тем немцам, которые были депортированы в 1941 г. В этих условиях погибла значительная часть российских немцев, около 300 тыс. человек¹⁰¹.

В Ленинграде сразу после начала войны все лето шла эвакуация населения, промышленных предприятий и скота, когда 16 сентября 1941 г. фашистская армия прорвалась к Финскому заливу, был образован Ораниенбаумский плацдарм. Была захвачена вся прибрежная территория от Стрельны до Нового Петергофа. Поскольку Гитлер отказался от захвата Ленинграда, перед его армией стояла задача изнурять город и окрестности голодом и артобстрелами. В результате в зоне боевых действий, а затем — в зоне оккупации оказалась значительная часть немецкого населения Ленинградской области, в которую входила на тот момент времени также и Новгородская область. Колонии Ново-Саратовка, Янино, Веселый Поселок, Овцыно, Средняя Рогатка, Ижора (Колпино), Гражданка оказались в блокадном кольце. Колонии Стрельнинская, Кипень, Порховская, Этиуп, Ямбург остались в зоне оккупации. На Ораниенбаумском пятачке оказались колонии Кронштадтская, Знаменская, Петергофская и Ораниенбаумская¹⁰². Жители пригородов ездили на работу в город по специальным пропускам, вплоть до последнего дня, когда некоторые из них не смогли вернуться к своей семье, оказавшейся в зоне оккупации. Кто-то отвез к городским родственникам детей, зимние вещи, продукты, не ожидая, что враг так быстро и близко подойдет к городу.

Население голодало, жители оккупированных территорий создавали партизанские отряды, в том числе — жители немецких колоний. В городе шла борьба с паникой. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» позволял военным выселять лиц, признанных социально опасными. 21 августа 1941 г. в соответствии с приказом командующего Северным фронтом и начальника УНКВД Ленинградской области «О выселении из Ленинграда и области социально опасных лиц» развернулись новые репрессивные меры по отношению

¹⁰¹ Rosenberg P., Weydt H. Указ. соч.

¹⁰² Подробнее см.: Черказьянова И.В. Немцы Ленинграда и Ленинградской области в 1941–1955 гг. С. 12–52.

к немцам, которые наряду с финнами были отнесены к числу социально опасных. 26 августа 1941г. было принято секретное постановление Военного совета Ленинградского фронта «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов гор. Ленинграда», по которому обязательному выселению подлежали немцы и финны из Ораниенбаумского, Красносельского, Служского, Красногвардейского, Тосненского, Мгинского, Всеволожского и Парголовского районов. Всего успели выселить 28 000 немцев и финнов, пока еще работало железнодорожное сообщение. Часть из них была размещена в Вологодской обл. (ок. 22 900 чел.), 350 чел. попали в Кировскую область.

Среди колонистов, оказавшихся в блокадном кольце и погибших в первую блокадную зиму, были жители Гражданки, Колпинской колонии, Новосаратовки, Средней Рогатки, Янино, Овцыно и представители ученой интеллигенции, погибавшие от голода и продолжавшихся репрессий.

В марте 1942 г. снова стали выселять немцев из Ленинграда и пригородов, высылке подлежало 24 600 чел. Людей эвакуировали сложным маршрутом, часть которого проходила по Ладоге. К 28 марта через Ладогу было переправлено в Иркутскую область 3 эшелона с немцами и финнами, всего 6788 чел. Своей очереди ждали еще четыре эшелона. 13 875 немцев и финнов было эвакуировано с 26 по 28 марта, на территории осталось около 200 чел. Немцев отправляли в Омскую и Иркутскую области, где необходимо было обеспечить развитие рыбных промыслов¹⁰³.

На оккупированной территории в период с 6 по 20 ноября 1941 г. по решению командования 18-й германской армии производился учет этнических немцев, который был в целом завершен к началу 1942 г. 25 января 1942 г. по приказу командующего 18-й армией началось выселение немецкого населения из окрестностей Ленинграда, а в феврале того же года — из Шлиссельбурга и Ингерманландии. Согласно распоряжению штаба по размещению вывезенного населения, немцы из района Ленинграда, Шлиссельбурга и Луги отправлялись в лагерь Кониц (Западная Пруссия), куда в течение 2 месяцев прибыло 3441 чел., а 335 чел. — в лагерь Нойштадт (под Данцигом). Около 500 семей (2104 чел) из-под Ленинграда были расселены в районе Люблина,

¹⁰³ Черказянова И.В. Указ. соч. С. 35, со ссылкой на: Мусаев В.И. Этнос и война. Национальные перемещения на северо-западе СССР во время Второй мировой войны. 1941–1945 гг. // Нестор. 2003. № 6: Человек и война: Истоки, исследования, рецензии. СПб., 2003. С. 415.

остальные переведены в район Вартегау, где к 12 июля 1944 г. находилось около 240 тыс. этнических немцев. В лагерях немцы проходили проверку на этническую принадлежность и делились на три категории: лица, отнесенные к первым двум, получали германское гражданство, а все остальные, включенные в 3-ю категорию, — временное германское гражданство сроком на 10 лет.

В 1945 г. около 200 тыс. административных переселенцев из СССР не успели покинуть Вартегау и оказались на территории, занятой советским войсками. В период с 1945 по 1948 г. большинство этнических немцев были репатриированы в СССР, где они проходили проверку в проверочно-фильтрационных пунктах и лагерях. Оттуда немцев отправляли в лагеря НКВД и на спецпоселения. Законодательной основой депортации служили приказ НКВД СССР № 001175 от 30 августа 1941 г. и постановления Военного совета Ленинградского фронта № 196сс от 26 августа 1941 г., № 00713 от 9 марта 1942 г. и № 00714а от 20 марта 1942 г. Немцы, оказавшиеся в Сибири, на Урале, были мобилизованы в трудовую армию, которая немногим отличалась от лагерей¹⁰⁴.

1.7. Судьба российских немцев в период после Второй мировой войны и по сегодняшний день

Конец войны мало что изменил в жизни немцев. 26 января 1948 г. Верховный Совет постановил, что переселение немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, финнов и литовцев должно быть осуществлено «на вечные времена». Это означало, что немцам было запрещено покидать места поселения, а в случае нарушения данного распорядка они могли быть отправлены в тюрьму сроком до 20 лет. Кроме того, немцы должны были дать подписку о невозвращении на родину и в места их прежнего проживания, а также об отказе от претензий на конфискованное имущество. Изменения произошли после визита в СССР канцлера Конрада Аденауэра и установления дипломатических отношений между Москвой и Бонном. Декретом от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» было снято большинство ограничений и правовых порядков по отношению к немцам, однако возврат

¹⁰⁴ Об истории немцев в Сибири см. История и этнография немцев в Сибири / Сост. П. П. Вибе. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009.

имущества не осуществлялся и сохранялся запрет на возвращение в места первоначального проживания. Официальное снятие запрета последовало в 1972 г. указом от 3 ноября «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан». Некоторые из немецких поселенцев вернулись в свои колонии, некоторые пожелали эмигрировать в Германию¹⁰⁵.

В 1955 г. 200 000 немцев обратились в немецкое посольство в Москве с письменным прошением о выезде, но они не получили разрешения на выезд, однако факт снятия режима спецпоселения все-таки подействовал как амнистия и облегчил судьбу немцев. Снова начали издаваться немецкие газеты. В 1955 г. — на Алтае, в 1957 — в Москве («*Neues Leben*»). Стали выходить радиопередачи на немецком языке. В 1957 г. в Целинограде была зарегистрирована лютеранская община. Стали объединяться и устанавливать контакты с братьями по вере на Западе лютеране и меннониты, а также католики. К 1957 г. 3895 российских немцев получили разрешение на выезд¹⁰⁶.

Некоторая реабилитация немцев произошла после издания Декрета от 29 августа 1964 г., когда было принято постановление о политической реабилитации немцев, что являлось политическим жестом по отношению к ФРГ. В СССР оно было опубликовано лишь в январе 1965 г., уже после смещения Н.С. Хрущева. Для советского правительства немцы стали инструментом внешней политики по отношению к ФРГ, что позволяло устанавливать разный уровень реэмиграции, т. е. количество выдаваемых разрешений на выезд в Германию в зависимости от внешнеполитической ситуации.

Поскольку по отношению к условиям проживания немцев в СССР мало что изменилось, их желание выехать обратно в Германию становилось все сильнее. Сначала возможности такого шага были ограничены. Только 1 января 1987 г. был издан Закон о въезде и выезде, по которому были в значительной степени либерализованы условия въезда и выезда, после чего последовала большая волна реэмиграции, которая длится и по сей день. 10 июля 1992 г. был подписан Протокол о сотрудничестве в поэтапном восстановлении республики на Волге, однако его положения не выполнялись. 28 февраля 1993 г. в Москве прошел 3-й съезд немцев бывшего СССР, на котором были констатированы отклонения от пунктов соглашений между Россией и Германией и приняты

¹⁰⁵ Die Deutschen in der UdSSR in Geschichte und Gegenwart. Baden-Baden, 1990. S. 29–43.

¹⁰⁶ См. *Кресс Э.* Указ. соч. С. 16–18.

постановления о поддержке и обеспечении выезда немцев из России в Германию, а также об обеспечении условий жизни немцев на территории бывшего СССР¹⁰⁷.

Сегодня вопрос о родине является для русских немцев еще более актуальным, чем раньше. Благодаря волнам реэмиграции немцев в Германию ситуация значительным образом изменилась, а решения проблемы пока что не видно. Многие авторы исследуют положение бывших российских немцев в Германии, а также тех из них, кто остался в России. Изучаются их язык и условия жизни, социальная и культурная адаптация на родине¹⁰⁸.

Так, например, начиная с 1982 г. осуществляется проект по созданию многотомного труда, отражающего взаимоотношения и историю развития двух народов — русского и немецкого, начиная с Киевской и Новгородской Руси и по сегодняшний день. Речь идет о Вуппертальском проекте, который был задуман и начат Л. Копелевым, литератором, искусствоведам и специалистом по немецкой литературе, философии и истории. «Вуппертальский проект» осуществлялся по инициативе и под руководством Копелева в годы его жизни в Германии. Это огромный труд, завершившийся изданием десяти томов о взаимовосприятии русских и немцев на протяжении веков, нашедшем отражение в истории и культуре. В 1981 г. результаты данного проекта были опубликованы в знаменитой серии «Западно-восточные отражения»¹⁰⁹.

С 1997 г. исследования в данной области продолжают Карлом Аймермахером (Рурский университет, Бохум, Институт русской и советской культуры им. Лотмана).

В России также предпринимаются попытки улучшения условий проживания русских немцев. К одному из таких проектов относится, например, создание немецкой деревни Нойдорф-Стрельна под С.-Петербургом. В проекте было запланировано строительство жилых домов, создание разветвленной инфраструктуры и восстановление

¹⁰⁷ Frank H. Указ. соч. С. 58–86.

¹⁰⁸ См., например, статью: Becker S. Kultur oder Sprache? Zur Rechtsprechung nach dem Bundesvertriebenengesetz (BVFG) // Russlandsdeutsche Kultur: eine Fiktion? / Hrsg. von H.-W. Retterath. Freiburg, 2006. S. 109–143.

¹⁰⁹ В конце 1970-х гг. Копелева за публикации на Западе исключили из КПСС и Союза писателей, а когда он уехал в командировку в ФРГ, писателя и ученого лишили советского гражданства. О судьбе Л. Копелева рассказывает также книга Р. Орловой-Копелевой «Двери открываются медленно. Москвичка познает Запад» (*Orlowa-Kopelew R. Die Türen öffnen sich langsam. Eine Moskauerin erlebt den Westen.* Hamburg: Albrecht Knaus Verlag, 1984).

некоторых старых зданий. Реализация данной идеи началась в 1996 г., а 18 января 2000 г. Государственная комиссия России приняла первую очередь построек — 38 двухэтажных коттеджей. Подготовка территории, включающая строительство дорог и инженерных коммуникаций, была осуществлена за счет бюджета Санкт-Петербурга. Строительство жилых домов велось на средства России и Германии в соотношении 30:70. По данным периодического издания «Европа-Экспресс», «единственное на северо-западе России компактное поселение российских немцев, Нойдорф, появилось в рамках программы межправительственной российско-германской комиссии, цель которой — сохранить культурную самобытность немцев, живущих вдали от исторической родины. Программа предусматривала комплексное развитие территории: строительство жилых домов, общественного культурного центра и индустриальной зоны для создания рабочих мест будущим переселенцам и местным жителям»¹¹⁰.

Претенденты на заселение выбирались на конкурсной основе, при этом учитывалась этническая принадлежность, отсутствие намерения выехать в Германию и готовность участвовать в дальнейшем благоустройстве поселка. Происхождение колонистов (например из Петербургских колоний) не учитывалось. Из 1301 заявителя было отобрано 50 семей, в основном выходцы из Казахстана. В планах было поселение еще 130 семей, но финансирование прекратилось, и проект закрыли. В. И. Матвиенко предложила малым и средним предприятиям Гамбурга располагать свои производства в немецкой деревне в рамках программы по расширению сотрудничества между Петербургом и Гамбургом¹¹¹. 9 февраля 2002 г. в Берлине президенты РФ и ФРГ провозгласили открытие Года российской культуры в Германии, на смену которому последовал Год немецкой культуры в России.

¹¹⁰ Кузьмина С. Немецкий «локомотив» для Стрельны // Европа-Экспресс. 2005. № 39 (395). Режим доступа : http://www.euexpress.de/archive/artikel_231.html, свободный. Загл. с экрана.

¹¹¹ Данные опубликованы на сайте проекта «Нойдорф-Стрельна». Режим доступа: <http://www.noidorf-strelna.ru/>, свободный. Загл. с экрана.

2. НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ КАК ЯЗЫКОВЫЕ ОСТРОВА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

2.1. Понятие «языковой остров» в лингвистике.

Немецкие языковые острова на территории бывшего СССР

Термин «языковой остров» используют многие науки — лингвистика, история, этнография, социология. В лингвистике понятие «языковой остров» появилось в середине XIX в. Сначала таким образом обозначался славянский языковой остров под Кёнигсбергом, а позже — сирийский языковой остров в арабской пригородной зоне Дармскуса¹. Ранее при исследовании языка отдельных национальных групп, проживающих за пределами основной зоны распространения данного языка, говорили о колониях, поселениях, народных островах, немецких клочках земли, немцах за границей. С введением нового понятия стали меняться и цели исследования — в центре интереса ученых оказался именно язык переселенцев, а не только их культура и быт.

Существует большое разнообразие в определениях языкового острова, которые, впрочем, не противоречат друг другу, а лишь сужают или расширяют само понятие либо уточняют и дифференцируют его. Так, например, американский лингвист Л. Блумфилд, говоря о языковых границах как о неких воображаемых линиях, которые отделяют говорящих на одном языке от говорящих на другом, определяет языковой остров как некий коллектив, находящийся в иноязычном окружении. Однако, широко понимая языковой остров, или, как он пишет, «языковой островок», Блумфилд сокращает языковой коллектив до семьи или даже индивидуума. Он пишет: «Языковая граница предстает, таким образом, не только в виде большой ломаной линии, но и в виде многочисленных небольших замкнутых кривых вокруг языковых островков, причем некоторые из них включают только одну семью или даже

¹ См.: *Kuhn W.* Deutsche Sprachinsel-Forschung. Geschichte, Aufgaben, Verfahren. Plauen im Vogtland. Berlin, 1934.

одного человека»². Таким образом, в широком понимании языковым островом называется любой языковой коллектив, находящийся в иноязычном окружении.

Продолжая далее рассматривать развитие данного термина, стоит упомянуть, что В. Кун определяет языковые острова как поселения, возникшие вследствие закрытой колонизации народа на новых территориях³, П. Визингер расширяет данное определение, обозначая языковые острова как точечно или ареально встречающиеся, относительно небольшие замкнутые языковые и поселенческие общности внутри относительно большей иноязычной области⁴. К. Хуттерер хотя и дает очень похожее определение (пространственно ограниченные и внутренне структурированные поселения языкового меньшинства на территории языкового большинства), но характеризует языковой остров уже не только как языковое сообщество, но и как объединение людей с точки зрения культуры, ономастики, этнографии⁵. Г. Протце понимает под языковым островом поселения, отделенные от собственного языкового сообщества в территориальном, языковом и культурном плане, живущие своей собственной жизнью, но не теряющие при этом связи с исторической родиной⁶. К. Маттгейер в 1994 г. в работе «*Theorie der Sprachinsel. Voraussetzungen und Strukturierungen*» вводит социолингвистическое определение языкового острова, определяя его как языковое общество, которое возникло вследствие замедленной языковой и культурной ассимиляции, представляет собой языковое меньшинство, отделенное иноязычным обществом от окружающего этноса, и ограниченно контактирует с последним, что приводит к своеобразию социопсихологической позиции⁷. А.И. Домашнев пони-

² Блумфилд Л. Язык (Bloomfield L. Language. New York: Holt and Co., 1933; вперв. на рус. яз.: Блумфилд Л. Язык. М., 1968). Изд. 2-е, стереотип. М.: УРСС, 2002. С. 67–68.

³ Kuhn W. Указ. соч.

⁴ Wiesinger, P. Deutsche Sprachinseln // Lexikon der Germanistischen Linguistik. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 491–500.

⁵ Hutterer C.J. Sprachinselforschung als Prüfstand für dialektologische Arbeitsprinzipien // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Erster Halbband. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1982. S. 178–189.

⁶ Protze H. Die Bedeutung von Mundart, Umgangssprache und Hochsprache in deutschen Sprachinseln unter Berücksichtigung sprachlicher Interferenz // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock, 1969. Heft 6–7. S. 595–600.

⁷ Mattheier K.J. Theorie der Sprachinsel. Voraussetzungen und Strukturierungen // Nina Berend, Klaus J. Mattheier (Hrsg.). Sprachinselforschung / Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig. Frankfurt am Main: Lang, 1994. S. 333–348.

мает под языковым островом (Sprachinsel), или островным диалектом (Inselmundart) «маргинальную область распространения языка, отдаленную от ареала своего ядра территориально-политической границей и находящуюся в пределах других политических (государственных) границ в иноязычном окружении»⁸. Х. Франк дает несколько иное определение и пишет, что «языковыми островами называются в лингвистике встречающиеся единично или ареально языковые и поселенческие объединения, которые отдалены от собственного этнического союза посредством иных языков и культур»⁹. Можно сказать, что все из приведенных определений не противоречат друг другу, а лишь акцентируют внимание на той или иной стороне понятия. При этом термин постепенно приобретает все более широкое значение, переходя от чисто лингвистического уровня к смежным дисциплинам, таким как этнография, культурология, история, политология, социология и психология.

В немецкоязычной литературе можно найти ссылки на то, что в современной лингвистике исследователи различают два вида языковых островов — внешние и внутренние (Außensprachinseln und Binnensprachinseln). В лингвистическом словаре под редакцией Х.П. Алтхауса под внутренними языковыми островами понимаются «ареалы, которые образуются внутри общей языковой среды из-за разницы в диалектах. Внешние языковые острова, напротив, возникают в иноязычной, отличающейся также с культурной и этнической точек зрения, среде и являются при этом отделенными от собственного языкового пространства»¹⁰. Очевидно, что происходит не только расширение значения, но и его дифференциация, исходящая из различного развития этноса в рамках родственного или чуждого языкового коллектива.

Российский лингвист А.И. Домашнев также пишет о том, что в отношении немецкого языка выделяют два типа языковых островов, но приводит при этом несколько иную терминологию, ссылаясь на немецкого лингвиста Г. Лёффлера. К первому типу относятся так называемые «окраинные» зоны распространения немецкого языка («Randdeutsch»)¹¹, т.е. «маргинальные области распространения

⁸ Домашнев. В.М. Жирмунский и изучение немецких диалектов в СССР // Язык, литература, эпос (к 100-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского). С. 45.

⁹ Frank. Указ. соч. С. 99.

¹⁰ Althaus H.P. Lexikon der Germanistischen Linguistik / H.P. Althaus et. al. (Hrsg.). Tübingen: Max Niemeyer, 1980. S. 491.

¹¹ Löffler H. Germanistische Soziolinguistik. 2. überarb. Aufl. Berlin: Erich Schmidt, 1985. S. 69.

языка, расположенные контактно с основной территорией его употребления»¹². Среди таких зон Домашнев называет провинцию Альто-Адидже (Южный Тироль) в Италии или Эльзас и часть Лотарингии во Франции. Второй тип — это «дистантно расположенные языковые области, образовавшиеся в результате переселения групп носителей немецкого языка в инациональные иноязычные страны»¹³. К этому типу можно отнести немецкоязычные «острова» в Европе, США, Канаде, Австралии, а также в ряде стран Латинской Америки. Внутри «внешних» или «дистантно расположенных» языковых островов происходит дальнейшее разделение на «примарные» языковые острова, т.е. образованные в материнских, исходных колониях, и «секундарные», т.е. образованные в «дочерних», вторичных колониях¹⁴. В.М. Жирмунский проводил терминологическую границу между языковыми островами и отдельными поселениями (*Sprachinseln und Streusiedlungen*), считая островами только более крупные образования¹⁵.

Немецкоязычные языковые острова можно разделить также по времени их возникновения на те, которые были сформированы в период Средневековья (XII–XIV вв.), и так называемые острова нового времени, возникшие в XVI–XVIII вв.¹⁶ Важную роль в этой классифи-

¹² Домашнев А.И. Указ. соч. С. 45.

¹³ Там же.

¹⁴ Frank H. Указ соч. С. 100.

¹⁵ Schirmunski V.M. Zur Volkskunde der deutschen Siedlungen in der Sowjetunion (1929c) // Viktor Schirmunski / Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München: Südostdt. Kulturwerk, 1992 (Veröffentlichungen des südostdeutschen Kulturwerkes: Reihe B, Wissenschaftliche Arbeiten; Bd. 59). S. 230; Schirmunski V.M. Volkskundliche Forschungen in den deutschen Siedlungen in der Sowjetunion (1930c) / Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. S. 244.

¹⁶ См., например, работы В. Куна, где он говорит о поздних и ранних языковых островах (*Kuhn W. Deutsche Sprachinsel-Forschung. Geschichte, Aufgaben, Verfahren. Plauen im Vogtland. Berlin, 1934*), и труды П. Визингера, в которых он детально рассматривает старые и новые немецкие языковые острова (*Wiesinger P. Deutsche Dialektgebiete außerhalb des deutschen Sprachgebiets: Mittel-Südost und Osteuropa // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Zweiter Halbband. Berlin: Walter de Gruyter, 1983. S. 900–930; Wiesinger P. Deutsche Sprachinseln // Lexikon der Germanistischen Linguistik. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 491–500*). См. также: *Protze H. Die Bedeutung von Mundart, Umgangssprache und Hochsprache in deutschen Sprachinseln unter Berücksichtigung sprachlicher Interferenz // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 1969. Heft 6–7. S. 595–600.*

кации играет уровень развития культуры и образования колонистов, так как основатели новых поселений отличаются от представителей средневековой культуры тем, что владеют не только своим диалектом, но и литературным языком, норма которого уже сложилась в основных чертах к этому времени. Так, Г. Леффлер отмечает, что языковой остров — это тот остров, жители которого владеют как литературным немецким языком, так и диалектом, который вступает в контакт с языком окружения, при этом ученый предлагает называть такой остров «диалектным»¹⁷.

Характерной чертой любого языкового острова является, по мнению А. И. Домашнева, так называемое «перекрытие» (*Überdachung*) его языком окружающего «языкового большинства» в результате преобладающей практической и социальной роли последнего. Данное «перекрытие» приводит со временем к усилению влияния на данный языковой остров как языка, так и культуры его иноязычного и инонационального окружения. Как отмечает Домашнев, «Наблюдение показывает, что, в отличие от ареала ядра, в языковом острове диалект является в большей мере важнейшим средством общения в кругу семьи и внутри этнической языковой общности»¹⁸. Особую роль играет при этом создание условий для изучения и применения литературного языка (например в церкви или школе), поскольку только тогда можно говорить, что в данном языковом острове складывается полномерная речевая структура («*Vollsprache*»), и называть этот ареал «языковым островом» («*Spachinsel-Deutsch*») в отличие от только «диалектного острова» («*Dialekt-Sprachinsel*»). В случае владения как литературным языком, так и местным диалектом в языковом коллективе создается ситуация внутренней диглоссии, на которую накладывается овладение языком иноязычного большинства окружения, создающее предпосылки для билингвизма и интерференции. Поскольку все указанные факторы оказывают влияние на речевую структуру языкового острова, любое его лингвистическое исследование следует проводить в отношении диалекта, литературной нормы языка и языка окружения как взаимосвязанных компонентов.

¹⁷ *Löffler H.* Указ. соч.

¹⁸ *Домашнев А.И.* Пути развития немецкой «островной» диалектологии в СССР (К изучению немецких «островных» диалектов: К 100-летию В.М. Жирмунского) (1990) // Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб.: Наука, 2005. С. 753.

Основоположником, или, как пишет Л. Р. Зиндер, «первооткрывателем» немецкой островной диалектологии по праву считается В. М. Жирмунский, являющийся автором ряда работ по данной теме¹⁹. Занимаясь исследованиями диалектов немецких колонистов в СССР, В. М. Жирмунский особо подчеркивал важность островных исследований, называя языковые острова «экспериментальной лингвистической лабораторией». Так, в статье «Проблемы колониальной диалектологии», опубликованной впервые в 1929 г. в журнале «Язык и литература»²⁰ и переизданной в слегка измененном виде под названием «Проблемы переселенческой диалектологии» в сборнике «Общее и германское языкознание», ученый пишет: «Изучение говоров поселенцев представляет для лингвистики большой интерес не только с фактической стороны — как описание говоров, до сих пор почти не исследованных, но также и с точки зрения принципиальной, методологической: изолированные среди иноязычного населения немецкие поселения являются как бы экспериментальной лингвистической лабораторией, в которой на протяжении сравнительно короткого промежутка времени в 100–150 лет в обстановке, удобной для наблюдения, совершались языковые процессы, обычно развертывающиеся на протяжении целых столетий»²¹.

Для Жирмунского изучение немецких языковых островов на территории СССР было чрезвычайно важно с точки зрения методики лингвистической географии, которую впервые широко применили Ф. Вреде и Т. Фрингс²². Лингвистическую географию они определяют как «изучение территориальной дифференциации в определенном языковом ареале»²³. При этом она рассматривается не как абсо-

¹⁹ Зиндер Л. Р. В. М. Жирмунский и островная диалектология // Язык, литература, эпос (к 100-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского). СПб.: Наука, 2001. С. 74. В данной статье приводится также библиография работ В. М. Жирмунского по островной диалектологии.

²⁰ Жирмунский В. М. Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. Л., 1929а. Вып. 3. С. 179–220.

²¹ Жирмунский В. М. Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. С. 492.

²² Wrede F. Deutscher Sprachatlas / F. Wrede, B. Martin. Text zur 6. Lieferung. Marburg/Lahn, 1932; Вредэ Ф. К истории развития диалектологии // Немецкая диалектография: Сборник статей / Пер. с нем. Н. А. Сигал; ред., предисл. и примеч. В. М. Жирмунского. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. 23–41 с.; Frings Th. Rheinische Sprachgeschichte. Dortmund, 1924.

²³ Блумфилд Л. Указ. соч. С. 353.

лютно новое, а как дополнительное по отношению к сравнительному языкознанию лингвистическое направление. Аргументом при этом служит тот факт, что лингвистическая география лишь подтвердила вывод, сделанный на основании сравнительных исследований, о том, что различные языковые изменения распространяются по той или иной территории неравномерным образом. Важность метода данного направления заключается в том, что оно дает сведения о распространении редких языковых явлений, сохраняющихся в современном языке только в виде реликтовых форм²⁴. С помощью данной методики лингвистической географии Вреде и Фрингсу удалось доказать ошибочность представлений ранней диалектологии, исходившей из того, что все немецкие диалекты восходят к общему «родословному дереву». Если ранее диалект рассматривался как замкнутая система с неизменным набором признаков, возникающая в результате прямолинейного развития и одного общего с прочими диалектами корня, то Вреде и его ученики обратили внимание на взаимодействие между диалектами, на происходящие в результате этого частичные смешение и выравнивание признаков (Ausgleich).

С помощью метода лингвистической географии В.М. Жирмунский исследовал немецкие языковые острова на территории СССР²⁵. Немецкие языковые острова различного рода существуют во всем мире, их основателями были немцы, которые в разное время и по разным причинам покидали Германию и селились в странах Европы, Азии, Америки, Австралии. На сегодняшний день существуют немецкие диаспоры, национальные меньшинства в таких странах, как Италия, Венгрия, Румыния, Канада, США, Бразилия, Австрия. Ассимиляция немецкого языка в этих странах произошла в разной степени, что подтверждается проводимыми там на данный момент исследованиями²⁶.

Среди немцев-колонистов в России преобладающее большинство составляли крестьяне и ремесленники, в некоторых районах это были также горняки и рабочие на лесоповале. Именно они образовали языковые острова в центре России, выехав из Германии в поисках лучшей доли и заселив свободные неосвоенные земли Российской

²⁴ Там же. С. 355, 373.

²⁵ Жирмунский В.М. Методика социальной географии (Диалектология и фольклор в свете географического исследования) // Язык и литература. Л., 1932. Вып. 8. С. 83–119.

²⁶ Библиография работ приводится в книге: Москалюк Л.И. Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. С. 5 и др.

империи. Это были именно те языковые области, которые называются «крестьянскими языковыми островами»²⁷. Образование данных поселений происходило под влиянием нескольких факторов, среди которых основное значение играли общее происхождение, культура и язык, к ним добавлялись общая религиозная принадлежность, зачастую также территориальная удаленность от основных транспортных путей и политическая обособленность, что в целом еще более способствовало внутреннему единству и внешней обособленности поселенцев.

2.2. Немецкая островная диалектология в России — история исследования

Говоря об основных видах языка в сложном по составу языковом коллективе²⁸, Л. Блумфилд выделяет следующие:

1) письменный литературный язык, который используется при официальных формах общения и на письме;

2) разговорный литературный язык, который он определяет как язык привилегированных классов;

3) областной литературный язык, который, согласно Л. Блумфилду, не очень отличается от разговорного литературного языка средних классов, но варьируется от одной местности к другой;

4) просторечие, которое употребляется «низшей прослойкой среднего сословия», имеет характерные территориальные черты, но без резких местных особенностей;

5) местные диалекты, на которых говорят менее привилегированные классы²⁹.

Родным языком немецких поселенцев были различные немецкие диалекты, которые называют также поселенческими, переселенческими или смешанными говорами, или колониальными диалектами. Согласно определениям, данным в Лингвистическом энциклопедическом словаре, диалектом называется «разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными

²⁷ *Kranzmayer E.* Historische Lautgeographie des gesamt-bairischen Dialektraumes, mit 27 Laut- und 4 Hilfskarten. Wien: Böhlau Verlag, 1956.

²⁸ Л. Блумфилд определяет языковой коллектив (speech community) как «группу людей, взаимодействующих посредством речи» и называет его «наиболее значимой из социальных группировок». *Блумфилд Л.* Указ. соч. С. 57.

²⁹ Там же. С. 67.

тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью», а говором — «наименьшая территориальная разновидность языка, используемая в качестве средства общения жителями одного или нескольких соседних, обычно сельских, населенных пунктов, не имеющих территориально выраженных языковых различий»³⁰. Известно, что в ареальной лингвистике говору как некой точке в лингвистическом пространстве противостоят ареальные единицы, такие как группа говоров, диалектная зона, наречие, диалект. Они объединяют различные, хотя и близкие в языковом отношении соседние говоры. Однако, несмотря на то что в ряде названий ареальных единиц отражается сложность диалектного членения языка, в научной литературе термин «диалект» может употребляться в качестве синонима всех этих названий и заменять термин «говор».

Диалекты подразделяют на территориальные и социальные. Территориальный диалект определяется как «средство общения населения исторически сложившейся области со специфическими этнографическими особенностями, как единица лингвоэтнографического членения, обрисовывающая на карте совокупность языковых и этнографических границ»³¹. Внутри территориальных диалектов различаются следующие говоры: *переходный* (или *смешанный*, т.е. занимающий промежуточное положение между другими говорами и совмещающий в себе характерные черты нескольких говоров/языков); говор *материнский* — язык жителей населенного пункта, откуда переселилась его часть, образовавшая говор *переселенческий*; говор *островной* — находящийся в окружении другого языка или резко отличающегося по многим языковым чертам диалекта того же языка.

Применительно к языку немецких колонистов употребимы все из перечисленных выше терминов. Это — территориальные диалекты, являющиеся также поселенческими или переселенческими говорами, которые можно называть островными, так как они находятся в иноязычном окружении. Кроме того, данные говоры имеют в основном смешанный характер, что вызвано историческими и социальными причинами. Говоря о важности изучения колониальных говоров немецких переселенцев в России, В. М. Жирмунский указывает на то, что исходными данными должны быть «наличность при основании данного поселения некоторого числа немецких говоров, известных нам

³⁰ Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 110–111, 133.

³¹ Там же. С. 132

по лингвистическому атласу Германии или из монографических описаний, и количественные отношения между этими говорами, т. е. число семейств, выселившихся из соответствующих частей Германии»³².

Исследованию островных немецких диалектов посвящено значительное число научных работ диалектологов из многих стран мира, где проживают этнические немцы. Немецкие диалекты на территории России впервые были отражены в 3-томном собрании немецких диалектов И. М. Фирмениха, вышедшем в 1854 г.³³ Целью издания Фирмениха было показать общее внутреннее единство немецких диалектов при всем их внешнем многообразии. В сборнике представлены более пяти-сот областей распространения немецкого языка. Из диалектов, распространенных в России, И. Фирмених рассматривает только те, которые употребляли колонисты, проживавшие возле реки Молочная на юге России, и делит их на две основные группы: верхненемецкий диалект колонистов, проживавших на правом берегу реки, и диалект меннонитов на левом берегу реки. Фирмених ставит также, правда в очень упрощенном виде, проблему смешения диалектов в деревнях. Данное издание ценно в первую очередь тем, что именно оно впервые ввело немецкие диалекты на территории России в поле научных интересов диалектологов, хотя само по себе и не являлось сугубо лингвистическим исследованием.

Дальнейшее изучение немецких диалектов связано с интересом к контрастивной лингвистике, который проявился в Германии в конце XIX в., когда стала изучаться география звуков, форм и затем слов (Laut-, Formen-, Wortgeographie). Еще в начале XX в. руководителем проекта «Диалектологический атлас Германии» Фердинандом Вреде были посланы в Россию анкеты с 42 предложениями Георга Венкера для перевода их на существующие там диалекты. Данная деятельность была активно поддержана учителями в среде русских немцев, акция проходила в течение 2 лет, но была приостановлена ввиду политических причин, а затем и вовсе прервана из-за начала Первой мировой войны.

Следующим ученым, оставившим след в изучении немецких диалектов в России, стал Вольф фон Унверт (Wolf von Unwerth). Работая по поручению Немецкой комиссии Королевской Прусской академии

³² Жирмунский В. М. Проблемы переселенческой диалектологии... С. 492.

³³ Germaniens Völkerstimmen. Sammlung der deutschen Mundarten in Dichtungen, Sagen, Märchen, Volksliedern u. s. w. / Johannes Matthias Firmenich (Hrsg.). Berlin, 1854. Bd. III.

наук, немецкий профессор изучал диалекты российских немцев и первым попытался дать классификацию немецких диалектов в России. Информантами Унверта были немецкие военнопленные, находившиеся в лагерях в Германии³⁴. Вслед за тем последовали работы Э. Майер «*Deutsche Phonetik. Mit besonderer Berücksichtigung der Aussprache der Deutschen in Russland*», изданная в 1929 г. в Москве, и А. Дульзона «*Einige lautliche Eigentümlichkeiten der wolgadeutschen Mundarten*», изданная несколько позже, в 1933 г.³⁵

Отечественные лингвисты обратились к исследованию немецких диалектов, формировавшихся на территории немецких поселений в России, лишь в начале 20-х гг. По инициативе Георга Дингеса³⁶ при Саратовском университете имени Чернышевского была сформирована группа по исследованию немецких диалектов, которая начала свою деятельность с изучения говоров поволжских немцев. Интерес именно к этой группе российских немцев объясняется в первую очередь тем, что Г. Дингес был сыном поволжского крестьянина немецкого происхождения из деревни Блуменфельд (Blumenfeld). В 1924 г. Дингес по-

³⁴ *Unwerth W.* Proben deutsch-russischer Mundarten aus den Wolgakolonien und dem Gouvernement Cherson // *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse.* Berlin, 1918. Nr. 11. S. 10–94.

³⁵ *Meyer E.* Указ. соч. 1929; *Dulson A.* Einige lautliche Eigentümlichkeiten der wolgadeutschen Mundarten // *Revolution und Kultur.* 1933. Nr. 5. S. 46–54.

³⁶ *Dinges G.* Указ. соч.; *Dinges G.* Zur wolgadeutschen Wort- und Sachgeographie // *Nachrichten.* 1927. Nr. 173; *Dinges G.* Wolgadeutsche Volkslieder mit Bildern und Weisen. Berlin; Leipzig, 1932; *Дингес Г.* О русских словах, заимствованных поволжскими немцами до 1876 г. // Ученые записки Саратовского гос. университета, педагогический факультет. Саратов, 1929. Т. 7. Вып. 3. С. 195–236. Сохранилось краткое изложение диссертации Георга Дингеса «О русском влиянии в говорах немецких колонистов Самарской и Саратовской губерний» (1917), полный текст которой утерян, но сохранившиеся материалы опубликованы в кн.: *Berend N., Jedig H.* Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg; N. G. Elwert Verl., 1991. S. 37–52. Исследование сохранившейся части наследия Г. Дингеса сейчас продолжается в фондах Областного государственного учреждения «Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе» (ОГУ ГИАНП), где в 1997 г. была завершена работа по созданию фонда Дингеса–Дульзона («Объединенный фонд ученых Г. Г. Дингеса и А. П. Дульзона» (ОАФ-Р-1821)), см. *Ерпина Е. М.* Фонд Дингеса–Дульзона в Энгельском филиале Государственного архива Саратовской области // Научно-информационный бюллетень. Ред. доц., канд. ист. наук И. Р. Плеве, доц., канд. ист. наук Т. Н. Чернова. М., Готика, 1997. № 2. С. 21–22.

лучил в рамках своей деятельности по изучению немецких диалектов разрешение на командировку в Германию, во время которой он познакомился с немецкими диалектологами, в том числе и с Ф. Вреде, с которым он активно сотрудничал в последующие годы. Г. Дингес работал в основном без поддержки со стороны государства, но несмотря на это, ему удалось собрать значительное количество ценных материалов по диалектам и этнографии немцев в России. К сожалению, неблагоприятная политическая ситуация помешала продолжению его исследовательской деятельности. Многие из его полевых и исследовательских записей были сожжены вместе с другим имуществом, а оставшиеся материалы потеряны во время последовавшей вскоре за тем войны с Германией, сам ученый был арестован и сослан³⁷.

Несколько позже, в середине 20-х гг., по инициативе В. М. Жирмунского подобные диалектологические группы были образованы в Ленинграде, а затем в Москве, Одессе и Киеве. Таким образом, в середине 20-х гг. В. М. Жирмунским было положено начало широкомасштабной собирательской и исследовательской деятельности в различных немецких поселениях на территории нашей страны.

Диалектология, и в частности островная немецкая диалектология, занимала значительное место в научных интересах Жирмунского на протяжении всей его жизни. Одной из первых тем, затронутых им в рамках языковедения, стали вопросы образования смешанных говоров, составившие часть большой теоретической проблемы — проблемы взаимодействия языков и диалектов в процессе их исторического развития на примере немецких островных диалектов на территории СССР. Ученый особо подчеркивал ценность островных диалектов для изучения языка. Они давали возможность исследовать языковые процессы, обычно совершающиеся на протяжении очень длительного времени. В статье «Проблемы колониальной диалектологии» он пишет: «За последние 100–150 лет развития на новой родине в условиях изоляции среди иноязычного населения из этих составных элементов возникает новый диалект, являющийся предметом нашего изучения.

³⁷ О судьбе Г. Г. Дингеса и его роли в изучении языка немцев Поволжья см.: *Смирницкая С. В.* Г. Дингес и немецкая диалектология в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 55–60; *Домашнев А. И.* К исследованию языка российских немцев // Известия Академии наук РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 1. С. 82–83, 85; а также: *Якобсон Р., Богатырев П.* Краткий отчет о диалектологических экскурсиях 1916 года // Труды Московской диалектологической комиссии. М., 1918. Вып. 8. С. 32–33.

Сравнивая этот продукт смешения с исходными данными, мы можем обнаружить механизм языкового смешения»³⁸.

В.М. Жирмунскому пришлось сначала бороться с бытовавшим в начале XX в. в языкознании представлением о том, что диалект является не «правильным» немецким, а испорченным литературным языком. Особенно данное мнение было связано с языком колонистов и таким бы и оставалось, если бы колонисты не выяснили во время Первой мировой войны, что их диалект совпадает в общих чертах с тем диалектом, на котором говорили немецкие солдаты. Как отмечает Х. Франк, «Это открытие стало подтверждением того, что колонисты привезли свой язык с исконной родины и сохранили в течение целого столетия. Они говорили во время своего переселения из Германии не на литературном языке, <...> а использовали со времени своего поселения родной диалект»³⁹.

Жирмунский придерживался того мнения, что недооценка диалекта происходит из-за пренебрежительного отношения городского образованного сословия к нему и не может быть оправдана с научной точки зрения. Скорее именно диалект является естественным, настоящим языком, а письменная норма является лишь «продуктом человеческой культуры»⁴⁰. Особое внимание ученый уделял при этом процессам смешения диалектов. Так, в статье «Проблемы колониальной диалектологии» он пишет: «Даже для говоров Восточной Германии, возникших в результате колонизации земель, первоначально населенных славянами, процессы смешения до сих пор остаются невыявленными, несмотря на то что исторические данные определенно говорят о смешанном составе населения. Напротив, в современных колониях процесс смешения доступен непосредственному наблюдению в условиях лингвистического опыта»⁴¹.

Г. Дингес и В.М. Жирмунский представили первую в нашей стране подробную научную классификацию немецких диалектов в СССР. В результате стало возможно скорректировать классификацию немецких говоров на территории России, разработанную В. фон Унвертом

³⁸ Жирмунский В.М. Проблемы колониальной диалектологии. С. 180.

³⁹ Frank H. Указ. соч. С. 107.

⁴⁰ Schirmunski V.M. Die deutschen Kolonien in der Ukraine (Geschichte, Mundarten, Volkslied, Volkskunde) (Charkow, 1928) // Viktor Schirmunski / Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München: Südostdt. Kulturwerk, 1992 (Veröffentlichungen des südostdeutschen Kulturwerkes: Reihe B, Wissenschaftliche Arbeiten; Bd. 59). С. 41.

⁴¹ Жирмунский В.М. Проблемы колониальной диалектологии... С. 180.

и основанную, как уже было сказано, на свидетельствах немецких военнопленных. Говоря об имеющихся в России диалектах, Унверт называл следующие: диалекты района Фогельсберг-Шпессарт, гессенско-пфальцские, западнопфальцские, североэльзасские и юговосточнопфальцские. Дингес добавлял, что в Поволжье есть также восточнонемецкие говоры (верхнесаксонские и восточнотюрингские), и уточнял, что западносреднемецкие говоры Поволжья относятся к рейнско-франкским диалектам. В. М. Жирмунский предложил классификацию немецких диалектов на Украине: нижнемецкие, среднемецкие (верхнегессенские, рейнско-пфальцские и восточносреднемецкие), верхнемецкие (североэльзасские, северобаварские, южнофранкские и швабские), а также смешанные говоры в районе сел Александерхильф, Нойбург, Гюльдендорф и говоры, называемые крымско-швабскими⁴².

Описанию немецких диалектов возле Невы посвящена также работа А. Штрёма «*Deutsche Mundarten an der Newa*», вышедшая в декабре 1926 г.⁴³ За ней последовали исследования учеников В. М. Жирмунского — дипломная работа Л. Р. Зиндера «Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белые Вежи»⁴⁴, совместная

⁴² *Schirmunski V. M.* Die deutschen Kolonien in der Ukraine... С. 44–54.

⁴³ *Ströhm A.* Deutsche Mundarten an der Newa // Zeitschrift f. dt. Dialektforschung und Sprachgeschichte. Dez. 1926/27 Jg. 3. H. 1. S. 39–62. А. Н. Штрём (Alfred Ströhm) — ученик и коллега В. М. Жирмунского, германист, исследователь немецких островных диалектов Ленинградской области и Украины. В 30–40-х гг. преподавал в Одессе. Подготовил докторскую диссертацию по немецким диалектам. Репрессирован. Погиб в 1944 г. Подробнее об А. Н. Штрёме и других учениках и коллегах В. М. Жирмунского, участвовавших в экспедициях, см.: *Светозарова Н. Д.* Творческое наследие В. М. Жирмунского и его учеников в архивах Петербурга (фольклорно-диалектологические материалы) // Доклад на Международной конференции «Миллеровские чтения: К 285-летию Архива РАН». С.-Петербург, 23–25 апреля 2013 г. В печати.

⁴⁴ *Зиндер Л. Р.* Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белые Вежи. Дипломная работа. (Май 1928 г.) // Найдич Л. Э., Светозарова Н. Д. Неизданная работа Л. Р. Зиндера // АСТА Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2006. Т. II. Ч. 1. С. 413–447. См. также: *Pusejkina L. N., Svetosarowa N. D.* Belyje Weschi — «Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine» — Forschungsgeschichte // Исследования немецких диалектов в России: прошлое, настоящее и будущее отечественной островной диалектологии российских немцев: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 25–29 июня 2011 г. / Отв. ред. В. А. Дятлова. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 120–125; *Пузейкина Л. Н.*,

статья Т. В. Сокольской (Строевой) и Л. Р. Зиндера «Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine» и статья Т. В. Строевой-Сокольской «Alte deutsche Volkskultur in der oberhessischen Sprachinsel Belowesh (Nordukraine)», вышедшие в 1930 г.⁴⁵ Сам Виктор Максимович выпустил еще три работы по данной тематике — статьи «Die nordbairische Mundart von Jamburg am Dnjepr (Ukraine)» (посвящена северобаварскому диалекту к колонии Ямбург), «Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР» и большое исследование «Национальный язык и социальные диалекты»⁴⁶. Диалектологическим исследованиям ученого посвящены некоторые статьи Т. В. Строевой, Л. Р. Зиндера, С. В. Смирницкой⁴⁷. Смирницкая успела начать работать с материалами личного архива Жирмунского, в основном по теме немецкой диалектологии. В ее статье «В. М. Жирмунский и Ленинградский центр изучения немецких поселений в России» (2000) есть следующая информация: «Диалектологическая часть архива, нацеленная на изучение языка немецких колонистов, включает 1053 анкеты, заполненные учителями немецких национальных школ в селах 14 регионов (Крым, Кавказ, Запорожье, Мелитополь, Николаев, Одесса, Конотоп, Кривой Рог, Вольтинь, Коростель, Херсон, Мариуполь, Днепропетровск, Кингисепп). Особый раздел этой части архива представляют записи диалектов немецких колонистов, собранные

Светозарова Н. Д. Белые Вежи (первая научная работа Л. Р. Зиндера) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Памяти учителей — Л. Р. Зиндера, Т. В. Строевой, Г. Н. Эйхбаум. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 74–98.

⁴⁵ *Sokolskaja, T., Zinder, L.* Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine // PBB (Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Halle/Saale. 1930. S. 334–355, 1. Karte). 1930. Bd. 54. H. 3; *Strojewa-Sokolskaja T. V.* Alte deutsche Volkskultur in der oberhessischen Sprachinsel Belovesh (Nordukraine) // Hessische Blätter für Volkskunde. Gießen, 1930. Bd. 29. S. 140–162.

⁴⁶ *Schirmunski V. M.* Die nordbairische Mundart von Jamburg am Dnjepr (Ukraine) // Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur. Halle/Saale, 1931. Bd. 55. S. 243–281; *Жирмунский В. М.* Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // Советская этнография, 1933а. № 2. С. 84–112; Национальный язык и социальные диалекты. Л.: Худож. лит., 1936.

⁴⁷ *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* В. М. Жирмунский как полевой диалектолог // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л., 1978. С. 152–162; *Смирницкая С. В.* В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 61–70.

среди студентов вузов и техникумов Ленинграда в период 1924–1927 гг., а также 231 заполненная анкета для украинско-немецкого словаря»⁴⁸. Та часть архива, которая связана с немецкими колониями под Ленинградом, упоминается также в книге Л. Э. Найдич «Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. Dialekte-Brauchtum-Folklore»⁴⁹. Кроме того, в 2011 г. вышла статья Н. Д. Светозаровой и Л. Н. Пузейкиной, в которой несколько более подробно освещаются архивные дела, содержащие информацию по немецкой диалектологии. К этой теме отнесены не только дела с 385 по 426, как указано в первой описи личного фонда Жирмунского, но и многие другие, имеющие непосредственное отношение к изучению немецких диалектов, всего 128 папок из описей № 1 и 2, включающих как записи диалектов немецких колонистов, так и опубликованные и оставшиеся в рукописи научные труды, статьи, доклады, лекции, записи с анализом работ по немецкой диалектологии отечественных и зарубежных авторов, рецензии В. М. Жирмунского с крайними датами 1924–1969 гг.⁵⁰ В период с 30-х по конец 50-х гг. исследования немецких диалектов на территории бывшего СССР были приостановлены в связи со Второй мировой войной и ее последствиями.

В конце 50-х гг. был издан фундаментальный труд В. М. Жирмунского, написанный как результат многолетнего интереса автора к сравнительно-типологическим исследованиям немецких диалектов с целью обнаружения исторических процессов развития немецкого языка. Эта книга, опубликованная в 1956 г., и названная «Немецкая диалектология», стала основополагающим трудом по диалектологии немецкого языка не только в России, но и в Германии после ее перевода на немецкий язык в 1962 г.⁵¹ Данная работа, продолжающая быть актуальной и сегодня, была переиздана и снабжена подробными комментариями

⁴⁸ Смирницкая С. В. Там же. С. 66.

⁴⁹ Naiditsch L. Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad...

⁵⁰ Пузейкина Л. Н., Светозарова Н. Д. Наследие В. М. Жирмунского – краткий обзор диалектологических материалов из личного архива ученого (Архив РАН, С.-Петербург) // Немецкие диалекты в России: прошлое, настоящее и будущее отечественной островной диалектологии: Материалы научно-практической конференции. Красноярск, 2011. С. 150–167.

⁵¹ Жирмунский В. М. Немецкая диалектология; отв. ред. В. Ф. Шишмарев. М.; Л.: АН СССР. Ин-т языкознания, 1956.; Schirmunski V. M. Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten / Übers. von W. Fleischer. Berlin: Akad. Verl., 1962. XV; Schirmunski V. M. Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten /

Л. Э. Найдич, в том числе относительно вопросов, касающихся диалектов немецких колонистов в России, в 2010 г.

После войны исследования немецкого языка колонистов были продолжены уже за пределами СССР, что во многом связано с переселением сначала меннонитов, а позже поволжских немцев в Америку и Канаду⁵².

В начале 60-х гг. в СССР возродился интерес к сопоставительному изучению языков, в частности немецкого и русского, о чем свидетельствует, например, изданный в 1961 г. коллективный труд «Немецко-русские языковые параллели», посвященный сопоставительному изучению словообразования и синтаксиса немецкого и русского языков. Разные главы и разделы данной книги были написаны А. В. Федоровым, Н. Н. Кузнецовой, Е. Н. Морозовой, И. А. Цыгановой⁵³.

Были продолжены также исследования в области немецкой островной диалектологии. В конце 60-х гг. были созданы две диссертации по этой тематике на присуждение звания доктора филологических наук. В 1968 г. была защищена диссертация Г. Я. Панкраца «Нижне-немецкий диалект в СССР (фонетика, словообразование, формообразование)», оппонентом которой был в том числе и В. М. Жирмунский⁵⁴, а в 1970 г. — докторская диссертация Г. Едига «Нижненемецкий говор Алтайского края»⁵⁵. Позже работы Г. Едига издавались уже в основном в Германии⁵⁶.

Übers. von W. Fleischer, L. Najditsch. Hrsg. von L. Najditsch. Frankfurt, M. [u.a.]. Lang, 2010.

⁵² Kopp Th. Указ. соч. S. 369–379; Wolfensberger H. Mundartwandel im 20. Jahrhundert. Dargestellt an Ausschnitten aus dem Sprachleben der Gemeinde Stäfa. Frauenfeld, 1967 (Beiträge zur schweizerischen Mundartforschung 14); Moellen W. W. Die russlanddeutschen Mennoniten in Kanada und Mexiko: Sprachliche Entwicklung und diglossische Situation // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. 1987. S. 145–183; Peters V. Mennonitensiedlungen in Russland // Jahrbuch für ostdeutsche Volkskunde 35. Marburg, 1992. S. 128–149.

⁵³ Федоров А. В., Кузнецова Н. Н., Морозова Е. Н., Цыганова И. А. Немецко-русские языковые параллели. М.: Изд. лит-ры на ин. яз-х, 1961.

⁵⁴ Панкрац Г. Я. Нижненемецкий диалект в СССР (Фонетика, словообразование, формообразование): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1968.

⁵⁵ Едиг Г. Нижненемецкий говор Алтайского края: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 1970.

⁵⁶ Jedig H. Die deutschen Mundarten in der Sowjetunion // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch DDR-UdSSR. Zwickau, 1986. S. 92–97; Die Anfänge der deutschen Dialektologie in der Sowjetunion // Referate der Kulturtagung der

В 60-х гг. вышли также две книги В. М. Жирмунского — «Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков» и «История немецкого языка»⁵⁷. В 70-х гг. В. М. Жирмунский продолжил изучение диалектов, занимаясь в том числе вопросами их смешения, так, в 1976 г. вышли две его статьи: «Восточнонемецкие говоры и проблема смешения диалектов» и «Проблемы переселенческой диалектологии»⁵⁸.

В конце 70-х и в 80-х гг. были изданы работы Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой, посвященные деятельности В. М. Жирмунского в области полевой диалектологии⁵⁹, а также защищены две кандидатские диссертации: Т. Б. Иоганзен — о севернобаварском диалекте села Ямбург Алтайского края и Р. А. Корн — об особенностях развития системы гласных фонем швабского диалекта на территории Казахстана⁶⁰. В 1978 г. вышла статья М. А. Бородиной, посвященная работам В. М. Жирмунского в данной области⁶¹. В 1979 и 1980 гг. под руководством Л. Р. Зиндера были защищены две диссертации: Н. М. Гринёвой «Морфология имени существительного в нижненемецком говоре

Deutschen aus Russland/UdSSR vom 2. bis 4. Juni 1989 in Stuttgart. Stuttgart: Hrsg. Landmannschaft der Deutschen aus Russland, 1989. S. 46–66.

⁵⁷ Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.; Л.: Наука, 1964; История немецкого языка: Учеб. для студентов и гос. ун-тов, ин-тов и фак. иностр. яз. Изд. 5-е, пересмотр. и доп. М.: Высш. шк., 1965.

⁵⁸ Жирмунский В. М. Проблема социальной дифференциации языков (1968) // Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. С. 386–400; Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. С. 491–516; Восточнонемецкие говоры и проблема смешения диалектов // Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. С. 516–538.

⁵⁹ Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Указ. соч. С. 152–162; Зиндер Л. Р. Островная диалектология и общее языкознание: Доклад на конференции «Филологическое наследие академика В. М. Жирмунского и современность». 1991, рукопись.

⁶⁰ Иоганзен Т. Б. Система гласных в ямбургском говоре Алтайского края // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Омск: ОГПИ, 1979. С. 30–40; К фонологии севернобаварского диалекта села Ямбург Алтайского края // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Омск: ОГПИ, 1980. С. 53–62; Звуковой строй севернобаварского диалекта в СССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1985; Корн Р. А. Особенности развития системы гласных фонем швабского диалекта на территории Казахстана в условиях иноязычного окружения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.

⁶¹ Бородина М. А. Указ. соч. С. 7–14.

села Кусак Алтайского края» и В.П. Донгаузера «Развитие звукового строя говора в условиях иноязычного окружения»⁶². Позднее, в 1990 г., вышла совместная статья М.А. Бородиной, Н.П. Кузьмич и Л.Э. Найдич «Диалектологические труды В.М. Жирмунского и современная диалектология, лингвогеография и ареальная лингвистика»⁶³. В этот же период, в 1985 г., была защищена кандидатская диссертация Т.В. Батуриной «Социально-стилистическая дифференциация средненемецких говоров Сибири и механизм выравнивания их фонетических систем в условиях длительного контактирования»⁶⁴. Диссертация «Тенденция развития морфологического строя контактирующих верхненемецких диалектов в условиях иноязычного окружения» ученицы Г.Г. Едига В.А. Дятловой была защищена в Ленинграде в 1989 г. Можно сказать, что исследование диалектов российских немцев снова оказалось в центре внимания российских германистов.

Если в первой половине XX в. выделялись в основном три центра по изучению немецких диалектов в России (Саратов — Г.Г. Дингес, А. Лозингер, А.П. Дульзон; Ленинград — В.М. Жирмунский, Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева-Сокольская, В.П. Погорельская, Э. Иогансон; Одесса — А.Н. Штрём), то во второй половине XX в. география изучения языка немецких колонистов значительно расширилась. Это связано в первую очередь с появлением центров по изучению немецких диалектов в Сибири и Казахстане, так как именно в эти регионы были в основном депортированы немцы начиная с осени 1941 г. В Сибири существует сегодня несколько центров по изучению немецких диалектов. Это в первую очередь Томск (втор. пол. 60-х гг. — три диссертации по немецким диалектам Сибири, написанные под руководством А.П. Дульзона), Омск (Г.Г. Едиг, защищено 13 диссертаций с 1971 по 1985 г.), Барнаул (Л.И. Москалюк, за последние 10 лет защищено

⁶² Гринёва Н.М. Морфология имени существительного и глагола в нижненемецком говоре села Кусак Алтайского края: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979; Донгаузер В.П. Развитие звукового строя говора в условиях иноязычного окружения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980.

⁶³ Бородин М.А., Кузьмич Н.П., Найдич Л.Э. Диалектологические труды В.М. Жирмунского и современная диалектология, лингвогеография и ареальная лингвистика // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 140–148.

⁶⁴ Батурина Т.В. Социально-стилистическая дифференциация средненемецких говоров Сибири и механизм выравнивания их фонетических систем в условиях длительного контактирования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1985.

10 кандидатских диссертаций, посвященных немецким диалектам Алтая), Красноярск (Региональный диалектологический центр исследований языка этнических немцев Сибири под руководством В. А. Дятловой, 3 кандидатские диссертации). Важным центром по изучению немецких диалектов продолжают оставаться С.-Петербург (6 дис.) и Саратов (4 дис.)⁶⁵.

В 90-х гг. к исследованию немецких диалектов на территории СССР обратился крупнейший советский филолог А. И. Домашнев, изучавший до этого территориальные варианты немецкого языка в Австрии, Швейцарии и Люксембурге, а также ареальные контакты в связи с социолингвистикой и теорией вариативности языка⁶⁶. Домашнев внес существенный вклад в изучение немецких диалектов и развитие теории языкового острова. Данной проблематике посвящено большинство его более поздних работ, начиная с 1990 и заканчивая 2001 г.⁶⁷

Говоря о современном состоянии немецких диалектов на территории нашей страны, являющихся в большинстве своем смешанными,

⁶⁵ См., например: *Черказьянова И. В.* Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960-е — 2009 г.). СПб.: Нестор-История, 2009; и ресурсы сети Интернет по последним годам.

⁶⁶ *Домашнев А. И.* «Языковой остров» как тип ареала и объект лингвистического исследования (на материале немецкого языка) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Краткие сообщения. Л., 1978. С. 22–23; Современный немецкий язык в его национальных вариантах (1983) // Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб.: Наука, 2005. С. 31–213; Проблемы социальной диалектологии в трудах В. М. Жирмунского // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 3–9.

⁶⁷ *Домашнев А. И.* Пути развития немецкой «островной» диалектологии в СССР // Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб.: Наука, 2005. С. 752–759; К исследованию языка российских немцев (1995) // Там же. С. 759–767; *Домашнев А. И.* В. М. Жирмунский и изучение немецких диалектов в СССР. Там же. С. 45–55; *Домашнев А. И., Копчук Л. Б.* Типология сходств и различия языковых состояний и языковых ситуаций в странах немецкой речи (2001) // Там же. С. 316–425; *Domaschnew A. I.* Deutsch als eine der Verkehrssprachen in Osteuropa — am Beispiel der UdSSR (Russische Föderation) (1993) // Там же. С. 835–842; Die deutschen Mundarten in Rußland und in der ehemaligen Sowjetunion (1993) // Там же. С. 779–788; Deutsche Mundarten in Rußland. Zur Erforschung russischer Spracheinflüsse auf die rußlanddeutschen Mundarten (1994) // Там же. С. 797–807; Einige Bemerkungen zum Begriff «Sprachinsel» und zur Erforschung der russlanddeutschen Mundarten (1994) // Там же. С. 788–797 и др.

А. И. Домашнев приводит шесть исходных немецких диалектов, сохранившихся в основном в дочерних колониях: 1) севернобаварский диалект, сохранившийся в своем изначальном виде только в поселении Ямбург и в рабочем поселке Табуны; 2) австро-баварский диалект, сохранивший многие первичные диалектные признаки в нескольких деревнях на Карпатах, на Украине; 3) верхнегессенский диалект, бывший ранее очень распространенным и сохранившийся в двух селах Омской области; 4) швабский диалект, на котором в начале XX в. говорили на Украине и на Кавказе, сохранился в Казахстане и Таджикистане; 5) нижненемецкие диалекты: западнопрусские говоры, которые, хотя и являются смешанными диалектами, сохранили ряд первичных признаков в своей фонетической системе и представлены в отдельных поселениях на Урале, в Западной Сибири, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, на Алтае, в Омской и Новосибирской областях; 6) волинско-немецкий диалект, представляющий собой не совсем «чистый» восточносредненемецкий диалект, наиболее близкий к литературному немецкому языку, распространенный в начале XX в. в Волынской области и сохранившийся во многих селах Западной Сибири и Казахстана⁶⁸.

Одновременно с А. И. Домашневым к изучению немецких территориальных диалектов в России обратилась Л. Э. Найдич с работами, посвященными диалектологическим исследованиям В. М. Жирмунского, исследованию языка, обычаев и фольклора немецких колонистов под С.-Петербургом. Исследовательница указывает в том числе на то, что из трех невыходских материнских колоний две (Ново-Саратовская и Ижорская) в фонетическом плане относились к верхненемецким говорам, тогда как диалект Средней Рогатки свидетельствовал о его средненемецком происхождении. При этом грамматическое описание диалектов указывает на внутренние процессы смешения и выравнивания внутри данных говоров⁶⁹.

⁶⁸ Домашнев А. И. В. М. Жирмунский и изучение немецких диалектов в СССР... С. 55.

⁶⁹ *Najditsch L.* = Najdič. Victor Maksimovič Zirmunskij als Dialektologe (1891–1971) // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. LVIII Jahrgang, Heft 2. Wiesbaden / Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1991. S. 131–147; Wortentlehnung—Kodemischung—Kodewechsel. Sprachinterferenzen in den Mundarten der deutschen Kolonisten bei Petersburg—Leningrad // *Sprachinselforschung*. Frankfurt a. M.: Lang, 1994. S. 31–45; *Najdič L.* Deutsche Bauern bei St.-Petersburg—Leningrad...; *Najditsch L.* Die deutsche Sprache als identitätsstiftender Faktor der Russlanddeutschen. Ein historischer Überblick // *Russlanddeutsche Kultur: eine Fiktion?* Hrsg.

К этому же периоду относится работа Л. И. Москалюк, исследовавшей диалекты немцев в Алтайском крае, и В. А. Манькина, защитившего в 1992 г. в Саратове кандидатскую диссертацию, посвященную диалектам немцев Поволжья⁷⁰. В 2005 г. вышел сборник «Немцы в Сибири: история, язык, культура» под редакцией В. А. Дятловой⁷¹. В 1996 г. под руководством А. И. Домашнева была защищена кандидатская диссертация Ю. В. Серых «Звуковой строй и акустическое качество ударного вокализма южно-гессенского (самаркинского) немецкого островного говора на Алтае»⁷². Изучение немецких диалектов на территории России продолжается и в XXI в. Так, в 2004 г. была защищена диссертация О. В. Байковой «Немецкие говоры Кировской области и особенности их вокализма»⁷³. Автор продолжает свои исследования в данной сфере, рассматривает особенности консонантизма языка немцев в Кировской области, касается в своих статьях также социолингвистических и исторических аспектов жизни немцев в России. В 2012 г. была защищена докторская диссертация Байковой «Функционирование немецких диалектов в условиях меж- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового острова (теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области)»⁷⁴.

За пределами СССР, в частности в ФРГ и ГДР, исследования языка российских немцев также были продолжены в конце 70-х — начале

von H.-W. Retterath. Freiburg, 2006. S. 159–189 / Schriftenreihe des Johannes-Künzig-Institutes. Hrsg. von W. Mezger. Bd. 7.

⁷⁰ Москалюк Л. И. Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002; Манькин В. А. Социолингвистический аспект функционирования диалектов немцев Поволжья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1992.

⁷¹ См. также статью: Дятлова В. А. Кодовые переключения в устной речи сибирских немцев // Русская германистика. М., 2011. Т. 8. Культурные коды в языке, литературе и науке. С. 332–342.

⁷² Серых Ю. В. Звуковой строй и акустическое качество ударного вокализма южно-гессенского (самаркинского) немецкого островного говора на Алтае: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996.

⁷³ Байкова О. В. Немецкие говоры Кировской области и особенности их вокализма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров: Типография ИДООШ, 2004.

⁷⁴ Байкова О. В. Функционирование немецких диалектов в условиях меж- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового острова (Теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области): дис. ... д-ра филол. наук. Киров, 2012.

80-х гг. В 1979 и 1985 гг. были изданы работы Р. Бока и А. Бомана, посвященные истории немецкого языка в Советском Союзе⁷⁵. В 1983 г. вышла библиография исследований диалектов российских немцев Л. Неймана⁷⁶, а в 1984 г. — исследование А. Янса, посвященное словарному составу языка волынских немцев⁷⁷.

Попытку восполнить пробелы в предыдущих классификациях немецких диалектов предпринял в 1986 г. Г. Едиг⁷⁸. Опираясь на данные церковных регистраций, собранные К. Штумпом⁷⁹, и на опросы, проведенные на Алтае, в Омской и Павлодарской областях, Едиг сделал вывод о том, что среди нижненемецких говоров в СССР есть еще один, ранее не выявленный диалект. Он пришел к данному выводу, пытаясь найти истоки формирования смешанных диалектов в России. При этом обнаружилось, что между протестантами-меннонитами и католиками могли существовать диалектные различия, хотя обе группы прибыли из Западной Пруссии. Предыдущие исследователи полагали, что все носители нижненемецкого диалекта в России являются потомками западнопрусских меннонитов, но проведенные в указанных областях опросы доказывают, что часть носителей этих говоров считает себя выходцами из западнопрусских католиков. Подтверждением тому факту, что среди нижненемецких диалектов в России существует еще один, служат также некоторые фонетические различия в формах: *ät-äk* (ich), *aupl-opl* (Apfel). Развитию немецкой диалектологии в Советском Союзе посвящена также статья Г. Едига 1989 г. «Die Anfänge der deutschen Dialektologie in der Sowjetunion»⁸⁰. Изучение немецких диалектов, их истории и современного состояния продолжила Н. Беренд, некоторые из работ которой написаны в соавторстве с Г. Едигом⁸¹. Всего за последние 50 лет (с 1962 по 2012 г.)

⁷⁵ Bock R. Zur Geschichte der deutschen Sprache in der Sowjetunion // Wiss. Zeitschrift der Pädag. Hochschule Potsdam. Jg. 23. H. 2. Berlin, 1979. S. 325–345; Bohmann A. Die Entwicklung der deutschen Sprache in der Sowjetunion // Jahrbuch für ostdeutsche Volkskunde. Bd. 28. Marburg, 1985. S. 1–40.

⁷⁶ Neymann L. Bibliographie zur rußlandsdeutschen Mundartforschung... 1983.

⁷⁷ Jahns A. Aus dem Wortschatz der Wolyniendeutschen // Wolynische Hefte. 3. Folge. Schwabach; Wiesenheid, 1984.

⁷⁸ Jedig H. Die deutschen Mundarten in der Sowjetunion....

⁷⁹ Stumpp K. Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland...

⁸⁰ Jedig H. Указ. соч.

⁸¹ Berend N. Zur Geschichte der Erforschung der deutschen Mundarten in der Sowjetunion // Jahrbuch für ostdeutsche Volkskunde. Bd. 32. Marburg, 1989. S. 316–333; Berend N., Jedig H. Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte

было защищено не менее 59 диссертаций, посвященных диалектам российских немцев, при этом шесть из них — на звание доктора филологических наук.

В 80-х гг. политика М. С. Горбачева позволила возродить исследования языка российских немцев. В конце 80-х гг. под руководством Гарольда Вейдта (Harald Weydt) и Петера Розенберга (Peter Rosenberg) в Свободном университете Берлина (Freie Universität Berlin) в рамках специальности «германистика» был осуществлен исследовательский проект, посвященный языковой ситуации немцев в Советском Союзе и ФРГ. Проект велся в контакте с советскими учеными, совершались исследовательские экспедиции в еще существующие немецкие поселения, в июне 1990 г. в Берлине была организована конференция на тему «Немецкий язык в Советском Союзе», в которой принимали участие также диалектологи из Советского Союза, на которой среди прочих вопросов обсуждалась также возможность дальнейшей совместной работы в данной области русских и немецких исследователей.

Исследованием языка российских немцев занимаются также в Институте немецкого языка в Маннгейме (Institut für deutsche Sprache (IDS) in Mannheim) и других исследовательских центрах в Германии⁸².

В 1989 г. была опубликована работа П. Хилькеса «Deutsche in der Sowjetunion: Sprachkompetenz und Sprachverhalten. Ergebnisse einer Befragungsstudie mit deutschen Spätaussiedlern aus der Sowjetunion», изданная в журнале «Muttersprache», а в следующем году в Мюнхене был издан отчет этого же автора о работе в проекте «Немцы в Советском Союзе и переселенцы из СССР в Федеративную Республику Германию» («Deutsche in der Sowjetunion und Aussiedler aus der UdSSR in der Bundesrepublik Deutschland»)⁸³. В 1990–1991 гг. вышло

der Forschung und Bibliographie. Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1991; Berend N. Sprachinseldialekte in Auflösung / Berend N., Mattheier K. J. (Hrsg.) // Sprachinselforschung. Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig. Frankfurt am Main: Lang, 1994. S. 319–332.

⁸² См. выше.

⁸³ Hilkes P. Deutsche in der Sowjetunion: Sprachkompetenz und Sprachverhalten. Ergebnisse einer Befragungsstudie mit deutschen Spätaussiedlern aus der Sowjetunion // Muttersprache. Zeitschrift zur Pflege und Erforschung der deutschen Sprache 2. 1989. Bd. 99. S. 134–152; Zur Lage der deutschen Minderheit in der Sowjetgesellschaft – der Stand der Forschung in der Bundesrepublik und in der UdSSR. Eine Bestandaufnahme. Arbeitsbericht Nr. 1 des Forschungsprojekts

исследование Х. Франк, посвященное изучению специфических грамматических, фонетических и лексических особенностей трех наиболее важных, по мнению автора работы, немецких диалектов на территории России, обобщенных в нижненемецкий (Plattdeutsch), верхненемецкий (Schwäbisch) и средненемецкий (у Франк — Wollhynisch). Исследование выполнено на основании различных переводов библейской притчи о блудном сыне⁸⁴.

В 1992 г. в Германии учеником Жирмунского К. Хуттерером был издан сборник трудов ученого по лингвистике и этнографии со вступительной статьей издателя, в который вошли труднодоступные ранее исследования В.М. Жирмунского в области островной диалектологии⁸⁵. Проблеме исследования островных диалектов посвящены также статьи самого Хуттерепа «Sprachinselforschung als Prüfstand für dialektologische Arbeitsprinzipien», «Sprachinseldialektologie», вышедшие в 80–90-е гг.⁸⁶. В эти же годы стали появляться монографии и статьи, в которых рассматриваются вопросы сравнительного изучения немецкого и русского языков и проявления интерференции различного рода в речи российских немцев⁸⁷. В 2006 г. вышло издание, обобщившее опыт предыдущих исследователей в области изучения немецких островных диалектов: «Sprachinselwelten: Entwicklung und Beschreibung der deutschen Sprachinseln am Anfang des 21. Jahrhunderts»⁸⁸.

«Deutsche in der Sowjetunion und Aussiedler aus der UdSSR in der Bundesrepublik Deutschland». München: Osteuropa-Institut, 1990.

⁸⁴ Frank H. Указ. соч.

⁸⁵ Hutterer C.J. Viktor Schirmunski und die deutsche Sprachinselforschung // Viktor Schirmunski: Linguistische und ethnografische Studien. S. 9–15.

⁸⁶ Hutterer C. J. Sprachinselforschung als Prüfstand für dialektologische Arbeitsprinzipien // Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Erster Halbband. Berlin; N.-Y.: W. de Gruyter, 1982. S. 178–189; Sprachinseldialektologie // Dialektologie des Deutschen. Forschungsstand und Entwicklungstendenzen / Hrsg. v. Klaus Mattheier, Peter Wiesinger. Tübingen, 1994. S. 93–101.

⁸⁷ Gladrow W. Russisch im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich // Berliner Slawistische Arbeiten. Frankfurt am Main, 1998. Bd. 6; Gladrow, W., Hammel R. Beiträge zu einer russisch-deutschen kontrastiven Grammatik. Frankfurt am Main, 2001.

⁸⁸ Berend N., Knipf-Komlósi E., Keel W. Sprachinselwelten: Entwicklung und Beschreibung der deutschen Sprachinseln am Anfang des 21. Jahrhunderts / Hrsg. Nina Berend, Elisabeth Knipf-Komlósi. Internationale Gesellschaft für Dialektologie des Deutschen. Lang, 2006.

Интерес к исследованиям языка российских немцев проявляется также и в других странах. Так, в 1998 г. была издана обширная монография Р. Ниувебура, посвященная исследованию нижненемецкого диалекта алтайских меннонитов «The Altai Dialect of Plautdiitsch (West-Siberian Mennonite Low German)»⁸⁹. В 2005 г. вышла книга известного венгерского исследователя Кжабы Фёльдеша, посвященная взаимовлиянию немецкого и венгерского языков и явившаяся результатом многолетних исследований автора в области германистики, социологии и культурологии⁹⁰.

2.3. Влияние немецкого литературного языка на диалекты немецких колонистов

Сложность диалектного членения языка отражается, как уже было сказано, в разнообразии названий ареальных единиц. Наиболее употребительны из них следующие: *группа говоров* — элементарная, минимальная ареальная единица языка; *наречие* — наиболее крупная единица диалектного членения языка, совокупность диалектов, объединенных общим признаками. В научной литературе термин *диалект* может употребляться как синоним всех этих названий ареальных единиц языка, а также как синоним термина *говор*. В качестве критериев того, что ареальные единицы являются диалектом одного языка, часто выдвигаются наличие взаимопонимания между их носителями, наличие единого литературного языка и единства в направлении структурного развития, хотя каждый из этих признаков не является обязательным. Решающим фактором считается этнический, и при отнесении диалекта к определенному языку учитывается единое самосознание и самоназвание носителей локальных языковых единиц. Степень сложности системы говоров зависит в первую очередь от таких экстралингвистических факторов, как степень изолированности говора, уровень контактов носителей говора с представителями других говоров и языков, воздействие на говор литературного языка, сила нормализаторских тенденций у самих носителей говора. Л. Л. Касаткин

⁸⁹ Nieuweboer R. The Altai Dialect of Plautdiitsch (West-Siberian Mennonite Low German). Rijksuniversiteit Groningen, 1998.

⁹⁰ Földes C. Kontaktdeutsch: zur Theorie eines Varietätentyps unter transkulturellen Bedingungen von Mehrsprachigkeit. Gunter Narr Verlag, 2005.

замечает, что «в изолированном говоре при отсутствии контактов между его носителями и окружающим населением (что может быть обусловлено географическими и политическими причинами или резким отличием окружающего населения по языку, культуре, вероисповеданию), при активном стремлении его носителей сохранить традиционный жизненный уклад говор изменяется медленно, разница между языком старшего и младшего поколений незначительная»⁹¹.

Итак, становится понятно, что большая гомогенность группы колонистов приводила к тому, что новый диалект был максимально приближен к исходному, привезенному с родины. Это касается в первую очередь меннонитов, носителей нижненемецкого диалекта (Plautdietsch/Plattdiitsch), выезжавших на поселение организованно и большими группами, с севера Германии, через Пруссию. Меннониты переселялись и селились на новых землях, как правило, целыми общинами. Переселение с юга Германии происходило совсем по-другому. Для большинства переселенцев оно означало начало совершенно новой жизни и потерю старых связей. Процесс ассимиляции различных диалектов начинался еще во время длительного, растянутого на многие месяцы переезда. Колонны были организованы с точки зрения удобства транспортировки: повозка к повозке, тележка к тележке, пеший к пешему. Этнические или социальные различия не учитывались, швабы, баварцы, вюртембергцы и гессенцы переезжали рядом друг с другом. Люди, говорившие на разных диалектах, жили долгое время в ограниченном пространстве и вынуждены были находить взаимопонимание.

Ассимиляция продолжалась и на месте поселения. В одной поселенческой группе часто оказывались носители разных диалектов. Люди селились вместе с теми, с кем ехали. Как отмечает В.М. Жирмунский, «диалекты колонистов, происходивших обычно из разных частей Германии, в течение относительно короткого времени подвергались здесь смешению и унификации»⁹². Если на одной территории сталкивались разные диалекты, побеждал как правило тот, которым владело большинство носителей языка, при этом диалект более малочисленной группы лишь слабым образом влиял на языковое выравнивание.

⁹¹ Касаткин Л.Л. Говор // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 111.

⁹² Жирмунский В.М. Немецкая диалектология (1956). С. 99.

Как отмечают исследователи немецких диалектов на территории России, выравнивание диалекта происходило сначала внутри отдельных поселений, и таким образом возникал диалект языкового острова, который мог уже отличаться от диалекта соседней деревни. Дальнейшая унификация диалекта, уже между языковыми островами, происходила довольно редко, поскольку поселенцы пытались сохранить свою языковую, культурную и религиозную самобытность. Жирмунский писал по этому поводу: «Браки между католическими и евангелистскими семьями заключаются очень редко. Можно даже говорить о “католических” и “евангелистских” диалектах: выражение “katholische” или “lutherische Sproch” принято также и среди колонистов»⁹³.

О процессах выравнивания как об основном источнике языкового развития новейших островов говорят многие исследователи. На данные явления оказывало воздействие как то, что переселенцы съезжались на новые места из различных языковых регионов, так и то, что на диалект значительное влияние оказывал немецкий литературный язык. Влияние церкви и школы давало немецким поселенцам возможность сохранять свой язык и культуру, при этом под их воздействием немецкое население наряду с родным диалектом пользовалось также и литературным языком. В связи с этими факторами следует учитывать, что любое лингвистическое исследование языкового острова должно осуществляться как в отношении диалекта, так и в отношении литературной нормы языка, хотя для целей диалектологии на первое место ставится все же изучение характера и состава диалекта. Говоря о влиянии литературного языка на диалект, А. И. Домашнев вслед за Лёффлером указывает на то, что в языковых островах складывается таким образом «полномерная речевая структура» («Vollsprache»), что отличает данный ареал от других, делая его «языковым островом» («Sprachinsel-Deutsch»), а не только «диалектным островом» («Dialekt-Sprachinsel») ⁹⁴. Знание и использование литературного языка наряду с употреблением родного диалекта создают ситуацию внутренней диглоссии. Это происходит благодаря тому, что, с одной стороны, диалект в языковом острове является важнейшим средством общения в кругу семьи и внутри языковой общности, а с другой — в нем создаются условия для изучения и применения литературного

⁹³ Жирмунский В. М. Проблемы колониальной диалектологии... С. 179.

⁹⁴ Домашнев А. И. В. М. Жирмунский и изучение немецких диалектов в СССР... С. 47; Löffler H. Germanistische Soziolinguistik... S. 72–73.

языка (в школе, прессе, книгоиздании), что, правда, не является постоянным компонентом, так как сильно зависит от этнической и социальной политики страны проживания языковой общины на данный период времени. А поскольку островной диалект подвергается влиянию иноязычного окружения, возникают предпосылки для билингвизма и интерференции, оказывающих влияние на речевую структуру языкового острова.

Литературный немецкий язык играл очень большую роль в жизни немцев благодаря влиянию школы, где дети учились читать и писать на немецком языке. Он мог использоваться носителями разных диалектов, например верхне- и нижненемецких, в общении друг с другом. Поскольку немецкий был официальным языком лютеранской церкви в России, на нем проходили богослужения, читались проповеди, молитвы. Библия, молитвенники, журналы, газеты, календари, настенные картинки, которые можно было найти в домах немецких крестьян, были написаны на литературном языке. Священнослужители использовали литературный немецкий в качестве языка службы, даже если они были родом из местных сел. Язык церкви, естественно, выходил за рамки самого здания церкви, и литературный немецкий язык звучал во время проведения церковных праздников — Рождества, Пасхи, на Троицу и т.д. Помимо этого, он сопровождал также традиционные церемонии — рождение, свадьбы и похороны⁹⁵.

⁹⁵ Много фактической информации о народной культуре российских немцев, в том числе об их обрядах и обычаях, содержится в изданной недавно богато иллюстрированной книге об этнографии немцев в России: *Смирнова Т.Б.* Этнография российских немцев. М.: МСНК-пресс, 2012. См. также об этнографии немцев Петербургской губернии: *Найдич Л.Э.* Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом...; *Шрадер Т.А.* Этнокультурные процессы в среде немецких колонистов Петербургской губернии — Ленинградской области (XIX–XX вв.) // Ключевые проблемы истории... С. 372–381. Исследования данной темы в других регионах: Гос. ист. архив немцев Поволжья (ОГУ ГИАИП) Ф. 1. Р. 1831. Оп. 2. Ед. хр. 242; *Lonsinger A.* Sachliche Volkskunde der Wolgadeutschen (Siedlung, Obdach, Nahrung, Kleidung). Saratow, 1925. Т. 1; Ф. 1. Р. 1831. Оп. 2. Ед. хр. 243; *Lonsinger A.* Sachliche Volkskunde der Wolgadeutschen (Siedlung, Obdach, Nahrung, Kleidung). Saratow, 1925. Т. 2; *Везнер Н.Н.* Народные танцы немцев Сибири. М.: МСНК-пресс, 2012; *Курманова С.Р.* Пища немцев Западной Сибири во втор. пол. XX — нач. XXI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010.

2.4. Социокультурные факторы, способствовавшие сохранению родного языка немецких колонистов

2.4.1. Церковь и школа в немецких колониях Петербургской губернии

Сохранению немецкого языка способствовали в первую очередь школа и церковь, которые были неразрывно связаны друг с другом. В задачи школы входили обучение детей грамоте и подготовка к конфирмации, но этим ее роль не ограничивалась. Школа являлась центром духовного развития колонистов, передачи национальных традиций и сохранения родного языка в иноязычном окружении. По качеству школьного образования и по материальному положению школьных учителей принято было судить о достатке и благополучии всей колонии, об уровне ее морали и культуры.

Образованию российских немцев посвящено довольно много работ в отечественной историографии немецкой темы. Первые книги дореволюционного периода были написаны, как правило, пасторами и учителями школ и носили скорее описательный характер. Данные труды изданы на немецком языке и рассматривают историю школы как часть церковной истории. Такой подход является вполне естественным и отражает тесную связь немецких учебных заведений с деятельностью церковных общин. Так, лютеранским общинам России и истории создания Петришуле в Петербурге посвящены, например, работы А. Ф. Бюшинга⁹⁶. Большой информативностью отличаются труды, изданные в Петербурге Центральной вспомогательной кассой евангелическо-лютеранских приходов России⁹⁷. Во второй половине XIX в. вместе с началом последовательного изучения истории российских немцев стали появляться специальные работы, посвященные отдельно проблемам школьного образования и написанные как на немецком, так и на русском языке. Так, исследования городских школ Петербурга посвящены работы И. Белова, Э. Гельдер-

⁹⁶ *Büsching A.-F. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden im Rußischen Reich. T.1. Altona, 1766–1767.*

⁹⁷ *Busch E.H. Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens des evangelisch-lutherischen Gemeinden in Rußland. St. Petersburg, 1862; Die evangelisch-lutherischen Gemeinden in Rußland. Eine historisch-statistische Darstellung. St.-Peterburg, 1909. Bd. 1; Gernet A. Geschichte der Allerhöchst bestätigten Unterstützungskasse für evangelisch-lutherische Gemeinden in Rußland. St. Petersburg, 1909.*

блома и К. Лэммериха⁹⁸. Информацию о деятельности сельских колониистских школ можно найти в статье А. А. Клауса «Духовенство и школы в наших немецких колониях». А в его известной монографии отдельная глава посвящена вопросам церкви и школы, в первую очередь лютеранским и католическим церквям Поволжья⁹⁹. Большинство более поздних работ периода Первой мировой войны отличаются тенденциозностью и отражают существовавшие на тот момент антинемецкие настроения в российском обществе, призывая к преподаванию в немецких школах исключительно на русском языке. Ярким образцом этого направления является брошюра П. Н. Лупова, бывшего до революции членом училищного совета Синода¹⁰⁰. Противоположная точка зрения представлена в материалах Первого всероссийского съезда по народному образованию (22.12.1913–03.01.1914, Петербург), участники которого высказались в защиту прав нерусских школ.

Литература о школьном образовании советского периода делится на несколько этапов. В период 1920–1930-х гг. вышло много изданий по проблемам школы, что связано с существовавшим на тот момент интересом к национальному образованию. Нерусским школам было предоставлено право преподавания на родном языке, что вызвало бурный рост и развитие национальных школ. В Москве в 1925 г. стал выходить немецкий журнал для учителей «Zur neuen Schule», в Саратове — издаваться газета «Wolgadeutsches Schulblatt». К этому же периоду относится появление библиографии по истории и культуре немецких колоний, составленной известным ученым, педагогом Ф. П. Шиллером¹⁰¹. После запрета в 1938 г. немецких национальных школ тема школьного образования российских немцев, как и в целом

⁹⁸ Белов И. Историческое изложение развития главного немецкого училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра // Журн. Мин. нар. просвещ. 1864. Ч. 121. Отд. III. С. 135–162; Пятидесятилетие школы К. И. Мая. 1859–1906. СПб., 1907; Gelderblom E. Zum 75-jährigen Jubiläum der Schule für Kinder armer Eltern ausländischer Konfessionen in St.-Petersburg. 1896; Lemmerich C. Geschichte der deutschen Hauptschule St. Petri. St.-Petersburg, 1862.

⁹⁹ Клаус А. А. Духовенство и школы в наших немецких колониях // Вестник Европы. 1869. Т. 1, 3; Наши колонии: Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации. СПб., 1869.

¹⁰⁰ Лупов П. Н. Немецкие начальные школы в России. Пг., 1916.

¹⁰¹ Schiller F. P. Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjetunion für die Jahre 1764–1926. Pokrowsk, 1927.

вопросы, связанные с жизнью немецкого меньшинства в России, долгое время находились в полном забвении. С конца 60-х гг. начались исследования в области языка немцев-переселенцев в Сибири, с конца 80-х гг. интерес к немецкой проблематике выразился в значительном количестве исследований. К истории школы неизбежно обращаются авторы, исследующие историю колониистского движения в различных регионах России: на Волге (А. А. Герман, И. Р. Плеве)¹⁰², на Северном Кавказе (Т. Н. Плохотнюк)¹⁰³, в Сибири (В. И. Бруль, П. П. Вибе)¹⁰⁴. Отдельно вопросам образования посвящено, однако, не так много работ. История школы в колониях Петербургской губернии рассматривается в отдельной главе диссертации Е. В. Бахмутской¹⁰⁵. Роль Ленинградского немецкого педтехникума в подготовке немецких учителей для всей страны раскрыта в статьях В. Зюсса и С. В. Смирницкой¹⁰⁶. Отдельные вопросы школьного образования исследуются в работах Л. П. Белковец, Н. Э. Вашкау, С. И. Бобылевой, Е. М. Ериной, О. А. Лиценбергер и др.¹⁰⁷. Комплексному исследованию

¹⁰² *Герман А. А.* История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 2002; *Плеве И. Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. М., 1998.

¹⁰³ *Плохотнюк, Т. Н.* Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001.

¹⁰⁴ *Бруль В. И.* Немцы Западной Сибири. Топчиха, 1995. Ч. 1, 2; *Вибе П. П.* Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в к. XIX — нач. XX в. // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 5–57.

¹⁰⁵ *Бахмутская Е. В.* Указ. соч.

¹⁰⁶ *Зюсс В.* Центральный немецкий педагогический техникум в Ленинграде // Немцы в России: Петербургские немцы... С. 452–474; *Смирницкая С. В.* Центральный немецкий педагогический техникум в Ленинграде // Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998. С. 268–269.

¹⁰⁷ *Белковец Л. П.* Политика советской власти в отношении немецкой национальной школы в Сибири в 20-е годы // Российские немцы. Проблемы культуры и образования. Новосибирск, 1996. С. 89–105; *Waschkau N. E.* Das Kamyšiner Kreis-Zemstwo und die deutschen Schulen 1864–1917 // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. 7 Jg. Essen: Klartext Verlag, 1997; *Бобылева С. И.* Немецкие школы и нравственно-психологические проблемы образования в 20–30-е гг. XX в. (По материалам Украины) // Немцы России в контексте отечественной истории...; *Ерина Е. М.* Система среднего специального образования в Немреспублике по документам Наркомпроса АССР НП // Российские немцы: Историография и источниковедение. М., 1997. С. 207–216; *Лиценбергер О. А.* Школы в евангелическо-лютеранском приходе Святой Марии г. Саратова // Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998. С. 242–250.

дованию проблем школьного образования российских немцев посвящены две книги, вышедшие в последний период. Это докторская диссертация Н. Э. Вашкау¹⁰⁸ о проблемах школы и образования немцев Поволжья и монография И. В. Черказьяновой¹⁰⁹, посвященная вопросам школьного образования немцев Сибири. Оба исследования имеют четко очерченные хронологические рамки и отличаются широтой рассмотрения заявленной проблематики. История школы соответствующих регионов рассматривается от образования первых национальных немецких школ до их закрытия.

Вопросу школьного образования не случайно уделяется внимание исследователей немецкой темы. Школа имела для колонистов очень большое значение, так как уже у себя на родине они привыкли к обязательному всеобщему обучению и при поселении на новое место рассматривали его как нечто само собой разумеющееся. Принципы организации школ в Германии колонисты переносили на новые места жительства в России. Школы строились одновременно с церквями, разрешение на строительство последних было специально оговорено статьёй VI Манифеста Екатерины II. Вместе с разрешением на строительство церквей и колоколен налагался запрет на основание монастырей и проповедование своей веры среди христиан, живущих на территории России¹¹⁰.

Хотя в России не существовало обязательного школьного образования, колонисты открывали начальные школы в каждой деревне. Но так как эти школы не были подчинены центральному управлению, а учителя нанимались по усмотрению крестьян, которые определяли также и условия обучения, уровень образования в школах был часто довольно низким. В начале поселения из Германии переезжало довольно много учителей, которые могли взять на себя обучение в школах. Однако как только оплата их работы была возложена на колонистов (сначала ее осуществляло правительство России), приток учителей из Германии уменьшился, так как колонисты предпочитали нанимать самых низкооплачиваемых, что, конечно, сразу значительно снизило качество обучения. Учителя жили, как правило, в здании школы, где также часто

¹⁰⁸ *Вашкау Н. Э.* Духовная культура немцев Поволжья: проблемы школы и образования. 1764–1941 гг.: Автореф. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1998.

¹⁰⁹ *Черказьянова И. В.* Школьное образование российских немцев (Проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). СПб., 2004.

¹¹⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 16. № 11880.

проводились общие собрания и богослужения, в отдельном помещении, величина которого зависела от состоятельности общины¹¹¹.

В контрактах, заключавшихся с колонистами при поселении на новые места жительства в России, оговаривался вопрос об обязательствах государства в отношении строительства церквей и школ в колониях. Контракты колонистов разных колоний С.-Петербургской губернии несколько отличались. Так, в пункте 6 контракта первой подстоличной колонии — Ново-Саратовской — значилось: «Построена будет для нас церковь, пасторский дом и школа. Содержан будет от короны в первые пять льготных годы пастор и учитель и отведено будет оным потребное число земли под огород, пашню и сенокос»¹¹². В 1765 г. был основан приход Ново-Саратовской колонии, к которому были отнесены поселившиеся позже среднерогатские и ижорские колонисты, поэтому в их контрактах не содержалось упоминаний о церкви и содержании священников. Первые службы проводились в одном из колонистских домов Ново-Саратовки. В марте 1768 г. была торжественно освящена церковь Св. Екатерины, построенная в Ново-Саратовской колонии по проекту директора колоний инженера И. Ф. фон Лилиентала. Проект был одобрен лично Екатериной II, выделившей для этой цели из средств Кабинета 6 тыс. руб. Патроном церкви община избрала обер-директора колоний В. Р. фон Польмана. Почти через 70 лет, в 1835 г., было выстроено новое каменное здание церкви на 400 мест, обошедшееся в 80 тыс. руб. асс. Еще почти через 30 лет община смогла заказать во Франкфурте-на-Одере у известного органного мастера Зауэра¹¹³ новый орган для церкви¹¹⁴. Среди пасторов, наиболее долго служивших в данном приходе, можно назвать Х. А. Раутемберга (1810–1837 гг.), Г. Вестениуса (1838–1868 гг.), Г. фон Шталя (1868–1875 гг.). Ново-Саратовский приход разрастался со временем, так как к нему по мере возникновения присоединялись «дочерние» колонии, образовывавшие филиальные общины.

¹¹¹ Gellert E. Erinnerungen an Berestowo // Camman A. Märchen—Lieder—Leben. In Autographie und Briefen der Rußlanddeutschen Ida Prieb // Schriftreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde.. S. 50.

¹¹² РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 13 об.

¹¹³ Известный органный мастер Вильгельм Зауэр открыл 1 марта 1856 г. собственную органную производственную фирму во Франкфурте-на-Одере. В период до 1914 г. фирмой *Sauer* для России был изготовлен 41 инструмент. В Москве, в лютеранском кафедральном соборе Св. Петра и Павла, находится один из органов В. Зауэра, построенный в 1898 г. первоначально для лютеранской церкви Св. Михаила в Немецкой слободе.

¹¹⁴ Koch E. Die Deutschen Kolonien Nordrusslands... S. 15–17.

Богослужения в этих колониях проводились периодически приезжавшим из Ново-Саратовки пастором в зданиях школ или в молитвенных домах. В Ново-Саратовском приходе насчитывалось к началу XX в. десять филиальных общин, к которым причислялись жители 20 «дочерних» немецких селений¹¹⁵. В некоторых близлежащих колониях, в которые выезжал пастор из Ново-Саратовки, также выстраивались церкви: в кол. Колпино — каменная церковь на 175 мест, в Средней Рогатке — деревянная церковь Св. Иоанна на 175 мест, с 1877 г. церковь Св. Марии Магдалины в Шувалове на 150 мест и с 1900 г. — деревянная церковь Св. Николая в Гражданке на 200 мест. В колониях Овцыно, Каменка, Ковалёво, Янино, Красненькая, Новоалександровка и Веселый Поселок были молитвенные дома при школах. Церковный округ в 1904 г. насчитывал 4810 прихожан¹¹⁶.

Следующим большим приходом являлся приход колонии Стрельна. 10 ноября 1812 г. в присутствии министра внутренних дел О. П. Козодавлева была освящена церковь Св. Петра и Павла в Стрельнинской колонии. Церковь, построенная на землях владельца Стрельны великого князя Константина Павловича, была возведена на средства казны. Великий князь пожертвовал церкви ряд предметов церковной утвари, в том числе Базельскую библию 1644 г. На собственные средства община приобрела позитив и небольшой колокол. Позже, в 1829 г., позитив заменили на орган в пять регистров¹¹⁷. Церковь была деревянной, построенной на каменном фундаменте частично из бревен молитвенного дома из Изварского обреза.

К приходу церкви Св. Петра и Павла были причислены лютеране — жители пяти новых немецких колоний, основанных под Петербургом в начале XIX в. В приход входили следующие поселения: Стрельнинская, Кипень, Петергофская, Ораниенбаумская, Кронштадская. В 1821 г. три колонии — Кронштадская, Ораниенбаумская и Петергофская — были причислены по просьбе жителей к приходу Дворцовой церкви в Ораниенбауме, которая находилась на более близком к ним расстоянии. Однако вскоре, в 1836 г., данные поселения вновь отошли к Стрельнинскому приходу и причислялись к нему уже вплоть до 1872 г., когда они отошли вместе с вновь образованными колониями Знаменская и Александрийская к Петергофскому приходу.

¹¹⁵ Бахмутская Е. В. Указ. соч. С. 153.

¹¹⁶ Немецкая колония в Ново-Саратовке под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX веков. С. 16.

¹¹⁷ Гернет А. Немецкая колония Стрельна под С.-Петербургом. С. 17–18.

Первая деревянная церковь была снесена в 1874 г., а на ее месте в 1874–1875 гг. по проекту архитектора Ф.Л. Миллера построено новое, также деревянное здание. Освящение новой церкви, рассчитанной на 278 мест, состоялось 28 августа 1875 г. Значительная часть суммы, затраченной на строительство (10 453,5 руб.), была внесена общиной, помощь при этом оказали также Центральный комитет Кассы взаимопомощи лютеранских приходов России (2000 руб.) и региональный комитет кассы (200 руб.). В церковь был заказан орган на восемь регистров работы Зауэра¹¹⁸.

Пастора назначала и содержала в первые годы казна (до 1837 г.), затем — сами прихожане. Всего в Стрельнинском приходе с 1812 по 1935 г. служило 11 пасторов. Наиболее долго, почти 50 лет, данную должность занимал пастор Э. Финнер (1823–1872). Пасторат был построен в 1818 г. и находился в двух верстах от самой церкви. В обязанности пасторов в петербургских колониях входили преподавание детям азов христианского учения и попечение над школами в колониях.

В том же году недалеко от церковного здания на казенные средства была построена школа, занятия в которой начались уже в 1813 г. Практически через 80 лет, в 1896 г., уже на средства самих колонистов была построена новая школа, а в 1906 г. — каменный дом для учителей.

Помимо названных больших лютеранских приходов в Ново-Саратовке и Стрельне часть подстоличных колонистов была причислена к Царскосельско-Павловскому приходу (располагавшиеся на этой территории колонии Фриденталь и Этюп).

В 1823 г. был основан лютеранский приход г. Ямбурга. В его состав по инициативе смотрителя колоний фон Мирбаха вошли в 1826 г. колонисты лютеранского вероисповедания из недавно образованных ямбургских немецких поселений. В результате возникших противоречий приход был разделен в 1852 г. на две общины — городскую и колонистскую, вновь объединившиеся после учреждения единого церковного совета прихода в 1858 г. Начиная с 1852 г. шел сбор средств на возведение собственной церкви, построенной в 1863 г. и освященной во имя Св. Лазаря¹¹⁹. Однако большая часть колонистов ямбургских селений принадлежала к католическому вероисповеданию. Колонисты-католики вошли в состав прихода церкви Св. Иоанна в Ямбурге.

Школы в подстоличных колониях начинали функционировать почти сразу после обустройства поселенцев на новых местах, хотя лишь

¹¹⁸ Там же. С. 21; Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом... С. 24.

¹¹⁹ Вернер Н. Из истории лютеранских приходов... С. 325.

у жителей Ново-Саратовской колонии в контракте стоял пункт о строительстве школы и содержании учителя за счет казны первые несколько лет. В Ижорской и Среднерогатской колониях обучение детей также было налажено вскоре после поселения. Однако поскольку экономическое положение колоний в первые годы было очень сложным и у поселенцев не было возможности построить специальные здания, обучение проходило первоначально в домах самих колонистов, которые они предоставляли для этих целей по очереди. В Ижорской колонии, которая развивалась медленнее, данная практика сохранялась вплоть до 1810 г., а в Среднерогатской здание школы было построено уже в 90-е гг. XVIII в. По истечении льготного периода все школы «материнских» колоний содержались за счет средств самих колонистов, при этом величина сборов была разной и зависела от уровня благосостояния колонии. Обучение детей в ямбургских колониях не велось вплоть до начала XIX в., хотя в их контракте также стоял пункт о строительстве школы за казенный счет. В целом, многие исследователи школьного образования немцев в России указывают на то, что наименьшее внимание образованию уделялось в католических колониях. Еще в середине XIX в. к выводу о лучшей постановке школьного дела в протестантских колониях, чем в католических, пришел А. Клаус¹²⁰. Данная ситуация сохранилась и в XX в., что подтверждается результатами исследования И. В. Черказьяновой¹²¹.

В немецких колонистских школах в России учителей было традиционно немного и они вынуждены были вести одновременно несколько классов, на одного учителя приходилось в некоторых колониях до нескольких сотен учеников, учили только самому необходимому. Помимо того, что учителя получали довольно низкое жалованье, перед ними также не стояло цели всестороннего обучения детей. Задачи исчерпывались, как правило, заучиванием наизусть отрывков из Библии и изучением таблицы умножения¹²². На занятиях говорили сначала на диалекте (в поселениях меннонитов — на Plattdeutsch), затем было введено обучение на литературном немецком языке. Обучение письму и чтению длилось в результате такого подхода несколько лет, и на этом заканчивалось образование многих колонистов¹²³.

¹²⁰ Клаус А. А. Наши колонии... С. 377.

¹²¹ Черказьянова И. В. Школьное образование российских немцев... С. 126.

¹²² См. отрывок из поэмы «Das Lied vom Küster Deis»: «Deischens Unterricht in der Schule» в приложении к работе: Frank H. Указ. соч.

¹²³ Smith H. C. Указ. соч. S. 276–280.

Такая ситуация устраивала сначала и правительство России, которому нужны были в первую очередь образцовые крестьяне, и колонистов, задачей которых было обработать как можно лучше имеющиеся земли и приобрести как можно больше новых, поскольку они придерживались того мнения, что землю нельзя сжечь и украсть. Однако через некоторое время, когда колонисты достигли определенного благополучия, на первое место стало выходить образование как путь дальнейшего обеспечения благосостояния подрастающего поколения и как путь сохранения своей веры и традиций. Общины стали соревноваться, у кого лучшие школы и лучшие учителя. Хорошее школьное здание служило не только признаком высокого благосостояния общины, но и давало возможность пригласить лучших учителей. Здания школ и общинных собраний стали перестраиваться. Деньги и время колонисты стали вкладывать в образование детей.

Данную ситуацию иллюстрирует развитие школ в колониях под Петербургом. Первоначально в школах, возникших при церкви, изучались лишь чтение, письмо, четыре действия арифметики, Закон Божий и церковное пение. Занятия проводились, как правило, пять дней в неделю по шесть часов в период, свободный от сельскохозяйственных работ. В связи с последним обстоятельством даты начала и окончания учебного года различались в разных колониях. Преподавание всех предметов велось на немецком языке. Обучение русскому языку началось по инициативе учителя среднерогатской школы прусского подданного Ивана Миллера в середине 20-х гг. XIX в. с согласия самих колонистов и с разрешения Министерства внутренних дел. С начала 30-х гг. XIX в. русский язык изучали уже во всех петербургских колониях.

Школа в Средней Рогатке была лучшей в регионе и значительно отличалась от других колонистских школ. Инициатива Миллера распространялась не только на введение русского языка в школьную программу. Преподаватель имел опыт работы в столичной школе для детей бедных иностранцев, где обучали по распространившейся в России с 1818 г. английской Белл-Ланкастерской системе взаимного обучения, когда лучшие ученики занимались с остальными учащимися. Миллер стал применять данный метод в среднерогатской школе с 1825 г. Несколько позже данная система была введена по инициативе инспектора фон Штрика также и в Стрельнинской колонии, но она себя не оправдала, и в школе снова стали использовать традиционные методы обучения. И. Миллер расширил перечень преподаваемых предметов, включив в него обучение географии и естественной

истории, в программу по арифметике добавил действия с дробями, а в изучение языков включил разделы грамматики и письменного перевода.

Посещение занятий было обязательным и для мальчиков, и для девочек. Требование обязательного посещения школы было сформулировано в Уставе 1765 г., где было указано, что дети должны начинать посещать школу по исполнению им семи лет, а «ежели кто сего не исполнит, тот не токмо должен учителю заплатить положенные за дитя деньги, но равно с прочими дрова в училище возить, сверх того и накажется»¹²⁴. В 1847 г. на петербургские колонии были распространены «Правила о школьном и катехизическом учении», согласно которым ответственность за посещение детьми школы возлагалась не только на родителей, но и на шультейстера и органы сельского самоуправления. Шультейстер должен был представлять в сельский приказ списки не явившихся на занятия, а члены приказа — посетить их дома и выяснить причину пропуска. Если же причина не признавалась уважительной, глава семейства должен был выплатить штраф в размере 3 коп. сер. либо отработать по полдня общественных работ за каждый пропущенный день¹²⁵.

Школы развивались и росли вместе с самими колониями. В начале XX в. в Стрельнинской школе было, например, пять отделений, в ней работал один немецкий учитель и учительница русского языка. Всего обучалось более 100 учеников. Обучение в школе завершалось конфирмацией — торжественным обрядом приобщения юношей и девушек 14–16 лет к церковной общине. Ученики заучивали молитвы, стихи и песнопения, готовясь вместе с пастором к торжественной службе в церкви¹²⁶.

Как уже отмечалось, характерной чертой немецкой колонистской школы была тесная связь с церковью, обусловленная именно необходимостью подготовки юношества к конфирмации. Уставом от 1765 г. за лютеранскими и католическими священниками закреплялись право и обязанность контролировать выполнение шультейстерами их обязанностей. При этом учителя выполняли, как правило, еще и обязанности кистера и органиста, а в отсутствие пастора учитель мог его замещать, проводить богослужения и совершать церковные обряды. Учителя часто выполняли также прочие церковные обязанности.

¹²⁴ Цит. по: Бахмутская Е.В. Указ. соч. С. 167.

¹²⁵ Там же. С. 168.

¹²⁶ Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом. С. 51–54.

Е. Геллерт вспоминает: «Первый учитель должен был помимо работы в школе выполнять также всю работу, связанную с деятельностью церкви — играть на фисгармонии, крестить детей и хоронить мертвых, он также вел записи на всех собраниях общины»¹²⁷. Это было связано с тем, что церковь и пасторат часто были значительно удалены от деревень.

Лютеранская церковь отстаивала свое право контроля над школьным образованием в колониях и перед российскими чиновниками. Показательной в этом плане является ситуация с исполнением подстоличными колонистами нового Устава низших и средних учебных заведений, принятого после реформы образования министром народного просвещения С. С. Уваровым. Согласно данному Уставу учителя приходских школ должны были проходить испытания перед вступлением в должность. Это коснулось и колонистских школ. Смотритель петербургских колоний Клавер в 1839 г. обязал учителей колонистских школ пройти испытания в науках и представить свидетельства от высшего духовного начальства о разрешении преподавать Закон Божий. Циркуляр смотрителя был поддержан директором народных училищ С.-Петербургской губернии.

После получения данного предписания пастор Ново-Саратовской колонии обратился в С.-Петербургскую евангелическо-лютеранскую консисторию с просьбой его опротестовать. В свою очередь, консистория обратилась с просьбой к министру внутренних дел П. А. Строганову об отмене распоряжения смотрителя. Среди представленных аргументов основным был тезис о принципиальном отличии колонистских училищ от приходских школ, поскольку их главной целью является подготовка юношества к конфирмации. В связи с этим учителя выбираются местными проповедниками из числа благонадежных лиц лютеранского вероисповедания. При этом церковь настаивала на том, что основной задачей кандидата является быть полезным юношеству в нравственном и религиозном отношении, поэтому от них не требуется специальных познаний в науках и было бы излишним подвергать их испытаниям. В преподавании Закона Божьего задача учителя заключалась в заучивании с учениками определенных библейских стихов, толковать же их учителям не позволялось, это оставалось исключительным правом пасторов. Данные доводы показали министру внутренних дел убедительными, его мнение было поддержано также министром государственных

¹²⁷ *Gellert E. Erinnerungen an Berestowo... S. 51.*

имущества П.Д. Киселевым. Министру просвещения С.С. Уварову пришлось пойти на компромисс и согласиться с предложением обязать С.-Петербургскую консисторию ежегодно предоставлять в Министерство народного просвещения подробные отчеты обо всех колонистских школах губернии. Данное требование распространилось затем на все немецкие колонии Российской империи и стало обязательным с 1843 г.¹²⁸

Школа играла важную роль и в объединении немцев из разных областей, что подчеркивали также исследователи, занимавшиеся в начале XX в. изучением языка некоторых немецких поселений: «Единство во всех сферах является жизненной необходимостью для рассеянных по разным территориям, более или менее расколотых с точки зрения происхождения и религиозной принадлежности немцев. В последние годы благодаря строительству библиотек и упорядоченному обучению в школе в некоторых колониях можно зафиксировать подъем. В будущем нужно постараться добиться того, чтобы построить библиотеки с выдачей книг на руки во всех колониях. Задачей канторов является обеспечение возможности и умения читать и способствовать чистоте нашего родного немецкого языка»¹²⁹. Церковь и школа способствовали литературной деятельности колонистов, ища основания этому в библейских высказываниях: «Ich will meinen Mund auftun zu Sprüchen und alte Geschichten aussprechen, die wir gehöret haben und wissen, und unsere Väter uns erzählet haben, daß wir es nicht verhalten sollten ihren Kindern, die hernach kommen...» (Psalm 78, 2–4)¹³⁰. Учителя, деревенские старосты, проповедники, пасторы и деревенские писари стояли у истоков литературы русских немцев. То, что большая часть немцев умела читать и писать, способствовало появлению газет, журналов и книг на немецком языке. Читальные залы и так называемые «народные дома» (Volkshäuser) были важной частью общественной и повседневной жизни немцев¹³¹.

¹²⁸ См. *Бахмутская Е.В.* Указ. соч. С. 159–162.

¹²⁹ *Karasek A., Lück K.* Die deutschen Siedlungen in Wolynien. Plauen, 1931. S. 48.

¹³⁰ «2. Открою притчей уста мои, произнесу загадки из древности. 3. Которые слушали мы, и знаем их, и отцы наши рассказывали нам. 4. Не скроем от сыновей их, рассказывая поколению грядущему....» (<http://istok.ru/library/>).

¹³¹ По литературе российских немцев см. монографию: *Зейферт Е.И.* Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев. Лагерб, 2009, а также интернет-ресурсы, посвященные данной теме: Литература немцев СССР // Литературная энциклопедия. 1934. Т. 7. С. 880 (<http://feb-web.ru/>)

Кроме того, сохранению немецкого языка способствовали также различные социальные институты. Поскольку ввиду тяжелой физической работы и отсутствия медицинского обслуживания смертность среди колонистов в России была на довольно высоком уровне, в колониях стали обустраивать больницы, детские дома, приюты для сирот, слепых и глухонемых. Персонал в эти учреждения нанимался исключительно немецкий, язык использовался также немецкий, хотя со временем услугами данных заведений стали пользоваться также и русские крестьяне. Так, например, в Стрельну в 1891 г. был переведен приют «Вифездеа», для которого напротив школы было выстроено двухэтажное каменное здание. Освящение приюта, при котором действовала также домовая церковь, состоялось 22 октября 1892 г. Данная богадельня была учреждена для больных и неспособных к труду женщин евангелического вероисповедания. Другое заведение, «Дом защиты и спасения падших девушек и женщин им. Св. Магдалены», учрежденный в 1864 г. дамским обществом Петербурга, было также переведено позже, в 1902 г., из Петербурга в Стрельну¹³².

В 60-е гг. XIX в. в результате начавшейся политики русификации закончился подъем в развитии немецких колоний в России. Указ 1870 г., отменявший данные на вечные времена привилегии, многое изменил в жизни колонистов. Любая организованная деятельность немцев контролировалась, немецкие школы были закрыты, немецкий язык официально запрещен. В 80-е гг. XIX в. правительство предложило колонистам учиться в русских и украинских сельских школах, однако они практически не пользовались данной возможностью, поскольку преподавание в этих школах уже с первого класса велось на русском языке. Дети, которые до сих пор говорили дома только на немецком языке, должны были срочно изучить русский, чтобы хотя бы немного понимать преподаваемые предметы. Родители немецких детей стали организовывать в некоторых регионах так называемые немецкие «общественные школы» с достаточно низким уровнем преподавания.

feb/litenc/encyclop/le7/le7-7092.htm); Шелленберг А., Мюллер В. Литература российских немцев // Берлинская лазурь. Берлин, 2005 (<http://www.rd-zeitung.de/literatur/literatur.htm>); Мюллер В. Литература российских немцев: современные тенденции // Берлинская лазурь. Берлин, 2006 (<http://www.rd-zeitung.de/literatur/mueller.htm>).

¹³² См. Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом... С. 27.

Во время Первой мировой войны начались еще более серьезные репрессивные действия по отношению к немецким школам. В первую очередь они касались учителей — нероссийских подданных. Сначала, в августе 1914 г., по инициативе министра просвещения Л. А. Касо предлагалось увольнять только тех учителей, которые отказывались от предложенного им перехода в русское подданство. Через некоторое время разрешалось оставлять на службе только тех лиц, которые не только соглашались на смену гражданства, но и были желательны начальству. Среди причин увольнения лишь изредка указывалось, что преподаватель — неприятельский подданный. Многие из германских и австрийских подданных, работавших в основном в городских учебных заведениях, в том числе в столице, были уволены. Запреты коснулись также и учащихся, чьи родители были германскими, австрийскими или венгерскими подданными. Запрещался прием учащихся — неприятельских подданных в любые учебные заведения России. Те, кто уже учился, освобождался от занятий до перехода в русское гражданство.

25 августа были приняты распоряжения о переводе преподавания всех предметов в училищах при немецких и евангелическо-лютеранских и реформатских церквях Петрограда на русский язык с начала 1914/1915 учебного года. Исключение сделали только для выпускников, в крайнем случае разрешалось продолжать преподавать греческий и латинский языки на немецком. Вслед за тем в начале осени преподавание на русском языке началось также в немецких училищах при московских и лютеранских и реформатских церквях. В декабре 1914 г. требование вести занятия на русском языке коснулось и Рижских педагогических курсов, специализировавшихся на подготовке учителей немецкого языка для средних школ. 24 декабря 1914 г. последовал указ императора о языке преподавания в колонистских школах. По нему во всех начальных училищах для детей немецкой национальности следовало повсеместно проводить занятия на государственном языке, за исключением Закона Божьего и родного языка учащихся¹³³.

Антинемецкий настрой в государстве довольно часто приводил к произволу на местах. Так, в письме степного генерал-губернатора Е. Шмидта к губернаторам Акмолинской и Семипалатинской областей содержались указания на необходимость борьбы с «обособленностью немцев-переселенцев» с применением всех необходимых мер для «обрусения этого зазнавшегося племени». Органы полиции должны были

¹³³ Черказянова И. В. Школьное образование российских немцев... С. 139–144.

выявлять случаи создания «тайных» школ с преподаванием на немецком языке и привлекать виновных к уголовной ответственности. Отмечая важность «правильной постановки школьного дела», Шмидт утверждал, что «школа — это река, по которой должны вливаться русские начала в недра привезенной колонистами в наше отечество немецкой культуры»¹³⁴.

После Октябрьской революции произошло много изменений в школьном образовании немецких поселенцев. 31 октября 1918 г. было принято постановление Наркомпроса «О школьном образовании национальных меньшинств», в котором в качестве основополагающего принципа народного образования провозглашалось право всех народов на «организацию обучения на своем родном языке на начальных этапах единой трудовой школы и в высшей школе». Затем в системе управления образованием произошли структурные изменения, когда 20 января 1918 г. были упразднены должности попечителей учебных округов, а также директоров и инспекторов народных училищ. Единым центром по управлению школами теперь становился Народный комиссариат просвещения, которому на местах подчинялись губернские отделы образования. В структуру Наркомпроса РСФСР входил Совет по национальным меньшинствам (Совнацмен), объединявший всего 13 отделов, в том числе и немецкий.

Перед новой властью встала проблема комплектования педагогического состава школ, поскольку в результате русификаторской политики царской России в сфере образования катастрофически не хватало специалистов. Кроме того, важна была политическая ориентация педработников, их преданность новому режиму. В Москве в 1922 г. был открыт Немецкий практический институт народного образования, обеспечивавший педагогическими кадрами Петроградскую и другие губернии, где проживали немецкие колонисты. Институт занимался подготовкой высокообразованных учителей для немецких сельских школ, занятия длились 4 года и знание немецкого языка было для студентов обязательным. Данное учебное заведение было переименовано в Немецкий педагогический техникум и переведено в 1925 г. в Ленинград, где оно располагалось на наб. р. Мойки, 74–76. В 1927 г. при техникуме была создана методическая комиссия по выработке единой программы образования учителей для немецких школ, одним из членов которой был проф. Жирмунский. В одном из дел личного фонда В. М. Жирмунского в С.-Петербургском филиале архива РАН сохранились методические

¹³⁴ Там же. С. 145.

указания, составленные ученым для программы «Преподавание родного языка в диалектологическом окружении». Указывая на сложности овладения национальной нормой языка детьми, чьим естественным языком общения является диалект, Жирмунский отмечает: «Методика преподавания родного языка в диалектном окружении в сельской школе существенно отличается от методики преподавания в городской школе обычного типа, где дети уже в семье умеют говорить на общенациональном языке. Механическое перенесение методов преподавания городской (в особенности старой, буржуазной школы) на деревенскую имеет результатом недостаточную эффективность преподавания родного языка, наблюдаемую во многих немецких национальных школах: в результате нескольких лет обучения дети (а иногда и сами учителя, окончившие педагогическую школу) сохраняют типичные ошибки в произношении и правописании, в грамматике и синтаксисе, в словоупотреблении, источником которых является родной диалект»¹³⁵. Предлагая преподавателям ориентироваться при обучении немецкому языку на диалект при акцентировании его отличий от национального языка, Жирмунский особо выделяет необходимость сознательного отношения учителя к отличиям местного крестьянского диалекта, а иногда и собственной, диалектно окрашенной речи от нормы национального языка, закрепленной в письменной форме. Для того чтобы преподаватели могли самостоятельно устанавливать особенности диалекта той деревни, где они работают, Жирмунский предлагает проводить инструктаж по вопросам диалектологии при педагогических техникумах, на курсах переподготовки и на конференциях учителей. Такой подход был принципиально новым при обучении национальному языку в сельских школах и мог дать явные результаты при последовательном применении на местах, причем не только в немецких школах. Однако данные идеи ученого не были воплощены в практике преподавания национального языка, буквально через несколько лет, в начале 30-х гг., вся научная и методическая деятельность по вопросам школьного образования сельских немцев была прекращена.

Что же касается первых десятилетий советской власти, то стоит добавить, что для возобновления полноценной работы немецких сельских школ не хватало общих сведений о состоянии системы школьного образования среди немцев, а сами школы находились в бедственном положении, отсутствовали учебные пособия, здания бывших школ были заняты не по назначению. Так, например, здание школы в Ижорской

¹³⁵ Ф. 1001. Оп. 1. Д. № 12. Л. 8.

колонии Петербургской губернии использовалось советскими властями под клуб, а школьные учителя жили в четырех верстах от школы и не всегда могли добраться до работы, особенно зимой. Дети также часто не могли посещать школы из-за отсутствия обуви и одежды, часть школ не работала в зимний период ввиду отсутствия отопления, хотя колонисты старались помогать школам, выделяя дрова и осуществляя ремонт за свой счет. Отсутствие учебных пособий на немецком языке делало практически невозможным воплощение идеи о преподавании на родном языке. Разработку программ и методических пособий для немецких школ Петроградской губернии проводили немецкая секция и методическая комиссия при Совнацмен губОНО. На заседаниях комиссии обсуждались различные подходы к обучению в немецких школах, создание новых учебников, особо рассматривались методические разработки Германии, шла речь о комплексной программе школьного обучения и воспитания, включавшей внеклассную работу. Однако пока новая методическая литература еще не была разработана, началось переиздание дореволюционных учебников на немецком языке, в первую очередь — букваря Г. Шлимбаха. При этом проблема с обеспечением немецких школьников учебниками так и не была полностью решена, по состоянию на 1930 г. договор с Госиздатом об издании учебников и учебных пособий на немецком языке так и не был выполнен.

Одновременно с переизданием дореволюционных учебных пособий началось изъятие учебников по религии, а урок Закона Божьего был исключен из учебного плана, поскольку одной из наиболее важных целей нового правительства было уничтожение института церкви. Если учесть нерушимую целостность общины, церкви и школы в немецких колониях, можно представить, насколько пагубно могли воздействовать подобные меры на систему образования и воспитания немецких детей. Колонии под Петроградом/Ленинградом традиционно первыми испытывали на себе действие вновь введенных законов. Представление о состоянии школ практически во всех немецких колониях в 1918–1927 гг. дают материалы дел немецкой секции Ленинградского губернского отдела народного образования, хранящиеся в Государственном историческом архиве С.-Петербурга. Исследование данных источников, проведенное Т. А. Шрадер, позволяет сделать выводы о том, что в петроградских колониях продолжалась активная культурная жизнь, организованная силами самих колонистов. По состоянию на 1921 г. во многих немецких колониях губернии, а именно в Ново-Саратовской, Колпинской, Стрельнинской, Гражданской, Ново-Александровской и Кипенской, при местных клубах были созданы

театральные и музыкальные кружки, читались лекции по географии, физике и сельскому хозяйству. Клубы содержались, как правило, за счет платы за посещение кружков и лекций. В 1921 г. в колонии Ново-Саратовка было решено создать «Дом просвещения», где работа велась бы на немецком языке. Организовать школьное обучение собственными силами колонисты не могли, и ситуация с начальным образованием была плачевной. Так, например, в Стрельнинской колонии в советское время была лишь начальная школа, по окончании которой дети переходили в школу-семилетку в Константиновском дворце. К 1926 г. в школьной библиотеке насчитывалось 80 книг, при школе работал драмкружок, подготовивший три спектакля, и кооператив по выращиванию картофеля. В колонии Этюп на 117 учеников были в 1921 г. три учительницы, одна из них — немка, две — русские. В школе отсутствовала библиотека, а помещение разваливалось. Немецкую школу в Ямбурге, закрытую в 1915 и открытую вновь в 1921 г., посещал 101 ученик. Здесь работали также три учителя, дети занимались в две смены, но, поскольку многие из них были неграмотными из-за долгого отсутствия обучения, работу приходилось начинать с изучения азбуки. Преподавание на немецком языке проводилось только с теми учащимися, которые желали продолжить обучение после окончания четырех классов, с остальными учениками работа велась на русском языке. По состоянию на 1923 г. начальные школы 1-й ступени были в немецких колониях Петроградской губернии всего в 12 поселениях из 27 (в кол. Ново-Саратовка, Средняя Рогатка, Колпино, Стрельна, Овцыно, Новое Парголово, Каменка, Янино, Красенькая, Кипень, Смольнинская и Ямбург), при этом 29 учителей обучали 1115 детей¹³⁶.

Политические репрессии 30-х гг., предшествовавшие Второй мировой войне, привели к разрушению системы образования, только что начавшей налаживаться в немецких колониях. Репрессиям подвергались в первую очередь учителя и священники. После принятия 5 ноября 1934 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О работе среди немецкого населения» начались массовые проверки в местах компактного проживания немцев и последующие чистки. Особое внимание уделялось при этом системе образования. Курс на ликвидацию национального образования отразился в упразднении национальных органов просвещения и привел в итоге к запрету национальных школ. Первыми пострадали школы

¹³⁶ См.: *Шрадер Т. А.* Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 20-х гг. // Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998. С. 260–267.

Ленинграда и Ленинградской области. Летом 1937 г. было закрыто немецкое отделение 33-й школы Октябрьского р-на, к 20 декабря бюро Ленинградского обкома партии подготовило проект постановления «О национальных школах и других культурно-просветительских учреждениях», признававший «вредным» существование национальных школ, а к началу марта 1938 г. в Ленинградской области были реорганизованы 9 немецких школ. Постановление «О реорганизации национальных школ» от 24 января 1938 г. указывало на необходимость преобразования национальных школ в обычные с преподаванием на русском языке, но фактически за этим последовала ликвидация национальных школ по всей стране. Основным документом в сфере изменения государственной языковой политики явилось Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 г. Формальным поводом для закрытия немецких школ становилась низкая успеваемость учеников по русскому языку. Исключение составляла лишь Республика немцев Поволжья, где были закрыты все национальные школы, кроме немецких, поскольку немцы составляли титульную нацию республики. Однако вскоре после нападения Германии республика была распущена, а немцы потеряли и в этой области право на преподавание на родном языке. Можно сказать, что на этом закончилось развитие немецкой школы в нашей стране. В результате репрессивных мер по отношению к национальным школам была уничтожена немецкая интеллигенция, нарушена связь поколений, изменен традиционный уклад всей колонистской жизни. Немецкий язык вытеснялся исключительно в бытовую сферу, где он был обречен на угасание в условиях постоянных притеснений, гонений, запретов и преследований.

Депортация немецкого населения в годы войны и последовавшие за ней лишения практически лишили немцев любой возможности получать образование. Ввиду невозможности наладить быт, отсутствия медицинского обслуживания и голода немецкое население постепенно вымирало. Либо школ не было, школьные здания были разрушены или заняты под другие цели, либо дети не могли их посещать по самым разным причинам, таким как сиротство, отсутствие одежды и обуви, необходимость заниматься домашним хозяйством и растить младших братьев и сестер, отсутствие знания русского языка. Школы с традиционным преподаванием были ненадолго открыты лишь после начала Второй мировой войны в некоторых немецких общинах, попавших под немецкую оккупацию. Но вместе с отступлением немецких войск уходили и колонисты, переселяясь в новые районы. Те же, кто остался,

были после окончания войны сосланы в Сибирь на принудительные работы. Кроме того, возобновлению преподавания в школах препятствовало также и то, что большинство детей очень рано начинали работать и не могли их посещать. В послевоенное время дети колонистов могли ходить в русские школы в новых местах поселения, куда их семьи были сосланы в начале войны, однако делали они это очень неохотно, поскольку посещение школы было связано для них с большими проблемами. Отношение к немцам как к политическим ссыльным сказывалось на детях. Психические нагрузки усиливало также отсутствие или недостаточное знание национального языка, на котором велось преподавание и происходило общение в школе (русский, казахский и т. д. в зависимости от места депортации).

После снятия режима спецпоселения в середине 1950-х гг. встал вопрос об изучении в школах немецкого языка как родного. Реформа образования была построена на возможности самоопределения родителей в выборе языка преподавания для их детей. При этом зачастую выбор делался в пользу русского языка, сказывался страх, вызванный предшествовавшими годами преследований, боязнь за судьбу детей, желание дать им возможность приспособиться к жизни в новых условиях. В РСФСР, Казахстане и Киргизии преподавание немецкого языка в школах в качестве родного было введено в 1957 г. Однако данные меры носили ограниченный характер, поскольку обучение продолжалось в государственном языке. Родной язык вводился только со второго класса вплоть до 1986 г.¹³⁷

Начиная с 90-х гг. постепенно начинается возрождение немецкого образования, в первую очередь в Сибири, где в 1992 г. насчитывалось в общей сложности 177 учебных заведений для немецкого населения и 214 — с углубленным изучением немецкого языка. В Сибири была разработана утвержденная затем в Министерстве образования Российской Федерации программа «Об удовлетворении образовательных запросов российских немцев», которая предполагает непрерывное изучение родного языка, начиная с дошкольного и заканчивая высшим учебным заведением. Важную роль в процессе формирования немецкого образования в России и странах СНГ играет Германия, которая реализует программу поддержки, направленную на организацию изучения немецкого языка в Восточной Европе. Важнейшими целями данной программы являются подготовка учительско-преподавательских

¹³⁷ См.: Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев... С. 267–278.

кадров, повышение квалификации учителей, разработка специальных, адаптированных к местным условиям методик преподавания. В целом можно сказать, что наметился положительный сдвиг в области национального образования российских немцев. Осложняющими факторами являются значительная утрата знания родного языка и продолжающаяся миграция немецкого населения.

Стремление немцев к сохранению своего языка как неотъемлемой части культуры и средства передачи традиций росло по мере увеличения числа запретов на его использование. Язык стал для немцев внешним выражением национального самосознания и общего единства. Как справедливо отмечали в 1931 г. А. Карасек и К. Люк, «родной язык является после веры наибольшей ценностью из тех, что есть у человека»¹³⁸. Немцы, вернувшиеся сегодня в Германию, и по сей день гордятся тем, что смогли сохранить тот язык, с которым их предки когда-то уезжали, примечательной является часто цитируемая фраза: «Бедными уехали когда-то наши деды, бедными вернулись их внуки, но все они говорили по-немецки»¹³⁹.

Сохранение национального самосознания и его проявление у немцев — выходцев из Советского Союза, было исследовано К. Кустерер в 1990 г. Известно, что национальная идентичность этнической группы измеряется по различным параметрам. Важными являются при этом такие критерии, как язык, религия, культура и принадлежность к определенной географической области. Для «российских» немцев наиболее важными факторами осознания своей национальности было общее происхождение и принадлежность к одной и той же языковой и этнической группе. В результате исторического развития колонисты создали в России собственную единую культуру, которая имела большое значение как знак национальной самобытности, базировалась на сохранении родного языка и давала возможность дистанцироваться, обособиться от иноязычного большинства с иной культурой. Результаты исследования К. Кустерер совпадают с позицией живущих в России немцев. Чтобы выяснить значение языка для осознания национальной принадлежности, исследовательница задавала вопрос о родном языке, где, как замечает автор, «намеренно использовался термин, обладающий эмоциональной насыщенностью (*Muttersprache*. — Л.П.). Речь при этом шла не столько об объективном состоянии, как, например, о владении языком, сколько об эмоциональном отношении опрашиваемого

¹³⁸ Karasek A., Lück K. Указ. соч. S. 48.

¹³⁹ Frank H. Указ. соч. S. 129.

к какому-либо языку»¹⁴⁰. Исследование Кустерер дало следующий результат: «88,9 % опрошенных поселенцев (из 450) назвали немецкий своим родным языком, при этом 58,2 % относили себя к тем, кто владеет определенным немецким диалектом, и только 28 % — к тем, кто владеет литературным немецким языком. 2,7 % считали своими родными языками два языка и 11,1 % не немецкий язык»¹⁴¹.

Таким образом, данное исследование показало, что немецкий язык является для поселенцев средством не только общения, но и сохранения своей национальной принадлежности, признаком общего происхождения из Германии. Так, одна из опрошенных сказала, что хотя она лучше владеет русским языком, чем немецким, она все равно немка и поэтому думает, что ее родным языком является немецкий. Сохранение своего диалекта, т.е. своего родного языка, занимает в системе ценностей русских немцев очень важное место. Если задуматься над тем, что же подвигло людей, преследуемых и подвергавшихся арестам, при тех чрезвычайно неблагоприятных для сохранения своей национальной идентичности условиях, которые были созданы в предреволюционной России и в Советском Союзе, сохранить свой язык и культуру, то ответ можно найти в осознании функции языка не только как средства человеческого общения. Язык, очевидно, не ограничивается только коммуникативной функцией, он несет в себе глубокое содержание, отвечающее за самосознание и самоидентификацию человека. Язык — это культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания.

2.4.2. Социокультурные рамки островного двуязычия и понятие интерференции в лингвистике

Говоря о языке как средстве сохранения национальной идентичности немецких колонистов в России, нельзя не учитывать того, что соседи немцев говорили на других языках, в основном на русском и украинском. И хотя языковые острова жили своей особой этнокультурной жизнью, они оказывались связаны с иноязычным большинством внутри России благодаря экономическим, политическим, хозяйственным и социальным отношениям. В результате постепенного овладения языком соседей и сначала индивидуального, а потом и повсеместного

¹⁴⁰ Kusterer K. Ethnische Identität bei den Deutschen in der Sowjetunion. Ergebnisse einer Befragungsstudie mit deutschen Spätaussiedlern aus der Sowjetunion. München: Osteuropa-Institut, 1990. S. 17.

¹⁴¹ Там же.

двуязычия островной диалект немцев подвергался языковой интерференции¹⁴². Развитие двуязычия было вызвано как историко-географическими, так и социокультурными и политическими факторами. Хотя немецкий язык долго не терял своей доминирующей функции и немецкие села оставались в основном обособленными и гомогенными в диалектном отношении.

Говоря о немецких колонистах в начале их истории, Л. И. Москалюк¹⁴³ употребляет такой термин, как монолингвальность, что свидетельствует о том, что несмотря на иноязычное окружение «материнские» и «дочерние» колонии долгое время оставались в языковом отношении относительно замкнутыми, одноязычными, и мало подвергались внешнему языковому влиянию. А двуязычие, которое имело место, носило скорее индивидуальный характер. В качестве переломного года, когда немецкий язык потерял свою ведущую функцию, можно назвать 1938 г., после чего началось активное развитие билингвизма среди российских немцев. В колониях под Ленинградом развитие билингвизма произошло несколько ранее. В статье «*Das kolonistische Lied in Rußland*», вышедшей в 1927 г., В. М. Жирмунский отмечает в качестве основной отличительной черты небольших колоний под Ленинградом сильную русификацию молодежи. Исследуя немецкий фольклор, ученый пишет, что немецкая народная песня уже не является живым явлением, молодежь поет русские городские песни, а немецкие песни можно найти только у старых людей, в некоторых семьях, где собирают и поют народные песни и данная традиция передается от матери к дочери с опорой на песенные тетради. Исследователь пишет: «Только на свадьбах можно услышать, как пожилые люди поют свои песни; в остальном немецкая песня уже не является общественным явлением жизни народа»¹⁴⁴.

¹⁴² Термин «интерференция» был введен в отечественную литературу по языкознанию учеными Пражского лингвистического кружка. В лингвистике под интерференцией понимается «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося при языковых контактах либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» (Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 197).

¹⁴³ Москалюк Л. И. Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002.

¹⁴⁴ Schirmunski V. M. *Das kolonistische Lied in Rußland* (1927/28) // Viktor Schirmunski / Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München: Südostdt. Kulturwerk,

О жизни немцев в СССР в послевоенный период, а значит и о языковой ситуации в колониях, долго не было никаких известий. Изучение их языка и культуры было невозможно по политическим причинам. Согласно статистическим данным 1970-х гг., в СССР проживало всего 103 национальности, среди которых немцы были на 14-м месте (1846317 человек) в стране, на 9-м в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, на 4-м — в Казахской Советской Социалистической Республике¹⁴⁵. При этом, по данным всесоюзной переписи 1979 г., только около 57 % опрошенных немцев признали немецкий язык (диалект) своим родным языком, 42,6 % указали в качестве родного языка русский. Свыше 94 % немцев СССР могли свободно говорить на русском языке.

После начала нового периода в российской политике и прихода к власти М. С. Горбачева активизировались исследования в области языка и культуры немецких колонистов. В Германии доступ к информации ученые смогли получить сначала от вернувшихся на исконную родину российских немцев. В рамках проекта «Немцы в советском обществе» (Восточноевропейский институт в Мюнхене) путем опросов прибывших немцев был собран материал о жизни немцев в Советском Союзе. О степени владения немецким языком этническими немцами в России имеются данные 1988 г., когда вышло исследование П. Хилькеса «Немцы в Советском Союзе: языковая компетенция и речевое поведение»¹⁴⁶. Автор приводит таблицу, наглядно демонстрирующую степень владения немецким языком в Советском Союзе в зависимости от возраста информантов¹⁴⁷. По приведенным данным можно проследить отчетливую тенденцию снижения количества людей, считающих немецкий язык своим родным, среди молодого поколения немцев. Хуже всего владение немецким языком было среди молодых горожан в европейской части России и в Сибири, где количество человек, говорящих на немецком языке, в два раза меньше, чем у старших поколений (снижение с 98,3 до 46,2 %).

1992 (Veröffentlichungen des südostdeutschen Kulturwerkes: Reihe B, Wissenschaftliche Arbeiten; Bd. 59). S. 277.

¹⁴⁵ Comrie B. The Languages of the Sowjet Union. Cambridge, 1981. P. 184; Haarmann H. Quantitative Aspekte des Multilingualismus. Hamburg: Buske Helmut Verlag GmbH, 1979. S. 25.

¹⁴⁶ Hilkes P. Deutsche in der Sowjetunion: Sprachkompetenz und Sprachverhalten. Ergebnisse einer Befragungsstudie mit deutschen Spätaussiedlern aus der Sowjetunion // Muttersprache. Zeitschrift zur Pflege und Erforschung der deutschen Sprache 2. 1989. Bd. 99.

¹⁴⁷ См. Приложение 2.

В сельской местности заметно снижение (на 19,6%) числа лиц, считающих немецкий язык родным (с 96,6 до 75,0%). Несколько лучше была ситуация в Казахстане и Средней Азии, где в городе видно снижение на 31,6% (с 98,3 до 66,7), а в сельской местности — на 13,9% (с 93,9 до 80,0%). При этом у родившихся в начале века осознание немецкого языка в качестве родного колеблется от 93,6 до 98,3%, т. е. остается на относительно одинаковом уровне во всех регионах.

При опросах общественного мнения немцы демонстрировали сильное желание сохранять и использовать немецкий язык в своей речи, но, как показывает исследование П. Хилькеса, хотя 57,8% немцев при общении с родителями использовали немецкий язык, ситуация при общении с супругами уже сильно меняется. Причинами этого являются как смешанные браки, так и не очень хорошее владение немецким языком среди молодого поколения. Однако при общении с детьми 59,1% опрошенных используют немецкий язык, стараясь передать им таким образом национальные традиции, хотя молодое поколение подвержено, несмотря на это, очень сильному влиянию русского языка. В общении с друзьями 38,3% опрошенных использовали немецкий язык, а на работе 91,5% говорили на русском языке и только 5% на немецком, при этом последняя цифра включает в себя также и тех, кто говорил на обоих языках.

На данной тенденции сказалась также смена поколений. Молодежь в отличие от старшего поколения уже не придавала такое большое значение сохранению традиций и языка, а предмет «Немецкий язык в качестве родного», который преподавался в школе, не вызывал у них особенного интереса в силу описанных ранее причин. Отсутствие учебных и методических пособий и преподавателей, имеющих соответствующее образование, приводило к тому, что снижалась заинтересованность в преподавании на немецком языке как со стороны детей и их родителей, так и со стороны самих преподавателей.

Проблема языковой интерференции, в частности проникновения новых понятий и соответствующих им слов из чужого языка, существовала еще в начале поселения немцев в России. Если в первые годы немцам хватало привезенного с родины словарного запаса, то со временем, в связи с экономическим и техническим развитием и отсутствием тесной связи с исконной родиной, они начали перенимать слова из языка окружения. Позже языковой интерференции способствовало также расселение немцев по большой территории. Новая страна обладала своими культурными особенностями, не имевшими эквивалентов в немецкой культуре и соответственно в языке. В результате этого немцы перенимали обозначения незнакомых понятий, новых предметов.

Некоторые из наиболее рано заимствованных слов выравнивались по правилам немецкой грамматики и фонетики. Ассимилирующему воздействию русского языка способствовали в первую очередь два фактора — влияние идеологии чужой страны и неуверенность в правильности употребления своего родного языка, вызванная языковой изоляцией от исконной родины. Данная неуверенность проявлялась в стилистике, выборе слов и в синтаксисе. В результате возник так называемый «Kauderwelsch», смешанный немецко-русский язык¹⁴⁸.

Проблемами распространения, контактирования и смешения языков интересовались многие лингвисты. Среди причин распространения языков, как правило, называется та или иная (например военная, политическая, религиозная, культурная, экономическая или просто демографическая¹⁴⁹) экспансия того народа, который говорит на распространяющемся языке. Важную роль здесь играют экстралингвистические факторы, которые входят в область исследования скорее историков и этнологов, чем лингвистов. Последние могут изучать результаты различных исторических процессов, приведших к тому, что некоторые языки вступили в контакт, следствием которого стали их взаимовлияние и смешение. А. И. Домашнев в связи с этим отмечает, что «хотя языковые острова живут, как правило, своей особой, этнокультурной жизнью, они оказываются тесно связанными благодаря общественно-политическим, административно-деловым, хозяйственным и социальным отношениям с иноязычным большинством данной страны, овладение языком которого приводит к языковой интерференции и влиянию этого языка большинства («соседний» язык, контактирующий язык) на островной диалект»¹⁵⁰.

Многие известные лингвисты, как, например, Фердинанд де Соссюр¹⁵¹, не считали целесообразным рассмотрение подобных явлений, так как полагали, что раскрыть системный характер языка можно, лишь подходя к нему статически и отвлекаясь от динамических тенденций

¹⁴⁸ Данный термин использовал живший в Караганде поэт Райнхольд Франк для обозначения смешения немецкого языка с русским (подробнее см.: Engel-Braunschmidt, Annelore: Russisches und Deutsches bei den Sowjetdeutschen? // Engel-Braunschmidt, Annelore/Schmücker, Alois (Hrsg.): Korrespondenzen. Festschrift für Gerhardt aus Anlaß des 65. Geburtstages. Giessen, 1977. S. 150).

¹⁴⁹ См., например, Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика (1952) // Зарубежная лингвистика. М., 2002. III. С. 43–56.

¹⁵⁰ Домашнев А. И. В. М. Жирмунский и изучение немецких диалектов в СССР... С. 46.

¹⁵¹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

и внешних влияний, которые постоянно угрожают устойчивости языка. Однако, как справедливо отмечает А. Мартине, «Если <...> распространение языков само по себе не принадлежит к тем явлениям, которые имеют к нам, лингвистам, прямое отношение, оно тем не менее может создать ситуации, которые затрагивают как распространяющийся язык, так и другие языки, вступающие с ним в контакт»¹⁵².

О контакте языков, или о *языковом контакте*, как это называется вслед за Мартине Уриэль Вайнрайх¹⁵³, писали многие лингвисты. Термин *контакт* употреблял уже в 1926 г. Л. В. Щерба. В своей статье «О понятии смешения языков» Щерба пишет: «...Мы имеем полное право, — ввиду того что они все (факты, приводимые различными авторами, трактующими о смешении языков) появляются только там, где два языка находятся в непосредственном контакте, объединить их все под общей рубрикой, дав ей какое-нибудь название, например с м е ш е н и е я з ы к о в = Sprachmischung»¹⁵⁴. Говоря об изучении *смешения языков*, Щерба подчеркивает необходимость дальнейшего исследования этого процесса: «Во всем этом выиграло бы понимание историко-лингвистического процесса самого по себе, так как до сих пор им почти не занимались: все внимание языковедов было сосредоточено на установлении соответствий языковых элементов между двумя родственными языками или между двумя последовательными состояниями одного и того же языка»¹⁵⁵. А. Мартине подтверждает мнение Щербы о значимости для лингвистики процесса смешения языков, называя взаимовлияние языков одним из самых могучих стимулов языковых изменений¹⁵⁶.

В вышеуказанной статье Щерба также полемизирует с известными лингвистами своего времени Г. Шухардтом и А. Мейе. Соглашаясь

¹⁵² Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика... С. 46.

¹⁵³ Термин «языковой контакт» («language contact») был введен А. Мартине (хотя о «контакте языков» писал еще до него Л. В. Щерба) и получил известность благодаря работам У. Вайнрайха. В последнее время данный термин стал общепринятым и используется многими лингвистами, занимающимися вопросами смешения языков. (Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие (1961) // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972; Зарубежная лингвистика. III. / Пер. с англ., нем., фр.; общ. ред. В. Ю. Розенцвейга, В. А. Звегинцева, Б. Ю. Городецкого. М., 2002. С. 7–42; Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems (N.-Y., 1953). den Haag, 1963).

¹⁵⁴ Щерба Л. В. О понятии смешения языков (1926) // Языковая система и речевая деятельность. М.: УРСС, 2004. С. 61.

¹⁵⁵ Там же. С. 74.

¹⁵⁶ Мартине А. Указ. соч. С. 45.

с Шухардом в том, что не существует языка, который не был бы смешанным в той или иной степени, Щерба напоминает о статье Бодуэна де Куртенэ (своего учителя), опубликованной в 1901 г. под заглавием «О смешанном характере всех языков». Данное указание существенно, так как оно демонстрирует тот факт, что вопрос *смешения языков* рассматривался уже с начала XX в. Что же касается Мейе¹⁵⁷, то он не включал понятие смешения языков в число лингвистических. Как замечает позже А. Мартине, «Ситуация двуязычия сама по себе отпугивает большинство традиционно мыслящих лингвистов. Лишь когда одноязычие восстановлено, они могут вновь вздохнуть свободно. Но тогда, разумеется, уже невозможно прямое наблюдение и слишком часто остается лишь или признать свою некомпетентность, или же работать с непроверенными предположениями. Нам представляется, что в этой области необходимо больше исследований...»¹⁵⁸

Однако можно сказать, что исследования последующих лет многое сделали для прояснения данного явления. Среди работ, оказавших существенное влияние на развитие данного направления лингвистики, следует назвать следующие: U. Weinreich «Languages in Contact», H. Vogt «Language Contacts»¹⁵⁹, U. Weinreich «Research Frontiers in Bilingualism Studies»¹⁶⁰, L. Zawadowski «Fundamental Relations in Language Contact»¹⁶¹, В. Ю. Розенцвейг «О языковых контактах»¹⁶².

Термин *смешение языков*, который употребляет Л. В. Щерба, не стоит путать с термином *языковой контакт*, так как первый обозначает процесс, а второй — его результат. Под *языковым контактом* в настоящей работе понимается вслед за Вайнрайхом «использование одним и тем же индивидом попеременно то одного языка, то другого»¹⁶³. Подобная практика называется *двуязычием* (если в речи используется два языка) или *многоязычием* (если в речи используется несколько языков). Как пишет Мартине, «как правило, распространение языка

¹⁵⁷ Meillet A. La methode comparative en linguistique. Oslo, 1925.

¹⁵⁸ Мартине А. Указ. соч. С. 42.

¹⁵⁹ Vogt H. Language Contacts // Word. 1954. 10. P. 365–374.

¹⁶⁰ Weinreich U. Research Frontiers in Bilingualism Studies // Proceedings of the International Congress of Linguists. Oslo, 1958. P. 771–797.

¹⁶¹ Zawadowski L. Fundamental Relations in Language Contact // Bulletin de la Societé Polonaise de Linguistique. 1961. 20. P. 3–26.

¹⁶² Розенцвейг В. Ю. О языковых контактах // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 57–69.

¹⁶³ Weinreich U. Sprachen in Kontakt. Ergebnisse und Probleme der Zweisprachigkeit. München: Beck, 1976. S. 16.

проходит через ситуацию двуязычия, которая вне зависимости от того, выживает ли каждый из борющихся языков или же один из них исчезает, всегда оказывает весьма значительное влияние на данный язык»¹⁶⁴.

При постановке вопроса о языковом смешении часто исходят из указанной выше проблемы *двуязычия*. Термин *двуязычие* может пониматься как в узком, так и в более широком смысле. Под двуязычием в широком смысле понимают «любое влияние чужого языка вне зависимости от того, имеет ли оно коллективное или индивидуальное проявление, идет ли речь о действительном владении двумя языками, или же только о контакте с чужим языком (например благодаря изучению языка в школе или же просто пассивному овладению им)»¹⁶⁵. Такое понимание данного термина было свойственно в основном лингвистам XIX — начала XX в., среди которых Г. Пауль¹⁶⁶, Л. В. Щерба, А. Мейе, Г. Шухардт¹⁶⁷. Так, Л. В. Щерба описывает в своей работе «Восточно-лужицкое наречие», вышедшей в 1915 г., лужицко-немецкое двуязычие, о котором он говорит также в уже названной статье «О понятии смешения языков». Иногда данная трактовка встречается также и у исследователей более позднего времени, например у К. Х. Шёнфельдера¹⁶⁸.

У. Вайнрайх также понимает языковой контакт и двуязычие в широком смысле. Такое широкое толкование термина основывается на том, что степень различия языков не влияет на механизмы интерференции и термин *двуязычие* может быть применим, таким образом, как, например, к контактирующим китайскому и французскому, так и к контактирующим вариантам английского языка. А. Мартине пишет об этом: «Как только отдаешь себе отчет в том, что силы, которые назывались действием субстрата и действием суперстрата, представляют собой просто два из большего числа следствий двуязычия и что в связи с двуязычием возникают почти те же самые проблемы вне зависимости от того, являются ли два контактирующих языка совершенно несвязанными, как испанский и гуарани в Парагвае, или же генетически близкородственными, например двумя романскими диалектами, начинаешь понимать огромную важность следствий распространения языков»¹⁶⁹.

¹⁶⁴ Мартине А. Указ. соч. С. 44.

¹⁶⁵ Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 2002. III. С. 58.

¹⁶⁶ Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. 5. Aufl., Tübingen, 1920. S. 391.

¹⁶⁷ См. указанные выше сочинения данных авторов.

¹⁶⁸ Schönfelder K.H. Probleme der Völker- und Sprachmischung. Halle: Niemeyer, 1956.

¹⁶⁹ Мартине А. Указ. соч. С. 45.

В более узком понимании говорят о двуязычии индивидуальном и коллективном. *Индивидуальное двуязычие* часто выносится за рамки лингвистического анализа, так как не дает возможности делать более общие выводы, касающиеся развития языка в целом. Как отмечает А. Мартине: «Индивидуальное многоязычие (именно поскольку менее вероятно, что оно затронет наиболее полно структурализованные аспекты языка, а именно фонологические и морфологические модели), по-видимому, всегда будет оставаться на втором плане, и внимание лингвистов будет обращено на коллективное двуязычие в результате распространения нового языка на весь коллектив»¹⁷⁰. Подтверждение данному высказыванию мы находим у Б. Гавранек. Он пишет в своей статье «К проблематике смешения языков»: «По-моему, невозможно рассматривать индивидуально реализуемое двуязычие в качестве существенного фактора языкового развития, каковым могут быть лишь коллективные явления»¹⁷¹. Однако индивидуальное двуязычие (билингвизм) может все же стать объектом лингвистического исследования в качестве отдельно взятых примеров одновременного владения двумя различными языками. Индивидуальными случаями двуязычия занимались, например, такие ученые, как Г. Шухардт¹⁷², У. Вайнрайх и В. Розенцвейг¹⁷³.

В отличие от индивидуального *коллективное двуязычие*, наоборот, вызывает живой исследовательский интерес. Некоторые лингвисты даже предлагают применять термин «двуязычие» вообще только к этому его виду. Как пишет Б. Гавранек: «По-моему, термин “двуязычие” при изучении развития языка следует применять лишь к коллективному двуязычию, т. е. ограничить его теми случаями, когда в одном языковом коллективе (а не только у отдельных его членов) имеются и используются две разные грамматические системы и два разных словаря...»¹⁷⁴ Гавранек предлагает выделять две степени двуязычия — полное и частичное, рассматривать только явления коллективного двуязычия, и называть все остальные его виды языковым контактом.

Иногда в качестве замены термина *двуязычие* применяют также понятие *диглоссии*¹⁷⁵. Хотя понимание диглоссии в социолингвистической традиции неоднозначно (диглоссия понимается иногда как

¹⁷⁰ Там же. С. 47.

¹⁷¹ Гавранек Б. Указ. соч. С. 58.

¹⁷² Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М.: ИЛ, 1950. С. 174–184.

¹⁷³ См. указанные выше работы.

¹⁷⁴ Гавранек Б. Указ. соч. С. 58.

¹⁷⁵ Данный термин предложил Ч. Фергюсон в своей программной статье 1959 г. «Диглоссия»: *Ferguson Ch. A. Diglossia. Word* 15. 1959. P. 325–340.

двуязычие в пределах одного и того же языка), нельзя не учитывать использование этого термина по отношению ко взаимодействию двух языков, выполняющих разные функции в обществе (например латынь и народные языки в западной средневековой культуре). Чарльз Фергюсон проанализировал в 1959 г. ситуацию неравного двуязычия для разговорных местных вариантов арабского и классического арабского языка в арабском мире, швейцарского диалектного и литературного немецкого в немецкоговорящей части Швейцарии, а также креольского и французского на Гаити. При этом Фергюсон обращает внимание на функциональное отличие диглоссии от билингвизма, поскольку при диглоссии один из языков является «высоким» (H-язык) и используется в небытовых ситуациях общения, а другой (L-язык) — «низким», принятым в повседневном общении.

Основная лингвистическая проблема, возникающая в связи с ситуацией двуязычия, заключается в том, чтобы, как пишет А. Мартине, выяснить, «в какой степени контактирующие структуры могут сохраниться неизменными и в какой степени они будут влиять друг на друга, изменять друг друга»¹⁷⁶. Описанный выше термин *языковой контакт* обозначает языковые ситуации в целом, он ничего не объясняет в лингвистическом отношении и дает широкое толкование явления. В связи с этим языковым ситуациям противопоставляются возникающие в результате их создания языковые явления, которые обозначаются термином *интерференция*. У. Вайнрайх определяет в своей работе «Языковые контакты» явления интерференции как «случаи отклонения от норм как одного, так и другого языка, которые встречаются в речи двуязычных людей в качестве результата их владения более чем одним языком, т. е. те, которые являются результатом языкового контакта», а термин *интерференция* «включает в себя переделку структурных схем, которая происходит из-за введения чуждых элементов в наиболее сильно структурированные области языка; к этим областям следует причислять основную часть фонологической системы, большую часть морфологии и синтаксиса и некоторые поля словарного запаса (сфера родственных связей, цвета, погода и т. д.)»¹⁷⁷.

Вайнрайх различает понятия *интерференции* и *заимствования* и выступает против их смешения и против замены одного термина другим. *Заимствование* возможно, по его мнению, только в тех областях языка, которые не являются сильно структурированными (как

¹⁷⁶ Мартине А. Указ. соч. С. 46.

¹⁷⁷ Weinreich U. Sprachen in Kontakt... S. 16.

некоторые области синтаксиса и некоторые области побочного/дополнительного словарного запаса, например, правда, автор не уточняет, какие именно области синтаксиса и лексики он имеет в виду). *Интерференция* затрагивает, наоборот, наиболее структурированные сферы языка и приводит к целой последовательности изменений и реорганизации существовавших до сих пор дистинктивных оппозиций. В случае *заимствования* Вайнрайх, однако, не исключает возможности дальнейшего переустройства структурных схем, т.е. *интерференции*. В связи с разделением данных терминов мы можем вспомнить статью Щербы о смешении языков, где он пишет: «Мне кажется, что во взаимном влиянии языков следует различать два совершенно различных процесса — заимствование и смешение языков; первое основывается на двуязычии, как я предложил бы назвать назависимое сосуществование двух языков у одного и того же индивида, а второе основывается на смешанном языке с двумя терминами. Само собой разумеется, что в действительности есть всегда промежуточные формы и чаще всего оба процесса перекрещиваются. Но это ни в коем случае не может поколебать сделанное выше существенное различие»¹⁷⁸.

3 ситуации языкового контакта, включая распространение, длительность существования и исчезновение какого-либо явления интерференции, возможен только в том случае, если не будут рассматриваться внеязыковые факторы. Среди неструктурных факторов (они же внеязыковые) Вайнрайх перечисляет, например, свободу владения языком говорящим и его способность отделять языки друг от друга, относительные языковые успехи в каждом из языков, степень владения каждым отдельным языком, знакомства с его идиоматикой и стереотипами. Однако нам кажется, что нельзя полностью абстрагироваться от внеязыковых аспектов данного явления, так как необходимо учитывать зависимость такого явления, как языковой контакт и, как следствие, интерференция, от исторических, психологических и прочих экстралингвистических факторов. Если говорить об истории немецких колонистов, то на интерферирующее влияние русского языка на немецкий оказывали воздействие такие факторы, как запрет на преподавание в школе на немецком языке, ведение юридической и прочей документации на русском языке, смешанные браки и т. д.

Вайнрайх отмечает также, что внеязыковые факторы не обязательно ограничиваются двуязычным носителем: «Конфронтация между явлениями интерференции и существующими нормами одного языка

¹⁷⁸ Щерба Л. В. Указ. соч. С. 72–73.

будет, возможно, сильнее, если контакт состоится внутри целой группы двуязычных носителей»¹⁷⁹. В таком случае тем более важным является, как нам кажется, наличие среди влияющих факторов тех, которые характерны для всей группы. Среди факторов, наиболее важных для изучения двуязычных групп, Вайнрайх выделяет следующие:

- 1) объем двуязычной группы и ее социокультурная гомогенность или отсутствие таковой; подразделение ее на подгруппы, которые используют тот или иной язык в качестве родного; демографические данные, социальные и политические отношения между подобными подгруппами;
- 2) преобладание в различных подгруппах лиц, владеющих двумя языками и обладающих определенными характеристиками и типами поведения;
- 3) стереотипное восприятие отдельных языков («престиж» языков); статус языка исконного жителя или эмигранта;
- 4) отношение к культуре определенных языковых групп;
- 5) отношение к двуязычию как таковому;
- 6) терпимость или нетерпимость по отношению к смешению языков и ошибкам в речи на том или ином языке;
- 7) отношение двуязычной группы к отдельным граничащим с ней языковым сообществам.

Эти факторы имеют существенное значение также и для нашего материала, поскольку немецкие колонисты жили на территории России среди русского населения на протяжении нескольких столетий, оставаясь сначала довольно гомогенным, затем все более разбавленным браками с русскими (иногда украинцами и др. в зависимости от окружения) языковым сообществом. Престиж двух языков — русского и немецкого — постоянно менялся в связи с разной политической ситуацией.

¹⁷⁹ Weinreich U. Sprachen in Kontakt... 1976. S. 18.

3. НЕМЕЦКИЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР И ИССЛЕДОВАНИЕ НАРОДНЫХ ПЕСЕН НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ XVIIИ–XX вв.

3.1. Фольклор. К постановке вопроса

Для обозначения народного творчества существует множество различных терминов. В середине XIX в. в русской и зарубежной науке был принят термин *народная поэзия*, который подчеркивал принадлежность фольклора к народному творчеству. Данный термин дополнялся эпитетами *безличная*, *естественная* и *безыскусственная*, которые отражали отношение исследователей того времени к народному творчеству, показывая, что в нем отсутствует индивидуальное авторство, теоретический взгляд на творчество и профессионализм. Взгляд на народное творчество менялся с течением времени, и в связи с этим в науке начала XX в. получили распространение термины *устная словесность* и *народная словесность*. Словесностью называли сначала профессиональное искусство слова прозаиков и поэтов. Применительно к фольклору некоторое время бытовало представление, что это искусство, первоначально созданное профессионалами-поэтами, и лишь потом адаптированное народом в свою среду. Поэтому позже, когда данный термин стали применять к фольклору, он получил некое дополнительное значение. Фольклор стали называть *устной словесностью*, чтобы подчеркнуть то, что народ, в целом неграмотный, мог хранить, передавать и воспринимать информацию лишь в неписанном виде. Однако оба термина не прижились в фольклористике и фольклор продолжают называть либо *устным творчеством народа*, либо *народно-поэтическим творчеством*, либо *устно-поэтическим творчеством народа*. Все три термина восходят к обозначению XIX в. *народная поэзия*. При этом каждый из них указывает на определенные особенности фольклора. Название *устное творчество народа* подчеркивает его устный характер и отделяет от других видов народного творчества, таких как танец, музыка и т. д. Термин *народно-поэтическое творчество* подчеркивает художественный характер поэтических

произведений, который отделяет их от верований, обычаев и обрядов. Понятие *устно-поэтическое творчество народа* объединяет в себе все вышеперечисленные признаки.

Кроме того, в современной науке употребляется собственно сам термин *фольклор* (англ. *folklore*: букв. *folk* — народ, *lore* — практические знания; профессиональные знания; традиционные знания, верования, знание, мудрость, т. е. *народная мудрость, знание народа*), который преимущественно используется в данном исследовании. Данный термин появился в середине XIX в. благодаря английскому ученому У. Дж. Томсу (W.J. Thoms), который ввел его для обозначения произведений устного народного творчества, старинной поэзии, обрядов и верований. Похожие термины уже существовали до этого в немецкой научной и художественной литературе, например: *das Volkstum* (нем. *das Volk* — народ, *tum* — древнегерманский суффикс, был изначально самостоятельным словом, означавшим в mhd., ahd., власть, состояние, имущество), *die Volkskunde* (нем. *die Kunde* — известие, весть), *die Volksforschung* (нем. *die Forschung* — исследование, изучение). Термин *die Volkskunde*, который соответствует английскому *folklore*, был введен в науку И. Ф. Кнауффлем (J. F. Knauffl) в 1913 г. и вошел в русскую фольклористику с начала XX в. Западноевропейской наукой XIX в. были введены и другие термины. Во Франции существовал термин *traditions populaires* (народные традиции), в Италии — созвучный ему термин *tradizioni popolari*, в Испании — *tradicions populares*¹.

Известный фольклорист, исследователь устного народного творчества немецких колонистов в России В. М. Жирмунский понимал фольклор в максимально широком значении этого слова, отмечая, что он не видит «принципиальной необходимости проводить границу между тем, что обычно называется “фольклором”, и “этнографией”», подчеркивая при этом, что «существенным... является не количественный объем понятия “фольклор”, а его качественная специфика, определяемая его социальной природой и общественной функцией»². Жирмунский предлагал не выделять понятие «поэтического фольклора» или, шире, «художественного фольклора», «фольклорного искусства», а включить его в весь круг явлений духовной культуры в соответствии с первоначальным английским словоупотреблением (*народная муд-*

¹ См. например: Казаров Е. Г. Что такое фольклор // Художественный фольклор. М., 1929. С. 8.

² Жирмунский В. М. Проблема фольклора (1934) // Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки. М.: ОГИ, 2004. С. 42.

рость). В таком случае термин *этнография* обозначал бы явления материальной культуры. Продолжая развивать данную теорию, ученый предлагал еще больше расширить значение термина *фольклор* и использовать его в широком понимании немецкого термина *Volkskunde*: «Методологически более правильно не проводить и этого традиционного разделения, поскольку изучаемые фольклористикой и этнографией факты так называемой “материальной” и “духовной культуры” одинаково относятся к явлениям общественной жизни и по своей социальной природе занимают в ней принципиально одинаковое место: поэтому наиболее приемлемым является тот широкий объем понятия, который соответствует обычному употреблению немецкого термина “*Volkskunde*”, объединяющего этнографию и фольклор как принципиально однородную группу явлений»³. В своей собирательской деятельности в немецких колониях СССР Жирмунский ставил своей целью именно последовательное воплощение идеи понимания фольклора как явления, охватывающего всю сферу духовной, культурной и общественной жизни колонистов, собирая, записывая, изучая и сохраняя как явления устного народного творчества, так и связанные с ними процессы и предметы материальной культуры.

3.2. Фольклористика, лингвофольклористика и язык фольклора

Во всех терминах, перечисленных в предыдущем разделе, не наблюдается понимания различий между фольклором как таковым и наукой, его исследующей. Вопрос о выделении науки о фольклоре был поднят в Англии во второй половине XIX в. В этот период среди исследователей фольклора возникла полемика о том, как понимать содержание, задачи и методы исследования. В связи с этим первым шагом стало разделение фольклора и науки о нем. В нашей отечественной науке такое разделение было предложено Ю. М. Соколовым⁴, который ввел в обиход термин *фольклористика* для обозначения науки о фольклоре.

У фольклористики много смежных наук. Она граничит с этнографией, историей, искусствоведением, литературоведением и, что для

³ Там же.

⁴ Соколов Ю. М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. М., 1926. С. 6.

нас особенно важно в связи с поставленными целями исследования, с лингвистикой. На представление о фольклористике как о науке, охватывающей все фольклорные явления, неразрывно связанные с явлениями культуры, языка, литературы и этнографии, последовательно распространялось широкое понимание Жирмунским самого фольклора. Так, еще в 1934 г. ученый писал: «Что касается фольклористики как науки, то некоторая порочность ее традиционных методологических установок тесно связана с идеологическими предпосылками выделения и изоляции фольклора как особой области знания. С методологической точки зрения вряд ли может быть оправдано выделение из системы исторических знаний особой науки о культурных реликтах»⁵. Это же замечание Жирмунский относит и к поэтическому фольклору, как к более узкой области фольклорных явлений. При этом он отмечает, что поэтический фольклор должен изучаться в сопоставлении с литературой. В заключение ученый добавляет: «Только тогда фольклорное явление получит методологически правильное освещение как в своем генезисе, так и в своей общественной функции, когда в каждом конкретном случае оно будет рассматриваться не изолированно, в кругу таких же фольклорных реликтов, а в широкой исторической перспективе как часть исторического процесса»⁶. Именно в связи с таким широким подходом кажется полезным объединение в одном исследовании обзора исторических, поэтических и лингвистических явлений при рассмотрении общественной жизни группы С.-Петербургских немецких колоний. Однако такой подход требует в условиях сегодняшней действительности объединения усилий различных ученых, работающих в узкоспециальных сферах. За рамками исследования остались многие явления, в том числе этнография подстоличных немецких колоний, требующая дополнительных изысканий.

У фольклористики выработался свой особый подход к изучению материала. Поскольку данная наука изучает устное народное творчество во всех его проявлениях и состояниях, для нее очень важен исторический (диахронический) подход. Это отчасти связано с тем, что многие произведения фольклора, возникшие в какое-либо время и менявшиеся на протяжении столетий или десятилетий, отмирают и превращаются в архаические. В данном русле размышляет

⁵ Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: Курс лекций / Под ред. З. И. Плавскиной, В. В. Жирмунской. (1996). Изд. 2-е. М.: УРСС, 2004. С. 55.

⁶ Там же. С. 56.

В. П. Аникин, утверждая, что «полноценный анализ не может игнорировать связи устного творчества с историческими обстоятельствами, его породившими... Иначе говоря, необходимо изучать традиционное искусство, сложившееся в результате сотворчества разных лиц и в формах, обусловленных таким сотворчеством при разных исторических обстоятельствах — в разное время и в разных местах»⁷. Как мы видим, данная точка зрения продолжает традиции подхода к изучению фольклора, сформулированные еще В. М. Жирмунским в начале XX в. В связи с диахроническим подходом к изучению произведений устного народного творчества в фольклористике остро стоит проблема хронологии изучаемых явлений. Поскольку исследователи имеют дело с произведениями устного народного творчества, бывает довольно сложно выяснить, где и когда они возникли и какими путями передавались.

Особую проблему в фольклористике составляет изучение языка фольклора, филологическое изучение которого началось в русистике в 40-е гг. XIX в. и открылось трудом Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» (1844), где он делает наблюдения над отдельными явлениями устно-поэтического языка. Далее изучение языка фольклора продолжил А. А. Потебня, постоянно обращавшийся к устному народному творчеству в своих многочисленных трудах и пытавшийся создать концепцию устно-поэтической речи, которая является, по мнению ученого, той сферой, где органически сливаются этническое, мировоззренческое, историческое, языковое и эстетическое.

Значительный вклад в изучение языка устного народного творчества внес А. Н. Веселовский, исследовавший в том числе язык фольклора в отношении к другим формам речи, прежде всего к диалекту. При этом ученый пришел к выводу о наддиалектном характере устной поэтической речи, среди основных характеристик которой он выделяет формульность и наличие постоянного эпитета как одного из наиболее ярких ее проявлений. Наддиалектный характер языка фольклора ясно проявляется в устном народном творчестве немецких колонистов в России. Лишь немногие из записанных Жирмунским, его учениками и коллегами произведений проявляют диалектные черты, среди них, например, некоторые детские считалки. Если принять во внимание преемственность песенной традиции в среде колонистов чаще

⁷ Аникин В. П. Русское устное народное творчество. М.: Высш. шк., 2001. С. 17.

в письменной форме, чем в устной, становится понятно, что помимо наддиалектного характера фольклора как такового данный факт также оказывал влияние на язык фольклора. Ведь, уезжая из германских земель, немцы везли с собой не только свой домашний скарб, но и тетради с записями народных песен (Liederhefte), которые передавались из поколения в поколение, переписывались и пополнялись новыми «колониистскими» песнями (которые тоже, в свою очередь, создавались на литературном языке, изучаемом в школе и церкви, имевшей большое влияние на культурную жизнь в немецких колониях). Кроме того, не следует забывать об изначальном литературном происхождении многих немецких народных песен, которые базируются часто на балладах немецких романтиков, Гёте, Гейне и других классиков немецкой литературы.

Жирмунский особо подчеркивал важность изучения языковых особенностей устного народного творчества: «...было бы непоследовательно исключать из фольклористики явления языка... Реликтовый характер крестьянских (и мещанских) говоров включает их в круг фольклорных явлений»⁸. Так, например, словарь крестьянина, имеющий отношение к его хозяйству, или «этнографический словарь» (т.е. словарь крестьянского хозяйства и быта), значительно превосходит общенациональный язык обилием специальных терминов, видовых обозначений. При этом в нем зачастую отсутствуют родовые названия. При изучении этой терминологии устанавливается непосредственная связь между фольклором и диалектологией. Как пишет ученый, «эта связь давно уже ощущается в научной практике, объединяющей диалектологию, фольклор и этнографию как группу родственных дисциплин, изучающих принципиально однородные явления»⁹.

В 40–50-е гг. XX в. начался современный этап в изучении языка фольклора, который связан с именами П. Г. Богатырева, А. П. Евгеньевой, И. А. Оссовецкого, А. В. Десницкой и др., работы которых определили характер фольклористических исследований в дальнейшем. Постепенно возникла необходимость выделения отдельной дисциплины по изучению языка фольклора. Сегодня этим занимается отдельная наука — лингвофольклористика, которую в 70-х гг. прошлого века стали рассматривать как самостоятельную дисциплину, отличающуюся по своим целям и задачам от фольклористики в целом. В 1974 г. для обо-

⁸ Жирмунский В. М. Введение в литературоведение... С. 43.

⁹ Там же. С. 44.

значения такой дисциплины А.Т. Хроленко¹⁰ был предложен термин *лингвофольклористика*, который обозначал суть подхода к изучению устно-поэтической речи — выявление места и функции языковой структуры в структуре фольклорного произведения, использование лингвистических и фольклористических методов исследования. Основной круг проблем лингвофольклористики включает следующие вопросы: природа фольклорного языка в его сопоставлении с другими формами общенародного языка; генетические основы поэтики, характер взаимосвязи языка и поэтики на уровне фольклора; сущность фольклорной стилистики, включая проблемы исторической стилистики; психолингвистический аспект народного творчества; особенное и общее в языке фольклора, вариантное и инвариантное в нем; «явный» и «неявный» уровни в устно-поэтическом творчестве¹¹.

Таким образом мы видим наряду с обоснованной Жирмунским и поддержанной многими видными фольклористами идеей о необходимости рассматривать фольклорные явления в целом, неразрывно с историческим фоном происходивших событий, с явлениями культурной и общественной жизни языкового сообщества, продолжают своиственные современной науке в целом разделение и обособление отдельных дисциплин внутри фольклористики как науки об устном народном творчестве. Дифференциация научного знания и специализация отдельных отраслей науки являются одним из необходимых условий ее дальнейшего развития, невозможного без углубленной разработки накопленных данных. Вторым обязательным условием развития науки является интеграция, взаимосвязь различных ее отраслей, без которой не может возникнуть целостное представление об изучаемых данной наукой явлениях. Процесс интеграции филологических наук достаточно сложен ввиду обширности накопленных знаний. В связи с этим особую ценность представляет наследие тех немногих ученых, которые смогли в силу различных причин сохранить широкий кругозор, избежать узкой дифференциации своих научных интересов и проявить эрудицию и оригинальность в исследованиях как в области литературоведения, так и в сфере лингвистики, фольклористики и этнографии.

¹⁰ Хроленко А.Т. Что такое лингвофольклористика? // Русская речь. 1974. № 1. С. 36–41; Проблемы лингвофольклористики: К вопросу о комплексном подходе к изучению языка фольклора // Очерки по стилистике русского языка. Курск, 1974. Вып. 1. С. 9–23.

¹¹ Хроленко А.Т. Язык фольклора: Хрестоматия / Сост. А.Т. Хроленко. 2-е изд., испр. М., 2006. С. 8.

3.3. Немецкая народная песня — введение в историю вопроса

Существует мнение, подтверждаемое дошедшими до нас историческими источниками, что происхождение немецкой народной песни уходит корнями в эпоху языческих песнопений и затем позднего средневековья. Записи наиболее ранних народных песен отсутствуют, так как народ их не записывал в силу самого устного характера народного творчества, а ученые до определенного времени не проявляли интереса к народной песне. До нашего времени частично дошли тексты, сохранившиеся в таких источниках, как *Jenaer Liederhandschrift*¹² или *Carmina Burana*¹³. Что же касается музыкального сопровождения, то о нем можно судить либо по сохранившимся изображениям (как правило, это духовые инструменты, не использовавшиеся в литургической практике), либо по путевым заметкам различных путешественников, наиболее известным из которых является сообщение Гиральда Камбийского (1147–1223), который рассказывает о народной музыке в Ирландии и Уэльсе¹⁴. Вопрос о том, каким образом и откуда жанр баллады пришел в деревню, остается до сих пор открытым, поскольку имеющиеся источники не дают никаких сведений об этом. В народе одновременно с балладами получили распространение моритаты, обязанные своим появлением певцам, которых называли *Bänkelsänger*, певшим на ярмарках, церковных праздниках, рыночных площадях, в портах и на улицах об ужасных историях, смерти, любви и катастрофах¹⁵.

Начиная с периода Реформации, т.е. позднего средневековья, конца XV в., эти песни стали объединять в сборники, такие как «Lochamer

¹² Tervooren H. Die Jenaer Liederhandschrift. In Abbildung mit einem Anhang: Die Basler und Wolfenbüttler Fragmente / Helmut Tervooren, Ulrich Müller (Hg.). Göttingen, 1972.

¹³ Carmina Burana. Lieder aus Benediktbeuren (1847). Vollständige zweisprachige Ausgabe. Übersetzung aus dem Lateinischen von Matthias Hackemann, aus dem Mittelhochdeutschen von Ulrike Brandt-Schwarze, mit einem Glossar von Matthias Hackemann. Köln: Anaconda, 2006.

¹⁴ Обширную библиографию по песенным сборникам можно найти на следующем сайте: Württembergische Landesbibliothek Stuttgart. Режим доступа: <http://www.wlb-stuttgart.de/sammlungen/musik/bestand/sonderbestaende/liederbuecher/>, свободный. Загл. с экрана.

¹⁵ Suppan W. et al. Volksgesang, Volksmusik, Volkstanz // Die Musik in Geschichte und Gegenwart. Режим доступа: <http://www.mgg-online.com/>, свободный. Загл. с экрана.

Liederbuch» (ок. 1460) и «Glogauer Liederbuch» (ок. 1480). В XVII в. интерес к народной песне стал проявляться у образованного слоя населения, певшего многоголосые французские и итальянские виланеллы, шансоны и мадригалы¹⁶, в связи с чем И. С. Бах написал в духе времени в своей «Крестьянской кантате» арию для образованных горожан и народную песню для необразованных крестьян.

В XVIII в. особый интерес к народной песне связан с движением романтизма и поиском чего-то «простого, естественного, изначального и неиспорченного». Как пишет В. М. Жирмунский об этом периоде, «природу и непосредственное чувство находят у культурно-отсталых общественных групп (прежде всего у крестьянства: “невинных” и “добродетельных” поселян), с другой стороны — у культурно отсталых народов (счастливых в своем наивном неведении “дикарей”)¹⁷. Первым из романтиков, кто обратился к народной песне, был И. Г. Гердер, который начал собирать тексты народных песен и изучать их в духе романтической теории («Von deutscher Art und Kunst. Einige fliegende Blätter», 1773). В 1778/1779 гг. Гердер издает с помощью и при участии И. В. Гёте и Г. Э. Лессинга в издательстве *Weygand'sche Buchhandlung* в Лейпциге без указания на издателя первое собрание немецких и иностранных песен и стихов под общим названием «Volkslieder». Уже в этом издании песни представлялись как «истинные проявления народной души» (*unverfälschte Äußerungen der Volksseele*), хотя многие тексты и восходят к известным авторам¹⁸. Гердер ввел в обиход понятие *народная песня* (*Volkslied*) в качестве перевода с английского *popular song*, с тем чтобы отделить данные песни от типичной для того времени поэзии образованных слоев населения (вместо таких определений, как *Gassenhauer*, *Straßenlied* и т. д.)¹⁹.

Говоря далее о развитии изучения немецкой народной песни, нельзя не упомянуть К. Brentano и А. фон Арнима с их сборником

¹⁶ Müller G. Geschichte des deutschen Liedes vom Zeitalter des Barocks bis zur Gegenwart // Geschichte der deutschen Literatur nach Gattungen; hrsg. v. K. Vieter. München, 1925. Bd. 3; *Danckert W.* Das europäische Volkslied. Bonn, 1970.

¹⁷ Жирмунский В. М. Введение в литературоведение.... С. 46.

¹⁸ Herder J. G. v. Stimmen der Völker in Liedern / Gesamm. geordn. zum Teil übersetzt durch J. G. Herder. Neu hrsg. durch Johann von Müller. Tübingen; Cotta, 1807.

¹⁹ Об истории немецкой народной песни, в том числе баллады, см.: Klusen E. Volkslied. Fund und Erfindung. Köln, 1969; Kayser W. Geschichte der deutschen Ballade. Berlin, 1939; Strohbach H. Geschichte der deutschen Volksdichtung. Berlin, 1981.

«Des Knaben Wunderhorn», издававшимся с 1806 по 1808 г.²⁰ С 1844 по 1846 г. издательством древних верхне- и нижненемецких народных песен занимался Л. Уланд²¹. После издания данного сборника композиторы начали сознательно сочинять простые мелодии на тексты опубликованных песен. Характерными чертами данных песен являются несложные музыкальные формы, спокойные ритмы, отсутствие сложных интервалов и гармоний, чтобы их было легко петь и запоминать²². Так, многие из известных сегодня народных песен восходят к текстам «Волшебного рога мальчика» и специально сочиненным для них мелодиям: «Wenn alle Brünlein fließen» (Friedrich Silcher), «Kein schöner Land» (Anton F. v. Zuccalmaglio), «Am Brunnen vor dem Tore» (Wilhelm Müller / Franz Schubert), «Sah ein Knab ein Röslein steh'n» (Goethe / H. Werner). Происхождение детских или игровых песен, как правило, неизвестно («Goldene Brücke», «Wer will fleißige Handwerker seh'n», «Alle meine Entchen» и т.д.)²³. С другой стороны, в духе Гердера в результате совместного творчества известных поэтов и композиторов возникли новые песни, которые затем были восприняты и переработаны народом. Это такие известные народные песни, как «Der Mond ist aufgegangen» (M. Claudius / J. A. P Schulz) или «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten» (H. Heine / F. Silcher), «Lindenbaum» Шуберта (В. Мюллер). Песни, ставшие таким образом народными, перепевались, варьировались с точки зрения текста и мелодии, развивались дальше. Гердер с удивлением констатировал в свое время эту удивительную взаимосвязь, сказав фразу, неоднократно цитируемую впоследствии при исследовании народной песни: «Nichts in der Welt hat mehr Sprünge und kühne Würfe als die Lieder des Volkes!»

Говоря о толковании *народной поэзии* немецким романтизмом, В.М. Жирмунский отмечает, что «в борьбе против “разрушительных” принципов буржуазной революции, индивидуализма и рационализма создается романтическое понятие “народной поэзии”, наиболее отчетливо сформулированное Якобом Гриммом. Народная поэзия является продуктом коллективного, непосредственного, бессознательного и безыскусственного творчества социально-недифференци-

²⁰ Des Knaben Wunderhorn: alte deutsche Lieder: ges. von L. Achim von Arnim und Clemens Brentano (1806–1808) / Hrsg. von Willi A. Koch. Düsseldorf, 2008.

²¹ Uhland L. Alte hoch- und niederdeutsche Volkslieder. 2. Bände. Stuttgart, 1844/1845.

²² Braun H. Volksmusik: eine Einführung in die musikalische Volkskunde. Kassel, 1999.

²³ Renner H. Geschichte der Musik, DVA. Stuttgart, 1985.

рованных народных масс, выражением “духа народа”, коллективного народного сознания, как и язык, мифология, право и государственное устройство»²⁴. Подобное понимание народной поэзии как продукта коллективного, бессознательного, мистического творчества объединяло в себе не только песенное творчество народа, но и его мифологию, эпос и фольклор.

В изданиях Уланда, Арнима и Брентано были собраны только тексты песен. Большой заслугой Л. Эрка стало то, что он первым стал записывать также и мелодии немецких народных песен. Л. Эрк завершил труд своей жизни в 1856 г. обширным собранием «*Deutscher Liederhort*»²⁵. Труд Эрка был дополнен исследователем и композитором Ф. М. Бёме²⁶. К этому же времени относится 4-томное собрание немецких народных песен Ф. Эрлаха²⁷.

Развитие немецкой народной песни в начале XX в. связано в первую очередь с молодежным движением «Перелетные птицы» (*Wandervogelbewegung*). Г. Бройер (*Hans Breuer*) опубликовал в 1909 г. сборник «*Zupfgeigenhansl*», который был очень популярен вплоть до 1933 г. в переработанном издании 1914 г. Нацистское молодежное движение Гитлерюгенд считало «Перелетных птиц» своими предшественниками, и существующее до сих пор в Германии неоднозначное отношение к собственному народному творчеству отчасти связано во многом с националистским преувеличенным возвышением роли древнего немецкого культурного наследия. Песенные объединения были приравнены с 1933 г. к национал-социалистическим организациям, таким как *Reichsbund für Volk und Heimat* и *Musikschulen für Jugend und Volk*. За эти 12 лет политической дискредитации песенных движений (до 1945 г.) в широких слоях населения возникло предвзятое отношение к совместному пению и к немецкой народной песне в частности²⁸. В связи с этим после 1945 г. исследователи немецкой народной песни обнаруживают явное стремление к зарубежным народным песням, но, несмотря на это,

²⁴ Жирмунский В. М. Введение в литературоведение... (2004). С. 47.

²⁵ *Erk L., Böhme F. M. Deutsches Liederheft. Auswahl der vorzüglichsten deutschen Volkslieder aus der Vorzeit und der Gegenwart mit ihren eigentümlichsten Melodien: 3 Bände. Berlin, 1856.*

²⁶ *Böhme F. M. Volkstümliche Lieder der Deutschen. Leipzig, 1895.*

²⁷ *Erlach Fr. K. v. Die Volkslieder der Deutschen. Eine vollständige Sammlung der vorzüglichen deutschen Volkslieder von der Mitte des 15. – bis in die erste Hälfte des 19. Jh.: 4 Bände. Mannheim, 1834–1835.*

²⁸ См., например: *Tibbe M., Bonson M. Folk, Folklore, Volkslied: zur Situation in- und ausländischer Volksmusik in der Bundesrepublik. Stuttgart, 1981.*

продолжают выходить сборники немецких народных песен, как, например, издание Э. Клузена «Die Windmühle. Niederrheinische Volkslieder», вышедшее в Бад-Годесберге в 1955 г.²⁹

Начиная с 1960-х гг. в ФРГ возникло движение протеста, обусловленное англоамериканским движением *Folksongbewegung* и их песнями протеста (Bob Dylan, Pete Seeger, Joan Baez и др.). Эти песни перепевались и видоизменялись в Германии, в них добавлялись новые строки. Вслед за этим снова стали возникать музыкальные движения в Германии, такие как, например, *Jugendmusikbewegung*. Представителями этого движения в Германии были Ф. Й. Дегенгардт и П. Роланд. Благодаря последнему был издан известный двухтомник В. Штейница «Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten»³⁰. В послевоенный период выходят исследовательские работы обобщающего характера, связывающие историю развития немецкой народной песни с историей народной песни на Западе, например труд В. Виоры «Europäischer Volksgesang, Gemeinsame Formen in charakteristischen Abwandlungen»³¹.

Проблемам изучения народной песни посвящено достаточно много работ как на русском, так и на немецком языке. Исследователи немецкой народной песни отмечают в качестве одной из основных проблем недостаточность источников, которая возникает из-за их неполноты, из-за так называемых «белых пятен» и не всегда четкой аутентичности материала. Помимо этого, фольклористами отмечается в качестве негативной стороны довольно узкий подход к изучению народных песен, их оторванность от «контекста», а также отсутствие определенного аналитического инструментария, необходимого для их полноценного исследования. А ведь именно широкий подход к изучению народного творчества, исследование всего круга проблем, связанных с бытованием устного творчества в среде народа, «связь с контекстом» предлагал брать за основу изучения фольклора почти столетие назад В. М. Жирмунский. Однако до сих пор проблема остается нерешенной, движение науки в сторону выделения все новых

²⁹ Klusen E. Die Windmühle. Niederrheinische Volkslieder. Bad Godesberg, 1955.

³⁰ Steinitz W. Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten. Bd. 1. Berlin: Akademie-Verlag, 1954; Bd. 2. Berlin: Akademie-Verlag, 1962.

³¹ Wiora W. Europäischer Volksgesang, Gemeinsame Formen in charakteristischen Abwandlungen. Köln: Arno Volk, 1952; см. также: Klusen E. Volkslied. Fund und Erfindung. Köln. 1969; Klusen E. Zur Situation des Singens in der Bundesrepublik: Deutschland. 2 Bde. Köln, 1974/1975.

узкоспециальных направлений делает невозможным рассмотрение фольклорных явлений во всей их полноте и многообразии.

Историческому развитию народной песни в Германии уделялось долгое время недостаточно внимания. Исследовались в основном отдельные тексты, типы текстов. Причины такого равнодушия к историческому развитию народной песни могут быть различными. Так, например, следует отметить тот факт, что на протяжении долгого времени господствовало отношение к народному творчеству как к некой базисной субстанции, что, конечно же, не могло способствовать развитию исторического подхода к народному творчеству. Исследователь истории немецкой народной песни Г. Штробах отмечает по этому поводу: «Многие прозаические и песенные произведения часто столетиями сохраняются благодаря традиционному народному творчеству... Хотя содержание и типы могут многократно переходить от поколения к поколению, форма их передачи и выражения постоянно меняется. Все богатство народного творчества подвергается постоянному варьированию. Результатом этого является бесконечное множество отдельных отличающихся друг от друга текстов. Вдобавок к этому в народном творчестве возникают новые песни, некоторые старые исчезают... Народное творчество следует поэтому рассматривать не как неизменное однородное образование, а как исторически изменчивое, многогранное явление»³². Среди основных проблем фольклорного исследования немецкой народной песни Штробах называет проблему источников. Характеризуя ее, он говорит о трех аспектах: об объеме, наличии «пробелов» и аутентичности. То есть проблема заключается, по мнению автора: 1) в огромном объеме исторического материала, 2) имеющихся, несмотря на этот объем, пробелах во всем материале и 3) по большей части отсутствующей аутентичности имеющихся в наличии источников. Надо сказать, что наличие пробелов в источниках остается вопросом, постоянно сопровождающим историческое исследование. Данная проблема является основной при любом этнографическом и фольклорном анализе, так как вся полнота явления может быть рассмотрена и исследована наукой только в какой-либо одной своей части. Так, например, из всех вариантов какой-либо песни, исполняющихся в бесконечно изменяющемся народном творчестве в какой-либо местности и в какой-либо период времени, могут быть зафиксированы, даже при максимально тщательной собирательской деятельности, только отдельные примеры. При этом данная проблема касается прежде всего контекста, т.е. всех культурных, социальных вза-

³² *Strohbach H.* Указ. соч. S. 7–8.

имоотношений, существующих в данном обществе в данное время. Данная проблема существует в немецкой фольклористике начиная с первых сборников песен, которые были собраны Гёте под влиянием Гердера в 1770 г. в Эльзасе. Многие песни издавались изначально в обработанной и переделанной форме. Данная проблема возникла из-за желания собирателей реконструировать исходный текст, а также из-за публикации смешанных редакций из нескольких, часто лишь фрагментарно сохранившихся источников.

Говоря о «пробелах» в записях песен, нужно учесть также то, что далеко не все песни записывались собирателями, например строки с явно эротическим содержанием зачастую выпадали из зафиксированного материала, особенно в печатных изданиях. К этому можно добавить также песни с ненормативной лексикой. Кроме того, собиратели часто интересовались только какой-то частью устного народного творчества из всего его многообразия либо тем, что считали наиболее древними песнями, либо тем, что считалось «настоящим», либо какими-либо определенными жанрами. Помимо этого, большинство записей народных песен содержит недостаточно сведений об исполнителе и о месте записи. Некоторые области Германии исследованы более интенсивно, например предгорья Альп или нижненемецкие районы. При этом в исследованных областях деятельность собирателей ориентируется в основном на деревню или на небольшое поселение. Большие или крупные города вообще не включались до последнего времени в область исследований.

3.4. Архивы немецкой народной песни во Фрайбурге и Ленинграде: Джон Майер и В. М. Жирмунский

Наиболее обширным собранием текстов, мелодий, источников немецких народных песен располагает Архив немецкой народной песни во Фрайбурге (Das Deutsche Volksliedearchiv in Freiburg im Breisgau), он является крупнейшим центром хранения и исследования немецкого народного песенного достояния. Данный архив был основан Джоном Майером (John Meier, 1864–1953) в 1914 г. Джон Майер является очень значительной фигурой в немецкой и мировой фольклористике. Лингвист, германист, этнограф, фольклорист, исследователь народной песни и основатель двух архивов народной песни, немецкого и швейцарского, Дж. Майер получил блестящее образование. Он изучал в университетах во Фрайбурге и Тюбингене германистику, романистику, англистику, историю и антропологию. В 1888 г. молодой ученый защитил

диссертацию «Untersuchungen über den Dichter und die Sprache der *Jolande*»; через 3 года, в 1891 г., — докторскую диссертацию в университете г. Галле — «*Studien zur Sprach- und Literaturgeschichte der Rheinlande im Mittelalter*». В последующие годы Майер интенсивно занимался исследованием и систематическим собиранием народных песен, постулируя свой тезис о сниженном культурном достоянии (*gesunkenes Kulturgut*). Данная работа началась в Швейцарии, в Базеле, когда ученый стал заведующим кафедрой немецкой филологии в базельском университете в 1899 г. В этот период были изданы работы Майера «*Volkslied und Kunstlied in Deutschland*» и «*Kunstlieder im Volksmund*», излагавшие точку зрения автора на историю и развитие народной песни, в которых ученый дискутировал, в частности, с романтической теорией Гердера об анонимно-коллективном происхождении народной песни³³. Позже, в 1917 г., Майер еще более подробно остановится на данном вопросе в исследовании «*Volksliedstudien*», изданном в Страсбурге³⁴.

С 1905 по 1912 г. Майер являлся главой Швейцарского фольклорного общества (*Schweizerische Gesellschaft für Volkskunde*), а в 1906 г. основал Швейцарский архив народной песни (*das Schweizerische Volksliedarchiv*). С 1911 г. ученый руководил Объединением немецких фольклорных союзов (*Verband deutscher Vereine für Volkskunde*), а через год стал заведовать кафедрой фольклора во Фрайбурге³⁵. Еще через два года (1914) здесь же, во Фрайбурге, им был основан Архив немецкой народной песни.

В этом же году из Германии после полуторагодичной командировки для специализации в области германской и английской филологии вернулся в С.-Петербург будущий многогранный филолог, и в том числе исследователь немецкого фольклора, Виктор Максимович Жирмунский. Творческие пути двух выдающихся ученых во многом схожи. Оба получили блестящее образование, оба рано начали печататься и защитили магистерские и докторские диссертации по немецкому литературоведению, оба вели активную общественно-научную деятельность и положили начало глубокому научному изучению немецкого устного народного творчества в своих странах³⁶. Зарождение интереса Жир-

³³ *Meier J.* Volkslied und Kunstlied in Deutschland. Tübingen: Niemeyer, 1898; *Meier J.* Kunstlieder im Volksmund. Halle, 1906.

³⁴ *Meier J.* Volksliedstudien; 1. Aufl. X. Strassburg: Trübner, 1917.

³⁵ *Suppan W.* Das DVA 1914–1964 / Wolfgang Suppan // Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. 1964. 10. S. 317–322.

³⁶ В 1914 г. вышла первая книга Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика», в 1918 г. завершена монография «Религиозное отречение

мунского к изучению немецкого фольклора в России связано с годами пребывания в Саратове, где его застала революция 1917 г. Здесь у Жирмунского была возможность познакомиться с редким изданием литографированных лекций по сравнительной истории эпоса создателя русской школы романо-германской филологии, акад. А. Н. Веселовского. Под впечатлением от прочитанного ученый провел лето 1918 г. в изучении германского, романского и славянского эпоса, подготовив курс лекций о сравнительной истории западноевропейского средневекового эпоса.

Вернувшись из Саратова в Петроград, Жирмунский не оставлял идеи заняться широкомасштабным изучением культурного богатства немецких крестьян в России с точки зрения фольклора, истории, диалектологии и этнографии. Начиная с середины 20-х гг. ученому удалось осуществить свой замысел и начать собирательскую и исследовательскую деятельность в немецких колониях СССР³⁷. В связи с данной работой Жирмунский в период с 1925 по 1929 г. был трижды командирован Наркомпросом РСФСР в Германию для работы по немецкой диалектологии и фольклору. Жирмунский посетил многие города и исследовательские центры по немецкой диалектологии и фольклору. Во Фрайбурге ученый много работал в Архиве немецкой народной песни, изучил методы обработки, систематизации и хранения фольклорного песенного материала. Архивом руководил в то время Джон Майер, с которым Жирмунский вел в дальнейшем активную переписку, обменивался новыми данными и научными идеями. Часть переписки находится в данное время во Фрайбурге, часть — в С.-Петербургском филиале архива РАН. В СПФ АРАН хранится четыре письма Майера, три

в истории романтизма», защищенная позже как магистерская диссертация, в 1924 г. защищена докторская диссертация «Байрон и Пушкин». В отечественном науковедении имеется обширная литература о жизненном и творческом пути В. М. Жирмунского. См., например, библиографию, представленную в библиографическом очерке: Академик Виктор Максимович Жирмунский. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 2001.

³⁷ Подробнее об экспедициях В. М. Жирмунского в немецкие колонии СССР и о созданном им в Ленинграде центре по их изучению см.: *Светозарова Н. Д.* Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // *Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов.* М.: Языки славянской культуры, 2006. Т. II. С. 137–147; *Смирницкая С. В.* В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // *Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи...* С. 61–70.

из них — к Жирмунскому в Ленинград, одно — в Москву, во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, написанные с 12 января 1927 по 18 июня 1928 г. Изучение переписки Жирмунского по вопросам немецкой диалектологии и фольклористики позволяет в деталях изучить процесс подготовки ученого к собирательской и исследовательской деятельности в колониях, формирования методики сбора и каталогизации материала, обмена научным опытом и идеями с зарубежными коллегами. Первое письмо Жирмунского к Майеру, посланное в конце 1926 г., находится во фрайбургском Архиве немецкой народной песни. Ученый, бывший до этого лично с директором архива незнаком, представляется, подробно рассказывает о запланированной собирательской работе в немецких колониях СССР и пишет о своем желании посетить архив во Фрайбурге, чтобы изучить разработанные там методы сбора, анализа и хранения материала³⁸.

В С.-Петербурге хранятся письма, которые Джон Майер посылал Жирмунскому перед его командировками в Германию в 1927 и 1929 гг. Так, в письме от 12 января 1927 г. Майер, отвечая на письмо Жирмунского, пишет:

«Sehr geehrter Herr Kollege! Für Ihre freundlichen mich außerordentlich interessierenden Zeilen möchte ich Ihnen meinen besten Dank sagen. Es ist sehr wertvoll, daß Sie sich des deutschen Volksliedes in Rußland annehmen und ich darf wohl nach Ihrem Schreiben auf eine erspriessliche Zusammenarbeit auf diesem wissenschaftlichen Gebiete mit Ihnen rechnen. Sie dürfen überzeugt sein, daß es uns eine Freude sein wird, Ihnen zu helfen und Ihre Arbeiten, wo wir können, zu unterstützen.

*Selbstverständlich sind Sie uns im Volksliedarchiv sehr willkommen und wir werden Ihnen gern alles zeigen, was Sie irgendwie interessiert und Ihnen unser Material zugänglich machen»*³⁹.

Высказывая сожаление о том, что каталог песен Фрайбургского архива пока еще не полностью готов, Майер приглашает Жирмунского к участию в ежегодной конференции Объединения немецких фольклорных союзов и предлагает написать статью в журнал, посвященный народной песне, который он собирался основать в год переписки:

³⁸ Письмо частично опубликовано в статье сотрудника архива во Фрайбурге Э. Йона: *John E. Viktor Schirmunski als Volksliedforscher* // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского. СПб.: Наука, 2001. С. 89–102.

³⁹ СПФ АРАН. Ф. 1001. Ед. хр. 545. Л. 1.

«Sehr bedauere ich, daß Sie, wie es scheint, im Frühjahr und Sommer nach Deutschland kommen, da es uns eine große Freude gewesen wäre, Sie auch bei der Jahresversammlung des Verbandes deutscher Vereine für Volkskunde, die Anfang September in Freiburg stattfindet, anwesend zu sehen.

Vielleicht können Sie uns auch einmal später für unsere Volksliedzeitschrift, die voraussichtlich in diesem Jahre begründet wird, einen Aufsatz über das deutsche Volkslied in Rußland schreiben. Das wäre gewiss für beide Teile sehr wünschenswert»⁴⁰.

Позже, в 1928 и 1930 гг., Майер напечатает в двух первых номерах выходящего под его редакцией журнала «Das Jahrbuch für Volksliedforschung» две статьи Жирмунского: «Die Ballade von „König aus Mailand“ in den Wolga-Kolonien» и «Das Deutsche Volksliedarchiv in Leningrad»⁴¹. А в 1929 г. Жирмунскому удастся также съездить по приглашению Майера на съезд фольклористов в Берлин и выступить там с объемным докладом обобщающего характера об исследованиях немецкого фольклора в России, который будет затем опубликован в 1930 г.⁴²

В первом январском письме Джона Майера от 1927 г. содержится также предложение делать записи песен на фонограф, чтобы иметь возможность проследить изменения, произошедшие со способом исполнения немецкой песни в России:

«Wichtig würde es mir erscheinen, wenn Sie bei der Aufzeichnung der Lieder auch phonographische Aufnahmen machten, um den Unterschied in der Vortragweise in Deutschland und auf russischem Boden und eventuelle Beeinflussungen des Slawischen festzustellen»⁴³.

Отвечая на сильно интересовавший Жирмунского вопрос о способах установления места создания, происхождения отдельных народных песен, Майер замечает, что пока во Фрайбурге не проводили подобных

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Schirminski V.M. Die Ballade von «König aus Mailand» in den Wolga-Kolonien // Jb. für Volksliedforschung. 1928. Jg.1. S. 160–169; Das Deutsche Volksliedarchiv in Leningrad // Jb. für Volksliedforschung / Hrsg. von J. Meier. Leipzig: W. de Gruyter. 1930. Jg. 2. S.165–166.

⁴² Volkskundliche Forschungen in den deutschen Siedlungen der Sowjet-Union = Deutsche Volkskunde in der Sowjet-Union // Deutsche Volkskunde im außerdeutschen Osten: 4 Vortr. / Von G. Brandsch, G. Jungbauer, V. Schirminski u. E. von Schwarz. Berlin; Leipzig: W. de Gruyter, 1930. S. 52–81.

⁴³ СПФ АРАН. Ф. 1001. Оп. 3. Ед. хр. 545. Л. 1. Стоит отметить, что первые записи на фонограф сделаны группой Жирмунского в январе 1927 г.: см. группу LV (Aufnahmen aus dem Kreis Leningrad, Januar 1927, Sammler: E. W. Hippus, V = 100, Apparat Exzelsior, das Aluminiumsprachrohr).

изысканий, и рекомендует обращаться в таких случаях к жанру бытовых песен, связанных, например, с праздниками:

«Was Ihre Frage anbetrifft, so fürchte ich, daß sich die Hälfte des Volksliedes nicht für stammheitliche Abgrenzungen, wo Sie sie infolge sprachlichen Verhältnisse gefunden haben, verwerten lässt. Jedenfalls sind wir noch nicht so weit, um in dieser Beziehung feste Linien ziehen zu können. Vielleicht am ersten würden Sie noch für diese Zwecke Material bei den Brauchtumslieder finden. Martinslieder, Johanneslieder, <...> sie würden vielleicht in vorsichtiger Weise für Zuweisung an gewisse Gegenden dienen können, aber im Großen und Ganzen wird hier wenig zu machen sein»⁴⁴.

Второй вопрос, который волновал Жирмунского, непосредственно связан с первым. Ученый стремился установить источники тех песен, которые пели немецкие колонисты в России, выявить их первоначальные варианты, первичные редакции, чтобы иметь возможность детально проанализировать произошедшие с ними изменения. На этот вопрос ему также не удалось получить положительного ответа. Так, Майер пишет:

«Ihre zweite Frage, nach populären Liederbüchern, die die Lieder von Deutschland nach Rußland importiert hätten, wird sich hier auch kaum beantworten lassen. Gewiß haben wir in unserer Bibliothek und ich in meiner Privatbibliothek eine große Anzahl solcher populären Sammlungen, aber es dürfte kaum möglich sein, genaueres daraus festzustellen, zumal sicherlich ein sehr großer Teil dieser Lieder durch fliegende Blätter nach Rußland gedrungen ist»⁴⁵.

О том, что встреча двух выдающихся исследователей фольклора состоялась в 1927 г., во время второй командировки Жирмунского в Германию по вопросам исследовательской деятельности в немецких колониях СССР, известно из гостевой книги Фрайбургского архива немецкой народной песни, где сделана запись, свидетельствующая о том, что с 20 июня по 7 июля 1927 г. Жирмунский изучал вопросы методологии сбора народных песен. Данная запись была не так давно обнаружена сотрудником архива Э. Йоном⁴⁶.

В 1930-х гг. прекратились всяческие связи между немецкими и советскими учеными. Известно, что в период с 30-х по 50-е гг. было принято критиковать «буржуазную фольклористику» вслед за докладом,

⁴⁴ Там же. Л. 1 об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *John E. Viktor Schirmunski als Volksliedforscher* // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимова Жирмунского. СПб.: Наука, 2001. С. 89–102.

сделанным М. Горьким на I съезде писателей в 1934 г.⁴⁷ Дж. Майер был в числе тех немецких фольклористов (включая Э. Гофман-Краера и Г. Науманна), которых критиковали за неправильное понимание происхождения фольклора, хотя он интересовался в первую очередь не тем, кто написал ту или иную песню, а тем, насколько популярной она стала в народе. В 1935 г. Джон Майер начал издание собрания немецких народных песен, снабженное критическим комментарием⁴⁸. Во время правления национал-социалистов в Германии, на 5-м Съезде немецких фольклористов (Volkskundetag) в 1938 г., Майер, несмотря на опасность подобного выступления, призывал к сохранению научного подхода к исследованию фольклора и взаимопониманию между народами. В 1939 г. Дж. Майер снова попытался связаться с В. М. Жирмунским, воспользовавшись снижением напряженности в отношениях между СССР и Германией после подписания Пакта о ненападении, что ему удалось не сразу, а лишь в 1940 г. Поддерживать далее дружеские и творческие взаимоотношения с немецким фольклористом Жирмунский, конечно, не мог, особенно если учесть предшествовавшие этому аресты самого ученого и его коллег. Он ответил следующее:

«Sehr geehrter Herr Kollege! Ihren Brief vom 8. November 1940 habe ich dankend erhalten. Was meine Sammlung deutscher Volkslieder anbelangt, so haben Sie bereits in den Jahren 1928–1929 durch das Kunshistorische Institut in Leningrad die wichtigsten der alten Balladen für Ihre große Volksliedersammlung erhalten. Seit 1930 habe ich keine weiteren Aufzeichnungen von Volksliedern gemacht, so dass wohl kaum etwas neues hinzugekommen sein kann. Ihre wissenschaftliche Ausgabe der deutschen Volkslieder habe ich mit großem Interesse studiert <...>»⁴⁹.

В. М. Жирмунский действительно смог изучить сборники немецких народных песен Дж. Майера и даже опубликовал на них рецензию

⁴⁷ Горький А. М. Советская литература: Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 г. // Русское устное народное творчество: Хрестоматия по фольклористике. М.: Высшая школа, 2003. С. 647–651.

⁴⁸ Meier J. (Hrsg.). Deutsche Volkslieder mit ihren Melodien, herausg. vom Deutschen Volksliedarchiv. Balladen / herausg. von John Meier, Bd. I (1-2), II (1-2), III (1). Berlin–Leipzig: W. de Gruyter, 1935–1939. Meier J. (Hrsg.). Das Deutsche Volkslied: 5 Bde / herausg. von John Meier. (In der Reihe «Deutsche Literatur», herausg. von Prof. H. Kindermann). Leipzig: Ph. Reclam, 1935 u. v.

⁴⁹ Копия данного письма дается в приложении к статье: Чистов К. В. В. М. Жирмунский и Дж. Мейер. Эпизод из истории фольклористики // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского. СПб.: Наука, 2001. С. 19–23.

в «Известиях Академии наук СССР» в 1941 г.⁵⁰ В ней Жирмунский особо отмечает заслуги Майера в собирании немецких народных песен и их полном и систематизированном издании и пишет, что до данного издания в Германии отсутствовало собрание, которое можно было бы сравнить по полноте, качеству и научному комментарию с такими собраниями, как «Danmarks Gamle Folkeviser» Грундтвига (собрание старинных датских народных песен, первый сборник вышел в 1935 г.) и «English und Scottish Popular Ballads» Чайлда (собрание английских и шотландских баллад в 10 т., издавалось с 1882 по 1898 г.). Собрание немецких народных песен Дж. Майера выгодно отличается от собрания Чайлда также потому, что последнее ограничивалось одним жанром, содержало тексты баллад, которые не существовали уже в живой традиции. У Чайлда была вследствие этого возможность издать полное и окончательное собрание. Издание Дж. Майера включало в себя большое количество жанров народной песни, с бесконечным количеством вариантов, что стало возможно, конечно, только благодаря Архиву немецкой народной песни и его богатейшему собранию, хранившему не только уже изданные тексты, мелодии и их варианты, но и машинописные копии рукописных записей из архивов местных этнографических организаций. Хотя в собрании были представлены не все варианты песен, а только избранные из них (максимум 10), к каждой песне прилагался подробный библиографический список, указывавший на все изданные варианты данной песни (до 500).

Говоря о предшествующих сборниках немецких народных песен, Жирмунский особо отмечает трехтомное собрание Л. Эрка и Ф. М. Бёме⁵¹, выгодно отличавшееся от датского и английского собраний наличием мелодий, но не обладавшее необходимым научным комментарием. Комментарии, которые были приведены в собрании Дж. Майера к каждой песне, вызвали особый интерес ученого. Они содержали классификацию вариантов, историю возникновения текста, а также соответствия данной песне на других языках, среди которых были не только английские, скандинавские и романские, но и славянские, в том числе и русские, варианты. Кроме того, собрание Майера включало в себя все но-

⁵⁰ Жирмунский В. М. // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1941. № 1. С. 148–149. Рец. на кн.: 1. Deutsche Volkslieder mit ihren Melodien / Hrsg. vom Dt. Volksliederarchiv. Berlin; Leipzig: W. de Gruyter, 1935–1939. Bd. I (1-2), Bd. II (1-2), Bd. III (1); Balladen / Hrsg. von J. Meier. 2. Das deutsche Volkslied: 5 T. / Hrsg. von J. Meier. Leipzig: Ph. Reclam, 1935. (Dt. Lit. / Hrsg. von Prof. H. Kindermann.)

⁵¹ «Deutscher Liederhort». Указ. соч.

вейшие на тот момент изыскания в области фольклористики, давало не только текстовый, но и музыковедческий комментарий к каждой песне, а также варианты мелодий.

Говоря о балладах в собрании Майера, Жирмунский отмечает, что, хотя изначально по плану собрание должно было состоять из 9 томов (1-й и 2-й тома — баллады, 3-й том — исторические песни, с 4-го по 7-й — различные жанры лирических песен, 8-й — духовные песни и 9-й — библиография и реестр), в результате публикация только баллад еще не была завершена к 3-му тому. Среди опубликованных баллад Жирмунский особо выделяет баллады 1-го тома, которые представляют собой перепевы старых средневековых эпических сюжетов: «Hildebrandslieds» (*Das jüngere Hildebrandslied*, № 1), «Ermanarichs Tod» (*Ermenrichs Tod*, № 2), «Gudrun» (*Brautwerbung*, № 3 и *Die Meererin*, № 4), «Hug-Dietrich» и «Wolf-Dietrich» (*Der Jäger aus Griechenland*, № 5; *Der verkleidete Markgrafensohn*, № 6). Некоторые из баллад 1-го тома представляли собой варианты придворной поэзии, например легенды миннезингеров: «Der Tannhäuser», «Der Bremberger», «Kerenstein» (№ 15–16, 18). Особый интерес Жирмунского к данным балладам вызван, в частности, тем, что они являются наиболее архаичными примерами жанра баллады и исчезли ко времени издания сборника из устной песенной традиции в Германии, но при этом сохранились в песенной традиции немецких колонистов в России⁵².

Этой рецензией заканчиваются творческие контакты двух ученых, в 1948 г. Джон Майер покинул пост главы Союза немецких фольклористов и передал руководство Архивом немецкой народной песни земле Баден-Вюртемберг.

⁵² Подробнее о жизни и собирательской деятельности Дж. Майера, в том числе в более поздний период, см.: *Oesterle A. Letzte Autonomieversuche: Der Volkskundler John Meier — Strategie und Taktik des Verbandes deutscher Vereine für Volkskunde 1933–1945 // Die Freiburger Universität in der Zeit des Nationalsozialismus. Hrsg. von Eckhard John et al. Freiburg-Würzburg, 1991. S. 151–162; Oesterle A. John Meier und das SS-Ahnenerbe // Volkskunde und Nationalsozialismus. Referate und Diskussionen einer Tagung der Deutschen Gesellschaft für Volkskunde. München, 23. bis 25. Oktober 1986 / Hrsg. von Helge Gerndt (Münchener Beiträge zur Volkskunde. Bd. 7). München, 1987. S. 83–93; Neue Deutsche Biographie: John Meier // Neue Deutsche Biographie. Berlin, 1990. Bd. 16. S. 643–644; Deutsches Volksliedearchiv. Freiburg im Breisgau. Режим доступа: www.dva.uni-freiburg.de, свободный. Загл. с экрана.*

4. КОЛЛЕКЦИЯ НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН В. М. ЖИРМУНСКОГО

4.1. Виктор Максимович Жирмунский и исследование немецких колоний

Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) был выдающимся филологом, языковедом, историком и теоретиком литературы, фольклористом. Как и во многих других областях лингвистического знания, в фольклористике Жирмунский играл ведущую роль, будучи главой школы сравнительно-исторического изучения фольклора и средневековой литературы, автором целого ряда ценнейших исследований по теории и истории устных традиций и редактором изданий эпосов различных народов. Всемирно известны его труды в области сравнительного языкознания и литературоведения, диалектологии, теории стиха, сравнительно-исторического исследования эпосов различных народов.

В. М. Жирмунский родился 2 августа 1891 г. в С.-Петербурге в семье известного врача Максима Савельевича Жирмунского, давшего своему сыну лучшее на то время школьное образование. После окончания средней школы в 1908 г. Жирмунский поступил на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета, где он учился на кафедре романо-германской филологии, которой заведовал в то время известный ученый, российский немец Федор (Фридрих) Браун. Последний был учеником Германа Пауля и основоположником германистики в России. После окончания университета в 1912 г. Жирмунский предпринял учебную поездку в Германию, где слушал лекции Эдуарда Сиверса в Лейпциге, Эриха Шмидта в Берлине, Германа Пауля в Мюнхене.

Творческое наследие В. М. Жирмунского чрезвычайно велико. Его исследования 20–30-х гг. по немецкому фольклору, диалектологии и этнографии нашли свое отражение в целом ряде работ¹. Как справедливо отмечает известный фольклорист, ученик и аспирант Жирмунского,

¹ См. упоминавшиеся ранее работы В. М. Жирмунского.

Е. М. Мелетинский, «более чем за полвека научной деятельности только по фольклору им [В. М. Жирмунским] было написано не менее ста трудов, в том числе несколько обширных монографий, множество статей, докладов на конгрессах и пр. Среди них — ряд исследований, на десятилетия определивших развитие теоретической фольклористики и не утративших своей актуальности до нынешнего времени»².

Начало собирательской деятельности Жирмунского относится к 1924 г. Сначала он проводил в рамках своего диалектологического семинара запись говоров немецких колонистов в окрестностях Ленинграда (Средней Рогатки, Колпина, Ново-Саратовки, Стрельны) и трех колоний (Порхова, Луцка и Франкфурта) из-под Ямбурга (ныне Кингисеппа) Ленинградской губернии³. По воспоминаниям Л. Р. Зиндера, которые мы находим в его статье «В. М. Жирмунский и островная диалектология», в собирательской деятельности принимали участие ученики Жирмунского: студенты и выпускники немецкого отделения кафедры романо-германской филологии университета, а также его коллеги и сотрудники. В числе наиболее активных он называет помимо себя также Э. Г. Иогансон, А. Н. Штрёма, Э. Карлблом, Т. В. Сокольскую (Строеву), С. А. Акуляниц, А. М. Леонову, В. П. Погорельскую, А. Айзенберг, И. М. Смолянского⁴.

В течение 1924–1926 гг. у В. М. Жирмунского на дому записывались немецкие говоры Закавказья; информантами были, по воспоминаниям Л. Р. Зиндера, студенты Немецкого педагогического техникума в Ленинграде — носители этих говоров. Позже, в конце 20-х гг., у В. М. Жирмунского появилась возможность направлять диалектологические экспедиции в разные районы Украины, а также в Крым и Закавказье. Он смог осуществить это в связи с проводимой в то время правительством национальной политикой, в соответствии с которой для бесписьменных народов создавалась письменность, а для национальных меньшинств, имевших письмо, в том числе и для немцев-колонистов, вводилось обучение в школе на родном языке. В связи с этим Наркомпрос Украины субсидировал работы по исследованию языков нацменьшинств республики. В отношении немцев-колонистов

² Мелетинский Е. М. О фольклористических трудах В. М. Жирмунского // Жирмунский В. М. Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки. М.: ОГИ, 2004. С. 16.

³ Об экспедициях В. М. Жирмунского см.: Светозарова Н. Д. Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского... // Русская германистика. М., 2006. Т. 2. С. 137–147.

⁴ Зиндер Л. Р. В. М. Жирмунский и островная диалектология. Указ. соч.

программа работ сводилась, по воспоминаниям Л. Р. Зиндера, к установлению сходств и различий между определенным диалектом и немецким литературным языком.

В. М. Жирмунский всегда рассматривал языковые явления в целом, с точки зрения диалекта, фольклора, этнографии. Об этом он пишет, в частности, в статьях «Проблемы немецкой диалектографии в связи с историческим краеведением», «Методика социальной географии (Диалектология и фольклор в свете географического исследования)» и «Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР», опубликованных в 1927–1933 гг.⁵ Чтобы его исследования были согласованы с трудами германских диалектологов, Жирмунский использовал 42 предложения Георга Венкера (основателя Диалектологического атласа Германии). Это были предложения или сочетания фраз, которые Венкер посылал в 1880–1890-х гг. школьным учителям, чтобы они перевели их на соответствующий диалект. В результате данной работы Венкер создал Диалектологический атлас Германии (первоначально названный «Sprachatlas des Deutschen Reichs»). Работу Венкера продолжили его последователи, Ф. Вреде (Ferdinand Wrede, 1863–1934) и Э. Маурманн (Emil Maurmann, 1864–1937). Карты рисовались сначала от руки, и лишь в 1927–1956 гг. была опубликована черно-белая и сильно сокращенная версия атласа («Deutscher Sprachatlas (DSA)»), новая переработка вышла в 1984–1999 гг. под названием «Kleiner Deutscher Sprachatlas (KDSA)», полная публикация атласа Г. Венкера осуществляется впервые Ю. Шмидтом и И. Херпгенем (Jürgen Erich Schmidt, Joachim Herrgen) в рамках проекта «Digitaler Wenker-Atlas (DiWA)»⁶.

Во время полевых записей В. М. Жирмунского интересовали также народные песни, в том числе старинные баллады, вывезенные колонистами из Германии. Ученый начал проявлять интерес к фольклору еще в 1916 г., когда им была написана статья об английской балладе⁷,

⁵ Жирмунский В. М. Проблемы немецкой диалектографии в связи с историческим краеведением // Этнография. 1927. Кн. 3. № 1. С. 139–150; Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР...; Жирмунский В. М. Методика социальной географии... Указ. соч.

⁶ Digitaler Wenker-Atlas (DiWA). Режим доступа: http://137.248.81.135/DiWA/cat_criteria2_D.asp, свободный. Загл. с экрана.

⁷ Жирмунский, В. М. Английская народная баллада (1916) // Английские и шотландские баллады / В пер. С. Маршака. Изд. подгот. В. М. Жирмунский. М.: Наука, 1973.

поэтому он, конечно, не мог не заинтересоваться возможностью исследовать богатую фольклорную традицию немецких колонистов. Жирмунский и его ученики составили целую коллекцию народных песен, которые они распределили по темам и по месту записи (в основном в Ленинградской области, в Новгородской области — на севере, на Украине, в Крыму и в Закавказье — на юге). В. М. Жирмунский собрал уникальный фольклорный материал, а именно огромное количество текстов немецких народных песен, их нот и записей на фоновалики или восковые пластинки. Всего Жирмунский собрал около 4000 песен. Естественно, что такое собрание имеет огромное научное значение для многих поколений исследователей. В. М. Жирмунский надеялся, что ему будет предоставлена возможность ознакомить с ним научное сообщество. Ученый рассчитывал, что сможет со временем издать полное собрание «немецкой народной песни возле Невы». Однако этот план не был осуществлен: до сих пор большая часть собрания песен находится в архиве.

Целями исследования, которые поставил для себя и своих учеников В. М. Жирмунский, были собирание, обработка и систематизация собранного материала. В связи с этим следовало также решить теоретические задачи. Собранные во время экспедиций в немецкие колонии материалы по диалектам и этнографии были обобщены ученым в уже упоминавшейся выше монографии «Die deutschen Kolonien in der Ukraine: Geschichte. Mundarten. Volkslied. Volkskunde», опубликованной в Харькове в 1928 г.⁸, исследования по фольклору и языку немецких колонистов нашли отражение еще в ряде его работ. Так, например, в 1933 г. в «Литературной газете» была опубликована статья ознакомительного характера «Немецкие народные песни», а в 1935 г. — сопоставительная работа, написанная на основе собранного в экспедициях материала, «К вопросу о странствующих сюжетах: Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора»⁹.

Некоторые из изданных в этот период работ посвящены исследованию немецких народных песен — их классификации по хронологическим пластам, изучению тем, структуре песен. В качестве отдельной,

⁸ *Schirmunski V.M.* Die deutschen Kolonien in der Ukraine (Geschichte, Mundarten, Volkslied, Volkskunde) (Charkow, 1928). Указ. соч.

⁹ *Жирмунский В.М.* Немецкие народные песни // Литературная газета. 1933. № 57. 11 декабря; *Жирмунский В.М.* К вопросу о странствующих сюжетах: Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1935. № 9. С. 775–811.

особой темы исследования Жирмунский выделял распев песен, текстовое варьирование. Собранный материал изобилует подобными примерами и давал богатую почву для исследования. Кроме того, обрабатывая материал, собранный во время экспедиций, Жирмунский внес существенный вклад и в разработку принципов лингвистико-этнографического картографирования, которые были учтены в развернувшихся позднее работах по картографированию обрядов и других фольклорных явлений.

По воспоминаниям Льва Рафаиловича Зиндера, педагогическая деятельность ученого, его семинар, дали ему стимул к исследовательской фольклорной и диалектологической работе. В.М. Жирмунский сообщал в статье «Zur Volkskunde der deutschen Siedlungen in der Sowjetunion», что он уже много лет читает на отделении германистики в Ленинградском университете лекции и ведет семинары по немецким диалектам, немецким народным песням и фольклору, уделяя при этом особое внимание колониям. При этом ученый подчеркивал, что его студенты работают в колониях возле Невы и совершают при поддержке университета более значительные летние поездки на Украину и в Крым¹⁰. Определенную роль в интересе Жирмунского к немецким колониям сыграл, как уже упоминалось, тот факт, что в 1917–1919 гг. он жил в Саратове и был профессором Саратовского университета, где встретился с Георгом Дингесом, который первым занялся исследованием немецких колоний на Волге (под Саратовом). Тогда же, в Саратове, начались исследования немецких народных песен в колониях. Так, например, в 1914 г. вышла небольшая книга двух авторов, Й. Эрбеса и П. Зиннера, «Volkslieder und Kinderreime aus den Wolga-Kolonien», в которой приводились тексты и давался анализ некоторых песен из поволжских колоний¹¹.

Первым шагом в исследовании Жирмунским немецких колоний была тщательно подготовленная полевая собирательская деятельность. Методы экспериментальной фонетики Жирмунский освоил на фонетическом семинаре известного фонетиста, выдающегося лингвиста Льва Владимировича Щербы, который он посещал вместе со своими учениками. Кроме того, в 1925–1927 гг. В. М. Жирмунский предпринял, как уже говорилось, две поездки в Германию. Ученый

¹⁰ *Schirmunski V.M.* Zur Volkskunde der deutschen Siedlungen in der Sowjetunion. Указ. соч.

¹¹ *Erbes J., Sinner P.* Volkslieder und Kinderreime aus den Wolga-Kolonien. Saratow, 1914.

читал доклады в Институте исторического краеведения Рейнской области (Institiut für geschichtliche Landeskunde der Rheinlande) в Бонне, во главе которого был в то время профессор Теодор Фрингс, а также в Институте языкового атласа (Sprachatlasinstitut) в Марбурге (на Лане), под руководством Фердинанда Вреде. Помимо этого, Жирмунский посетил исследовательские центры по немецкой диалектологии во Фрайбурге (в Брайсгау) и в Берлине. В Марбурге ученый подружился с Вальтером Мицкой, учеником Вреде, который впоследствии (после Второй мировой войны) стал руководить марбургским институтом. В СПФ АРАН сохранилась часть переписки Жирмунского с немецкими диалектологами, особенно обширен раздел переписки с Т. Фрингсом (97 листов), длившейся с 1926 по 1968 г., есть две почтовые открытки от В. Мицки Жирмунскому через Фасмера в Берлин (1927 г.) и в Ленинград (1930), открытки от Вреде (6 шт.) датированы 1924–1929 гг. Из переписки ученого по вопросам немецкой диалектологии видно, насколько тщательно была продумана собирательская деятельность в колониях. Жирмунский отсылал экземпляры некоторых диалектологических анкет, обсуждал вопросы локализации диалектов, обменивался с коллегами научными работами по исследуемой проблематике как на русском, так и на немецком языке. Во Фрайбурге Жирмунский много работал в Архиве немецкой народной песни¹². Таким образом, в Германии В. М. Жирмунский ознакомился с методами немецкой диалектографии, или культурной морфологии (Kulturmorphologie), по терминологии Т. Фрингса, изучил методику обработки, систематизации и хранения песенного фольклорного материала. В архиве В. М. Жирмунского можно найти также многочисленные анкеты по немецкой диалектологии, привезенные им из Германии. На основании изученных материалов ученый разработал свои собственные исследовательские методы.

После возвращения из командировок Жирмунский продолжал исследование немецких колоний на территории бывшего СССР. Этой теме посвящено несколько его статей и докладов. Об этой работе В. М. Жирмунский писал в 1931 г.: «Ленинградский институт истории искусств... предпринял, как обычно под моим руководством, две больших учебных поездки (экспедиции): в немецкие деревни вокруг Новгорода и в южноукраинскую область поселений. Мы делали диалектологические записи, которые сейчас обрабатываются в качестве

¹² См. ранее.

материала для систематического описания наиболее важных типов диалектов и которые помогают, кроме того, объяснить развитие новых смешанных диалектов на основании типичных примеров. Мы собираем многочисленные тексты старых и новых народных песен, мелодии которых записываются тут же на граммофон»¹³.

В предисловии к книге «Die deutschen Kolonien in der Ukraine» В. М. Жирмунский описывает собирательскую деятельность на Украине и говорит о том, что собирательская и исследовательская деятельность велась не только на Украине, но и в соседней Крымской Республике, на Волге и в Ленинградской области в целях привлечения новых данных для сравнения с теми, которые были получены на Украине. Среди тех колоний на Украине, которые он посетил, Жирмунский называет три старейшие колонии под Днепропетровском (Екатеринославом), четыре колонии под Бердянском, Кучурганскую и Либентальскую область, а также колонии Гоффнунгсталь и Гульдендорф в Одесской области. В это же время ассистент В. М. Жирмунского Альфред Штрём работал в колонии Молочная, а его ассистентка Э. Иогансон¹⁴ объезжала старейшие колонии Крыма в районе Симферополя и Феодосии. Работа на Украине велась при поддержке Немецкого центрального бюро (Das Deutsche Zentralbüro) Наркомпроса РСФСР. В. М. Жирмунский намеревался собирать этнолингвистический материал во всех украинских колониях по следующей общей программе: 1. История. 2. Диалекты. 3. Народная песня. 4. Фольклористика. 5. Новая деревня (Das neue Dorf).

В результате полевой деятельности В. М. Жирмунского и его учеников было собрано около 4000 текстов немецких песен и баллад, многие из них были представлены также в звучащем виде (записывались на валики и восковые пластинки). В тех случаях, когда текст сопровождался мелодией, озвучивалась, как правило, либо одна первая, либо две первые строфы песни или баллады. Конечно, В. М. Жирмунскому удалось собрать такой обширный материал во многом благодаря его организаторскому таланту и привлечению к работе местных жителей. Ученый писал: «...Однако, наш план может быть осуществлен желаемым образом лишь в том случае, если как можно больше людей в этих

¹³ Schirmunski V.M. Volkskundliche Studienreisen in den deutschen Siedlungen der Sowjetukraine. Указ. соч. S. 265–266.

¹⁴ См.: Светозарова Н. Д. Забытое имя — фольклорист Эллино́р Иогансон // Фольклор и миф: Традиционная культура в зеркале ее восприятий: Сб. науч. статей, посвящ. 70-летию И. И. Земцовского. СПб., 2010. Ч. 1. С. 223–231.

колониях захочет принять участие в этой этнолингвистической работе. Привлечь к такой работе и подать пример — это важнейшая цель, которую я преследую в моей книге»¹⁵.

Вышедшие недавно «Воспоминания» Татьяны Викторовны Строевой, подготовленные к изданию ее сыном С. С. Строевым и ее ученицей, ныне проф. С.-Петербургского университета Н. Д. Светозаровой, в очень живой и увлекательной форме рассказывают нам об участии автора в диалектологических экспедициях: «...С лета 1927 года началась совершенно самостоятельная работа в самых различных уголках страны. Летом 1927 г. и в зимние каникулы мы изучали говоры в Черниговской губернии — и как нелегка была эта работа! Начать с того, что мы волочили за собой тяжеленный эдисоновский фонограф и еще более тяжелые валики к нему (это не теперешние диалектологические экспедиции с портативными магнитофончиками!), другие аппараты, например кимограф и все к нему»¹⁶. Т. В. Строева вспоминает также, что «местные партийные активисты всегда использовали большие сборища крестьян, стремившихся послушать запись на фонограф (позднее — граммофон) песен с немедленным их воспроизведением, власти предваряли наши «выступления» докладами на политические темы»¹⁷. Перечисляя те места, в которых она сама делала записи, Татьяна Викторовна упоминает колонии под Ленинградом, Ямбургом, на Украине (возле Днепропетровска, в Черниговской губернии), в Крыму (в Судаче вместе с В. Погорельской), на Кавказе (колонии около Тбилиси, Ганджи, на юге Армении)¹⁸. СобираТЕЛЬСкая работа в колониях многое дала тогда еще начинающей свою научную деятельность Т. В. Строевой. В своих воспоминаниях она пишет: «Эта работа, очень большая, долгая, трудная, была для нас прежде всего школой самостоятельности, школой труда, школой жизни. Она дала нам много знаний, ведь нам приходилось здорово готовиться к ней и много читать, обрабатывая материал, она очень сдружила нас, SPS¹⁹, меж собой и с В. М. Жирмунским. Эта работа дала нам возможность представить прекрасные дипломные сочинения по окончании курса в ЛГУ и очень рано печататься в загра-

¹⁵ *Schirmunski V.M.* Die deutschen Kolonien in der Ukraine (Geschichte, Mundarten, Volkslied, Volkskunde). Указ. соч. С. 17.

¹⁶ *Строева (Сокольская) Т.В.* Воспоминания. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 99.

¹⁷ Там же. С. 102.

¹⁸ Там же. С. 101.

¹⁹ Сокращенное название группы трех друзей: Т. В. Строева, В. П. Погорельская, Л. Р. Зиндер.

нических журналах. Она дала толчок к дальнейшим диалектологическим штудиям, когда мы уже работали»²⁰.

По материалам экспедиций 1927–1928 гг. в село Белые Вежи были написаны и защищены летом 1928 г. три дипломные работы: Льва Зиндера («Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белые Вежи»), Татьяны Сокольской («Историческая грамматика говора») и Валентины Погорельской («Описание лексики говора, в частности заимствований из украинского языка»). По рекомендации руководителя дипломных работ, В. М. Жирмунского Зиндер и Сокольская написали на материале диалектных материалов статью «Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine», опубликованную в 1930 г. в одном из ведущих германистических журналов, созданном Г. Паулем и В. Брауне, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur». В том же году была опубликована и статья Т. Сокольской «Alte deutsche Volkslieder in der oberhessischen Sprachinsel Belowesch (Nordukraine)»²¹. Свою дипломную работу Л. Р. Зиндер считал утерянной. Однако в 2004 г. в архиве ученого, бережно хранимом в его семье, была обнаружена тетрадка с текстом дипломной работы, озаглавленной: «Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белые Вежи»²².

Существует более десятка публикаций самого В. М. Жирмунского по материалам этих экспедиций, в которых нашла отражение работа по записи немецких песен. Это публикации 1926–1933 гг. Среди них — статьи «Das kolonistische Lied in Russland»²³, «Die Ballade vom 'König aus

²⁰ Строева (Сокольская) Т. В. Воспоминания. С. 102.

²¹ Sokolskaja T., Sinder L. Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1930. Bd. 54. Heft 3. S. 334–355; Strojewa-Sokolskaja T. V. Alte deutsche Volkslieder in der oberhessischen Sprachinsel Belowesch (Nordukraine) // Hessische Blätter für Volkskunde. Gießen, 1930. Bd. 29. S. 140–162.

²² Впервые данная работа была опубликована в сборнике «Acta Linguistica Petropolitana» трудов Института лингвистических исследований: Зиндер Л. Р. Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белые Вежи (Дипломная работа. Май 1928) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2006. Т. II. Ч. I. С. 419–447. Исследование было подготовлено к изданию Л. Э. Найдич и Н. Д. Светозаровой, см.: Найдич Л. Э., Светозарова Н. Д. Неизданная работа Л. Р. Зиндера // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2006. Т. II. Ч. I. С. 413–419.

²³ Schirmunski V. M. Das kolonistische Lied in Rußland. Указ. соч.

Mailand' in den Wolga-Kolonien»²⁴, в которой дается подробный анализ данной баллады и проводится сравнение различных ее вариантов. Сюда относится также книга «Die deutschen Kolonien in der Ukraine (Geschichte, Mundarten, Volkslied, Volkskunde)», вышедшая в Харькове в 1928 г. В данной работе Жирмунский довольно подробно останавливается на истории немецких колоний начиная со времен Екатерины II, дает подробный анализ песен «Es waren zwei Königskinder», «Die jüngste Nonne» и др. При этом он не дает пока подробных ссылок на пластинки, лишь вскользь упоминая о своей коллекции, так как на тот момент были проведены еще только первые экспедиции. Архив, отдельные песни и сами экспедиции описываются также в статьях «Das deutsche Volksliederarchiv in Leningrad»²⁵, «'Des Schlächters Töchterlein' in neuen Aufzeichnungen»²⁶ и, конечно, вышедшая в Вене в 1931 г. книга «Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dnjepr», где Жирмунский подробно рассказывает о собирании песенной части своей коллекции²⁷.

Итак, В. М. Жирмунский и небольшая группа его учеников провели за сравнительно небольшой отрезок времени (примерно семь лет) огромную работу, результатом которой стали собрание обширного материала и его теоретическое осмысление. Однако в начале 1930-х гг. Жирмунский вынужден был прекратить так успешно начатую работу. Это было связано с ухудшением внутривойтинской ситуации в стране, и в первую очередь с изменением национальной политики. В феврале 1933 г. ученый был в первый раз арестован как так называемый немецкий шпион; затем последовали еще два ареста: в 1935 и 1941 гг. Освобождение Жирмунского удавалось каждый раз только благодаря стараниям его коллег, друзей и родственников. После депортации российских немцев в Казахстан и Сибирь были на долгое время прекращены исследования диалектов и фольклора немецких колонистов.

²⁴ Schirmunski V.M. Die Ballade vom «König aus Mailand» in den Wolga-Kolonien (1928) // Viktor Schirmunski / Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München: Südostdt. Kulturwerk, 1992. Veröffentlichungen des südostdeutschen Kulturwerkes: Reihe B, Wissenschaftliche Arbeiten; Bd. 59. S. 309–318.

²⁵ Schirmunski V.M. Das deutsche Volksliederarchiv in Leningrad (1930) // Viktor Schirmunski / Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München, 1992. S. 270–308.

²⁶ Schirmunski V.M. «Des Schlächters Töchterlein» in neuen Aufzeichnungen (1931) // Viktor Schirmunski / Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München, 1992. S. 318–326.

²⁷ Schirmunski V.M. Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dnjepr (Wien 1931) // Viktor Schirmunski / Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München, 1992. S. 327–376.

После начала Великой Отечественной войны В.М. Жирмунский в ноябре 1941 г. был эвакуирован из блокадного Ленинграда с правом выбора места пребывания. Ход научного развития ученого, его интерес к сравнительно-историческому методу в языкознании и литературоведении определили выбор ученого — Ташкент. Полностью прекратив на время исследования в области немецкого языка, Жирмунский обратился к исследованиям в области тюркологии, в первую очередь тюркского эпоса. Результатом этого интереса стал целый ряд основополагающих работ, открывших новую веху в тюркологии в целом. Интерес Жирмунского к германским фольклорно-эпическим традициям перерос со временем в широкие сравнительно-исторические исследования мирового эпоса. Ученый освоил ряд тюркских языков и произвел широкомасштабное сравнительное исследование тюркских эпических традиций²⁸.

После войны Жирмунский продолжил заниматься фольклористикой, в основном в ее сравнительно-историческом аспекте. Так, в его теоретической работе «Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения», опубликованной впервые в 1944 г., проводятся типологические сравнения на базе фольклорного материала²⁹. Как отмечает Е.М. Мелетинский во вступлении к новому изданию фольклористических трудов В.М. Жирмунского «Фольклор Запада и Востока», «В.М. Жирмунский, особенно в зрелые годы, был далек от наивного компаративизма, склонного устанавливать причинно-следственные связи между любыми, хоть в чем-то сходными произведениями, и выступал против исследователей, анализирующих всякого рода сходжения изолированно от общей картины исторического и художественного развития, объясняющих любое сходство литературных или фольклорных произведений односторонними влияниями»³⁰.

²⁸ О данном периоде жизни и творчества В.М. Жирмунского, а также библиографию работ ученого в области тюркологии см.: *Пузейкина Л.Н.* Наследие В.М. Жирмунского в области тюркологии // «Magister Dixit» — научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2012. № 4 (12). Декабрь (<http://md.islu.ru/ru/journal/2012-4>).

²⁹ *Жирмунский В.М.* Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения (1944) // *Фольклор Запада и Востока*. М.: ОГИ, 2004. С. 105–169.

³⁰ *Мелетинский Е.М.* О фольклористических трудах В.М. Жирмунского // *Жирмунский В.М. Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки*. М.: ОГИ, 2004. С. 13.

В. М. Жирмунский очень четко различал типы сопоставительного изучения литературно-фольклорных памятников. Такая четкая дифференциация подходов была применена впервые в истории компаративистики, что стало существенным вкладом в ее развитие и сделало сравнительную методику более гибкой. Жирмунский выделял следующие виды сравнительного анализа:

- 1) простое сопоставление сходных литературных явлений;
- 2) сравнение историко-генетическое, рассматривающее сходство как результат генетического родства;
- 3) сравнение историко-типологическое, объясняющее сходство генетически не связанных между собой явлений сходными условиями общественного развития;
- 4) сравнение, устанавливающее связи между явлениями на основе международных культурных взаимодействий, обусловленных исторической близостью народов, культурным обменом между ними³¹.

В. М. Жирмунский благодаря своему широчайшему научному кругузору обладал удивительной способностью рассматривать изучаемые явления в их общности и взаимосвязи с различными смежными дисциплинами. Это дало ему возможность сделать ряд открытий и выводов, во многом опередивших современную ему науку. Предложенные ученым методики являются актуальными и по сей день, активно используются, в частности в фольклористике. Тесная взаимосвязь видов аналогий и форм взаимодействия продуктов народного творчества ставится в зависимость от более широких и общих совпадений мировоззрения, жанра и стиля.

4.2. «Архив немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского

Материалы «Архива немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского расположены на сегодняшний день в основном в трех разных архивах: 1) в Рукописном отделе Института русской литературы (ИРЛИ, Пушкинский Дом), 2) Фонограммархиве ИРЛИ и 3) Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (РАН). Материалы распределены примерно следующим образом: в Рукописном отделе ИРЛИ находятся тексты собранных Жирмунским

³¹ Жирмунский В. М. Сравнительно-историческое изучение фольклора // Жирмунский В. М. Фольклор Запада и Востока... С. 351–352.

и его коллегами песен, в Фонограммархиве ИРЛИ размещены записи мелодий песен на восковых валиках и пластинках и нотные расшифровки, в Архиве РАН находится личный архив Жирмунского, включающий научные труды (статьи, доклады, сборники, монографии), лекции, народные песни немецких колонистов, рецензии, личные документы, фотографии, письма³². Однако, несмотря на такое распределение, коллекция представляет собой единое, внутренне связанное и структурированное целое. В своих статьях Жирмунский называет два места хранения коллекции — Институт истории и искусств (статья 1930 г. «Das Deutsche Volksliedarchiv in Leningrad») и Институт речевой культуры³³ (статья 1933 г. «Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР»)³⁴. На сегодняшний день известно, что архив передавался из одного института в другой: в период создания песенной коллекции она хранилась в Институте истории и искусств, затем работа продолжалась в Институте речевой культуры, а позднее собрание было отдано на хранение в Пушкинский Дом³⁵. Л. Р. Зиндер в своей статье «Роль экспериментальной фонетики в фонологическом анализе языковых

³² Подробные описи даны в книге *Deutsches Volksliedarchiv Leningrad (Sammlung Viktor M. Schirmunski). Eine Bestandübersicht / Hrsg. E. John, N. Swetosarowa. Freiburg i. Br.: Deutsches Volksliedarchiv, 2001.*

³³ Институт речевой культуры (ИРК) был создан при Ленинградском государственном университете в 1921 г. в результате реорганизации научно-исследовательского Института сравнительного изучения (позднее — истории) литератур и языков Запада и Востока им. А. Н. Веселовского (ИЛЯЗВ). Об Институте речевой культуры, его сотрудниках, в том числе о совместной работе с В. М. Жирмунским см. статью: *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Институт речевой культуры и советское языкознание 20–30-х годов // *Язык и речевая деятельность*. СПб., Изд-во СПбГУ, 1999. Т. 2. С. 206–211.

³⁴ *Schirmunski V. M.* Das deutsche Volksliedarchiv in Leningrad... (1930) 1992; *Жирмунский В. М.* Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР...

³⁵ Подробнее см.: *Светозарова Н. Д.* «Архив немецкой народной песни в Ленинграде» В. М. Жирмунского: история и современное состояние // *Язык и речевая деятельность*. СПб., 1999. Т. 2. С. 212–221, где дается ссылка на опубликованную в настоящий момент автобиографию Т. В. Строевой, которая пишет: «В 1928 году в октябре я была зачислена внештатным научным сотрудником в Институт истории искусств и работала там в архиве немецкой народной песни по каталогизации материалов и библиографии. В 1930 г. я была отчислена от Института в связи с отчислением всех внештатных сотрудников. Так как одновременно с этим в 1930 Архив народной песни был переведен

систем (Из истории фонетических исследований в С.-Петербургском университете)» писал: «Весь чрезвычайно объемный материал, записанный на бумаге и на валиках, в конечном счете попал каким-то образом в архив Института русской литературы (Пушкинского Дома)»³⁶.

В рукописном отделе ИРЛИ хранятся на сегодняшний день 47 папок с материалами коллекции, включающих 9597 документов на 10325 листах. Общее название собрания — «Коллекция акад. В. М. Жирмунского (немцы-колонисты). Собрание Жирмунского (коллекция № 104). 1926–1930 гг.». В инвентарной книге есть запись о том, что коллекция № 104 содержит результаты экспедиционной работы Государственного института истории искусств и Ленинградского отделения Государственной академии искусствоведения и была передана в ИРЛИ В. М. Жирмунским в период с 1939 по 1940 г. Папки с 1-й по 14-ю содержат машинописные тексты немецких песен, записанных на Украине и расклассифицированных по жанрам, в каждой папке собраны песни одного жанра, каждый из которых представлен большим количеством сюжетов, многие из которых имеются в нескольких вариантах. Папки распределены следующим образом:

1. А — Alte Balladen (старинные баллады).
2. В — Neue Balladen (новые баллады).
3. С — Schwänke, Ehestandslieder, scherzhafte Lieder (шванки, песни о супружестве, шуточные песни).
4. D — Liebeslieder, Abschiedslieder (любовные и прощальные песни).
5. E — Rätsellieder, Lügenlieder, Streitgeschichten, Wett- und Wunschlieder (песни-загадки, песни-обманки, песни-пожелания и др.).
6. F — Brauchtumslieder (бытовые/обрядовые песни).
7. G — Geistliche Lieder (духовные песни).
8. H — Ständelieder, Volksstämme und Nationen (сословные и национальные песни).
9. I — Vierzeiler (четверостишия, считалки).
10. K — Trink- und Schlemmerlieder (застольные песни).

в Государственный Институт речевой культуры (ныне ЛНИЯ), то работу в архиве я продолжала уже в ГИРКе...» Указ. соч. С. 215.

³⁶ *Зиндер Л. Р.* Роль экспериментальной фонетики в фонологическом анализе языковых систем (Из истории фонетических исследований в С.-Петербургском университете) (1997) // *Общая фонетика и избранные статьи: Учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений / Сост., вступ. ст. Л. В. Бондарко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Академия, 2007. С. 540–551.*

11. L — Soldaten- und Kriegslieder, Auswanderungslieder (солдатские и военные песни, песни о переселении).
12. M — Kolonistische Lieder (колонистские песни).
13. N — Lieder vermischten Inhalts (песни смешанного содержания).
14. O — Kinderlieder (детские песни).

Папки с 15-й по 18-ю содержат также машинописные тексты, записанные на Украине, но разложенные по колониям (в алфавитном порядке); в папках с 19-й по 22-ю — тексты, записанные в Ленинградской области (с 19-й по 21-ю — по жанрам, 22-я — по колониям); 23-я и 24-я папки содержат песни с Поволжья (распределенные по жанрам и полученные по обмену); 25-я — записи из Закавказья, распределенные по жанрам; 26-я папка — записи из Крыма.

В остальных папках находятся рукописные тексты, нотные расшрифровки, авторские и запасные экземпляры, черновики и другие материалы, распределенные либо по жанрам, либо по колониям, либо по собирателям. Интересна папка № 29, в которой находятся записи из Крыма, тексты, частично с мелодиями, собранные Эллинор Иогансон, а также списки из Фрайбургского фонограммархива. Интересны также папки 43 и 44. В первой находится несколько вариантов систематического каталога архива, а во второй — инвентарная и гостевая книги Архива немецкой народной песни в Ленинграде, 2 систематических каталога и 3 песенные тетради. В папке № 47 хранятся диалектные записи.

Тексты песенного архива В. М. Жирмунского систематизированы и снабжены (последовательно или с некоторыми пропусками) следующей информацией: шифр, в который входит сначала обозначение жанра (заглавные латинские буквы от А до О), затем номера сюжета и варианта (порядковый номер внутри жанра и строчная буква, например 77б); инвентарный номер; сведения об исполнителе и его возрасте (данная информация иногда отсутствует, а иногда является довольно подробной, сообщая, откуда прибыл, например, данный исполнитель в эту колонию), о времени и месте записи (название колонии), а также об авторе записи (данные сведения присутствуют очень выборочно, далеко не всегда можно, к сожалению, определить, кто был исследователем).

В своих публикациях В. М. Жирмунский пишет о том, что часть мелодий (около 1000) была записана на валики и пластинки, например, в статье «Zur Volkskunde der deutschen Siedlungen in der Sowjetunion» Жирмунский говорит о записи около 1000 мелодий на фонограф и граммофон, а в книге «Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg

am Dnjerg» говорится, что 86 мелодий из этой колонии были записаны с помощью граммофона на восковые пластинки (Retor-Wachsplatten). Кроме того, в статье «Das deutsche Volksliedarchiv in Leningrad», изданной Дж. Майером в 1930 г., В. М. Жирмунский сообщает о том, что его группой было собрано более 3000 песен, 2000 из которых переписаны и каталогизированы, 1000 номеров записаны на пластинки на фонограф (некоторые песни были записаны на граммофон Г. Бахманном)³⁷. Здесь же Жирмунский упоминает о двух каталогах — систематическом и географическом³⁸. Последний содержит более 500 карточек с расшифровкой мелодий, записанных на валики или пластинки. Другим способом фиксации песенных мелодий были ручные нотировки, которые делал на слух учитель музыки и писатель Герман Бахман³⁹, приглашенный Жирмунским именно для записи музыкального материала⁴⁰. Упомянутые Жирмунским валики и пластинки хранятся в настоящее время в Фонограммархиве Института русской литературы. Валики были инвентаризированы, хотя и описаны недостаточно точно, о пластинках имеется лишь упоминание в описи 1936 г.⁴¹, нотировки Бахмана пока не найдены.

Упоминание о записях мелодий песен на пластинки содержится и в описи № 1 личного архива ученого в СПФ АРАН (ф. 1001, 1900–1971 гг.). В предисловии, составленном в 1978 г., когда в личный архив Жирмунского поступили последние материалы, есть следующая информация: «В Рукописном отделе фольклорного сектора ИРЛИ АН СССР имеются записи песен, коллекция № 104, 11763 ед. хране-

³⁷ Часть текстов немецких народных песен была передана самим В. М. Жирмунским во фрайбургский Архив немецкой народной песни.

³⁸ См. указанные ранее сочинения.

³⁹ *Герман Бахман* (1888–1951) — участник экспедиций 1927–1929 гг., учитель немецкой школы в колонии Гросс-Либенталь, писатель, создавший по следам одной из поездок с Жирмунским книгу: *Bachmann H. Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebiets*. Charkow: Zentralverlag. 1929. В настоящий момент к печати подготовлена книга Н. Д. Светозаровой, посвященная труду Г. Бахмана, которая, можно надеяться, будет издана в ближайшее время.

⁴⁰ *Светозарова Н. Д.* Герман Бахман и его описание фольклорно-диалектологической экспедиции в немецкие колонии Украины // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: Материалы Межд. научн. конф. Киров, 2012. С. 120–129.

⁴¹ *Магид С. Д.* Список собрания Фонограммархива Фольклорной секции ИАЭ АН СССР с приложением алфавитных списков народностей и собирателей // Советск. фольклор. М.; Л., 1936. Вып. 4/5. С. 415–428.

ния; там же в Фонограммархиве коллекция № 198, 323 ед. хр.»⁴². Исследование пластинок началось в 1995 г. Каталог Фонограммархива указывал на то, что они имеют отношение к собранию немецких народных песен, являющемуся результатом экспедиций Жирмунского в немецкие колонии в 1927–1930 гг. На начальном этапе работы пластинки были сгруппированы по порядковым номерам и датам. Эта работа позволила выявить несколько групп записей, которые можно было соотнести с отдельными экспедициями, проведенными Жирмунским и его учениками в 1926–1930 гг.⁴³ Была также начата работа по идентификации пластинок, которая велась с опорой на другие имеющиеся в данном архиве материалы, составленные самим Жирмунским и его учениками.

В Фонограммархиве ИРЛИ хранятся также три папки — № 50, 50-1, 50-2, в которых находятся записи текстов и мелодий песен, записанных Э. Иогансон в Крыму в 1927 г.⁴⁴ Здесь же имеются записи текстов к некоторым валикам, разрозненные листы с еще не идентифицированным песенным материалом и заметки, касающиеся полевых записей песен на валики и пластинки.

Дубликаты части текстов и некоторых каталогов хранятся в Санкт-Петербургском отделении Архива Академии наук. Там же имеются отчеты В. М. Жирмунского по некоторым экспедициям, переписка относительно данных экспедиций, отчет о поездке в Германию в 1929 г. Отчеты Жирмунского о его диалектологических и фольклорных экспедициях представляют отдельную научную ценность, поскольку позволяют уточнить: сроки и маршруты поездок; названия колоний; организации, участвовавшие в планировании экспедиций; источники и объемы финансирования; имена и статус участников экспедиций; приемы и методы работы; характер и объем записанного материала; планы по изданию материалов. Из отчетов можно узнать не только об участии в планировании экспедиций различных институтов Ленинграда, но и о полученной от них аппаратуре. Так, в «Отчете о работе экспедиции в немецкие колонии Крыма и Закавказья летом 1928 г.»

⁴² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1001. Оп. 1.

⁴³ Светозарова Н. Д. «Архив немецкой народной песни в Ленинграде». С. 213.

⁴⁴ Забытое имя — фольклорист Эллинон Иогансон // Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале ее восприятий: Сб. науч. статей, посвящ. 70-летию И. И. Земцовского. СПб.: РИИИ, 2010. Ч. 1. С. 223–231; Светозарова Н. Д. Архивный фонд Э. Г. Иогансон в Российской национальной библиотеке // Российские немцы: Науч.-информ. бюл. М., 2013. № 1. С. 8–14.

сообщается, что «в организации экспедиции участвовал ИЛЯЗВ в части диалектологии и этнографии и Государственный институт истории искусств, в части музыкального фольклора. Для оборудования экспедиции фонографический Архив Института истории искусств предоставил свой фонограф и 35 валиков (на сумму 70 р.). Проф. В. М. Жирмунским был предоставлен аппарат для граммофонной записи (Retor) и 60 пластинок». В отчете 1927 г. содержатся сведения о процессе анкетирования и о разосланных и заполненных диалектологических анкетах: «Обширный материал по немецкой диалектологии собран был зимой и весной 1927 года путем рассылки Немецким Центральным Бюро при Совнацмене НАСР выработанной мною диалектологической анкеты. Из 600 экземпляров, разосланных по немецким школам в колониях, Центр. Бюро собрало 450 ответов, которые прекрасно дополняют для колоний-выселков /*Tochterkolonien*/ материал, собранный экспедицией в старейших колониях /*Mutterkolonien*/». Н.Д. Светозарова отмечает, что из фотографий, сделанных в колониях, сам Жирмунский опубликовал всего лишь несколько. Остальные снимки сохранились в семейном архиве ученого. Особый интерес представляют сведения об этнографических данных, собранных в экспедициях и нашедших отражение в отчетах: «4. По этнографии: обследованы формы крестьянского жилища, их различие по областям, установившееся на новой родине /например, между березанским и глюкстальским типом/, отмечены архаические признаки /напр., деревянные коньки на крышах в березанском типе/, а также влияние окружающего иноплеменного населения /крыльцо с колонками по типу русских построек/, с другой стороны — влияние немецкого типа крестьянского жилища на соседние русские и украинские села; установлены различия построек по социальным группировкам /дом бедняков и новых поселенцев обнаруживает более примитивные и архаичные черты/. Найдены образцы немецкого кустарного искусства со старинной раскраской цветочными букетами /Глюкстальская группа/, стенная живопись на печах /Березанская группа/. Немецкие национальные костюмы исчезли, как всюду в южной Украине, в некоторых колониях, однако, сохранился женский лиф без рукавов /*Leibchen*/, напр., в Рорбахе, Глюкстале»⁴⁵. По отчетам можно проследить планы Жирмунского по публикации со-

⁴⁵ См. подробную статью Н.Д. Светозаровой, в которой приводятся также объемные цитаты из неопубликованных ранее отчетов В. М. Жирмунского по материалам экспедиций в немецкие колонии СССР (СПФ АРАН. Ф. 1001. Оп. 2. Д. 112): *Светозарова Н.Д.* Отчеты об экспедициях как уникальный источ-

бранных материалов. Помимо других, ученый готовил к изданию сборник народных песен Ленинградской области по результатам экспедиции лета 1930 г. Богатые материалы по песенному наследию немецких колонистов под Ленинградом находятся в деле «Народные песни немецких колонистов Ленинградской области и Ямбурга (Кингисепп)», датированном 1924–1928 гг.⁴⁶

В фонде 1001 личного архива Жирмунского в делах с 335 по 384 находятся тексты и списки песен немецких колонистов, конспекты статей о немецком фольклоре, информация об истории немецких поселений, диалектологические записи, заметки об обычаях и традициях немцев в России, нотные записи мелодий, сведения о происхождении некоторых песен.

В описанных выше архивах находятся также различные каталоги и инвентарные книги к коллекции, составленные В. М. Жирмунским и его учениками. Это три каталога: каталог текстов песен (распределенных по жанрам), который находится в Рукописном отделе ИРЛИ; каталог записей мелодий в Фонограммархиве ИРЛИ и каталог мелодий, распределенных по тем колониям, где делались записи, хранящийся также в Фонограммархиве ИРЛИ: одна инвентарная книга песенных текстов и четыре тетради с указаниями на записи на валиках и пластинках. В каталоге песен зафиксировано более 1100 типов песен в более чем 3700 вариантах, приводятся первые строки и данные о количестве записей, распределенные по регионам. Каталог мелодий охватывает около 550 записей, которые даны на карточках и распределены по экспедициям и колониям. В инвентарной книге приведено 3937 инвентарных номеров, есть записи по отдельным экспедициям и материалам. В Фонограммархиве ИРЛИ находятся три тетради с перечислением записей на пластинки, производившиеся в районе Ленинграда, на Украине и в Закавказье, а также тетрадь к записям на валиках.

Изучение собрания В. М. Жирмунского во всей его полноте еще предстоит осуществить. Однако уже сейчас очевидно, насколько грандиозной была начатая им работа в немецких поселениях СССР,

ник информации (на мат. фолькл.-диал. экспедиций Жирмунского // «Magister Dixit». 2013. № 3. Август-сентябрь.: <http://md.islu.ru/ru/journal/2013-3>

⁴⁶ СПФ АРАН. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 340: «Народные песни немецких колонистов Ленинградской области и Ямбурга (Кингисепп). В записи В. М. Жирмунского. На нем. яз. Машинопись. 1924–1928 гг. 307 л.». Подробную опись данного дела составила в 2013 г. Ульрике Бишофф (Университет Галле-Виттенберг, Германия) по поручению DRB в Петербурге.

не доведенная до логического завершения самим исследователем, но сохранившая для последующих поколений ценнейший фактический материал по фольклору немецких колонистов с точки зрения их языка, культуры, этнографии и устного народного творчества.

4.3. Работа по сохранению материалов коллекции

Как уже сообщалось, существует более десяти публикаций В. М. Жирмунского по материалам лингвистических экспедиций в немецкие колонии на территории бывшего СССР, изданных в 1926–1933 гг. Хотя в них В. М. Жирмунский ссылается на собранную им коллекцию и проводит языковедческий, фольклорный и диалектологический анализ некоторых песен, после резкого прекращения работы над островными диалектами русских немцев ученый к данной теме уже не возвращается, желая сохранить жизнь не только себе самому, но и своим ученикам, принимавшим активное участие в собирании коллекции. Таким образом, собрание немецких народных песен пролежало нетронутым до 1995 г., когда на кафедре фонетики и методики преподавания С.-Петербургского государственного университета под руководством Л. В. Бондарко началась работа по его исследованию. Однако пластинки находились в плохом состоянии и их нельзя было прослушать, так как в Фонограммархиве ИРЛИ в то время отсутствовал соответствующий аппарат. В связи с этим работа по переносу звука с пластинок на магнитную ленту была проделана в Вене в 1995–1996 гг. В. П. Шиффом, сотрудником Фонограммархива ИРЛИ, и Францем Лехлейтнером, сотрудником Фонограммархива Австрийской академии наук, возглавляемого проф. Дитрихом Шюлером. Работа над расшифровкой собрания Жирмунского была продолжена в Петербурге Н. Д. Светозаровой, Е. А. Варжавитиной, заведующим Фонограммархивом ИРЛИ Ю. И. Марченко, его сотрудником В. П. Шиффом под общей координацией профессора Гронингенского университета Т. де Граафа. В результате была составлена база данных, включившая 176 записей с 88 пластинок.

Затем, с октября 2002 по май 2003 г., был осуществлен совместный проект DVA (Deutsches Voksliederarchiv, Freiburg im Br.) и ИРЛИ (Институт русской литературы, С.-Петербург) по переносу материалов коллекции на современные носители. Работа велась одновременно в двух архивах ИРЛИ — в Фонограммархиве и в Рукопи-

сном отделе. Звуковой материал коллекции был оцифрован, обработан и переписан с магнитных носителей на цифровые. Музыкальные карточки с нотными расшифровками были отсканированы и тщательнейшим образом исследованы. Работа проводилась сотрудниками ФА ИРЛИ В.П. Шиффом, Г.В. Матвеевым, А.Ю. Кастровым и автором настоящего исследования (перевод, слуховой анализ материала, составление протоколов перезаписи, составление и обработка вкладышей к дискам с оцифрованной коллекцией, составление каталогов песен). Руководство проекта осуществлялось Ю.И. Марченко, Н.Д. Светозаровой и научным сотрудником Фрайбургского архива Э. Йоном.

На начальном этапе работы необходимо было подробно ознакомиться с содержимым всего архива в рукописном отделе ИРЛИ (47 папок, особенно каталог текстов песен (распределенных по жанрам)), в Фонограммархиве ИРЛИ (нотная картотека, 321 пластинка, 82 валика, еще три папки, особенно каталог записей мелодий и каталог мелодий, распределенных по колониям, инвентарная книга песенных текстов и четыре тетради с указаниями на записи на валиках и пластинках) и в С.-Петербургском филиале Архива РАН. Затем можно было сконцентрироваться на работе с пластинками и валиками, при этом особую сложность составил способ их хранения. Все пластинки были сложены на момент работы по каталогизации коллекции в картонные коробки, одна поверх другой. Некоторые пластинки были объединены в группы по месту записи, некоторые находились в разрозненном состоянии, тогда их относили в соответствии с записями на оборотах к той или иной группе. С валиками работать было проще, так как все они находились каждый в отдельном футляре, а внутрь каждого валика был вложен вкладыш с перечнем записанных на нем песен. Правда, затем, в ходе перезаписи коллекции на цифровые носители, выяснилось, что данные записи не всегда соответствуют действительности. На некоторых валиках было записано больше песен, чем указано на вкладыше, а некоторые и вовсе отличались по составу записанных на них песен от того, что было зафиксировано на вкладыше или в каталоге валиков. При перезаписи коллекции возникла также необходимость в переводе и слуховом анализе материала. Это было связано с несколькими причинами, во-первых, песни часто записывались подряд, почти без пауз между записями, с целью экономии места на дорогостоящих пластинках. Кроме того, на некоторых пластинках реальные записи не совпадали с указанными на оборотах или в тетрадях, тогда нужны были перевод и идентификация песни. Поскольку

качество сохранности записей не является достаточным для осциллографического, а иногда и для слухового анализа, а попытки шумоочистки не увенчались успехом, данная работа заняла много времени. В некоторых случаях для идентификации песни приходилось обращаться к другим записям с целью сравнения текстов и мелодий. При этом велись протоколы перезаписи, дающие полную информацию о качественном и количественном составе сохранившегося звукового материала коллекции, а именно 321 пластинки и 82 валиков (из записанных изначально 93)⁴⁷.

Каждая отдельная таблица протокола снабжена заглавием, в котором приводились номер группы песен (он указывает на место сбора материала: L — Ленинград, U — Украина, K — Крым, T — Закавказье) место и дата, а также номер диска и источник перезаписи. Все записи, бывшие изначально на пластинках, производились с магнитных пленок, записи с валиков — в основном также с магнитных пленок, в спорных случаях участники проекта обращались к оригиналу, т. е. к валикам. Колонки таблиц протоколов перезаписи содержат следующую информацию:

- 1 — нумерация носителя записи в соответствии с номером в коллекции В. М. Жирмунского («Р» в данном случае означает номер пластинки, а «W» — номер валика). Отдельные мелодии нумеровались при перезаписи с пластинок при помощи букв: а), b), с) и т. д.; при перезаписи с валиков нумерация производилась при помощи цифр: 1, 2, 3 и т. д. Данное различие соответствует практике В. М. Жирмунского;
- 2 — первые строки песни (или ее название);
- 3 — номер, присвоенный данной песне В. М. Жирмунским;
- 4 — номера, присвоенные записям в Фонограммархиве ИРЛИ, где хранится данная коллекция;
- 5 — оценка качества звучания песни (качество оценивалось по отношению ко всей коллекции, т. е. максимальное количество пунктов получали наиболее хорошо сохранившиеся песни, несмотря на то что качество их звучания далеко не идеальное): очень хорошо: ++, хорошо: +, удовлетворительно: 0, плохо: -, очень плохо: --.
- 6 — наличие нотных расшифровок (имеются: х, отсутствуют: о, предположительно имеются: (х));
- 7 — номер трека (на компакт-диске);

⁴⁷ Таблицы протоколов перезаписи песен из немецких колоний под Петербургом даны в Приложении 6.

8 — длительность звучания каждой отдельной записи;

9 — примечания автора протоколов.

Все примечания В.М. Жирмунского приводятся в колонке с заглавием песни, при этом они выделены курсивом и внесены в специальные скобки⁴⁸. Примечания Жирмунского даются в оригинале либо на русском, либо на немецком языке, в протоколах данные комментарии приводятся на немецком, так как протоколы велись на немецком языке в рамках проекта, профинансированного фрайбургским Архивом немецкой народной песни. Протоколы перезаписи снабжены также подробным введением, знакомящим читателя со всеми сокращениями и условными обозначениями. Все данные в колонке «Примечания» внесены составителем протоколов.

Если приводятся данные о нотных транскрипциях, то они соотносятся с сокращениями в названиях файлов с отсканированными нотными карточками из картотеки В.М. Жирмунского: файлы названы в соответствии с экспедициями и нумерацией песен на пластинках или валиках, например: U6-01a: U6 = экспедиция U VI, 01 = номер пластинки 1, a = первая запись на пластинке.

В группе песен U V (записи из Ямбурга (1929)) названия файлов с транскрипциями мелодий всегда даются в колонке «Примечания», так как они до последнего времени не были бесспорно идентифицированы и обозначены «х...» или «xxx...», так что их номера не всегда соответствуют номерам пластинки, а также песни. Протоколы перезаписи снабжены также подробными комментариями на немецком языке.

На следующем этапе перезаписи коллекции были разработаны принципы каталогизации звучащего материала коллекции с целью составления полных каталогов всех песен, которые стали конечным результатом работы над проектом. Данные каталоги объединили всю информацию, содержащуюся в надписях на оборотах пластинок и на вкладышах к валикам, а также найденную в тетрадях и списках на отдельных листах. Записи на оборотах пластинок сделаны карандашом и содержат следующую информацию: место записи (округ, колония), название песни или ее первая строка, имена исполнителей, их возраст, время записи, иногда также имена собирателей и дополнительные замечания, например о качестве записи или мелодии. Во вкладышах в валики указаны: экспедиция, колония, собиратель, дата, номер валика (согласно каталогизации В.М. Жирмунского), название песни, исполнитель (иногда

⁴⁸ Подробнее о типах скобок см. далее в тексте данного раздела.

с указанием возраста) и прочие замечания. Кроме того, существуют еще рукописные записи относительно экспедиций в немецкие колонии, которые находятся в тетрадах в Фонограммархиве (папка № 50-1). В данных тетрадах содержатся точные сведения о песнях, записанных на пластинки и валики⁴⁹. Каталоги пластинок и валиков составлялись на основе всех этих источников — пластинок, валиков и тетрадей.

Основой каталогов являются записи, сделанные на оборотах пластинок и во вкладышах к валикам. Записи на оборотах пластинок являются часто очень неразборчивыми, сделаны разными почерками, карандашом. Пластинки были разложены в картонные коробки группами, распределенными по месту записи. При составлении каталога отсматривалась каждая пластинка, записи переписывались с оборота, отсортировывались и сверялись затем с указаниями из тетради, если таковые имелись. Все дополнительные данные, внесенные в каталоги уже из тетрадей, снабжены дополнительными указаниями, например, «im Heft» или в косых скобках: «/ /»». Это не касается шифров В. М. Жирмунского, так как все они взяты из тетрадей (если на иное не дается специального указания). В редких случаях на пластинках также указаны шифры. Предположительно, они были дописаны на них позже, о чем свидетельствуют также другой почерк и качество карандашной записи. Предположительно это почерк В. М. Жирмунского, о чем свидетельствует предварительное сравнение с почерком в его письмах, имеющихся в Архиве РАН. Если комментарий взят с оборота пластинки или с вкладыша к валику, то он дается в круглых скобках: «()». Квадратные скобки указывают на комментарий составителя каталогов: «[]».

В валики, как правило, был вложен вкладыш. Каждый валик находился в отдельном футляре, на котором указан действующий инвентарный номер Фонограммархива ИРЛИ, так как валики были каталогизированы. При работе с ними и составлении сводного каталога учитывались сведения, приведенные в каталоге ФА ИРЛИ, на самих валиках и в тетрадах к ним.

Кроме того, стоит еще раз подчеркнуть, что оба каталога (каталог валиков и пластинок) содержат только информацию из источников, относящихся к архиву В. М. Жирмунского, и не дают сведений о современном состоянии записей. Это особенно важно потому, что при перезаписи звучащего материала на CD стало очевидно, что имеющаяся в архиве информация не всегда соответствует реальным

⁴⁹ Тетради есть не для всех экспедиций.

записям. Так, например, на некоторые валики записано больше песен, чем указано во вкладыше или в соответствующей тетради, а записи на некоторых пластинках не совпадают с указанными на них песнями.

Актуальная информация об имеющихся записях песен из коллекции В.М. Жирмунского содержится в протоколах перезаписи пластинок и валиков с магнитных носителей на цифровые (включая длительность звучания и качество записи). Каталоги же содержат полную информацию о коллекции в ее изначальном виде: так, здесь, например, указаны также и те валики и пластинки, которые в настоящее время числятся утерянными.

5. ОСОБЕННОСТИ ГРАФИКИ, ЛЕКСИКИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИКИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТСКИХ ПЕСЕН

5.1. Колонистские песни как особая группа песен немецких колонистов

Одной из наиболее важных задач фольклористики является характеристика системы художественных форм, составляющих актуальный репертуар определенного коллектива — деревни, округа, этнической группы. П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон обращают внимание на то, что по фольклорному репертуару можно различить не только этнографические и географические коллективы, но и группы, характеризующиеся определенным полом, возрастом, профессией. При этом исследователи сопоставляют подобные фольклорные циклы с профессиональными языками, отмечая, что существуют фольклорные репертуары, принадлежащие одной группе, но предназначенные для слушателей, стоящих далеко от нее, проводя далее параллель с русскими духовными стихами и их исполнителями — каликами перехожими. Авторы пишут: «...Между этим примером полного разрыва производителей и потребителей и диаметрально противоположными случаями, когда едва ли не весь коллектив является одновременно и производителем и потребителем (пословицы, поговорки, анекдоты, частушки, известные жанры обрядовых и необрядовых песен), существует ряд промежуточных типов»¹.

Здесь представляется возможным провести параллель между группами, описываемыми Богатыревым и Якобсоном, и российскими немцами, которые представляли собой достаточно замкнутое национальное сообщество, отличающееся от окружающего населения не только языком, но также и вероисповеданием, культурой, традициями, обычаями

¹ Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Вопросы народного творчества. М.: Искусство, 1971. С. 369–383. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/jacobson1.htm>, свободный. Загл. с экрана.

и, как следствие всего этого, фольклором. А поскольку важнейшие качества фольклорных произведений обусловлены, по мнению Неклюдова, «культурной монолитностью, консерватизмом идеологических традиций и социальных структур тех сообществ, в которых они бытуют»², можно с уверенностью сказать, что в фольклоре немецкого населения в России должны отражаться основные типологические черты исконно немецкого устного народного творчества и возможные следы влияния фольклора окружающего языкового большинства.

Говоря о немецкой народной песне в колониях, В. М. Жирмунский выделяет три слоя песен: 1) старая народная песня XV–XVII вв., которую колонисты привезли с собой из Германии; 2) новая народная песня XVIII–XIX вв., также привезенная немцами с их исконной родины, и 3) колонистская песня, возникшая в России в XIX–XX вв.³ К первой группе относятся многие старинные баллады, переставшие бытовать на территории Германии к моменту посещения ученым немецких поселений в России. Часть из этих баллад Жирмунский переслал Джону Майеру в «Архив немецкой народной песни» во Фрайбурге. Вторая группа песен встречалась в Германии и была достаточно хорошо представлена в сборниках. Последняя группа — колонистские песни — появилась довольно поздно уже на русской земле, сочиняли эти песни люди, скорее всего, владевшие грамотой, т.е. школьные учителя или писцы. Известны имена некоторых авторов: в колониях на Волге называют писца Мих. Франка (кол. Хольштайн), учителя Ф. Книса (кол. Шиллинг), впрочем, В. М. Жирмунский указывает на то, что к данным сведениям надо относиться с большой осторожностью, так как крестьяне называли также авторов из числа известных им людей и для старых немецких баллад⁴.

Распространение новых песен происходило в течение очень короткого для народной песни промежутка времени. Это удивительно, так как колонии находились на значительном расстоянии друг от друга (на Украине, на Волге, возле Невы, в Закавказье). Жирмунский объясняет это тем, что деревенские школьные учителя, а также семьи пасторов путешествовали из одной области в другую, юноши католического вероисповедания с юга учились на пасторов в Саратове, где они встречались с соплеменниками

² Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. 2002. № 3. С. 3–7. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm>, свободный. Загл. с экрана.

³ Schirmunski V. M. Das kolonistische Lied in Rußland (1927/28) / Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München: Südostdt. Kulturwerk, 1992.

⁴ Там же. С. 277.

с Волги, крестьяне и голодающие беженцы с Волги также нередко приезжали в качестве наемных работников к состоятельным крестьянам в причерноморские колонии. Среди прочих причин он называет также совместную военную службу в Закавказье и на турецких фронтах.

Из 13 групп песен, перечисленных ранее, здесь рассматривается группа *Kolonistische Lieder* (колонистские песни, в каталогах под кодом М). Данная группа интересна в первую очередь тем, что в нее входят песни, не привезенные колонистами с исконной родины, а возникшие уже на месте нового проживания немцев. Песни, которые впитали в себя новый исторический, культурный и бытовой фон жизни немцев в России. Всего группа колонистских песен включает 77 типов, многие из которых представлены в нескольких вариантах, всего 189 текстов⁵. Песни этой группы были собраны в разных колониях и областях, на Украине, в Ленинградской области, в Закавказье и на Волге. На Украине записано больше всех колонистских песен — всего 111 вариантов (включая варианты без номеров или с одним номером, но разными мелодиями). Из них 21 запись сделана в Крыму, 9 — в колониях меннонитов, 7 — в Молдавии⁶, 2 — в Запорожье и 2 — под Воронежем. Под Ленинградом записано 58 вариантов различных песен, из них в ленинградских колониях — 40 песен, под Новгородом — 16, под Кингисеппом — две (включая непронумерованные записи). На Волге сделано 15 записей а в Закавказье — 5.

Группа колонистских песен подразделяется на большое количество жанров — это и песни о трагических событиях, смертях и самоубийствах (которые можно сравнить с немецкими *Moritatzen*), о смешных событиях колонистской жизни, четверостишия, песни об истории колонизации в России, военные песни разных периодов — от русско-турецкой до Первой мировой войны и революции. К некоторым песням дается заглавие, которое часто содержит их жанровые характеристики. Наиболее часто встречаются заглавия, относящие песню к жанру солдатских песен, например: *Kriegslied* (М 30 № 1⁷, М 12 № 1, М 6а

⁵ О данной группе песен и о разделении ее на подтипы см. также: *Светозарова Н.Д.* Типы языковых контактов в фольклоре немецких колонистов (По материалам «Архива немецкой народной песни в Ленинграде В.М. Жирмунского») // Научные чтения — 2003: Материалы конференции. СПб., 2004. С. 127–135.

⁶ Песни, записанные в Молдавии, В.М. Жирмунский также относил к украинским записям.

⁷ Шифры песен приводятся согласно кодировке В.М. Жирмунского, где буква обозначает группу или жанр песен, в данном случае М — колонистские песни, цифра — номер сюжета, номер — номер варианта.

№ 1, 2, M 6b № 1, 3), *Kaukasisches Kriegslied* (M 7 № 2), (M 8 № 1), *Ein Brief des jungen Soldaten* (M 7 № 3 (L)), *Aus dem Weltkrieg* (M 7 № 1). Другие же говорят о жанре прощальных песен (как правило, песни о вынужденном переселении), например: *Vertreibung der Deutschen aus Russland* (M 40 № 1), *Die Verjagten* (M 13 № 1). Некоторые заглавия относят песни к любовной лирике, как, например, у одного из вариантов песни *Im dunklen Graschdanka Wald*, повествующей о несчастной и трагической любви двух молодых людей, закончившейся двойным самоубийством: *Heisse Liebe* (M 34 № 3 (L)). Есть песни жанра мори-тат: *Von einer Mordgeschichte* (M 17 № 5), *Ein Schreckenslied* (M 17 № 7), *Eine Sendung aus dem Grabe* (M 33 № 1). Некоторые песни повествуют о каких-либо случаях из колонистской жизни: *Ein Gedicht von der Feuerbrunst beim Meier in Grünau* (M 39 № 1), *Der seltsame Wolostschreiber* (M 36 № 1). Довольно много заглавий, соотносящих песню либо с местом ее возникновения, либо с областью ее наибольшей популярности, например: *Simferopol* (M 29 № 1), *Rastatterlied* (M 24 № 1), *Ревель* (M 21 № 5), *Puga* (M 21 № 7), *Wolinien-Lied* (M 13 № 1 (L)). Есть также заглавия, относящие песню к смешанному немецко-русскому типу: *Vermischtes Lied* (M 22 № 1).

Среди жанров, представленных в колонистских песнях, Э. Йон и Н. Д. Светозарова выделяют в сопоставлении с наименованиями, принятыми во фрайбургском Архиве немецкой народной песни, следующие девять жанров:

- Ballade;
- historisch-politisches Lied;
- Liebeslied;
- Abschieds- und Wanderlied;
- Vierzeiler;
- Soldatenlied;
- Scherz- und Spottlied;
- Auswanderer, Heimatlied, Vermischtes;
- Kunstlied im Volksmund⁸.

В вышедшей позже статье «Spuren der Interkulturalität in Sprache und Lied am Beispiel der Volksliedsammlung V. Schirmunski» Н. Д. Светозарова выделяет меньшее количество, только пять групп песен, связанных друг с другом по содержанию:

⁸ John E., Svetosarowa N. D. Kolonistische Lieder. Bestandkatalog einer Liedgattung aus dem Deutschen Volksliedarchiv Leningrad (Sammlung Viktor Schirmunski). Freiburg i. Br.: Deutsches Volksliedarchiv, 2001.

- Lieder über die Kolonistengeschichte, Vertreibung, Umsiedlung oder Auswanderung (11 типов песен);
- Lieder über Krieg, Wehrpflicht und Mobilisierung (21 тип песен);
- Moritaten, Schreckensgeschichten (5 типов);
- Lieder über das interne Kolonistenleben, satirische (Ortsneckereien) und patriotische Lieder (12 типов);
- Scherzhafte, spielerische Lieder (13 типов)⁹.

Колонистские песни пелись как на новые, так и на известные немецкие или русские мелодии. Наиболее популярной была мелодия русской песни «Стенька Разин», которая была переведена на немецкий язык и исполнялась среди прочих колонистских песен. Но на эту мелодию пелись также и другие песни из группы колонистских, не связанные с текстом «Стеньки Разина», но имевшие грустное или трагическое содержание. Так, на нее записано шесть разных типов песен: *Ach, wie traurig kam die Botschaft...* (М 40 № 1), *Neunzehnhundert einundzwanzig // War für uns ein schweres Jahr* (М 16 № 1), *Manche liegen auf dem Felde...* (М 6b № 3 (L)). Солдатские песни также пелись часто на мелодии русских песен: *Посидел бы я в окопах* (М 6b № 4), *Дело было под Полтавой* (М 7). Несколько раз в коллекции встречается указание на мелодию *Как у наших у ворот*, на которую исполнялись песни разных типов (М 23 № 1, С 39 № 2). Два раза упоминаются мелодии немецких песен *Alle Menschen müssen sterben*, на которую поется песня *Welch ein Schrecken war's im Jahre // Neunzehnhundertvierzehn doch* (М 10 № 1), и *Steh ich in finst'rer Mitternacht* в песне *Das Manifest der Kaiserin* (М 3).

5.2. Смешанные немецко-русские или макаронические песни

Особую группу внутри колонистских песен составляют русско-немецкие смешанные или, как их называет В.М. Жирмунский, макаронические песни. С. Мокульский определяет макароническую поэзию как «вид шуточной поэзии, написанной своеобразным смешанным жаргоном, в котором слова местного языка чередуются со словами языка чужого и подчиняются его морфологическим

⁹ *Svetosarowa N.* Spuren der Interkulturalität in Sprache und Lied am Beispiel der Volksliedsammlung Viktor Schirmunski // *Russlandsdeutsche Kultur: eine Fiktion?* / Hrsg. von H.-W. Retterath / Schriftenreihe des Johannes-Künzig-Institutes. Hrsg. von W. Mezger. Freiburg, 2006. Bd. 7. S. 151.

законам»¹⁰. Далее автор отмечает, что смешение такого рода создает эффект неожиданного контраста и обуславливает комический эффект макаронической поэзии. Данное противопоставление дополняется также пародийным или сатирическим содержанием.

Хотя греко-латинские макаронизмы встречаются уже у Авсония (IV в. н. э.), собственно макароническая поэзия основывается на бытовой практике католического духовенства, когда проповеди на латыни разбавлялись для большей доступности населению словами и целыми фразами на народных языках. Зачатки макаронической поэзии уже в виде сознательного протеста можно найти в пародийно-сатирической поэзии Средневековья, например у вагантов (*Carmina burana*)¹¹. В Германии элементы макаронической поэзии встречаются в сатирико-дидактической сюите в стихах «Das Nartenschiff» (1494) Себастиана Бранта, в послании эльзасских гуманистов в защиту Вимфелинга (1502), в сатирических произведениях эльзасского доминиканца, противника Лютера, Томаса Мурнера — «Grosser Lutherischer Narr» (1522) и «Ketzerkalender» (1527), в некоторых произведениях Ганса Сакса, Линденера («Katzipori»), Кирхгофа («Wendunmut») и других писателей эпохи Реформации.

Дальнейшее развитие макаронической поэзии связано с эпохой позднего Ренессанса в Италии в конце XV в. Здесь особую роль сыграл падуанский студенческий кружок «Massaronea secta». Одним из членов этого кружка был Тифи дельи Одази, автор комической поэмы «Massaronea». Мокульский отмечает, что основным художественным приемом Тифи был «контраст между эпическим гекзаметром, которым написана поэма, и ее смехотворным жаргоном, соответствующим ее низменной тематике»¹². Развитие макаронического стиха продолжил Теофило Фоленго (1496–1544), главное произведение которого, объемная бурлескно-пародийная поэма «Massaronea», или «Baldus» (изд. 1-е, 1517; 2-е, знач. дополн., 1521), представляет сатиру на рыцарство, монашество и администрацию. От названия комико-сатирического сборника «Макаронии» получили название макароническая латынь и макароническая поэзия.

¹⁰ Мокульский С. Макароническая поэзия // Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1929–1939 // М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. энцикл.», 1932. Т. 6. С. 709–713.

¹¹ Carmina Burana. Lieder aus Benediktbeuren. Указ. соч.

¹² Мокульский С. Макароническая поэзия... С. 709.

Продолжение развития макаронической поэзии связано с Западной Европой. Во Франции данный стиль использовали Франсуа Рабле (1494–1553) и Жан-Батист Мольер (1622–1673). Но подлинным создателем макаронической поэзии во Франции был Антуан де ла Сабль, писавший под латинизованным псевдонимом Antonius Arena. Этому автору принадлежат бурлескные политические поэмы «*Meugra entrepriza catholiqui imperatoris*» (1537) и «*Poema macaronicum de bello hugonotico*». В Англии элементы макаронической поэзии встречаются у Джона Скелтона (1460–1529) и у Вильяма Дреммонда (1585–1649). В Германии макаронический стих развивал переводчик и подражатель Рабле, протестантский поэт-сатирик Иоганн Фишарт (1545–1591). Наивысшего расцвета макароническая поэзия достигла в Германии в анонимной бурлескной поэме о блохах («*Floia, cortum versicale de floiis schwartibus*», 1593).

С начала XIX в. макароническая поэзия практически исчезла, что было связано с вытеснением латыни из культурного обихода. В России макароническая поэзия в собственном смысле слова никогда не была особенно развита по этим же причинам. Однако в более широком понимании к макаронической поэзии можно отнести несколько произведений. Среди них украинская «Энеида» Ивана Петровича Котляревского (1769–1838) и шутливая поэма Ивана Петровича Мятлева (1796–1844) «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже». В «Энеиде» Котляревского¹³ встречаются стихи, состоящие из украинских и латинских слов (часть IV):

Енеус ностер магнус панус
І славний троянорум князь,
Шмигляв по морю як циганус,
Ад те, о рекс! прислав нунк нас.
Рогамус, доміне Латине,
Нехай наш капут не загине,
Пермітте жить в землі своїй,
Хоть за пекунії, хоть гратіс,
Ми дяковати будем, сатіс
Бенефіценції твоєї¹⁴.

¹³ Котляревский И. П. Энеида. М.: Гос. изд. худ. лит.; 1953. 152 с.

¹⁴ Энеус, ностер магнус паннус
И славный троянорум князь,
Шнырял по морю, как цыганус,
Ад те, о рекс! прислал нунк нас,

В поэме Мятлева¹⁵ высмеивается преклонение малокультурной части дворянства перед всем иностранным и увлечение французским языком. Стихи поэмы Мятлева представляют собой смесь русских и французских слов, написанных кириллицей, что усиливает комическое впечатление:

Вот в дорогу я пустилась:
В город Питер дотащилась
И промыслила билет
Для себя, э *пур* Анет,
И *пур* Харитон *ле* медник.
Сюр ле пироскаф «Наследник»
Погрузила экипаж,
Приготовилась в *воаж*.

Смешение немецкого и русского языков можно найти в известном стихотворении Д. Бедного «Манифест барона фон-Врангеля»:

Ихь фанге ан! Я нашаю.
Эст ист для всех советских мест,
Для русских люд из краю в краю
Баронский унзер манифест.
Вам мой фамилий всем известный:
Ихь бин фон Врангель, герр барон.
Я самый лючший, самый шестный
Есть кандидат на царский трон...

И. Бродский также пользуется данным приемом и смешивает немецкий и русский языки в стихотворении «Два часа в резервуаре»:

1 Я есть антифашист и антифауст.
Их либе жизнь и обожаю хаос.

Рогамус, домине Латине,
Пускай же капут наш не сгинет,
Пермитте жить в земле своей
Хоть за пекунии, хоть гратис;
Мы благодарны будем сатис
Бенефициции твоей.

(Пер. К. Худенского)

¹⁵ Мятлев И. П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой // Стихотворения: Библиотека поэта. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1969.

- Их бин хотеть, геноссе официрен,
Дем цайт цум Фауст коротко шпацирен.
- 2 Не подчиняясь польской пропаганде,
Он в Кракове грустил о Фатерланде...
Эгоцентризма. Боевая хитрость,
Которой отличался Клаузевиц,
Была ему, должно быть, незнакома,
Поскольку фатер был краснодеревец.
- 3 Цумбайшпиль, бушевала глаукома,
чума, холера унд туберкулезен.
Он защищался шварцен папиросен...
Немецкий человек, немецкий ум.
Тем более когито эрго сум.
Германия, конечно, юбер аллес.
(В ушах звучит знакомый венский вальс.) <...>¹⁶

Смешанные немецко-русские песни составляют в коллекции В.М. Жирмунского особую подгруппу внутри колонистских песен. Появление русско-немецких песен связано с развитием билингвизма в среде российских немцев. В результате данного процесса возникла новая фольклорная традиция, основанная на видоизмененной старой. К смешанным колонистским песням можно отнести как песни с чередованием строк на русском и немецком языках, так и песни с единичными вкраплениями русских слов или, наоборот, написанные целиком или почти целиком на русском языке, но с явным влиянием немецкого¹⁷.

Двуязычные песни всегда носят юмористический характер, при этом значительную роль в достижении юмористического эффекта играет параллельное употребление как русских, так и немецких слов либо внутри строки, либо в виде чередующихся строк на русском и на немецком языках. Жирмунский указывает на то, что, судя по содержанию, данные песни возникли не среди колонистов, а в мелкобуржуазных городских кругах, например песни *Winter-* и *Sommerzeit* (действие которых происходит в городе и его окрестностях) среди петербургских немцев. Иногда автором песни *Sommerzeit* называют Мих. Франка (кол.

¹⁶ Есть публикация данного стихотворения в электронном виде: *Немиров М.* Варваризмы // Русский журнал. 2001. 2 ноября. Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/20011102n.html>, свободный. Заглавие с экрана.

¹⁷ См. примеры в Приложении 4.

Хольштайн), но это спорно, учитывая то, что действие данной песни происходит в Петербурге. Сотрудник фрайбургского Архива немецкой народной песни, Экхард Йон, затрагивающий вопросы авторства колониетских песен в своей статье «‘Da amüsiert der Nemez sich’ (die ‘kolonistischen Lieder’ der Russlanddeutschen)», также оставляет данный вопрос открытым¹⁸.

Песни записывались собирателями либо на слух, либо переписывались из песенников колониетов. Из исследованных вариантов многие взяты из песенников, о чем говорит дополнительная запись в конце машинописного текста — *Liederheft*. Из них 12 текстов записаны самим Жирмунским: 1 — в 1924 г. в Ленинградской колонии *Neu-Saratowka*; 1 — в 1926 г. в колонии *Hoffnungstal* на Украине; 9 — в 1927 г. в колониях *Neu-Saratowka* (шесть текстов) и *Kamenka-Wolkowo* (один текст) под Ленинградом, *Libental* на Украине (один текст), *Darmstadt* в Крыму (один текст); один — в 1929 г. в колонии *Fröhliche Kolonie* под Ленинградом. Остальные девять текстов, взятые из песенников колониетов, записаны в основном учениками Жирмунского: Т. В. Сокольской (Строевой) — три текста в 1930 г. в украинских колониях *Eingenfeld* и *Marienfeld*, С. А. Акулянец — два текста в 1930 г. в молдавской колонии *Glückstal*, Э. Иогансон — один текст в 1927 г. в ленинградской колонии *Ofzino*, О. Дурново — один текст в 1929 г. в ленинградской колонии *Strelna*, Н. Яхонтовой — один текст в 1930 г. в молдавской колонии *Glückstal* и один текст прислан Жирмунскому в 1928 г. из Украины Артуром Марксом¹⁹. Остальные песни записывались собирателями на слух. Данное разделение песен на те, которые были взяты из песенников или записаны на слух, очень важно, в особенности в отношении всего, что касается графики. Колонисты вполне могли не владеть орфографией, т. е. всем сводом правил написания, и писать фонетически, т. е. то, что слышится, пользуясь при этом правилами графики, а не орфографии. Собиратели, конечно, владели орфографией, и русской, и немецкой, но через ее нарушение могли сознательно передавать определенные фонетические особенности.

Три песни — М 67 № 1, М 72 № 1 и М 74 № 1 — приводятся полностью или почти полностью на русском языке. При этом песня М 74 № 1

¹⁸ John E. «Da amüsiert der Nemez sich». Die «kolonistischen Lieder» der Russlanddeutschen // Lied und populäre Kultur / Song and Popular Culture 48. Freiburg i. Br., 2003.

¹⁹ См. таблицу, приведенную в Приложении 3.

представляет собой балладу на русском языке «Три путника в гости к старушке зашли» без какого-либо влияния со стороны немецкого языка. Песня М 72 № 1 (L) относится к жанру четверостиший, также без интерферирующего влияния немецкого языка, но с немецким зачином. Первая строка данной песни записана латиницей и звучит следующим образом: «Енеcke, benecke, sickle-sa!» Другие строки записаны кириллицей. В отличие от двух предыдущих песен запись М 67 № 1 содержит довольно много отклонений от норм русского языка, некоторые из которых объясняются особенностями русской разговорной речи (например, форма глагола *бежать* в повелительном наклонении — *бежите* во фразе «Вы бежите, принесите // Мне букетик и цветов»), другие — интерферирующим влиянием немецкого языка (например, отсутствие личного окончания (род. пад. мн. числа) у слова *комплимент* во фразе «Вы, пожалуйста, не шутите // И не стройте комплимент»). Кроме того, в данной песне, состоящей из семи строф, в шестой строфе две строки начинаются по-немецки:

По французски я не знаю,
По немецки напишу:
Viel verlangen я не смею,
Dich zu lieben я прошу.

Здесь исследуются фонетические, лексические и некоторые грамматические особенности смешанных немецко-русских песен, обусловленных взаимовлиянием русского и немецкого языков. Хотя исполнители песен и были носителями смешанных островных диалектов, язык колониетских песен близок к норме, особенно на уровне лексики и грамматики. Диалектные черты проявляются лишь фрагментарно, в первую очередь в области фонетики. Среди колониетских песен есть лишь две записи на смешанном диалекте. Это песни М 27 № 1 и М 59 № 1 (Т):

1. Drunne kommt ä Russl gfare
Mit ä Rukawitza.
Hat ä verrissenes Pelzl a:
Это не годится.
2. Drunne kommt ä Russl gfare
Mit ä lange Droschke.
— Куда едеш? — На базар.
— Привези картошку.

М 27 № 1

Je, je, schlappasa!
Dort oba kommet Russa ra
Mit era langa Drotschka.
Gib mer a paar Kartoschka.

М 59 № 1 (Т)

Данные примеры представляют собой жанр шутивых песен, близких к русским частушкам. Для этого жанра типично исполнение на диалекте в отличие, например, от баллад или любовных песен. В коллекции В. М. Жирмунского есть несколько групп песен, в которых также заметно влияние смешанных островных диалектов. Это группы С (Schwänke, Ehestandslieder, scherzhafte Lieder), Е (Rätsellieder, Lügenlieder, Streitgeschichten), I (Vierzeiler), К (Trink- und Schlemmerlieder). В группе «колониетские песни», как уже сказано выше, черты диалекта проявляются лишь фрагментарно. Вопрос о диалектном влиянии в колониетских песнях является достаточно сложным, так как нет точных данных о диалектной принадлежности всех исполнителей. Можно опираться на работы, исследующие диалекты немцев в разных областях России в разное время²⁰, проводя сопоставительный анализ имеющихся диалектных особенностей и сопоставляя тексты с диалектными материалами экспедиций Жирмунского, хранящимися в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Однако данная задача не является первоочередной в настоящем исследовании, в связи с чем ссылки на диалектные особенности смешанных немецко-русских колониетских песен будут делаться фрагментарно, в наиболее ярких примерах.

5.3. Особенности графики смешанных колониетских песен

Среди имеющихся в коллекции Жирмунского аудиозаписей довольно мало колониетских песен (всего 36 записей колониетских, среди них — 11 записей смешанных немецко-русских песен). Кроме того, звучащая часть коллекции сохранилась очень плохо. Записи делались В. М. Жирмунским, его учениками и коллегами на восковые пластинки или валики, которые долгое время хранились в Фонограммархиве ИРЛИ. Как известно, воск является достаточно мягким материалом, который может изменить форму под влиянием таких факторов, как тепло или давление, к тому же на качество записей очень влияет то, сколько раз их проигрывали. Записи из фонда В. М. Жирмунского не поддаются

²⁰ См. раздел 2 «Немецкие колонии как языковые острова на территории России».

на сегодняшний день осциллографическому анализу, так как количество шумов значительно его затрудняет. Даже новейшие средства по удалению шума и вычленению тона не облегчают задачу, как это показали попытки шумоочистки во время переноса записей на цифровые носители. Перцептивный анализ возможен, хотя и не всегда, и с большими затруднениями. В некоторых случаях лишь наличие текста позволяет опознать те или иные слова песни. Кроме того, нельзя забывать, что собиратели записывали на фонограф только несколько первых строк песни. Это было связано с необходимостью экономить место на пластинке или на валике. Исследователи старались записать зачины возможно большего числа типов песен, а количество пластинок и валиков было ограничено. Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева указывают на то, что экспедиции часто осуществлялись инициативной группой под руководством В. М. Жирмунского на собственные средства и в свободное от работы время.

Как уже говорилось выше, записи текстов песен, имеющих в коллекции, имеют разное происхождение. Иногда они велись собирателем со слуха или под диктовку реципиента, иногда переписывались из песенников колонистов на месте сбора песен или после того, как их пересылали В. М. Жирмунскому. Таким образом, мы имеем дело с несколькими раз переписанными текстами, а значит, не можем исключать личностного фактора и возможных ошибок или опечаток. Однако не стоит забывать, что в группе В. М. Жирмунского работали опытные германисты и фонетисты, задачей которых была максимально достоверная передача данных. В некоторых случаях на полях текстов даже есть примечания, проясняющие неслучайное появление той или иной буквы, слова, формы или грамматической конструкции.

После проверки всех примеров, обсуждающихся в данном разделе, на их принадлежность к песеннику или тексту, записанному собирателем, выяснилось, что почти все они взяты из текстов песенников колонистов и лишь немногие из них — из песен, записанных собирателями на слух²¹, что говорит о том, что при сборе песен исследователи придерживались все-таки правил орфографии, отклоняясь от них лишь в наиболее явных случаях и не стремясь к фонетическому написанию. И наоборот, песенники фиксируют, очевидно, фонетическое написание, отражающее реальное произношение немецких колонистов.

²¹ Такие примеры будут отмечаться знаком астериск (*).

5.3.1. Графическое отражение особенностей консонантизма языка смешанных колониcтских песен

Говоря о фонетических особенностях системы согласных языка немецких колониcтов, напомним об основных различиях систем согласных русского и немецкого языков. В литературном немецком языке согласных фонем намного меньше (23 фонемы), чем в русском языке (35 фонем). Это объясняется тем, что в русском языке твердость и мягкость согласных являются фонематическими признаками. Почти все русские согласные находятся в оппозиции твердый (непалатализованный) — мягкий (палатализованный). Исключение составляют твердые звуки /š/, /ž/ и /с/ и мягкие /č/ и /j/, которые не участвуют в противопоставлении по твердости/мягкости в русском языке. В немецком языке отсутствует противопоставление твердых и мягких согласных. Кроме того, в немецком языке помимо губных и язычных согласных имеются еще увулярные (язычковые) и фарингальные (глочные). Общим для немецкого и русского языков является противопоставление звонких и глухих согласных, однако здесь тоже есть некоторые расхождения. Глухие немецкие согласные отличаются от русских большей силой воздушной струи. У глухих смычных эта особенность проявляется в виде придыхательности. Немецкие звонкие согласные отличаются от русских неполной звонкостью (или даже отсутствием голоса, противопоставляясь парным глухим по силе воздушной струи). Вибрация голосовых связок сопровождает артикуляцию звонкого согласного в русском языке от начала до конца, поэтому согласный звук является звонким на всем протяжении его звучания. В немецком языке при произнесении звонких согласных действие голосовых связок несколько запаздывает и начало согласного оказывается глухим. Для смычных согласных неполная звонкость выражается в глухой смычке и звонком взрыве. Русский /j/ относится к группе сонантов и не имеет соответствия в виде глухого звука. Немецкий /j/ является шумным звонким и выступает в паре с глухим /ç/. Немецкие сонанты /m/, /n/, /l/ отличаются от русских большей напряженностью и длительностью. Кроме того, немецкому языку в отличие от русского несвойственны удлинённые согласные, которые произносятся в русском языке при двойном написании согласной буквы (не только на границе морфем, но в отдельных случаях и внутри морфемы). В немецком языке двойное написание согласной буквы является показателем краткости предшествующего гласного, а удлинение согласного возможно лишь на стыке морфем, если конец одной морфемы и начало другой представлены одинаковыми звуками.

Описанные особенности характерны для литературного немецкого языка, который был распространён в немецких колониях благодаря

влиянию школы, церкви и необходимости общаться с жителями других колоний, носителями островных диалектов. Некоторые наиболее явные диалектные особенности, нашедшие отражение в сфере фонетики, будут рассмотрены отдельно.

К основным особенностям консонантизма русских немцев, нашедших отражение в графике смешанных колониистских песен, относятся следующие:

- замена звонких согласных на глухие и, наоборот, замена глухих на звонкие (как в русских, так и в немецких словах);
- непоследовательное обозначение мягкости русских согласных в написании кириллицей или латиницей;
- фиксирование просторечного произнесения.

В текстах встречаются также единичные случаи выпадения одних согласных и подстановки других и замены одного согласного другим, не всегда сходным по своим основным характеристикам.

I. Графическое отражение замены сильных глухих согласных на слабые звонкие

1. Глухие (сильные) смычные согласные /p/, /t/, /k/ заменяются на звонкие (слабые) смычные /b/, /d/, /g/ как в немецких, так и русских словах. Рассмотрим, например две наиболее популярные смешанные колониистские песни «Winterzeit» (вариант М 19 № 1 (L)) и «Sommerzeit» (варианты М 20 № 4 (L), М 20 № 7)²².

В немецких словах	В русских словах
I. Die angenehme <i>Winderzeit</i> ²³ Ist очень хорошо. Es ist bisweilen windig <i>kald</i> ...	Непойсь будет <i>деп</i> ло... М 19 № 1 (L)
VII. Und hat man nun in sein карман Ein volles <i>Bordmane</i> , Hält man beim alten Müller an Auf <i>Betersburg-Schosse</i> .	Und mach mit meiner <i>Duschinga</i> Ein Russchen <i>газачка</i> . М 19 № 1 (L)
	VI. An jedem <i>Бразник</i> ist es jetzt Народа <i>тезнада</i> Die Eisenbahn ist so besetzt Что просто <i>Брад</i> педа...

²² В данных вариантах указанная фонетическая особенность проявляется наиболее ярко.

²³ Курсивом выделены слова с данной фонетической особенностью, жирным шрифтом — замененные согласные.

В немецких словах	В русских словах
VIII. Und findt man dort ein guter Freund So steht der Bunsch bereit. Ist das nicht очень хорошо Bei kalder Winderzeit IX. Musig играть das hör ich gern. Ist wahr und правата... М 19 № 1 (L) ...есть отличный Драктиров ... М 20 № 4 (L)	VIII. Дам есть отличный... Nach Franzosen Fuss dahin. IX. ...Идет Кубеческий сынок Die reiche Braut zu sehn. М 20 № 4 (L) Und da ruft man: «Iswoschtschik bodwot dawai». Und fährt büschkom damoi. М 20 № 7

В немецких словах замена происходит в следующих позициях²⁴:

- в начале слова или корня: **Bunsch** ‘Punsch’ — М 19 № 1 (L), № 2 (L), **Wolfsbels** ‘Wolfspelz’ — М 19 № 1 (L), **Betersburg-Schosse** ‘Petersburger Schosse’ — М 19 № 1 (L), **Драктиров** ‘Traktierhof’ — М 20 № 4 (L), **Bordmane** ‘Portmonee’ — М 19 № 1 (L), **bochot** ‘поход’ — М 23 № 1. Сюда также относится имя собственное **Garluscha** ‘Карлуша’ (Nur Garluscha nicht versagt // Besser wird er künftig... Wenn Garluscha tausend Rubel hat, // fährt er nach Krestowski (М 32 № 1 (L)));
- после сонорного согласного: **Winderzeit** ‘Winterzeit’ — М 19 № 1 (L), **Bordmane** ‘Portmonee’ — М 19 № 1 (L), **mergt** ‘merkt’ от ‘merken’ — М 19 № 1 (L), **Birgengwas** ‘Birkenquast’ — М 19 № 1 (L), **kalder** ‘kalter’ — М 19 № 1 (L);
- на конце слова: **kald** ‘kalt’ — М 19 № 1 (L), **Musig** ‘Musik’ — М 19 № 1 (L).

В русских словах замена происходит:

- в начале слова: **депю** — М 19 № 1 (L)/**дебю** — М 19 № 2 (L) ‘тепло’, **добу** ‘топи’ — М 19 № 2 (L), **газачка** ‘казачка’, ‘казачок’ (танец) — М 19 № 1 (L), **Bawowski** ‘Павловский (вокзал)’ — М 20 № 7, **bodwot**/**Botwot** ‘подвода’ — М 20 № 7, **büschkom** ‘пешком’ — М 20 № 7, **Biroschki** ‘пирожки’ — М 20 № 7; **Бразник** ‘праздник’ — М 20 № 4 (L);
- после сонорного или звонкого согласного перед гласным: **Duschinga** ‘душенька’ — М 19 № 1 (L), **Pawowski** ‘Павловский (вокзал)’ — М 20 № 1 (L);

²⁴ Выборка примеров здесь и далее дается по всем смешанным колониcтским песням.

- после гласного перед сонорным или звонким согласным: *дебло* 'тепло' — М 20 № 4 (L); *тебло*, *сведло* 'светло' — М 20 № 1 (L), *Ледней сад* 'Летний сад' — М 20 № 2 (L), *тезнада* во фразе «Народа тезнада» 'Тьма народа' или 'Много народа, теснота' — М 20 № 4 (L), *bodwot* 'подвода' — М 20 № 7;
- после гласного перед глухим согласным: *рузской* во фразе «По *рузской* духов день» 'По-русски — Духов день' — М 20 № 4 (L);
- на конце слова: *Брад* 'брат' — М 20 № 4 (L);
- в начале слова: *дам* 'там', *дебло* 'тепло' — М 20 № 4 (L); *добу* 'топи' во фразе «Slüsch ты, guft man dem Petschnik zu // Скорей мой печь добу» — М 19 № 2 (L);
- в интервокальном положении: *тезнада* 'теснота' — М 20 № 4, *Кубеческий* 'купеческий' — М 20 № 4 (L), *добу* 'топи' — М 19 № 2 (L).

В написании отражается также типичная для русского языка регрессивная ассимиляция по звонкости. Так, после гласного перед звонким согласным пишется *g* вместо *k*: *Wagsall* 'вокзал' — М 20 № 7.

Надо сказать, что данные изменения происходят не во всех песнях, а в основном в тех, которые записаны в колонии Ново-Саратовка под Ленинградом. В песнях, записанных в данной колонии, замена сильных глухих согласных на слабые звонкие происходит последовательно, в указанных нами позициях, а не только в единичных случаях, что позволяет с достаточной степенью уверенности утверждать, что данная особенность была характерна для произношения немцев в данных колониях и не является результатом описки автора или переписчика.

Л. Э. Найдич, исследовавшая немецкие колонии под С.-Петербургом на материале живой речи, отмечает среди характерных особенностей консонантизма в колонии *Neu-Saratowka*²⁵ полное отсутствие звонких смычных согласных и наличие двух типов глухих — аспирированных и не аспирированных. Результаты ее исследования дают нам возможность предположить, что при помощи букв *b, d, g* в текстах обозначены неаспирированные слабые /p/, /t/, /k/, а буквами *p, t, k*, наоборот, — аспирированные.

Что касается русских слов, то, возможно, что в позициях, где особенно четко проявляются характеристики немецких сильных глухих согласных, за счет их аспирации, т. е. в начале слова или корня, написание букв *d (b, g)* свидетельствует о неразличении немцами русских

²⁵ Здесь названия колоний даются на немецком языке, как это соответствует практике В. М. Жирмунского.

глухих и звонких согласных из-за их слишком «слабого» произнесения (в частности, из-за отсутствия сильной аспирации в абсолютном начале).

Замена глухих /p/, /t/, /k/ на звонкие /b/, /d/, /g/ наблюдается также в единичных примерах в колониях *Hoffnungstal* под Одессой и *Glückstal* в Молдавии. Однако единичность примеров не позволяет делать обобщающих выводов.

2. Кроме того, в рассмотренных песнях встречается также графическое фиксирование замены глухого щелевого переднеязычного /s/ на звонкий щелевой переднеязычный /z/ в конце слова и после гласного перед сонорным в русских словах: *дершиз* ‘держись’ во фразе «Bei wunderschönen Schlittenbahn // Geht’s dann, но, брат, *дершиз*» — М 19 № 2 (L), *тезнада* ‘теснота’ — М 20 № 4. А также — один раз перед глухим согласным: *по рузской* ‘по-русски’ во фразе «Und auch am zweiten Pfingstentag, // По *рузской* духов день» — М 20 № 4 (L).

3. Замена глухого переднеязычного щелевого срединного шумно-го /š/ на звонкий того же места и способа образования /ž/ в слове *даж* ‘дашь’ во фразе «А денек *даж*, так будет Bier, // Dass man erstaunen muss» — М 20 № 4 (L).

II. Графическое отражение замены слабых звонких согласных на сильные глухие

В качестве примеров приведем отрывки из двух вариантов одной из наиболее популярных смешанных колониcтских песен — «Winterzeit» (М 19 № 1 (L) и М 19 № 2 (L)), записанных в Ново-Саратовке²⁶.

I. *Ненойсь* будет депло...

V. Kommt man denn auf die Strass hinaus,

So steht сани готов.

Man fragt: Извозчик, что *переш*. —

Und setzt sich schnell darauf

VI. Извозчик ruft die Pferde an:

Пошел и *перекись*. —

Beim wunderschönen Schlittenbahn

Geht’s dann — ты брат *тершись*.

М 19 № 1 (L)

²⁶ В данных вариантах указанная фонетическая особенность проявляется наиболее ярко.

II. ...Er (печник. — Л. II.) antwortet: Сейчас **котов**,
Es soll sogleich geschehn.

III. ...Da ruft man nur: **Тверь** отвори.
Schnell hat man frische Luft.

IV. Und hat man Lust **кулять** zu gehen,
So muss шубы herbei.

V. Kommt man dann auf die Strasse hinein,
So steht er schon **котов**.

Man fragt: извозчик, что **перешь**.
Und setzt sich schneller drauf.

VI. Извозчик ruft die Pferde an:
Пошел, эй, **перекись**.

Bei wunderschönen Schlittenbahn
Geht's dann, но, брат, **дершиз**.

М 19 № 2 (L)

Говоря о фиксировании глухого произнесения звонких согласных в русских словах, можно выделить несколько особенностей, отличающих друг от друга причинами своего возникновения:

1. Замена слабых звонких смычных /b/, /d/, /g/ на глухие сильные /p/, /t/, /k/ того же места образования происходит за одним исключением (**Krad** 'Grad' — М 19 № 1 (L)), только в русских словах в двух позициях:

- в начале слова: **котов** 'готов' — М 19 № 2 (L) (2 раза), **кулять** 'гулять' — М 19 № 2 (L), **перекись** 'берегись' — М 19 № 1 и 2 (L), **перешь** 'берешь' — М 19 № 1 (L), **перешь** — М 19 № 2 (L), **панки** 'играть в бабки' — М 21 № 1 (L); **Тверь** 'Дверь' — М 19 № 2 (L), **тершишь** 'держись' — М 19 № 1 (L), **неда** 'беда' — М 20 № 4 (L), **Семляки** 'земляки' «Und auch der Kaufmann mit dem Bart, und seine Семляки» — М 20 № 4 (L);
- в интервокальном положении: **перекись** 'берегись' — М 19 № 1 (L), **непойсь** 'небось/не бойсь' — М 19 № 1 (2 раза), **малатецкой** в сочетании «Парень малатецкой» 'парень молодецкий'/'мóлодец' — М 32 № 1 (L), **ситя** 'сидя' во фразе «Ситя точас в Трактир» — М 20 № 4 (L).

Поскольку данная особенность отмечена почти исключительно в русских словах, она, очевидно, связана с недоразличением такого признака русских согласных, как глухость/звонкость, основанного на наличии тона, в отличие от немецкого языка, где данное противопоставление зависит от силы выдыхаемой воздушной струи.

2. Графическое фиксирование оглушения звонких согласных:

- После глухого согласного, как показатель свойственной немецкому языку прогрессивной ассимиляции согласных по глухости: *Воксал* 'вокзал';

Von dort geht es den graden Strich

Nach Павловский Воксал.

М 20 № 4 (L)

- фиксирование оглушения звонких согласных в позиции на конце слова, которое свойственно как немецкому, так и русскому языку: *назам* 'назад' — М 20 № 4 (L), *денек* 'денег' — М 20 № 4 (L), *sdorof* 'здоров' — М 19 № 5, *bochot* 'поход' — М 23 № 1.

3. Графическая фиксация замены переднеязычного щелевого срединного шумного звонкого /ž/ и на глухой того же места и способа образования /š/. Данная особенность отмечена в русских словах в позиции после сонорного перед гласным: дершиз — М 19 № 2 (L), тершись — М 19 № 1 (L), dјerschis — М 19 № 5.

Основная масса примеров опять приходится на колонию Ново-Саратовка. Учитывая то, что в этой же колонии в позиции начала слова в русских словах была столь же часто отмечена замена на звонкий согласный, можно сделать вывод о том, что это связано, скорее всего, с тем, что русские согласные, различающиеся по глухости/звонкости, не противопоставляются в отличие от немецких столь явно по силе/слабости, что приводит к их неразличению или к непоследовательной дифференциации в языке немецких колонистов.

Кроме того, что, как уже говорилось выше, в данной колонии отсутствовали звонкие смычные согласные, а были только глухие, противопоставленные по признаку придыхательности. Значит, можно предположить, что непридыхательные обозначались колонистами (если текст взят из песенной тетради) или собирателями (если песня записана со слуха) при таком противопоставлении буквами *b, d, g*, а придыхательные — буквами *p, t, k*.

Что касается замены согласного /ž/ на глухой того же места образования в позиции после сонорного перед гласным, то необходимо отметить, что данный согласный не входит в систему согласных фонем немецкого языка и присутствует в немецком языке только в заимствованных словах (*Genie* [ʒeˈni:], *Etage* [eˈtaːʒə]).

Помимо перечисленных выше в текстах песен нашли также отражение некоторые другие особенности, которым нельзя дать однозначного толкования. Интересна в этом смысле рифма *денег* и *König*: «Er

gab mir hundert Rubel *денег* // Und einen Ordensband dazu // Теперь живу я, wie ein *König*, // В своем отечестве»²⁷ (М 21 № 6*)²⁸. В целом, в песенном творчестве немецких колонистов в песнях смешанного характера рифмуются, как правило, немецкие слова с немецкими, а русские — с русскими. Рифма немецкого и русского слова является очень редкой и дает несколько возможностей толкования, учитывая то, что мы имеем дело лишь с графикой. Во первых, это может говорить о замене смычного на щелевой в слове *денег*. Во вторых, вполне возможно частое на территории Германии произнесение /ik/ в конце слова вместо /iç/. В третьих, сохранение как типичного русского, так и литературного немецкого произношения, с неполной рифмой слов *денег* и *König*.

III. Обозначение твердости/мягкости согласного

В отличие от русского языка твердость или мягкость согласного не является в немецком языке фонематическим признаком. С этим связано довольно часто встречающееся в исследуемых текстах неразличение немцами твердых и мягких русских согласных в употребляемых ими русских словах:

Und wenn die Stube heiser (=heisser)
Als wie man es gehofft,
Dann ruft man nur — *Дверь* отвори. —
Schnell hat man frische Luft.

М 19 № 1 (L)

1. Как правило, такое неразличение происходит, когда русский мягкий согласный находится в абсолютном конце слова, и выражается в написании отсутствием мягкого знака. При этом причины такого обозначения могут быть разными у колонистов и у собирателей песен. В текстах, взятых из песенников колонистов, отсутствие мягкого знака говорит не только о фонетическом написании, но и о неразличении твердости/мягкости русских согласных как фонематического признака. В текстах, записанных собирателями, отсутствие мягкого знака, вероятно, не случайно и говорит о твердом произнесении согласного:

²⁷ Скорее всего, здесь имеет место опечатка или описка (= в своем отечестве), так как пример единичный.

²⁸ Знаком * здесь и в дальнейшем обозначаются примеры из текстов, записанных собирателями на слух.

— *Двер* ‘дверь’ — М 19 № 1 (L), *двер* — М 19 № 3 (L)*, *Dwer* — М 19 № 5, *гулям* ‘гулять’ — М 19 № 1 (L), *otschen* ‘очень’ — М 19 № 5 (2 раза), *nebois* ‘небось’/‘не бойсь, не бойсь’ — М 19 № 1 (L) (3 раза), М 19 № 2 (L), *opjat* — М 19 № 5 (Glückstal), *Russ* — М 21 № 1, М 21 № 6*, *Русс* — М 21 № 5*, М 21 № 10 (+ 2 раза Russland — М 21 № 7 и 11*). Впрочем, в последнем примере за основу было взято, скорее всего, не русское имя собственное — *Русь*, так как тогда оно было бы написано с одним *с* и без мягкого знака: *Рус* по аналогии с другими подобными случаями. За основу была взята, скорее всего, первая часть немецкого слова *Russland*, которое встречается в этой строфе в двух вариантах этой же песни. Данное предположение подтверждает также написание данного слова: *Russ* или кириллицей *Русс*.

— В отдельную группу выделяются глаголы в форме повелительного наклонения на *-сь*, так как старомосковская норма и некоторые диалекты русского языка позволяют в данном случае и твердое произнесение конечного согласного. Поэтому сложно сказать, с каким явлением мы сталкиваемся в данном случае, с влиянием родного немецкого языка или языка окружения. Например: *beregis* ‘берегись’ — М 19 № 5, *djerschis* ‘держись’ — М 19 № 5. Сюда же относится и глагол *парис* в значении ‘Парься!’ (в бане веником — «Paris mit frischem Birkequast» — М 19 № 1 (L)), *paris* — М 19 № 5, *парис* — М 19 № 1 (L), форма императива которого образована по аналогии с предыдущими примерами.

— Отдельно стоит рассматривать те случаи, когда отсутствующий мягкий знак выполняет грамматическую, а не фонетическую функцию, т.е. не является показателем мягкости согласного, например, после твердого *ш*: *переш* ‘берешь’ — М 19 № 1 (L).

— Спорными являются причины отсутствия мягкого знака на конце слова после *ч* в существительном *печь*. Русский согласный /č/ является мягким непарным звуком, поэтому было бы неправильно говорить здесь о неразличении фонематического противопоставления по твердости/мягкости. Однако немецкий согласный, аффриката /tʃ/ является в отличие от русского твердым звуком, поэтому в данном случае отсутствие мягкого знака можно было бы объяснить фиксированием твердого произнесения данного звука: *печ* — М 19 № 1 (L). Этот и следующие примеры взяты из текстов, перепечатанных собирателями из песенников колониcтов, поэтому они не являются намеренным указанием на особенности произношения. Второй пример *Petsch* — М 19 № 5 написан латиницей, поэтому говорить здесь об отсутствии мягкого знака не приходится, апостроф после конечного согласного мог бы

свидетельствовать о намеренном указании на фонетические особенности русского слова, но такие примеры в песнях достаточно редки.

2. Как показатель твердости предшествующего согласного могут употребляться разные графические обозначения.

— Написание буквы *ы* вместо *и*: *увывал* 'убивал' — М 21 № 10. Буква *и*, обозначающая звук /i/, стоит в русском языке всегда после мягких согласных и служит для обозначения их мягкости. Буква *ы*, наоборот, обозначает звук /ɨ/, отсутствующий в немецком языке и произносимый в русском языке после твердого согласного. Об этом писали многие лингвисты, например Л. В. Бондарко в книге «Фонетика современного русского языка»: «...По существу, невозможность мягких согласных перед /ɨ/ и твердых перед /i/ — единственный абсолютный запрет для сочетаний CV (*согласный + гласный*. — Л. П.)»²⁹.

— В некоторых случаях после согласного стоит твердый знак: *конѣ* (М 21 № 6* — Memrik, Mariupol), но данное обозначение является, скорее всего, отголоском старой русской орфографии, до реформы русского правописания 1917–1918 гг.³⁰

3. Неразличение мягкости согласных в русских словах проявляется также в рифме.

Так, например, почти во всех вариантах песни «Когда я в Ревеле родился» слово *пора* с твердым /r/ рифмуется со словом *царя* с мягким /r'/ в литературном русском языке: «Hab ich gedacht: Теперь *пора*. // Ich hab die lange Flint genommen // Zu schützen своего *царя*» (М 21 № 5), «Hab ich gedacht, теперь *пора*, // Hab meine Flint von Wand genommen, // Zu schützen нашего *царя*» (М 21 № 2*) и др. Интересна с этой точки зрения также рифма *торговал/потерял*, где рифмуются слоги *вал* и *рял*: «Чтоб пряниками *торговал*, // Но ich dacht an ganz andre Sachen, // И свои деньги *потерял*» (М 21 № 7*).

²⁹ Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 161.

³⁰ В отличие от современной орфографии разделительный твердый знак ставился не только перед буквами йотированных гласных, но и в некоторых других случаях (съэкономить, разыкаться). При проведении реформы буква ъ в качестве разделительного знака сохранялась; но для борьбы с изданиями газет и журналов, не желавшими подчиняться распоряжениям новой власти, декретом ВСНХ от 4 ноября 1918 г. литеры и матрицы буквы были изъяты из типографских касс. В результате в качестве разделительного знака распространилось суррогатное обозначение с помощью апострофа (*под'ѣм*, *ад'ютант*). Более подробно см.: Иванова Т. А. Старославянский язык. М.: Высшая школа, 1997. С. 56–57.

Известно, что в русском языке качество гласного /а/ после мягкого согласного значительно отличается от качества того же гласного после твердого согласного. После мягкого согласного гласный произносится со значительным подъемом верхней части спинки языка к твердому нёбу, т. е. более закрыто. Так, Л. В. Бондарко пишет: «...К числу комбинаторных аллофонов (фонемы /а/), наиболее сильно отличающихся от основного, относятся такие аллофоны, которые появляются в соседстве с мягкими согласными... Артикуляционно аллофон, следующий за мягким согласным, может быть охарактеризован как дифтонгоидный гласный с [i]-образным началом. Эта дифтонгоидность вызвана тем, что при артикуляции любого мягкого согласного средняя часть спинки языка поднята вверх и продвинута вперед, т. е. максимально приближена к артикуляции гласного [i]»³¹. Таким образом, рифма слогов *вал* и *рял* может свидетельствовать о твердом произнесении согласного /г/, после которого гласный /а/ произносится наиболее открыто.

В той же песне мы встречаем рифму *берегись* — *Paris* (Париж), где *берегись* с обозначенной мягкостью согласного /с'/ рифмуется с немецким словом *Paris* твердым /с/ в конце слова: «Француз мой милый, *берегись*, // Im Брезин ist teils eroffen, // Klein bisschen kam nur nach *Paris*» (М 21 № 2*). В связи с этим можно предположить, что, несмотря на наличие мягкого знака при написании слова *берегись*, немецкие колонисты вполне могли произносить его твердо, как в уже рассмотренных нами выше примерах *beregis* 'берегись' — М 19 № 5, *djerschis* 'держись' — М 19 № 5 и *парис* 'Парься!' — М 19 № 1 (Л), *paris* — М 19 № 5, *парис* — М 19 № 1 (Л).

Однако не во всех песнях мягкость согласного не обозначается на письме.

— Для обозначения мягкости согласного в русском слове колонисты часто используют мягкий знак или буквы *е*, *я*, *ю* (которые также служат показателем мягкости предшествующего согласного в русском языке), если слово написано кириллицей: *очень* (всего 11 раз с *ь* и один раз без *ь*), *спохмелъе* 'с похмелья' — М 19 № 1 (Л), *небось* — М 19 № 1 (Л), *непойсь* — М 19 № 6*, *небойсь* — М 19 № 2 (Л), 3*, 5 (2 раза), *будь* — М 19 № 4*, *слышь* — М 19 № 1 (Л), *кулять* 'гулять' — М 19 № 2 (Л), *перешь* 'берешь' — М 19 № 2 (Л), *играть* — М 19 № 1 (Л); *опять* — М 19 № 1 (Л), *посля* — М 19 № 3 (Л)*, *играй* — М 19 № 3*, *будет* (13 раз).

³¹ Бондарко Л. В. Указ. соч. С. 102.

— Что касается постановки мягкого знака после русского мягкого непарного /č/, то наряду с примерами, где он отсутствует (см. выше), есть также один пример орфографически правильного написания данного слова: *печѣ* — М 19 № 2 (L).

— В предыдущем разделе в отдельную группу выделялись глаголы в форме повелительного наклонения на -сь, в связи с тем, что в русском языке в данном случае возможно также и твердое произнесение конечного согласного, что не позволяет однозначно объяснить данные примеры влиянием немецкого языка (*beregis* ‘берегись’ — М 19 № 5, *djerschis* ‘держись’ — М 19 № 5). Однако в текстах колониистских песен встречаются также примеры и орфографически правильного написания данных слов, с мягким знаком на конце: *перекись* ‘берегись’ — М 19 № 2 (L) (*beregis* — в этой же песне есть и без обозначения мягкости), *териись* ‘держись’ — М 19 № 1 (L). Как мы видим из приведенных выше примеров, на обозначения мягкости конечного согласного влияет то, каким шрифтом написано слово — кириллицей или латиницей. В первом случае присутствует мягкий знак, во втором случае обозначения мягкости (например, в виде апострофа) нет. Исключение составляет только глагол *парис* в значении ‘Парься!’. В данном случае обозначение мягкости согласного на письме отсутствует в написании как кириллицей, так и латиницей: *paris*, *парис*.

— Если слово написано латиницей, то в графике часто встречается буква *j* в позиции перед гласным, например: *tjeplo* — М 19 № 5, *budjesch* — М 19 № 5, *budjet* — М 19 № 5, *opjat* — М 19 № 5, *Pochmelj* — М 19 № 5, *guljat* — М 19 № 5 (2 раза), *berjosch* — М 19 № 5, *djerschis* — М 19 № 5. Сложно однозначно сказать, обозначает ли здесь буква *j* действительно мягкость предшествующего согласного или же неумение произносить русские палатализованные согласные и подстановку после них короткого йота.

— В записях латиницей на конце русского слова вместо мягкого знака пишется иногда *j* или ставится апостроф в качестве обозначения мягкости предшествующего согласного, например: *igratj* — М 19 № 5, *guljat'* — М 19 № 5.

Обозначение твердости/мягкости и замена звонких/глухих согласных происходят в основном последовательно, т. е. если в одном тексте наблюдается одно из этих явлений, то оно фиксируется, как правило, в большинстве слов, и наоборот. Однако почти в каждой песне есть какие-либо несоответствия, случайности, связанные с различным происхождением записей текстов и разной степенью владения колонистами правилами орфографии.

IV. Замена и выпадение согласных

В данную группу вошли единичные случаи, которые объясняются влиянием диалекта, немецкого литературного языка или языка окружения (русский, украинский), фонетическим написанием слов, а иногда и описками или ослышками авторов песенников или собирателей.

1. Замена согласных:

— Замена /b/ на /v/ в интервокальной позиции: *Weiw̃er* — М 23 № 1 (Но: перед глухим согласным замены не происходит — *Weibchen* /p/ в этой же песне, так как со щелевыми согласными чередуются смычные слабые, а это — глухой сильный согласный). Замены такого рода встречаются не только в смешанных колониcтских, но и в других песнях из коллекции Жирмунского, например *Buue* 'Bube' — С 39 № 2, *hawen* 'haben' — М 53. Об этой особенности пишет также В. М. Жирмунский, отмечая, что данная замена появляется в средненемецких, а также отчасти в нижненемецких и верхненемецких диалектах в интервокальной позиции или после *r* или *ʀ*³².

- Замена согласного /j/ на гласный /i/, что связано с недостаточно шумным, для немца почти вокализованным произнесением /j/ русскими: *nebois* — М 19 № 5³³.
- Замена смычных /g/ и /k/, вероятно, на щелевой /h/ (который соответствует русской букве *х*): *Харман* 'карман' — М 19 № 2 (L), также с выпадением первого гласного: *храют* 'играют' — М 19 № 1.
- К этой же группе можно отнести лексему *подавая* — М 19 № 3 (L)* (вместо *подавай*). Данную замену можно объяснить попыткой показать сонорность русского *й* в отличие от немецкого шумного /j/.
- К случайным заменам относятся следующие примеры: варьирование сонантов /l/ и /n/: *Pinenow* / *Пылинов*, /v/ на /l/ перед гласным: *дрезлом* 'резвом' — М 1 № 9, /g/ на /d/ *dröss* — М 21 № 6.
- Фонетическое написание: замена буквы *z* на *v* в слове *своево* — М 21 № 1 (L), № 3*, при этом в другом варианте данной песни встречается также орфографическое написание *своего* — М 21 № 11.

2. Выпадение и подстановка новых букв, обозначающих согласные звуки или служащих для их разделения.

Сюда относятся случаи отражения на письме русского просторечного произношения, фонетическое написание слов, а также случайные примеры, не имеющие фонетического объяснения (описки).

³² *Schirmunski V.* Die deutschen Kolonien in der Ukraine (1928)... S. 43.

³³ Впрочем, в данном случае не исключено, что отображается разговорная форма русского языка «не бойсь» вместо «не бойся».

- Выпадение буквы *й* в середине слова: *небось* ‘не бойся’ — М 19 № 1, которое связано с выпадением согласного /j/ и восходит к русской разговорной формуле *не бойсь*, где русский сонорный /j/ заменяется иногда даже на гласный /i/ и не воспринимается немцами как согласный звук, так как немецкий /j/ является шумным звонким среднеязычным согласным. Подобное мы наблюдаем также в варианте *сичас* — М 19 № 1*, встречающемся два раза в одной и той же песне (ср. русское просторечное произношение — *сичас*). В большинстве текстов приводится правильное с точки зрения русской орфографии написание: *сейчас* — М 19 № 3*, 4*, 2 (L), 1 (L). К этой же группе слов относятся следующие случаи: выпадение разделительного мягкого знака — *ночью* ‘ночью’ — М 19 № 1 (L), связанное, возможно, с выпадением согласного /j/.
- Выпадение буквы *м* (что, возможно, отражает выпадение согласного /m/, но нельзя также исключать вероятность опечатки или описки) — *зеляки* ‘земляки’ — М 19 № 7.
- Выпадение согласного в начале слова — единичный случай в слове *Ringel* ‘Kringel’ — М 21 № 9.
- Подстановка согласного *д* в начале слова — *дрезлом* (в значении *резвом* — «На дрезлом вороном коне») — М 21 № 9, тоже единичный случай.
- В одном слове нам встретилось неправильное написание русского мягкого щелевого переднеязычного согласного /š/ и замена его на /š/: *rassproschtai* — М 23 № 1. Однако после *sch* в этом слове стоит буква *t*. Русский /š/ принято обозначать в немецкой орфографии через сочетание графем, обозначающих звуки /š/ и /tʃ/: *schtsch*. В связи с этим написание *t* после *sch* может быть трактовано как описка или незнание правил орфографии автором песни, а не сознательное отображение твердости произнесения.

5.3.2. Графическое отражение особенностей вокализма языка песен немецких колонистов

Прежде чем обратиться к особенностям вокализма языка немецких колонистов, отразившихся в записях смешанных немецко-русских песен, напомним об основных различиях систем гласных русского и немецкого языков. В немецком литературном языке гласных фонем значительно больше, чем в русском языке, так как длительность и степень открытости и закрытости гласных являются в немецком языке фонематическими признаками. Кроме того, в немецком языке есть также

лабиализованные гласные переднего ряда, отсутствующие в русском языке. Система гласных фонем современного литературного немецкого языка состоит из 15 монофтонгов и трех дифтонгов. К монофтонгам относятся шесть гласных верхнего подъема — неогубленные гласные переднего ряда /i:/, /ɪ/, огубленные переднего ряда /y:/, /ʏ/, огубленные заднего ряда /u:/, /ʊ/; семь гласных среднего подъема — неогубленные переднего ряда /e:/, /ɛ/, /ɐ/, огубленные переднего ряда /ø:/, /œ/, огубленные заднего ряда /o:/, /ɔ/. Два гласных нижнего подъема — /a:/, /a/. Кроме того, в немецком языке есть также три дифтонга — *ae*, *œ* и *ao*.

Основные отличия гласных литературного немецкого языка от гласных русского языка заключаются в следующем:

- 1) противопоставление долгих закрытых гласных кратким открытым;
- 2) наличие лабиализованных гласных переднего ряда;
- 3) различный способ примыкания последующего согласного к предшествующему гласному; к долговому гласному согласный примыкает в момент затухания его звучания, а к краткому гласному — на пике интенсивности звучания; данное противопоставление является причиной того, что краткие гласные возможны в немецком языке только в закрытом слове, а долгие гласные встречаются чаще в открытом слове, оканчивающемся на гласный;
- 4) гласные немецкого языка произносятся с большим напряжением всего произносительного аппарата, в результате чего в немецком языке отсутствует явная качественная редукция гласных, свойственная русскому языку, когда возможен переход от одного качества к другому в пределах звучания одного звука, так называемая дифтонгоидность русских гласных;
- 5) наличие так называемого твердого приступа у немецких гласных в начале слова или корня (смыкание голосовых связок с последующим разрывом смычки);
- 6) более переднее положение языка характерно для всех немецких гласных звуков;
- 7) количественная редукция немецких долгих гласных в безударном положении, не сопровождаемая качественной редукцией;
- 8) отсутствие значительной качественной редукции в безударном положении в отличие от русских гласных; редукции подвергаются только немецкие фонемы /e:/ и /ɛ/, редуцированный вариант которых называется *Murmellaut* — [ə]; данное качество связано в немецком языке не только с безударностью слога, но и с характером морфемы; редуцированный звук [ə] появляется только в окончаниях, безударных суффиксах, неударных приставках *be-*, *ge-*.

Можно предположить, что в первую очередь на письме найдут отражение те особенности, которые можно зафиксировать при помощи графических знаков, не прибегая к транскрипции. Как уже говорилось, тексты песен восходят к разным источникам. Они либо переписаны из песенных тетрадей колонистов, либо записаны на слух. Соответственно если текст взят из песенника, то он отражает особенности графики самих колонистов, а если записан на слух, то встречающиеся в нем отклонения от правил орфографии русского или немецкого языка говорят, скорее всего, о намеренной фиксации собирателем той или иной особенности произношения.

Основными особенностями вокализма немецких колонистов, нашедшими отражение в графической фиксации их песен, являются:

- отражение разной степени открытости/закрытости гласных;
- фиксирование в орфографии чередования гласных;
- выпадение гласных;
- неразличение звука /ɪ/;
- присвоение русским гласным несвойственных им различительных признаков;
- фиксирование просторечного произнесения.

1. Обозначение разной степени открытости и закрытости гласных

О более закрытом или открытом произнесении гласных свидетельствуют в текстах смешанных колонистских песен либо соответствующие графические обозначения, например буква *ä* вместо *e*, либо конечная рифма некоторых строк. Это может быть обусловлено влиянием как диалекта, так и литературного немецкого языка, но ввиду отсутствия точных данных о диалектах исполнителей (когда песня записывалась собирателем на слух) или владельцев песенников (если последний является источником данного текста), невозможно сделать однозначные выводы о причинах отмеченных нами особенностей.

Как уже было отмечено выше, для обозначения более открытого произнесения гласного звука в немецких словах используются соответствующие графические обозначения, например: *geschähm* (вместо *geschehen*). В данном случае произнесение открытого [ɛ:] вместо закрытого [e:] отображается в орфографии при помощи а-умлаута и объясняется, скорее всего, влиянием диалекта.

Неразличение степени открытости/закрытости гласных проявляется также в рифме. Например:

...*War ich весел und froh dabei*, // *Tеперь уж стал великий Schlingel*, //
Aus kleine, kleine Алексеѝ — М 21 № 1;

Tenepъ я стал великий Schlimmer // Von einem kleinen Алексей. // Bei einem Frühstück einem Kringel // Bin ich весел und froh dabei — М 21 № 3;

War ich весел, как воробей, // Jetzt ist geworden grosser Schlingel // Aus kleinem, kleinem Alexej — М 21 № 2;

War ich весел und pad dabei. // Und ist geworden ein grosser Schlingel // Aus ein kleiner мальчик Николай — М 21 № 8.

В данных примерах немецкое сочетание *ei*, обозначающее дифтонг /ae/, рифмуется как с русским сочетанием *ай*, так и с сочетанием *ей* — *dabei* — Алексей — Alexei — Николай, *dabei* — Николай (М 21 № 5, 8*), *воробей* — Алексей (М 21 № 2*), рифмуются также русские сочетания *ай* и *ей* — чай — Алексей. При этом следует, скорее всего, сделать вывод об узком произнесении немецкого дифтонга в диалекте исполнителя³⁴.

О неразличении степени открытости/закрытости русских гласных говорят также следующие примеры:

Der англичанин und француз, // Denk wie am achtzehnhundert zwölfe // Wirst wieder kriegen длинный нос — М 21 № 2;

Hab ich gedacht: Tenepъ пора. // Und hab das lange Flint genommen, // Zu schützen моего царя — М 21 № 1;

Чтоб пряниками торговал, // Ho ich dacht an ganz andre Sachen, // И свои деньги потерял — М 21 № 7.

В данных примерах мы видим рифмы *француз* — *нос*, *пора* — *царя*, *продавал* — *потерял*. В первом случае рифмуются два русских гласных заднего ряда: [u] верхнего подъема и [o] среднего подъема. Два последних примера демонстрируют рифму гласного *a* после твердого и после мягкого согласного. В русском языке такая рифма (для мужской рифмы с открытым слогом) нетипична, так как после мягкого согласного гласный *a* произносится значительно более закрыто, чем после твердого.

II. Отражение на письме чередования русских гласных букв

К данной группе относятся следующие примеры:

- графическая фиксация чередования *a/о* в корнях слов, приставках и суффиксах: *права*та ‘правота’ — М 19 № 1 (L), *Paschol* ‘пошел’ — М 19 № 5; *Булаш*ник ‘булочник’ — М 32 № 1 (L), *малате*цкой

³⁴ Нельзя, однако, исключать вероятность того, что русское сочетание *ей* могло произноситься как *ай*, например, в русском имени собственном Alexei, рифмующимся с немецким *dabei*. Возможно, не случайно здесь дано написание латиницей, а не кириллицей, так как сочетание *ei*, хотя условно и передает русское *ей*, но по правилам немецкой орфографии должно читаться согласно правилам литературной нормы как /ae/.

‘молодецкий’ — М 32 № 1 (L), *Portmane, Portmanej* — М 19 № 5; *Portmanei* — М 19 № 2 (L); *Kosatschok* ‘казачок’ — М 19 № 4* (есть и орфографически правильное написание, хотя и с заглавной буквы — *Казачок* — М 19 № 1. В слове *Kosatschok* мы видим не только чередование гласных, но и обратную замену букв: хотя правила орфографии предполагают для данного слова написание буквы *a* в названии танца, здесь происходит замена на *o* по аналогии со словом *козак*, от которого оно образовано;

- чередование *o*//*e* в корне: *чорт* ‘черт’ — М 20 № 3*, М 20 № 4*, М 21 № 6*; *Paschol* ‘пошел’ — М 19 № 5. Написание лексем *Paschol* и *чорт* является фонематическим, так как в данных словах под ударением произносится гласный *o*. При этом в смешанных песнях есть также и правильное с точки зрения русской орфографии написание — два раза встречается вариант *Пошел* — М 19 № 2 (L). Что касается слова *черт*, то до реформы русской орфографии 1956 г. правильным было как раз написание этого слова через *o* (чорт), поэтому встречающееся четыре раза написание *черт* — М 21 следует оценивать по отношению к нашему материалу как отклонение от орфографической нормы;
- чередование *e*//*i* в суффиксе: *Duschinga* ‘душенька’ — М 19 № 1 (L) (есть и вариант *Duschenka* — М 19 № 5). Здесь мы видим замену *e* на *i* в варианте лексемы *душенька*.

III. Выпадение гласных

Выпадение некоторых гласных свойственно быстрой разговорной речи или просторечию, как в русском, так и в немецком языке.

Если говорить о немецких словах, то для них в разговорной речи свойственно выпадение безударного гласного [ə], так называемого *Murmellaut*’а. Встречается это явление и в немецкой поэзии. Например:

- в кратких формах глаголов на конце слова: *hab, dacht, wollt, erblickt, sollt* (М 21 № 3*), *denk*;
- у существительных на конце слова: *Flint* (Flinte — М 21 № 1);
- в середине слова: *andre* — М 21 № 8*;
- перед местоимением *es*, т. е. в стяженных формах (*weils*).

В русских словах было отмечено выпадение буквы *o* в слове *тырок*, по аналогии с немецким словом *der Türke*: *тырк*³⁵ — М 21, наряду с кото-

³⁵ Здесь также может иметь место неправильное восстановление формы единственного числа под влиянием формы множественного числа: *тырки* — *тырк*, поддержанное немецким *Türke*.

рыми есть также варианты *турок* и немецкий эквивалент *Türk* — М 21. В некоторых примерах наблюдается также выпадение гласного в начале слова: *своицк* — М 19 № 1, *Kampinoslaw*, *Kampinaslaw* — М 19 № 1 (вместо Екатеринослав), *храют* — М 19 № 1 (вместо *израют*). Данная особенность проявляется в одном варианте песни «Winterzeit», взятом из песенника. В других вариантах данной песни, записанных собирателями, приводится написание Екатеринослав (М 19 № 3*, 4*).

IV. Неразличение звука /ɨ/

Сюда относится чередование имен собственных *Пылинов* — М 19 № 1 (L) и *Pinenow* — М 19 № 5, написание *slüsch* — М 19 № 2 (L) и *slusch* — М 19 № 5 вместо *слышь* — М 19 № 1 (L). Поскольку в немецком языке звук /ɨ/ отсутствует, то данную особенность написания можно толковать как попытку отразить на письме необычный для немца звук. Это подтверждается также тем, что данные чередования мы наблюдаем только в написании латиницей, в которой нет полного соответствия данному звуку. Впрочем, в двух примерах: *slüsch* и *slusch* может иметь место также смешение глаголов *слышать* и *слушать*.

V. Присвоение русским гласным несвойственных им различительных признаков

Сюда относится присвоение таких признаков, как, например, долгота и краткость: *Русс* — М 21, *rassproschtai* — М 23 № 1. Известно, что русские гласные в позиции перед несколькими согласными произносятся более кратко, чем в позиции перед одним согласным или другим гласным. Поскольку признак долготы/краткости гласного является в немецком языке в отличие от русского фонематическим, то в орфографии данная характеристика русского безударного гласного получает дополнительное подтверждение в виде удвоенного ss после гласного.

VI. Фиксирование русского просторечного произношения

Данная особенность проявляется в отношении гласных в примерах *сичас* — М 19 № 1, *посля* — М 19 № 3 (L) и *Вильны* (вместо Вильне или Вильно) («В город Вильны я родился» — М 21 № 8*). Два первых примера отражают просторечное произнесение слов *сейчас* и *после* с заменой /е/ на /i/ и выпадением согласного /j/ в первом слове и заменой /е/ на /а/ после мягкого /л/ во втором. Последний пример демонстрирует замену /е/ на /ɨ/ в безударной позиции на конце слова, что также свойственно русскому просторечию.

Таким образом, в графике смешанных колониистских песен более ярко отражаются особенности консонантизма языка русских немцев, среди которых наиболее последовательно проявляется замена звонких согласных на глухие и, наоборот, замена глухих на звонкие (как в русских, так и в немецких словах), а также непоследовательное обозначение мягкости русских согласных в написании кириллицей или латиницей. Кроме того, в текстах смешанных колониистских песен встречаются также единичные случаи замены, выпадения и подстановки согласных.

Говоря о первой, наиболее яркой и частотной особенности, следует отметить, что явления озвончения и оглушения согласных могут иметь разную природу в немецкой и в русской лексике. В немецких словах неразличение по звонкости/глухости зависит от диалекта исполнителя, так как в литературном немецком языке данная оппозиция присутствует. На восприятие русских слов может оказывать влияние также и литературный немецкий язык, поскольку оппозиция по звонкости/глухости реализуется в русском и немецком языках за счет разных признаков (наличие голоса в русском языке, сила воздушной струи в немецком). Об этой особенности писал В. М. Жирмунский в своей книге *«Die deutschen Kolonien in der Ukraine»*. Он рассматривал ее в главе *«Die Mundarten»*, говоря о типичных орфографических ошибках, обусловленных влиянием диалектного произношения. Жирмунский описывал данную особенность на примере одного варианта песни *«Winterzeit»*, взятого из песенника. При этом он говорит о том, что немцы путают при написании слов *d c t, b c p, g c k*, русские *з : с, ч : ш* и т. п. При этом «путаница» происходит как в сторону озвончения, так и в сторону оглушения согласных³⁶.

Отличительной чертой консонантизма языка немецких колонистов, нашедшей отражение в графике смешанных колониистских песен, является также неразличение русских твердых и мягких согласных, отражающееся во включенных в тексты песен русских словах. Данная особенность связана с тем, что противопоставление согласных по твердости/мягкости не является в немецком языке фонематическим признаком и не опознается на слух в русских словах. Как писал У. Вайнрайх в работе *«Одноязычие и многоязычие»*, «Для того чтобы дать полное описание проблем, встающих перед двуязычным носителем при пользовании двумя фонетическими системами, необходимо пойти дальше

³⁶ Schirmunski V. Die deutschen Kolonien in der Ukraine (1928)... S. 42.

простой инвентаризации фонем и обратиться к их дифференциальным признакам, контекстному взаимодействию этих признаков и правилам построения допустимых последовательностей фонем в каждом из языков»³⁷. В связи с этим он говорит о двух возможностях фонетической интерференции — о «недоразличении» (*under-differentiation*) и «сверхразличении» (*overdifferentiation*), т.е. «если у некоторого данного звука в данной позиции некоторый признак либо всегда присутствует, либо всегда отсутствует как в языке S, так и в языке C, то следует ожидать, что речевое поведение двуязычного носителя будет в этом отношении находиться в согласии с одноязычными нормами соответствующих языков. Если некоторый признак присутствует в языке S в порядке свободного варьирования, а в языке C участвует в фонологическом противопоставлении, то следует ожидать непредсказуемых ошибок»³⁸. В данном случае мы видим недоразличение такого признака, как твердость/мягкость при употреблении немецкими колонистами русских слов, которое может выражаться на письме в виде опущения мягкого знака.

Данный признак не опознается не всегда. Показателем мягкости в написании русских слова кириллицей служат мягкий знак или буквы *е, я, ю* после согласных. Показателем мягкости согласного при написании русских слов латиницей служит *j* или апостроф после согласного. Иногда написание буквы *й* заменяет буква *я*, как, например, в слове *подавая* — М 19 № 3 (L) (в значении *подавай*).

Это, в целом, основные особенности консонантизма в языке немецких колонистов, нашедшие отражение в графике их песен. Остальные особенности, или «непоследовательности», встречаются в единичных примерах и являются скорее отражением индивидуальных особенностей произнесения или написания отдельных слов. Исследуемый материал не дает, к сожалению, возможность анализировать реальное произнесение немецких слов, а стремление колонистов к «правильному» немецкому языку указывает на необходимость учитывать литературную норму. В реальном звучании присутствовало, несомненно, гораздо больше фонетических особенностей, но в графике нашли отражение лишь наиболее явные из них.

В графике смешанных колониcтских песен нашли отражение также некоторые особенности вокализма языка немецких колонистов. Среди них такие, как отражение разной степени открытости/закрытости

³⁷ Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие (1961). Указ. соч. С. 25.

³⁸ Там же.

гласных, фиксирование в орфографии чередования гласных, выпадение гласных, неразличение звука / $\dot{i}$ /, присвоение русским гласным несвойственных им различительных признаков, фиксирование просторечного произнесения.

Неразличение степени открытости/закрытости гласных проявляется в первую очередь в конечной рифме, когда более закрытые гласные чередуются с более открытыми, например когда немецкий дифтонг *ae* рифмуется как с русским сочетанием *ай*, так и с сочетанием *ей* — *dabei* — *Алексей* — *Alexei* — *Николай*, рифмуются также русские сочетания *ай* и *ей* — *чай* — *Алексей*. Причины возникновения такой рифмы могут быть как в замене русского сочетания *ей* на *ай*, так и в более узком произнесении немецкого дифтонга. В текстах смешанных колониетских песен зафиксирована также рифма *француз* — *нос*, *пора* — *царя*, *продавал* — *потерял*, где более закрытые гласные рифмуются с более открытыми.

На письме отражается также чередование гласных в употребляемых немцами русских словах: а//о в корнях слов, приставках (*Paschol*, *Булашник* и т.д.); о//е в корне (*чорт*, *Paschol*); е//и в суффиксе (*Duschinga*).

Некоторые буквы, обозначающие гласные звуки, на письме выпадают. В немецких словах это касается в первую очередь выпадения *Murmellaut'a* на конце слова, в безударном слоге перед сонорным и в стяженных формах, перед местоимением *es* (*hab*, *dacht*, *wollt*, *Flint*, *andre*, *weils*), что характерно для немецкой поэзии вообще и для народной поэзии в частности. В русских словах гласные могут выпадать в отдельных случаях в начале и середине слова: *свощик* (извозчик), *Kampunoslaw*, *Kampunaslaw* (Екатеринослав), *турк* (турок). Данная особенность характерна для разговорной речи и просторечия, как в русском, так и в немецком языке. Графическая фиксация просторечия, связанная уже с заменой одних гласных на другие, а не с их выпадением, встречается еще в некоторых примерах: *сичас*, *посля*, *Вильны*.

Буква *ы* при написании русских слов латиницей заменяется на *и* или *ii*: *slüsch*, *slusch* вместо *слышь*. Однако данная замена может иметь двойное толкование, с одной стороны, это может быть попытка отразить на письме необычный для немца звук, с другой — отражение просторечного произнесения данного слова.

5.4. Лексические особенности островного песенного фольклора немецких колонистов

5.4.1. Лексические заимствования в контактирующих языках

Среди существующих в мире языков вряд ли найдется хоть один, который не претерпел бы в той или иной мере влияния других языков. Особенно интенсивное воздействие происходит в случае непосредственного языкового контакта, при этом изменения, происходящие в контактирующих языках, во многом определяются положением — политическим, экономическим, культурным — одного языкового сообщества по отношению к другому, вследствие чего один из языков может оказывать на другой доминирующее воздействие.

Взаимовлияние языков может происходить на разных уровнях. Об этом пишет, в частности, У. Вайнрайх: «Сдвиги между системами языка, переключение с одной из двух различных, но одновременно доступных систем на другую и слияние систем могут происходить... на уровне составных частей языка, т. е. на уровне словаря, грамматики, фонологии и даже их компонентов»³⁹. Нас в данном случае интересуют особенности лексического состава смешанных колониетских песен.

Как известно, лексико-семантическая система языка значительно отличается от фонологической и грамматической систем по ряду признаков. Во-первых, словарный состав языка является в достаточной степени открытым для свободного варьирования и выбора конкретных лексических единиц, а также для возможного словопроизводства, сдвигов значения и т. д. Словарному составу языка свойственны лексические пласты, которые различаются по употреблению в речи и по происхождению. Особенно разнообразны могут быть слои лексики, возникшие под влиянием общественной, экономической и культурно-бытовой жизни отдельного народа. Во-вторых, лексико-семантическая структура языка непосредственно связана с внешней структурой языка, с его стилями и различной коммуникативной направленностью, в результате чего возникает противопоставление нейтральной и стилистической лексики.

Словарь любого языка постоянно находится в текучем состоянии, одни слова выходят из употребления, другие, наоборот, пускаются в оборот. Часть этого спроса на обновление словаря может удовлетворяться неологизмами внутреннего происхождения. Но особенно богатый и свежий материал может быть почерпнут из иностранных языков.

³⁹ Там же. С. 28.

Ввиду легкости распространения лексических единиц (по сравнению с фонологическими и грамматическими правилами для заимствования слов) достаточно минимального контакта между языками. При массовом двуязычии лексическое влияние одного языка на другой может достигать огромных размеров.

При определенных социокультурных условиях у двуязычных носителей происходит нечто вроде слияния словарных запасов двух языков в единый фонд лексических инноваций. С фонологической точки зрения перенесенные лексемы могут либо подвергнуться изменениям, направленным на то, чтобы привести их в соответствие с синтагматическими и парадигматическими правилами звуковой системы языка-соседа, либо, напротив, может быть сделана попытка сохранить их звуковую оболочку в неприкосновенности. С грамматической точки зрения лексическое заимствование также подлежит ассимиляции в рамках системы языка-соседа. С точки зрения семантики и стилистики заимствованные элементы⁴⁰ могут сначала оказаться в положении свободного варьирования со старым словарным запасом, но в дальнейшем, если и родное, и заимствованное слова выживают, обычно происходит специализация значений. Заимствования из иностранных языков проникают в немецкий язык, как отмечает Т. В. Пономарёва, двумя способами: 1) посредством восприятия «готовых» лексем; 2) путем образования единых словесных комплексов с немецкими словообразовательными элементами и по немецким словообразовательным моделям⁴¹.

Язык немецких колонистов не был единым по своей структуре, что связано с особенностями формирования немецкого языка на его исконной родине — в Германии. Он представлял собой совокупность различных диалектов, соотнести которые с немецкими диалектами на территории Германии представляется довольно трудной задачей, так как большинство колоний основывались выходцами из различных земель, и язык многих колоний представляет собой результат смешения раз-

⁴⁰ Под заимствованными элементами здесь понимаются вслед за В. Фляйшером «корневые и словообразовательные лексемы, которые в большей или меньшей степени отличаются от морфем родного языка по фонемному составу, произношению и/или написанию» (*Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1974. S. 61*).

⁴¹ *Пonomарёва Т. В. Проявление тенденции к интернационализации в немецком словосложении // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Традиции и современность / Отв. ред. С. М. Панкратова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 151.*

личных диалектов. Итогом подобного смешения в результате вырабатывания каких-либо общих признаков становился своего рода общий язык, койне. В связи с этим В.М. Жирмунский отмечал, что «с методологической точки зрения особый интерес представляет изучение колоний-выселков, основанных в более позднее время. В смешанных выселках <...> мы имеем возможность <...> непосредственно наблюдать процесс смешения и униформацию»⁴².

Известно также, что на развитие говоров немецких колонистов оказывал влияние и немецкий литературный язык, который изучался в школе и на котором проводились школьные занятия и богослужения. Колонисты владели им, но в диалектально окрашенной форме. Во всех других сферах жизнедеятельности они пользовались родным говором. А.И. Домашнев отмечает, что диалект в целом сохраняет свои основные черты «и обнаруживает достаточно сил и собственных ресурсов для новообразований в целях потребностей номинации вещей и явлений»⁴³. Однако при этом островной диалект не может избежать заимствований из языка окружения и перенимает из него достаточно большое количество слов, которые со временем закрепляются в данном диалекте и уже перестают восприниматься в качестве заимствованных. Интересные примеры подобного рода явлений приводит Т. Копп в своей работе о языке немецких колонистов в Аргентине. Будучи изначально носителями рейнско-франкского говора, колонисты жили сначала в России, а потом эмигрировали в Аргентину. Их диалект сохранил многие слова рейнско-франкского диалекта, которые уже перестали употребляться в Германии (*Richwasser* — *Parfüm*, *Blosding* — *Mundharmonika*), в нем встречались также слова безусловно русского происхождения, которые они, однако, не воспринимали как заимствованные (*Pomaschnik* ‘бумажник’ — *Geldbeutel* ‘кошелек’, *Schomodant* — *Handkoffer* ‘чемодан’, *Kartus* — *Mütze* ‘картуз’, *Pintschak* — *Männerrock* ‘пиджак’). Помимо этого, необходимость общаться с окружающими на испанском языке привела к ряду новых заимствований из последнего⁴⁴.

Ко времени сбора В.М. Жирмунским фольклорного материала уже сложно было говорить об однородности языка в определенных колониях, так как колонисты часто добровольно или вынужденно переезжали

⁴² Жирмунский В.М. Проблемы колониальной диалектологии... С. 203.

⁴³ Домашнев А.И. В.М. Жирмунский и изучение немецких диалектов в СССР... С. 47.

⁴⁴ Kopp Th. Указ. соч. Н. 10. S. 369–379.

с места на место, люди, приехавшие изначально из разных колоний, жили вместе, иногда заключали браки и все больше поддавались интерферирующему влиянию русского языка.

В. П. Донгауэр выделяет три этапа влияния русского языка на немецкий. Начальный этап он соотносит со временем от начала основания немецких колоний до Первой мировой войны (1763–1914). Во время этого периода влияние русского языка на немецкий было незначительным, так как большую часть жизнедеятельности колонистов обслуживал немецкий язык. В течение этого периода можно отметить несколько волн усиления контакта между русским и немецким языком: в 1871 (в связи с переходом на русский язык во время официальных контактов и в делопроизводстве), в 1874 (в связи с распространением на немецких колонистов Закона о всеобщей воинской повинности) и в 1886–1887 гг. (в связи с переходом на ведение большинства школьных предметов, кроме Закона Божьего и немецкого языка, на русском языке). Русским языком пользовались на данном этапе не все колонисты и только в той степени, которая была необходима для обеспечения минимального контакта с русскоязычной средой. Слова, заимствованные в это время из русского языка, функционируют в немецкой речи с интерферированным экспонентом, т. е. произносятся согласно звуковым законам немецкого языка и воспринимаются в настоящее время даже старшим поколением немцев как исконно немецкие. В качестве примеров Донгауэр приводит такие слова, как /p'ɛrɛm'et/ 'перемет', /ho'l'obl'a/ 'оглобля', /va'renik'a/ 'вареники'.

Усиленный этап влияния русского языка на немецкий (1914–1941) характеризуется более интенсивным контактом немецкого языка с русским в результате расширения земельных владений колонистов, развития промышленности и торговли, службы колонистов сначала в царской, а затем в Красной армии, изучения русского языка и преподавания на нем части предметов в школе. В это время немецкие названия колоний стали заменяться на русские, налагался запрет на общение на немецком языке в общественных местах. Однако, несмотря на это образование, культура и экономика в немецких колониях переживали в период до 30-х гг. XX в. бурное развитие. Немецкий язык тоже продолжал развиваться, несмотря на голод и коллективизацию. В. П. Донгауэр пишет по этому поводу: «Он выстоял и развивался, так как обслуживал существовавшую в стране единую систему образования немцев, их хозяйственную и культурную деятельность и совместное проживание в колониях, в которых немцы составляли абсолютное

большинство»⁴⁵. На данном этапе немецкий язык заимствовал из русского слова с новым, идентичным и суженным значением. Заимствования со сменой и расширением значения на данном этапе отсутствовали, что, как полагает Донгаузер, говорит о завершении процесса нивелирования расхождений понятийного аппарата контактирующих языков. Он отмечает, что «заимствования периода усиленной контактной межъязыковой связи функционируют в немецкой речи главным образом с частично интерферируемым экспонентом, хотя встречаются уже и слова, произносимые согласно норме языка окружения»⁴⁶.

Последний, интенсивный, этап немецко-русского языкового контакта длится с 1941 г. по настоящее время. Насильственное переселение немцев, запрет в течение долгих лет на свободное передвижение, преподавание немецкого языка в школе лишь как иностранного, воспитание детей в русскоязычных яслях и детских садах сказались на владении немецким языком. Русский язык становился для немцев в их повседневной жизни первичным, а немецкий — вторичным, на котором говорят только в кругу семьи, в основном со старшим поколением.

Применительно к исследуемому материалу основной интерес вызывают первые два этапа взаимодействия немецкого языка с русским и частично с украинским, так как коллекция В. М. Жирмунского датируется периодом с 1926 по 1930 г.

5.4.2. Причины появления русских лексем в текстах колониистских песен смешанного характера

Предпосылкой появления русских слов служит, как правило, ситуация диалогичности, в которой существует мысленный или реальный диалог предположительно с русским человеком, например с извозчиком, банщиком, хозяином харчевни, русской старушкой или девушкой. Так, например, в песне «Winterzeit» самым частотным русским существительным является слово *извозчик*. Оно ни разу не заменяется одним из возможных и подходящих по времени употребления немецких эквивалентов: *Fuhrmann, Fuhrknecht, Fuhrherr, Kutscher, Droschkenkutscher, Kärner, Pferdelenker, Schwager*, которые служат для обозначения человека, управляющего повозкой (разного

⁴⁵ Донгаузер В. П. Экстралингвистические факторы и язык российских немцев // Язык, литература, эпос (К 100-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского). СПб.: Наука, 2001. С. 60.

⁴⁶ Там же. С. 61.

вида — карета, дрожжи, телега), запряженной лошадьми. Кроме того, данное слово также почти всегда сопровождается немецким вспомогательным словом, артиклем или местоимением, что говорит о его грамматическом освоении, и мы можем тогда считать его не просто некоей вставкой, цитатой на русском языке, но полноценным заимствованием. Предпосылкой для появления данного слова является ситуация общения с извозчиком (предположительно русским), что провоцирует дальнейшее возникновение русских слов. Так, например, в варианте № 7 мы читаем в третьей строфе:

Dann heisst: «Машина, стой»⁴⁷,
Dann ruft man dem извозчик zu,
«Извозчик, подавай».
«Извозчик, извозчик, извозчик, подавай».

В данном варианте ситуация диалогичности обозначается соответствующими знаками препинания: двоеточием, кавычками. Слова автора обращения (по ситуации — немца) даются на немецком языке: *Dann heisst, Dann ruft man dem извозчик zu*, а вот слова, обращенные к извозчику, — на русском: *Машина, стой; Извозчик, подавай*.

Как уже говорилось, в целом колонисты вели довольно замкнутый образ жизни. Немецкие поселенцы старались оберегать свою культуру от иностранного влияния. Они не стремились слиться с окружением, а, наоборот, старались жить обособленно, как говорят на Руси, «своим миром». Этому способствовали их компактное поселение, а также языковая и религиозная обособленность. Браки заключались преимущественно между членами немецких общин, принадлежащих к одной конфессии. Но несмотря на это, общение с соседями все равно происходило ввиду необходимости в первую очередь торговых взаимоотношений. По некоторым песням мы можем, опираясь уже не на исторические предпосылки, а на сами тексты, реконструировать те ситуации общения, которые сближали соседей — русских и немцев, немцев и украинцев. Как правило, речь идет о том, что главный герой покидает свою деревню для какой-либо цели, которая не всегда указывается, и отправляется в какой-то город, заезжает по пути в гости в соседнюю деревню (часто к другу, что говорит о том, что между русскими и немцами существовали теплые соседские взаимоотношения), на танцы, на праздник, в баню или на железнодорожную станцию, как в уже

⁴⁷ В этом разделе подчеркиванием выделяются русские слова.

упоминавшейся выше песне М 19 № 7: «Dann kommen wir nach der Station, // Dann heisst: “Машина, стой”».

На этом пути героя сопровождают или ему встречаются русские персонажи, включающиеся, как и в жизни, в ткань повествования. Это *извозчик, печник, друг, девушка*. И не случайно слово *извозчик* является самым частотным во всех вариантах песни «Winterzeit». Извозчик — это связующее звено между двумя разноязычными мирами: миром русских и миром немцев⁴⁸. Он бывает и там и там, на его повозке выезжают за пределы деревни, он привозит новости, товары и т.д. Поскольку извозчик называется русским словом и является, судя по тексту песен, русским персонажем, вокруг него возникают другие русские слова, передающие, как правило, ситуацию диалогичности. Диалог может быть либо односторонним, либо двусторонним — как со стороны извозчика, так и со стороны ездока.

Так, например, в десяти вариантах песни «Winterzeit», в которых появляется данное слово, в семи есть прямая речь либо ездока, обращенного к извозчику, либо его самого. В четырех вариантах общение одностороннее, представляющее собой прямую речь ездока по отношению к извозчику, например:

Da ruft man gleich извозчик zu:

«Извозчик, — hei, juhej,

Запрягай лошадей,

Отвезешь меня туда».

М 19 № 6

Как мы видим, повествование ведется в данном случае на немецком языке, русский персонаж вводится русским словом и далее обращение к нему идет также на русском языке, что естественно, так как русскоязычное окружение немцев вряд ли владело немецким языком и в некоторых ситуациях общения с русскоязычными соседями немецким поселенцам приходилось переходить на русский язык.

⁴⁸ Извозчик, возница, иногда паромщик — это персонаж, история которого уходит корнями глубоко в прошлое, он встречается во многих мифологиях, появляясь то на небесной колеснице (как, например, Гелиос и его сын Фазтон в доолимпийской мифологии), то на подземном пароме (например переправщик мертвых в царство Аида, Харон, в греческой мифологии). Данный образ всегда ассоциируется со связью между различными мирами, со сменой состояний, с рождением и смертью, обновлением. Непосредственно с этим связан образ дороги, уводящей от знакомого и ведущей в неизвестное, новое и загадочное.

В случае двустороннего диалога русские вставки в текст песни появляются как в речи ездока, так и в словах извозчика:

Und kommt man auf die Strass hinaus
So stehen Sani gotow.
Man ruft: «Iswoschtschik, tschto berjosch?»
Und setzt sich schnell darauf.
Iswoschtschik ruft die Pferde an:
«Paschol, hei, beregis!»
Bei wunderschönen Schlittenbahn
Und dann: «Nu, Brat, djerschis».

М 19 № 5

Или:

Kommt man dann auf die Strasse hinein,
So steht er schon готов.
Man fragt: извозчик, что перешь.
Und setzt sich schneller drauf.
Извозчик ruft die Pferde an:
Пошел, эй, перекись.
Bei wunderschönen Schlittenbahn
Geht's dann, но, брат, дершиз.

М 19 № 2 (L)

Или:

Kommt man denn auf die Strass hinaus,
So steht сани готов.
Man fragt: Извозчик, что переш. —
Uns setzt sich schnell darauf.
Извозчик ruft die Pferde an:
Пошел и перекись. —
Beim wunderschönen Schlittenbahn
Geht's dann — ты, брат, тершись.

М 19 № 1 (L)

Как мы видим, прямая речь в записи текстов не всегда маркируется кавычками, гораздо чаще она выделяется в текстах песен другими знаками препинания, запятыми, тире, двоеточием и их комбинациями. Кроме того, в данных примерах выделению прямой речи способствует также чередование двух видов шрифтов — кириллицы и латиницы. В тех же случаях, когда русские слова передаются латиницей, выделение

прямой речи происходит при помощи знаков препинания (см. пример М 19 № 5).

В приведенных выше вариантах извозчик обращается не только к ездоку, но и к лошадям, и к прохожим — «Пошел и перекись», причем данные обращения не разделяются, как в реальной речи, а приводятся вместе, возможно, без различения разных интенций их автора — извозчика, а только для маркировки его национальности, для придания колорита. Обращение к ездоку только один раз осуществляется через местоимение *ты*, во остальных случаях обращение маркируется словом *брат*, сопровождаемым междометиями *но* или *ну*, которые не различаются, хотя первое используется в русском языке для понукания лошадей, а второе — как вводное в начале речи.

Иногда диалог как таковой отсутствует, но в тексте все равно появляются русские слова, не маркированные синтаксически как прямая речь и не вводимые другими словами. Однако их появление все равно не случайно. Появление русских действующих лиц влечет за собой новый ряд лексики, обозначающий либо те предметы, которыми они пользуются в своей жизни, либо те действия, которые они совершают. Печник топит *печь*, а иногда даже зовет *попариться* в бане, извозчик *подает* лошадей, довозит героя до места назначения, с другом пьют *чай*, с девушкой танцуют *казачок*.

Иногда в песне очень четко обозначается некое противопоставление русской и немецкой традиций. Так, например, в песне М 19 № 7 данное противопоставление подчеркивается выражением «nach seiner Art», когда речь идет о типе ведения хозяйства:

Dann kommen wir nach der Station,
Dann heisst: «Машина, стой»,
Dann ruft man dem извозчик zu,
«Извозчик, подавай»,
«Извозчик, извозчик, извозчик подавай».

Drin sitzt der Mann mit seinem Sohn,
Und seinen зеляки,
Die Wirtschaft ist nach seiner Art
Mit чай und пирожки,
Mit чай, mit чай, mit чай und пирожки.

Местом действия в данном варианте песни «Winterzeit» является железнодорожная станция, куда приезжает на извозчике герой. В других песнях возможны другие места действия, но это всегда некая

ситуация, которая предполагает выезд за пределы своей деревни, где и происходит встреча с носителями другого языка, диалог с которыми ведется на их языке, на котором называются также предметы, имеющие прямое отношение к данной ситуации. Внутри какого-то помещения, может быть, железнодорожного вокзала, сидят, как мы видим, русские, о чем говорит слово *зеляки*, т.е. земляки. Появление русских слов в тексте немецкой колониисткой песни всегда неслучайно. Так, например, в данном примере с начала строки непонятно, кто такой *der Mann mit seinem Sohn*, русский или немец, но, как только появляется слово *зеляки*, сразу же становится очевидным, что в здании станции сидят русские. В немецком языке существует эквивалент данному слову — *Landsleute* (Pl), но здесь специально дается русская лексема, чтобы четко обозначить национальную принадлежность людей, находящихся на станции. Это подтверждают также следующие строки уже на немецком языке: *Die Wirtschaft ist nach seiner Art (des Mannes)*, т.е. противопоставляется один тип ведения хозяйства (у русских), другому типу (немецкому). Отсюда становится вполне понятным появление русских слов там, где имеются немецкие эквиваленты. Дальше, как следствие данного противопоставления, возникают другие русские слова — *чай* и *пирожки*. Данным словоупотреблением подчеркивается тот факт, что традиционным напитком русских был чай, к которому подавались пирожки; кроме того, данное словосочетание используется также в силу его относительно высокой устойчивости в русском языке (пить чай с пирожками). В немецком языке есть слово *Tee*, полностью соответствующее слову *чай*, но почти во всех вариантах данной песни употребляется именно русское слово, чтобы более четко обозначить ситуацию двуязычия, мультикультурного взаимодействия.

Ситуация со словом *пирожки* не столь проста. Существующие в немецком языке слова, могущие передать содержание данного русского слова, — *die Pastete, der Kuchen, die Pirogge* — не полностью соответствуют лексеме *пирожок*. Слово *die Pastete* восходит к *pastede* (mhd.) и обозначает изделие из слоеного теста цилиндрической формы с начинкой из рубленого мяса, птицы или рыбы. С русским словом совпадают семы формы и частично начинки, но русский пирожок печется из дрожжевого, а не слоеного теста, и его начинка может быть значительно более разнообразной — из картошки, капусты, лука и т.д. Слово *der Kuchen* восходит к *kueche* (mhd.), которое обозначало предположительно на детском жаргоне любую еду или кашу и означает выпечное изделие среднего или большого размера из песочного теста. В данном

обозначении отсутствуют семы начинки и не совпадают семы размера и качества теста. Слово *die Pirogge* является заимствованием из русского языка и обозначает «russische Pastete aus Hefeteig, die mit Fleisch, Fisch oder Ähnlichem gefüllt ist, eine Pastetenart; ein russisches Gericht»⁴⁹. Как видно из пояснений словарной статьи, здесь корректируется по отношению к слову *Pastete* сема качества теста и расширяется набор начинок, т. е. данное заимствованное из русского языка слово наиболее оптимально подошло бы в качестве эквивалента к слову *пирожки*. Однако мы не имеем точных данных о времени заимствования этого слова. Возможно, что немецкие поселенцы, которые записывались во время экспедиций В. М. Жирмунского и являлись потомками переселенцев, приехавших предположительно при Екатерине II, не знали данного заимствования. Кроме того, даже если предположить, что им было известно слово *die Pirogge*, оно все равно не отражает правильный размер пирожка. Русский пирожок маленький, и в немецком языке это можно было бы передать, скорее всего, при помощи прилагательного *klein* — *kleine Pirogge, kleine gefüllte Pastete*.

Как уже говорилось, тексты колониетских песен написаны либо кириллицей, либо латиницей. Это касается также и русских слов. В большинстве песенных вариантов сохраняется противопоставление — русские слова пишутся кириллицей, а немецкие — латиницей⁵⁰. Данная особенность распространяется как на тексты из песенников, так и на варианты, записанные собирателями. Всего из песенников взят 21 вариант⁵¹, из них 5 вариантов песни «Winterzeit» (М 19 № 1 (L), 2 (L), 1, 5, 7), 8 вариантов песни «Sommerzeit» (М 20 № 1 (L), 2 (L), 3 (L), 4 (L), 5 (L), 6 (L), 7 (L), 7), 4 варианта песни «Когда я в Ревеле родился» (М 21 № 1, 10, 11, 21), а также варианты М 22 № 1, М 23 № 1, М 32 № 1(L), М 67 № 1. Однако в некоторых вариантах наблюдаются непоследова-

⁴⁹ Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 5., überarb. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2003. S. 1213.

⁵⁰ За исключением одного текстового варианта, присланного В. М. Жирмунскому А. Марксом, где немецкий предлог *nach* записан кириллицей:

Und als der Турк nach Русс gekommen,

Hab ich gedacht: теперь пора.

Ich nahm mir eine grosse Flinte

Zu schützen своего царя (М 21 № 10).

⁵¹ Об источниках текстов и записях, сделанных собирателями см. также подраздел 5.1 данной работы «Колонистские песни как особая группа песен немецких колонистов», а также Приложение 3 (список номеров смешанных колониетских песен, взятых из песенников колонистов).

тельности в написании русских слов, когда внутри одного текста слова написаны как кириллицей, так и латиницей. Это касается в основном текстов, взятых из песенников (например, М 19 № 1 (L), 2 (L)). При этом латиницей в таком случае записываются наиболее частотные русские слова, такие как *извозчик*, *печник*, *душенька*. Поскольку песенные сборники записывались самими колонистами, мы можем судить о написании ими данных слов. При этом оба типа написания могут чередоваться внутри одного песенного варианта. Последовательное написание всей песни латиницей мы находим только в двух текстовых вариантах М 19 № 5 и М 20 № 6 (L). Почти полностью латиницей, за исключением двух русских слов, записан вариант М 20 № 7. При этом все три варианта были взяты из песенников. Естественно, что в таком случае все русские слова, встречающиеся в данном варианте, записаны тем же шрифтом. В результате можно сделать вывод, что запись разными шрифтами могла делаться намеренно, для противопоставления немецких слов русским и подчеркивания шутливого характера смешанных колонистских песен. При этом слова, вошедшие в обиход колонистов и употреблявшиеся достаточно часто, могли записываться и латиницей как полноценные заимствования.

Цель употребления русских слов может быть разной. Когда русское слово употреблено в русском словосочетании или фразе, его появление определяется самим смешанным, шутливым характером песни, предполагающим чередование строк на разных языках, например:

Итак, я в Ревеле родился

Hab ich erblickt das Licht der Welt,

И где потом я находился

Doch nirgends mir wie dort gefällt.

М 21 № 1

При этом немецкие строки могут дублировать русские, представляя практически то же содержание, как в приведенном выше примере. Русские слова могут употребляться также отдельно, без сопровождения других русских слов. Такие лексемы являются в текстах смешанных песен наиболее частотными, не имеют отношения к чередованию русских фраз, пишутся иногда латиницей, часто — в конце строки и рифмуются с другим русским словом, например:

Die angenehme Sommerzeit

Ist selten hier тепло.

Doch Sommer sagt ist das dafür

Die Nacht dadurch светло.

М 20 № 1 (L)

Часто русское слово, употребляющееся в немецкой фразе, обозначает некую реалию колониистской жизни, имеющую отношение к русской культуре или к русским традициям, например:

Und kommt dann zum guten Freund
So ist der чай bereit
Ist das nicht очень хорошо
Bei kalter Winterzeit?⁵²

М 19 № 3

Иногда на русское слово заменяется часть сложного немецкого глагола с полупрефиксом, образованным от другого глагола или наречия. Это касается таких немецких глаголов, как *bereitstehen*, *zurückkehren* и *spazierengehen*⁵³, например:

Und hat man Lust кулять zu gehen,
So muss шубы herbei.
Da merkt man es, wie wunderschön
Ein Wolfspelz sei.

М 19 № 2 (L)

Очевидно, что существует зависимость фонетической, графической и грамматической реализации слова от того, стоит ли оно отдельно или во фразе, употребляется ли к нему немецкий эквивалент или оно используется в тексте русской песни как вставка, цитирование.

5.4.3. Тематические группы русских и соотносящихся с ними немецких лексических единиц в текстах немецких колониистских песен

Итак, для смешанных колониистских песен характерно употребление большого количества русских лексем или гибридных слов с префиксами и суффиксами из другого языка (Garl-уша 'Карлуша'), а также сложных слов из разноязычных основ (готов *stehen*) и отдельных словосочетаний и фраз. Применительно к данному материалу не всегда можно употребить термин «заимствование», говоря о русскоязычных вставках в текст немецкой песни, так как большинство русских слов в песнях смешанного характера, их частей и выражений лишь отчасти подвержено ассимиляции с немецким языком и противопоставляется

⁵² Во всех примерах сохраняется пунктуация оригинала.

⁵³ Подробнее об этой особенности см. подраздел 5.5 «Проявление грамматической интерференции в островном песенном фольклоре немецких колониистов».

немецким словам или фразам с целью достижения комического эффекта, который основывается как раз на столкновении в одном контексте двух языков — русского и немецкого. При этом для каждой песни характерен в целом свой набор отдельных лексем, словосочетаний и фраз, отражающих содержание песни. Лишь небольшое количество лексических единиц встречается в нескольких, разных по содержанию песнях.

Все русские лексические единицы, отобранные из текстов смешанных колониистских песен методом сплошной выборки⁵⁴, сводятся к нескольким исходным вариантам. Как исходный вариант здесь обозначается та лексическая единица, которая соответствует определенной лексеме, словосочетанию или фразе в русском языке. То есть все варианты употребления одного слова, например *тепло*, *тебля* и *дебля*, независимо от того, как часто они встречаются в текстах, восходят к одному исходному варианту — *тепло*. К исходному варианту сводились не только разные примеры употребления одной и той же единицы, но и близкие по семантическому значению лексические единицы, встречающиеся в разных вариантах песни в одном и том же контексте и полностью друг друга заменяющие, например слово *лавочник*, которое употребляется в большинстве текстов в сочетании *лавочник-хозяин* и заменяется в нескольких вариантах словами *булочник-хозяин* и *пудешник-хозяин*.

Все выделенные таким образом исходные единицы можно разделить на три большие группы: отдельные лексемы русского языка, русские словосочетания и целые синтагматические единицы, включенные в немецкий текст. Значительную часть всех исходных вариантов составляет первая группа — отдельные русские лексемы, включенные в текст немецких песен как в изолированном положении, т. е. без сопровождения других русских слов, так и в словосочетаниях и фразах и встречающиеся в разных контекстах. Данная группа разделена на несколько тематических подгрупп с учетом частеречной принадлежности лексем:

⁵⁴ При вычлениении русских лексических единиц решающую роль играл контекст. В первую очередь выделялись русские слова, встречающиеся в немецком контексте в качестве полноценных заимствований. Затем при определении семантики данного слова и тематической группы, к которой оно должно быть отнесено, проводилось сравнение с возможными немецкими эквивалентами или другими русскими словами подобной тематики, но уже употребляющимися не только в немецком контексте, но и в русских словосочетаниях или фразах.

- обозначение профессиональной, социальной и национальной принадлежности и близкая по семантике лексика;
- быт немецких колонистов;
- названия лиц мужского пола, не связанные с предыдущими группами;
- названия лиц женского пола;
- празднования;
- бранные слова, лексемы, относящиеся к конфликтным ситуациям;
- имена собственные и личные.

Отдельно выделены лексемы, не отнесенные ни к одной из тематических групп.

5.4.3.1. Обозначение профессиональной, социальной и национальной принадлежности и близкая по семантике лексика

1) Профессиональная принадлежность

В группе «профессиональная принадлежность» выделяются в целом четыре основных подгруппы лексем — водители и транспортные средства, печник и связанные с этой профессией лексемы, профессии, связанные с торговлей, лексемы, связанные с наказаниями и штрафами. Помимо русских в данной группе рассмотрены также немецкие лексемы, являющиеся эквивалентами русских слов или обозначающие профессии, не упоминающиеся на русском языке.

А. Водители и транспортные средства

Самым частотным русским словом в колонистских песнях является лексема **Извозчик**, которая встречается всего 34 раза, из них: 18 раз — в песне «Winterzeit», 16 раз — в песне «Sommerzeit». В обеих песнях данное слово употребляется как отдельно, так и в составе русских фраз и словосочетаний. Отдельно, т.е. будучи включенной в немецкую, а не русскую фразу, данная лексема употребляется всего 14 раз. В остальных случаях она является включенной в варианты русских фраз: «Извозчик, подавай!», «Извозчик, стой!», «Извозчик, что берешь?», «Извозчик, — hei, juhej, Запрягай лошадей, Отвезешь меня туда», «Извозчик ожидает».

Данное слово встречается в колонистских песнях в разном написании: наиболее часто, 15 раз, — в правильной русской орфографии, но с заглавной буквы как в начале фразы, так и в середине, что является типичным для русских заимствованных существительных, которые пишутся по аналогии с немецкими с заглавной буквы — *Извозчик*. Всего четыре раза данная лексема написана со строчной буквы в правильной

русской орфографии — *извозчик*, пять раз — по правилам русско-немецкой транслитерации, латиницей с заглавной буквы — *Iswoschtschik*, шесть раз — с заменой сочетания букв *зч* на *щ*, что соответствует произношению данного слова и является фонематическим написанием — *Извощик* (из них один раз — латиницей с нарушением правил транслитерации и заменой сочетания *schtsch* на *scht* — *Iswoschtik*). Четыре раза данная лексема встречается с опусканием первого гласного, в разных вариантах — *звощик*, *свощик*, *Свозчик* (два раза), один раз — с заменой *ч* на *щ* — *извощик*.

С. И. Ожегов приводит три значения слова *извозчик*: «1) Кучер наемного экипажа, повозки (Ломовой извозчик. Легковой извозчик). 2) Наемный экипаж с кучером (Ехать на извозчике). 3) Крестьянин, промышляющий извозом (устар.)». Извозом назывался до революции крестьянский отхожий промысел по перевозке грузов на лошадях⁵⁵. Из контекста обеих песен ясно, что речь идет о первом или третьем значении данного слова, так как во всех случаях есть ситуация диалога, где данное слово употребляется в обращении к кучеру наемного экипажа или повозки, в зависимости от ситуации.

Частотность данного русского слова связана, во-первых, с содержанием песен «Winterzeit» и «Sommerzeit», где основное действие происходит за пределами немецкого поселения, либо в одном из пригородов Петербурга, либо просто на станции, куда добираются на извозчике. Во-вторых, данное слово намеренно употребляется певцами, очевидно, не только для создания комического эффекта при чередовании русских фраз с немецкими, но и для обозначения русской реалии. В нескольких вариантах песни «Sommerzeit» данное предположение подтверждается также другой лексемой, обозначающей реалию русской жизни, словом **подвода**, которое употребляется три раза в разных вариантах песни во фразе: «Iswoschtschik Bodwot dawai» — М 20 № 7. При этом слово *подвода* употребляется каждый раз без окончания *-а*, в разном написании: *bodwot*, *Botwot* — М 20 № 1 (L), *Bodwot* — М 20 № 7. Ожегов определяет *подводу* как «грузовую конную повозку»⁵⁶, но в данном случае подвода используется, очевидно, для подвоза людей.

В русском языке со времени Петра I существовали также обозначения транспортных средств, заимствованные из немецкого языка,

⁵⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. С. 242.

⁵⁶ Там же. С. 532.

например: *берлін* («вид дорожного экипажа» со времени Петра I, заимств. из франц. *berline* «четырёхместный экипаж» (XVII в.) или нем. *Berline* «дорожная карета с откидным верхом»; карета такого типа была изобретена в XVII в. архитектором курфюрста Бранденбургского)⁵⁷, *фýра* («подвода», народн. *хýра*, южн. через польск. *fura* или непосредственно из нем. *Fuhre*)⁵⁸.

Таким образом, употребление русского слова намеренно подчеркивает, что подразумевается именно русская реалья. Вероятно, для различных поездок немецкие колонисты пользовались услугами русских извозчиков. В немецком языке, конечно, существуют такие слова, как *der Fuhrmann*, *der Lastfuhrmann*, *der Fuhrknecht*, образованные от слова *die Fuhre*, обозначающего уже в днн. языке *воз, подводу, повозку*, используемую в основном для сельскохозяйственных работ, и слова *der Kutscher*, *der Droschkenkutscher*, образованные от слова *die Kutsche*, существующего в немецком языке с конца XV в. для обозначения *Pferdedroschke*, заимствованного из венгерского языка и обозначающего карету (от венг. *kocsi* «дорожный экипаж», производного от названия города *Kocs*, кучера из этого города обслуживали сообщение между Веной и Будой в XV–XVI вв.)⁵⁹. Кроме того, лексема *Droschkenkutscher* включает в себя слово *die Droschke*, заимствованное из русского языка в XVIII в., используется для обозначения *Mietskutsche*, от русского слова *дрожки* 'leichter Wagen'. При этом *die Kutsche* используется для перевозки людей, а *die Fuhre* — в основном для перевозки грузов. Внешне русская подвода соответствует скорее слову *die Fuhre*, но у нее было более широкое применение. Русское же слово *извозчик* имеет более широкое семантическое поле. Извозчиками называли как людей, управляющих подводами, так и людей, управляющих каретами (хотя в русском языке есть также и слово *кучер*, заимствованное из немецкого языка в XVIII в. в значении «тот, кто правит лошадьми»)⁶⁰.

В русском языке с начала XVIII в. существуют также немецкие заимствованные слова для обозначения возницы — *фурман* (заимствовано, по-видимому, прямо из немецкого *Fuhrmann*), *фурлейт* (иногда

⁵⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер с нем. с дополнениями члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. Изд. 2-е, стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. С. 157.

⁵⁸ Там же. Т. 4. С. 210.

⁵⁹ Там же. Т. 2. С. 438.

⁶⁰ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Рад. шк., 1989. С. 205.

в форме *фурлей* — также из немецкого *Fuhrleute*)⁶¹, и также заимствованное из немецкого языка слово *кучер* (при Петре I часто использовалась форма *кучман*, которая восходит, возможно, к английскому *coachman* ‘кучер’)⁶². Данные слова не встречаются в немецких колониистских песнях, что снова подчеркивает намеренное употребление русского слова для обозначения русского человека.

В одном контексте с лексемой *извозчик* употребляются такие русские глаголы, как **стоять, подавать, запрягать, отвозить, ожидать, брать**, в различных формах. Наиболее частотна форма императива от глаголов *стоять, подавать, запрягать*: *Стой!*, *...запрягай!*, *...подавай!* Как форму повеления можно рассматривать глагол *отвозить* в форме *отвезешь*. Остальные глаголы представлены в форме настоящего времени либо 1-го, либо 2-го лица.

К этой же подгруппе лексем относится еще одно название транспортного средства — **дрожки**. Данное слово встречается в колониистских песнях — М 27 № 1 и М 59 № 1 (Т), записанных в разных местах, на Украине и в Закавказье. Оба раза данное слово употреблено в немецкой фразе и записано латиницей: *Mit ä lange Droschke* — М 27 № 1, *Mit era langa Drotschka* — М 59 № 1 (Т). В русском языке существуют два слова: *дроги* и *дрожки*. Дроги определяются в словаре С. И. Ожегова как «удлиненная повозка без кузова с длинной дорогой (или дорогами)», например крестьянские дроги, похоронные дроги. Данное слово образовано от лексемы *дорога*, которая обозначает «продольный брус в повозке, соединяющий переднюю ось с задней»⁶³, и восходит, как мы находим в словаре Фасмера, вероятно, к др.-исл. *draga* ‘тянуть’, англос. *dragan* — то же, норв. *drag* ‘вид паруса’⁶⁴.

В данном случае под словом *дрожки* подразумевается, скорее всего, не «легкий открытый рессорный экипаж», а все-таки «крестьянские дроги», в уменьшительно-ласкательной форме. В пользу этой версии говорит также прилагательное *lang* перед словом *дрожки*, которое подчеркивает значение длины повозки, что соответствует значению слова *дорога*, данному в словаре С. И. Ожегова.

В колониистских песнях встречается также слово **сани** для обозначения зимнего вида транспорта в песне «Die angenehme Winterzeit». О том,

⁶¹ Фасмер М. Указ. соч. Т. 4. С. 211.

⁶² Там же. Т. 2. С. 438.

⁶³ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 183.

⁶⁴ Фасмер М. Указ. соч. Т. 1. С. 540.

что это особый вид транспорта — «зимняя повозка на полозьях»⁶⁵, говорит также лексема *Schlittenbahn*, обозначающая в данном случае санную дорогу во фразе *Bei wunderschönen Schlittenbahn*. Один раз данное слово написано кириллицей со строчной буквы — *сани* — М 19 № 1 (L), один раз — латиницей с заглавной буквы — *Sani*. При этом в первом случае не соблюдаются грамматические показатели русского слова, и немецкий глагол показывает 3-е лицо единственного числа: *Kommt man denn auf die Strass hinaus. // So steht sani gowow*. По аналогии с родом и числом немецкого эквивалента *der Schlitten*, которое употребляется как в единственном, так и во множественном числе — *die Schlitten*. Немецкое слово ни разу не встречается в колониетских песнях, хотя было, конечно, знакомо немецким колониетам, так как восходит еще к срвн. *slite*, двн. *slito*, образованных от глагола срвн. *sliten* (скользить) (ср. с англ. *to slide*)⁶⁶. Во втором примере множественное число русского существительного соблюдается и глагол показывает 3-е лицо мн. ч.: *So stehn Sani gowow*. Что касается формы *gowow* или *gotow*, то она образована по аналогии с немецкими сложными глаголами (в данном случае — с глаголом *bereitstehen*), у которых первая часть является неизменяемой, выносится на синтаксическую позицию конца предложения и соответственно не служит для показания рода и числа имени существительного. Данная лексема употребляется два раза в одном контексте со словом *сани* (*steht sani gowow* — М 19 № 1, *stehen Sani gowow* — М 19 № 5) и один раз — в одном контексте со словом *печник* во фразе «Сейчас готов» — М 19 № 1 (L).

Один раз в колониетских песнях употребляется слово *машина* — М 19 № 7:

Dann kommen wir nach der Station,
Dann heisst: «Машина, стой».

Судя по контексту, согласно которому главные действующие лица песни прибывают на выходные на железнодорожную станцию, слово *машина* относится к поезду, а слова «Машина, стой» говорит машинист, также предположительно русский человек. То, что речь в данной песне идет о железной дороге и о поезде, подтверждают другие

⁶⁵ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 695.

⁶⁶ Duden «Etymologie»: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. 2. Aufl. Bd. 7. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989. S. 637.

варианты песни «Sommerzeit» (М 20 № 1 (L), 2 (L), 4 (L), 6 (L), 7 (L)), а также схожий по содержанию вариант песни «Winterzeit» (М 19 № 7), где встречается слово **Eisenbahn**:

An jedem праздник ist es da
Народа темнота,
Die Eisenbahn ist so besitzt,
Что просто, брат, беда.

Это же подтверждается употреблением в некоторых вариантах данной песни имени собственного — **Павловский вокзал**⁶⁷ и лексемы **станция**, которая употребляется один раз в песне М 20 № 6: *Und kam man an die станция, // An Павловский вокзал*. Три раза для обозначения железнодорожной станции употребляется немецкая лексема **die Station** — М 20 № 4 (L), 5 (L), 3: *Und kommt man an die Station an, // Da schreit die Menge стой* — М 20 № 4 (L).

К транспортным средствам можно отнести также лексемы **лошадь** и **конь**:

Извозчик, — hei, juhej,
Запрягай лошадей... М 19 № 6

Da ist der царь geritten kommen,
На grossem вороном коне,
Da hat er meine беда vernommen,
И он позвал меня к себе. М 21 № 1

Лексема **конь** встречается в словосочетаниях *вороной конь* — М 21 № 1, 5, *воронецкий конь* — М 21 № 6, *дрезлый вороной конь* — М 21 № 9. В немецком языке существует соответствие словосочетанию *вороной конь* — *der Rappe*, но в смешанных колониистских песнях оно не приводится. Этимология немецкого слова совпадает с этимологией русского прилагательного *вороной* — оба образованы от слова *ворон* (нем. *der Rabe*), однако данная связь вряд ли осознавалась немецкими колониистами, о чем говорит, например, прилагательное *воронецкий*, образованное по аналогии с русским словом *молодецкий* (т. е. *лихой*), встречающимся в других смешанных колониистских песнях. Лексема *дрезлый*

⁶⁷ Подробнее см. дальше, в группе «Имена собственные».

представляет собой, скорее всего, русское видоизмененное прилагательное *резвый*.

Два раза встречается лексема *пароход* — М 61 № 1:

Oft zankt mein Weib mit mir, o Graus!
In vollem, raschem Mute.
Da klopf ich meinen Nobel aus
Und denk: «Du brummst mir gut!»

Шик блэс анамерикан,
На пустой карман
Напиваюсь пьян,
Иду как шарлатан.
По синему морю я плыла
В Одесском пароходе.
Тогда я только узнала.
Как плывет пароход.

Слово *пароход* употреблено в смешанной немецко-русской песне, но в русском контексте. Данная песня была записана на слух собирательницей, в будущем известным лингвистом С. А. Акуляниц, содержит примечание «Ende vergessen» и представляет собой набор чередующихся русских и немецких куплетов, на первый взгляд никак между собой не связанных. Объединяет их только общий шутливый характер песни.

Б. Профессия печника и связанная с ней лексика

К названиям профессий относится также слово *печник*, которое встречается в колониетских песнях всего три раза, в изолированном положении в немецкой синтагме и только в песне «Winterzeit»: *Слышь die, ruft man den Печник zu* — М 19 № 1 (L), *Slüsch ты, ruft man dem Petschnik zu* — М 19 № 2 (L), *Slusch, ruft man gleich Petschnik zu* — М 19 № 4. Как мы видим, данное слово встречается здесь в разной орфографии, как кириллицей, так и латиницей, всегда с заглавной буквы. Данная профессия была, очевидно, типичной именно для русского населения. Ожегов дает определение данной профессии следующим образом: «мастер, занимающийся кладкой и ремонтом печей»⁶⁸. В этом же значении: «männliche Fachkraft, die [Kachel]öfen und Kamine baut und instand setzt» существует немецкое слово *der Ofensetzer* (в немец-

⁶⁸ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 514.

ком языке есть также такие слова, как *der Keramiker*, *der Hafner* (верхненем.), *der Häfner* (южнонем.), которые, однако, либо не являются общеупотребимыми, либо не вполне соответствуют указанному выше значению). Немецкий эквивалент ни разу не употребляется в текстах колониетских песен, что подтверждает намеренное использование русского слова для обозначения русского представителя данной профессии.

К этой же подгруппе относится слово **печь**, которое встречается в тех же вариантах песни «Winterzeit», что и лексема *печник*, но не в изолированном положении, а в одной и той же русской фразе: *Скорей мой печ топн* — М 19 № 1 (L), *Скорей мой печь доби* — М 19 № 2 (L), *skorej moj Petsch topi* — М 19 № 4. Данное слово встречается в разной орфографии, как кириллицей, так и латиницей. Местоимение *мой* перед существительным является во всех трех вариантах показателем мужского рода имени существительного по аналогии с немецким существительным *der Ofen*. Кроме того, мягкий знак на конце слова не является в русском языке однозначным показателем женского рода, однокоренные существительные, оканчивающиеся на мягкий знак, могут быть также и мужского рода (*конь*, *огнь* (*огонь*)), что также могло оказать влияние на освоение этого слова. В колониетских домах были русские печи, которые использовались для обогрева дома и готовки наряду с плитами. Л. Э. Найдич так описывает типичную кухню колониетов под Петербургом: «Кухня в колониетском доме больше, чем комнаты, свидетельствовала о крестьянском образе жизни. Обычно в доме существовали две кухни — “чистая кухня” (“reine Küche”) и просто “кухня”. Там же стояла плита, можно было готовить. Плиту, называвшуюся заимствованным из русского словом “Plitt”, топили дровами. В кухне или в людской стояла русская печь, в которой пекли хлеб, а иногда готовили некоторые блюда, например жаркое. К печи был прикреплен котел для подогрева воды»⁶⁹.

В одном контексте со словами *печник* и *печь* употребляются такие русские глаголы, как **топить**, **слушать**. Они употребляются в формах императива 2-го л. ед. ч. — *топи*, *слушь*. Первый связан со словом *печь* и словосочетанием *топить печь*, а второй является обращением к печнику.

⁶⁹ Найдич Л. Э. Быт и образ жизни немецких колониетов под Петербургом... С. 103.

В. Профессии, связанные с торговлей

Следующей лексемой, обозначающей профессию, является слово **лавочник** в различных вариантах. Данное слово встречается в различных вариантах песни «Sommerzeit» как отдельно, так и в сочетании со словом *хозяин* (*лавочник-хозяин* и др.):

Und auch der путешник хозяин — М 20 № 4;

Und auch der Лавашник хозяин — М 20 № 4 (L);

Und auch der лавочник-хозяин — М 20 № 5 (L), 1 (L);

Und auch der булочник-хозяин — М 20 № 1 (W);

Und cam der лавочник идет — М 20 № 7 (L);

Und mancher лавочник-хозяин — М 20 № 8 (L);

Und auch der лавочник хозяйн — М 20 № 2 (L).

Слово **лавочник** встречается в основном в орфографическом написании, один раз на письме отражено произношение данного слова — *лавашник*, где проявляется чередование о/а и просторечная замена согласного /č/ на /š/. Лексема *хозяин* также употребляется в основном в правильном написании, за исключением одного случая — *хозяйн*, где краткость заударного гласного /i/ передается за счет замены его на согласный /j/. Наличие перед существительным либо определенного артикля (*der лавочник* и др.), либо местоимения *mancher* (*mancher лавочник-хозяин*) говорит о его грамматическом освоении⁷⁰ и соответственно принадлежности к числу заимствований из русского языка. К этой же подгруппе относится лексема **лавочка**, встречающаяся в колониетских песнях один раз:

Bei mir bei schöner лавочка

Отличнейший бульвар.

М 22 № 1 «Vermischtes Lied»

Слово *лавочник* два раза заменяется на другие лексемы — **путешник** и **булочник**, но их можно отнести к одной группе слов, так как они являются взаимозаменяемыми в одном и том же контексте. Семантика лексемы *путешник* является не вполне ясной, возможно, это пример гибридного образования от слова *Bude* (русс. *будка* является заимствованием из нем. яз. с добавлением русского суффикса -к-) при помощи соединительного гласного -е (от немецкого *Bude*) и заменой немецкого слабого звонкого /b/ на русский глухой /p/ (путешник — будешник — будочник).

⁷⁰ Подробнее о грамматическом освоении русских слов, и в частности об употреблении артикля перед русскими лексемами, см. подраздел 5.5.2 «Присвоение русским словам несвойственных им грамматических категорий».

Лексема *булочник* встречается также еще в одной колониистской песне в форме фонетического написания — *булашник* и с указанием национальной принадлежности представителя данной профессии — *булашник немецкой* — М 32 № 1 (L). Примечательно, что данная песня практически вся исполняется на немецком языке, но влияние русского языка начинается проследиваться с первой строчки, как только появляется имя главного персонажа — ***Garluscha***, образованное от немецкого имени *Karl* по русской словообразовательной модели путем прибавления суффикса *-ush*, с заменой глухого согласного /k/ на звонкий /g/ в начале слова:

Wenn *Garluscha* nicht versagt,
Besser wird er künftig.
Morgen Tages ist ein Glück —
Sei nur recht vernünftig.

Далее развивается сюжетная линия песни, рассказывающая о возможном счастливом будущем главного действующего лица с прекрасной невестой, также на немецком языке:

Nur dann kriegst du eine Braut,
So schön als ein Schätzchen.
Weiss und zart ist ihre Haut,
Wie ein Zuckerblättchen.

Русские лексемы появляются лишь в последней строфе в связи с ситуацией диалога с предположительно русским персонажем, который задает вопрос уже на русском языке: «Что такой» (= Кто ты такой?). Появлению вопроса на русском языке предшествуют в предыдущей строфе несколько лексем, обозначающих русские реалии и указывающих на место действия в России. Это название денежной единицы — *Rubel* и название места действия — *Krestowski* (Крестовский остров в Петербурге):

Wenn *Garluscha* tausend *Rubel* hat,
Fährt er nach *Krestowski*,
Trinken eine Flasche Bier
Hören muss man zihren (?)
Endlich spricht man: «Что такой».
Булашник немецкой.
Шляпа на бок, франт какой.
Чтобы малатецкой.

Булочники в Петербурге были в основном немцы, у них также были свои булочные, например на Невском проспекте располагались нюрнбергские магазины Исслера и булочная Пфлюгера, магазин кондитерских изделий Гесселя на Караванной ул. и мн. др⁷¹.

К названиям профессий можно отнести также русское слово **купец**: *Oтец wollt mich zum купец machen, // Чтоб с пряниками торговать* — М 21 № 6. Данное слово встречается всего один раз, в остальных случаях употребляется немецкий эквивалент — *der Kaufmann*. При этом данная лексема служит для обозначения как немецких, так русских представителей данной профессии. В различных вариантах песни «Когда я в Ревеле родился» (М 21) *Kaufmann* обозначает, очевидно, немца, поскольку главным героем песни является немецкий персонаж, рассказывающий о своей судьбе, об отце, который хотел, чтобы он стал купцом, о потере денег, дальнейшей военной карьере и о ее результатах:

Oтец will mich zum Kaufmann machen,

Чтоб пряником я торговал.

А где я то мой смерти sagen (?)

Теперь я деньги промотал.

М 21 № 3

А в песне «Die angenehme Sommerzeit» словом **Kaufmann** называется уже русский купец, что подчеркивается определением к нему «mit dem Bart» — М 20 № 1 (L), 2 (L). Борода была типична для русского населения, а немцы, как правило, брились, о чем свидетельствуют, например, фотографии немецких колонистов. Доказательством того, что речь идет именно о русском купце, служит также противопоставление строф, следующих друг за другом. В первой речь идет

⁷¹ Наиболее известное упоминание о немецких булочниках в литературе — у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине», в строфе XXXV:

...А Петербург неугомонный

Уж барабаном пробужден.

...И хлебник, немец аккуратный,

В бумажном колпаке, не раз

Уж отворял свой *vasisdas*.

(Пушкин А. С. Стихотворения. Евгений Онегин. Архангельск: Сев.-Зап. книжн. изд., 1976. 272 с.).

Более подробно о немецких булочниках см. статью: Репина А. В. Немецкие булочники в Санкт-Петербурге // Немцы в России: Петербургские немцы... С. 197–205.

об отдыхающих немцах, во второй — о русских. Основой противопоставления служит не только лексема *земляки*, но и различные виды развлечений у немцев (табак, пиво) и у русских (водка, пирожки).

Woll man Крестовский Остров sehen,

Сидя там час в трактир,

Da amasiert der немец sich

Bei Tabak und bei Bier

Und auch der Kaufmann mit dem Bart

Mit seine земляки,

Bewirtet sich auf aller Art

Bei Schnaps und Biroschki.

М 20 № 1 (L)

Г. Обозначения профессий, связанных с наказаниями и штрафами, и примыкающие к этой группе лексемы

К данной подгруппе относится лексема *городовой*, встречающаяся один раз в колониетских песнях:

Sauf nicht viel, sonst wirst besoffen

Kommst nach городовой.

М 76 № 1

В царской России городской — это низший чин городской полиции⁷². Поэтому данная лексема появляется в песне, когда речь идет о наказании за пьянство. Похожая ситуация встречается еще в одной смешанной колониетской песне, записанной на Украине, с сильным влиянием украинского языка. Речь в данном тексте идет о наказании, также, скорее всего, за пьянство. В данной песне два раза употреблена другая лексема, обозначающая уже место наказания — *карцер*:

Раз пошел я в один дома;

Нет вина на праздный дня.

Соблюди я в одно яму

Я там кричал: «Was ist das».

Meine Mutter именинник,

Я у карцеру сiju.

Ohne Pfeffer, ohne Ursach,

Я по карцеру хожу.

М 58 № 1

⁷² Ожегов С.И. Указ. соч. С. 144.

Д. Прочие профессии

Помимо перечисленных выше в смешанных колониистских песнях речь также идет о профессии кузнеца. Правда, сама профессия не называется, но по лексемам, употребляемым в контексте — **Schmiede, schmieden, zuschlagen**, становится очевидно, что речь идет о кузнеце. Данное обозначение встречается только в одной песне на немецком языке, подмастерье кузнеца зовут по-немецки *Peter*, что естественно, так как в каждой колонии был, как правило, свой кузнец из местного населения:

In unserer *Schmied* geht`s lustig zu:
Der Peter *schmied*, und ich *schlag* zu.
Der Meister ist auch nicht faul dabei.
Der *schmiedet* mehr, als wir zwei.

М 24 № 1

2) Социальная и политическая принадлежность

К данной группе можно отнести как русские, так и немецкие лексемы, обозначающие принадлежность к какому-либо социальному слою или политической партии. Из русских существительных наиболее частотным является слово **царь**, которое употребляется в вариантах фраз *Zu schützen meines царя* — М 21 № 1, 6, 7, 10, 11, 1 (L) и *Da ist der царь geritten kommen* — М 21 № 1, 5, 9:

Hab meine Flint von Wand genommen,
Zu schützen нашего царя.

М 21 № 2

Hab meine Flinte rasch genommen
zu schützen своево Царя.

М 21 № 1 (L)

Da ist der царь geritten kommen
Ha grossem вороном коне.

М 21 № 5

Употребление данной лексемы вполне объяснимо, когда речь идет о русском царе, как обозначение русской реалии. Гораздо реже, всего в одной песне, вместо русской лексемы употребляется немецкое слово **Kaiser**:

2. Denn der *Kaiser Nikolai*
Gab Befehl im ganzen Land,
/: Alle Deutsche, die drin wohnen
Müssen raus mit leerer Hand /: ...

6. Doch *der Kaiser* hats verdorben
Selbst mit seinem ganzen Heer,
Darum ist er auch verworfen,
Und das Alte gilt nicht mehr.

7. Alle, die am höchsten waren
Sind auf einmal hingericht,
Und *der Kaiser Nikolai*
Darf nicht mehr ans Tageslicht.

М 40 № 1

Данная песня посвящена событиям периода до и после революции 1917 г., освободителем выступает в ней Ленин, а поработителем, очевидно, царь Николай II. Речь здесь идет об указах 1915 г. о насильственной продаже земельной собственности всех российских подданных германского и австро-венгерского происхождения, проживавших в пограничной и прибрежной полосе шириной в 100–150 верст, о выселении немецкого населения из Волыни в Сибирь, в Оренбургскую, Самарскую и Саратовскую губернии и об указе от 17 февраля 1917 г., по которому выселению подлежали все поволжские немцы.

Русское слово *царь* является титулом, принятым в 1547 г. Иваном Грозным. В др.-рус. языке существовала форма *цѣсарь* в качестве обозначения византийского императора и татарского хана. Возможно, что форма *царь* была параллельно заимствована из болг., где она зафиксирована уже с XIII в. Обе формы восходят к гот. *Kaisar* «император» от латинского *Caesar*, к которому восходит также немецкое слово *Kaiser*, считающееся самым древним латинским заимствованием в немецком языке⁷³. Слово *царь* является русской реалией, в связи с чем оно наиболее часто встречается в колониистских песнях.

К данной группе можно также отнести пять единично встречающихся в текстах русских лексем: *кулаки*, *затюжник*, *свободны* во фразе *Wenn кулаки затюжник geben, // Dann sind wir свободны* — М 25 № 1, *союзники* во фразе *Sie nennen sich союзники* — М 24 № 1, *политика* во фразе *И политики не стай* = *И политики не знаю, политикой не занимаюсь* — М 58 № 1.

К обозначению партийной принадлежности относится лексема *Kommunisten*, встречающаяся только один раз на немецком языке:

Auf einem weissen Schimmel
Da reiten die Soldaten in den Himmel.

⁷³ Фасмер М. Указ. соч. Т. 4. С. 290–291; Duden «Etymologie». Указ. соч. S. 320.

Auf einer gelben Schwelle,
Reiten *die Kommunisten* in die Hölle.

М 26 № 1

Интересно, что в данной песне, записанной на Украине в том же году, что и рассмотренная выше М 40, приход коммунистов к власти расценивается уже с отрицательной позиции. Сложно сказать об истинном отношении немецких крестьян к новой власти, которое было, скорее всего, двойственным. Перемены, воспринятые сначала с воодушевлением и надеждой, очень скоро принесли немцам новые несчастья, связанные с выселением с насиженных мест, раскулачиванием и т. д.

3) Национальная принадлежность

В данной группе рассматриваются семь русских имен существительных, обозначающих национальности — *немец, еврей, турок, француз, англичанин, русский, молдаванин*, и два имени прилагательных — *немецкий* в разных песнях и *русский*. Сюда включены также немецкие лексемы, обозначающие национальную принадлежность и употребляющиеся либо в чередовании с русскими эквивалентами, либо отдельно.

Четыре раза, при этом только в песне «Sommerzeit», только в вариантах, записанных в ленинградских колониях, встречается лексема *немец* — М 20 № 4 (L), 5 (L), 1 (L), 2 (L):

Woll man Крестовский Остров sehen,
Сидя там час в трактир,
Da amasiert der немец sich
Bei Tabak und bei Bier.

М 20 № 1 (L)

Данное слово всегда сопровождается определенным артиклем, записано кириллицей, три раза — со строчной, один раз — с прописной буквы. Все четыре раза данная лексема встречается в вариантах немецкой фразы «Da amüsiert der немец sich...». Современная форма слова *немец* развилась из др.-рус. *нѣмьць* «говорящий непонятно, чужой, иностранец», которое образовано с суффиксом названия лиц *-ьць-ь* от прил. *нѣмъ* «немой», «говорящий неясно». Распространение слова *нѣмьци* на народы германского племени объясняется тем, что прежде всего они приходили к славянам как завоеватели, торговцы и т. п. Полная форма прилагательного *нѣмьши* превратилась в современном языке в *немой* «лишенный дара речи, способности говорить». Др.-рус. *нѣмьши*, как полагают, происходит от праслав. *нетујь* — тожд., развившегося из *тетујь*

«лишенный речи» вследствие расподобления (диссимиляции) *m* — *m* в *n* — *m*. Само *tetuyi* образовано от звукоподражания немому (ср. нем. *tummeln* «заикаться, бормотать»)⁷⁴.

Немецкий эквивалент данного слова *der Deutsche*, который представляет собой субстантивированное прилагательное *deutsch*⁷⁵, восходящее к древнему существительному со значением *Volk, Stamm*, ни разу не встречается в колониистских песнях. Использование русской лексики подчеркивает положение немцев внутри другого языкового сообщества, а именно то, как их называют русские, т. е. взгляд на немцев со стороны.

Один раз лексема *немец* заменяется на ***ein Jude***: *Da amüsiert ein Jude sich // Mit Tabak und mit Bier* — М 20 № 2. Данное обозначение мы встречаем на немецком языке еще два раза в песне «*Rastatter Lied*» — М 24 № 1, один раз в форме ***Jude***, один раз — ***Judenkind***:

Ihr Hauptmann war *ein Judenkind*,
Ein Schuft, wie alle *Juden* sind.
Rigieren will er im deutschen Haus.
Verkehrt flog er zur Tür hinaus.

М 24 № 1

Данное наименование национальной принадлежности встречается также и на русском языке в песне «Когда я в Ревеле родился» в варианте первой фразы — «Когда ***евреем*** я родился».

В колониистских песнях встречаются также наименования других наций. Так, в песнях, повествующих о русско-турецкой войне, появляется существительное ***der Турк, ein Турок, der Турок der Türk***. Данная лексема встречается в песне «Когда я в Ревеле родился» в следующих фразах: *Hat mich der Turk auf's Ziel genommen* — М 21 № 1, 6, 9, 10, *Hat mich ein Türk aufs Ziel genommen* — М 21 № 6, *Und als der Турк nach Russ gekommen* — М 21 № 5, 6, 7, 10, 11, *Jetzt wieder kommt der Türk zur Hilfe* — М 21 № 2, *И много турок убивал* — М 21 № 6, 9, 10, 11. Всего данная лексема встречается в колониистских песнях 13 раз. В форме *турок* данное слово употреблено лишь три раза, два из них с прописной буквы,

⁷⁴ Цыганенко Г. П. Указ. соч. С. 257.

⁷⁵ Данное прилагательное (сравн. *diut[i]sch, tiu[t]sch, двн. diutisc, нидерл. duits[ch], deutsch*) известно с X в. и употребляется наряду с использовавшимся в VIII в. в *mlat. theodiscus* (относящийся к народу, народный) (*mlat. theodisca lingua*); оно было официальным обозначением германского языка (древне-франкского) в империи Карла Великого: см. Duden «Etymologie». Указ. соч. S. 123.

один раз со строчной в форме множественного числа. Во всех остальных случаях данная лексема также пишется с прописной буквы, как все немецкие имена существительные независимо от того, записано слово кириллицей или латиницей. Форма *Турк* в кириллической записи с выпадением безударного гласного употреблена четыре раза, в остальных случаях мы встречаем вариант *Türk*.

В смешанных колониистских песнях есть также упоминания о войне с Наполеоном, в таких текстах соответственно встречается лексема **француз** (три раза), **Franzose** (один раз):

Jetzt ist француз ins Land gekommen,
Hab ich gedacht, теперь пора. M 21 № 2

Als die *Franzosen* sind gekommen,
Da dacht ich schon: Es ist пора. M 21 № 1 (L)

Данное слово было заимствовано русским языком из ср.-в.-н. *franzôs*, восходящего с ст.-фр. *françois*⁷⁶ с диал. *o* из *oi*⁷⁷. Принадлежность к данной национальности упоминается также в связи с хорошей французской кухней, но уже на немецком языке:

Там есть отличных трактиров
Ganz nach *Franzosen* Fuss.
А денег есть, там будет Bier
Dass man erstaunen muss. M 20 № 4 (L)

Один раз встречается лексема **англичанин**:

Jetzt wieder kommt der Türk zur Hilfe,
Der англичанин und француз,
Denk wie am achtzehnhundert zwölfte
Wird wieder kriegен длинный нос. M 21 № 2

Один раз в смешанных колониистских песнях встречается лексема **молдаване**:

⁷⁶ Фасмер М. Указ. соч. Т. 4. С. 206.

⁷⁷ Отсюда, вероятно, и рифма (М 21 № 2, см. ниже) *француз / нос*, которая позволяет предположить открытое произнесение последнего слога в слове *француз* по аналогии с немецким *Franzose*, но с отпадением конечного гласного.

Первый рас, как ошенился,
То всял шинку с Молтаван...

М 58 № 1

Данная песня была записана в колонии Шлангендорф в 1929 г. и имеет указание на принадлежность к записям на Украине. Молдавская Советская Социалистическая Республика была образована позже, 2 августа 1940, в результате заключенного Пакта Молотова—Риббентропа, включавшего так называемый «секретный протокол», разделивший Румынию и ряд других стран на соответствующие сферы влияния, поэтому данные территории были отнесены В.М. Жирмунским к украинским.

Один раз встречается немецкое обозначение персидской национальности — *ein Perserkind*:

In den ersten sitzen Rasin
Und sein Lieb, *ein Perserkind*.

М 42 № 1

Данная лексема употребляется только один раз в немецком переводе русской песни «Стенька Разин», когда речь идет о персидской возлюбленной атамана.

Несколько раз встречается прилагательное *немецкий*: *Я в немецком край ротился* — М 58 № 1, *булашник немецкой* — М 32 № 1 (L).

Указание на принадлежность к русской нации почти не появляется в смешанных колониетских песнях напрямую, через лексему *русский*, а передается в основном при помощи контекста, за счет тех или иных русских слов. Однако несколько раз встречается прилагательное *russisch* в той или иной форме в различных вариантах фразы *Und tanz den Russen Kazachok* — М 19 № 1, *Dann tanz ich mit meim деvушка // Den russischen Kosatschok* — М 19 № 4, *Und mach mit meiner Duschinga // Ein Russischen gасachka* — М 19 № 1 (L), *Ich tanz mit meiner Duschenka // Ein russisches Kasatschka* — М 19 № 5, где речь идет о местном танце «казачок». Несколько раз встречается наречие *по-русски* в русской строке, дублирующей немецкую: *Kommt dann der zweite Pfingstentag // По русский Духов день* — М 19 № 3 (L). Видоизмененная лексема *der Russe* употребляется только в двух смешанных колониетских песнях, представляющих собой жанр шутильных песен, близких к русским частушкам:

1. Drunne kommt ä Russl gfare
Mit ä Rukawitza.
Hat ä verrissenes Pelz a:
Это не годится.

2. Drunne kommt ä Russl gfare

Mit ä lange Droschke.

Куда едешь? — На базар.

Привези картошку.

М 27 № 1

Je, je, schlappasa!

Dort oba kommet *Russa* ra

Mit era langa *Drotschka*.

Gib mer a paar *Kartoschka*.

М 59 № 1 (Т)

К данной группе примыкает также существительное **отечество**, встречающееся в смешанных колониистских песнях только один раз в форме *оточеству*:

Er (=царь) gab mir hundert Rubel денег

Und einen Ordensband dazu

Теперь живу я, wie ein König,

В своем оточеству.

М 21 № 6

Изменение конечного гласного связано, скорее всего, с необходимостью подобрать рифму к слову *dazu*. В других вариантах данной песни используется немецкий эквивалент *Vaterland*, который рифмуется с существительным *Ordensband*:

И дал мне tausend Rubel денег,

Dazu auch ein Ordenband

Теперь весел я wie ein König,

Живу in meinem Vaterland.

М 21 № 6

Изменение порядка слов ведет к изменению конечной рифмы, которая и определила, вероятно, появление русской видоизмененной лексемы⁷⁸.

5.4.3.2. Быт немецких колонистов (напитки, продукты питания, домашняя утварь, одежда, погода, дом и пр.)

К данной группе слов отнесено всего 26 русских лексем в 108 словоупотреблениях. Из них — 13 существительных в 39 словоупотреблениях, 3 прилагательных (4 раза), 2 глагола (4 раза), 8 наречий (61 раз).

⁷⁸ Замена ударного гласного связана, скорее всего, с опiskой или опечаткой.

Параллельно с русскими лексемами рассматриваются их немецкие эквиваленты, а также немецкие лексемы, относящиеся к данной семантической группе и встречающиеся в текстах смешанных колониистских песен.

1) Напитки

Слово **чай** встречается как единично, так и в словосочетаниях, всего девять раз, один в песне «Sommerzeit» (М 20 № 7 (L)), один раз в песне «Когда я в Ревеле родился» (М 21 № 6) и семь раз в песне «Winterzeit» (четыре раза в М 19 № 7 и по одному разу в М 19 № 1, 3, 4). При этом в песнях «Sommerzeit» и «Winterzeit» данное слово употребляется отдельно, а в песне «Когда я в Ревеле родился» — в словосочетании *ein стаканчик чай*, в котором русское слово **чай** не имеет падежного окончания, что вместе с употреблением неопределенного артикля перед словом *стаканчик* указывает на калькирование данного словосочетания с немецкого *ein Glas Tee*. Три раза данная лексема сопровождается определенным артиклем — *der чай* — М 19 № 1, 3, 4, что говорит о грамматическом освоении данного русского слова и позволяет отнести его к числу заимствований из русского языка. Русское слово **чай** было заимствовано через тур., крым.-тат., тат., кирг., алт. *čai чай*, уйг. *ча*, монг. *čai* из сев.-кит. *čhā чай*, в то время как южн.-кит. *tē* послужило источником зап.-европ. названиям чая — франц. *thé*, ит. *tè*, англ. *tea*⁷⁹.

В немецком языке существует полный эквивалент русской лексеме **чай** — *der Tee*. Данное слово пришло в немецкий язык из китайского в XVII в.⁸⁰ Немцы, приехавшие на поселение в Россию, конечно, знали это слово, хотя более привычным напитком для них оставался кофе. Об этом упоминает, например, Л. Э. Найдич в своей монографии «Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad»⁸¹. Она отмечает, что основным напитком немецких колониистов был кофе, который пили со сливками или молоком. Натуральный кофе пили довольно редко, по праздникам или особым случаям. В основном его заменяли суррогатом из ржи, ячменя и цикория. Кофе был традиционным напитком, который колониисты привезли из Германии. Традиционность этого напитка подтверждается также данными Е. Ериной и В. Сальковой, Я. Дитца и П. Галлера. Так, Е. Ерина и В. Салькова пишут в книге «Обычаи поволжских немцев» о напитках, которые немцы пили во время праздни-

⁷⁹ Фасмер М. Указ. соч. Т. 4. С. 311.

⁸⁰ Duden «Etymologie». Указ. соч. S. 738.

⁸¹ Najdič L. (1997). Указ. соч. S. 113–114.

вания Нового года, следующее: «Было много напитков: чай — особый чай — *Süßholztee*, *Steppentee*, *Schwarztee* (настоящий чай пили только по особым случаям, так как он был очень дорог), квас (*Quast*), приготовляемый из ржи, хлеба и солода, фруктовый кофе. Популярен был особый кофе — припс (*Prips*), который приготовлялся из прожаренной пшеницы, ржи с добавлением дрожжей. Пили в умеренных количествах водку (шнапс), пиво, вино»⁸². Эти авторы приводят еще одно название кофейного напитка — «*Prinz*», который приготовляли в меннонитских колониях из ячменя, ржи с печеньем»⁸³.

П. Галлер пишет о праздновании масленицы: «Масленица у лютеранского населения не празднуется, разве только более состоятельные в этот день пьют кофе с... 'хворостом'»⁸⁴. Я. Дитц отмечал, что во время празднования Масленицы «с утра пекут массу хвороста, который едят... в 4 часа пополудни с кофе»⁸⁵.

Как видно из предшествующего комментария, причиной выбора русского слова *чай* для обозначения понятия, давно существующего в немецком языке, является то, что данный напиток является типичным именно для русского стола. Данные выводы подтверждаются уже приводившимися строками из варианта песни «*Die angenehme Winterzeit*»:

Drin sitzt der Mann mit seinem Sohn,
Und seinen зеляки,
Die Wirtschaft ist nach seiner Art
Mit чай und пирожки,
Mit чай, mit чай, mit чай und пирожки.

М 19 № 7

Чай противопоставляется не только кофе, но и шнапсу уже по другой семе — алкогольный/безалкогольный напиток.

Und auch der Kaufmann mit dem Bart
Mit seine земляки,

⁸² Обычаи поволжских немцев / *Sitten und Bräuche der Wolga-deutschen* / Авт.-сост.: Е. М. Ерина, В. Е. Салькова. М.: Готика, 2001. Рус., нем. яз. С. 19.

⁸³ Там же. С. 39.

⁸⁴ Галле П. К. Воспоминания: Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX столетия (Саратов, 1927) // *Die Geschichte der Wolgadeutschen*. Режим доступа: <http://www.wolgadeutsche.net/bibliothek/Haller.htm>, свободный. Загл. с экрана. 1994. С. 30.

⁸⁵ Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов / Под науч. ред. доц. И. Р. Плеве. 3-е изд. М.: Готика, 2000. С. 279–280.

Bewirtet sich auf aller Art
Bei **Schnaps** und Biroschki

М 20 № 1 (L)

В песне «Sommerzeit» фраза *Mit чай und пирожки* варьируется с фразой *Mit Schnaps und пирожки*, причем последняя встречается в большинстве вариантов, а чай — только в одном в отличие от песни «Winterzeit», где в качестве напитка в основном называется чай и в двух вариантах пунш (*Und findet man dort ein guter Freund // So steht der Bunsch bereit* — М 19 № 1 (L), также в М 19 № 2 (L)). Возможно, данное отличие связано со временем года, так как чай и пунш — горячие напитки, которые пьют в основном в холодное время. Данное предположение подтверждается последующими строками данной строфы: *Ist das nicht очень хорошо // Bei kalter Winterzeit*.

Из немецких алкогольных напитков в смешанных колониистских песнях упоминается пиво — *Bier* в различных вариантах фразы *A deneg есть, там будем Bier // Dass man erstaunen muss...* — М 20 № 1 (L). Из алкогольных напитков на русском языке употребляется только лексема **вино** в русском контексте:

Раз пошел я в один дома;
Нет вина на праздный дня.
Соблюдил я в одно яму
Я там кричал: «Was ist das».

М 58 № 1

Два раза в колониистских песнях употребляется лексема **пьян**. Один раз — во фразе *На пустой карман // Напиваюсь пьян* — М 61 № 1 и один раз — во фразе *И всегда ходил он пьян* — М 58 № 1. Один раз употребляется видоизмененная лексема **спохмелья** во фразе *Und wenn спохмелье Schmerzen hast* — М 19 № 1 (L).

Три раза даются немецкие эквиваленты — **betrunken** и **besoffen**. Два раза — в качестве неизменяемой части сказуемого, в форме второго причастия — *Und wer sich selbst betrunken hat* — М 20 № 1; *Sauf nicht viel, sonst wirst besoffen* — М 76 № 1 (L), один раз в роли определения — *Geh nur raus, du besoffene Sau, // Oder schlag dich schwarz und blau, // Heirat ist kein Pferd im Kauf, // Blind er macht die Augen auf* — М 23 № 3 «Spruch».

Среди типично немецких развлечений упоминается курение табака:

Da amasiert (= amüsiert) der немец sich
Bei *Tabak* und bei Bier.

М 20 № 1 (L)

2) Продукты питания

Слово **пирожки** встречается как единично, так и в словосочетаниях, всего семь раз — пять раз в песне «Sommerzeit» (М 20 № 2, 5 (L), 4 (L), 1 (L), 2 (L)) и два раза в одном из вариантов песни «Winterzeit» (М 19 № 7). Данное слово является уменьшительным от *пирог*, этимология которого имеет несколько объяснений: одни полагают, что слово *пирог* образовано с помощью суф. *-ог-ъ*, не сохранившего своего значение (как в слове *сапог*), от существительного *пиръ* «пирование, угощение» и первоначально значило «праздничный хлеб». Другие считают, что современное существительное *пирог* могло развиваться из утратившегося *пырогъ* «пшеничный хлеб» вследствие изменения *ы > и* под влиянием слова *пир*. Само же *пырогъ* является производным с суф. *-ог-ъ* от др.-рус. *пыро* «пшеница»⁸⁶. Слово **пирожки** встречается в нескольких вариантах в текстах колониистских песен: *пирожки* — М 20 № 2, 5 (L), 2 (L); М 19 № 7, *Пирожки* — М 20 № 4 (L), *Biroschki* — М 20 № 1(L).

Немецкую кухню нельзя представить себе без разнообразной выпечки. Колонисты под Петербургом сами выпекали как хлеб, так и различные изделия к чаю. Часто пекли, как отмечает Л. Э. Найдич, «оладьи или блины — последние назывались “Plini”, что лишний раз свидетельствует о русском происхождении этого блюда. С немецкой традицией связано изготовление хвороста — “Kräppel” и пышек — “Kichel”. Кроме того, пекли пироги. В колпинской колонии различали “Kuche” — сладкий пирог, например с яблоками, с творогом, с ревенем, с ягодами, и “Pigocke” — несладкий пирог, например с мясом, с морковью, с картофелем. Традиционным был пирог, называвшийся в колпинской колонии “Koffekuche” (т.е. “кофейный”, подававшийся к кофе), а в Ново-Саратовской — “Zuckerkuche”. Пирог этот посыпался сверху засыпкой, состоящей из сахара, масла и муки, и должен был быть высоким (чем выше, тем лучше). Его подавали во время праздников, например в воскресенье, когда приходили гости, и даже на свадьбу»⁸⁷. Все это были большие пироги, подававшиеся к кофе, маленькие же пирожки пеклись в русских домах и подавались к чаю.

Два раза употребляется слово **картошка**, записанное как кириллицей, так и латиницей: *Привези картошку* — М 27 № 1 и *Gib mer a paar Kartoschka* — М 59 № 1 (Т). Один раз дается немецкий эквивалент: *Kommst zu sechzig, fährst Kartoffel* // *С женкой молодой* — М 76 № 1(L).

⁸⁶ Цыганенко Г.П. Указ. соч. С. 301.

⁸⁷ Найдич Л.Э. Указ. соч. С. 106.

Слово *Kartoffel* употребляется в Германии со второй половины XVIII в. как результат диссимилиации слова *Tartuffel*, которое было заимствовано из итальянского языка (*tartufo*, *tartufolo*) и обозначало трюфель. Картофель, найденный испанцами в Перу, получил такое название ввиду сходства клубней⁸⁸. В русский язык данное слово пришло из немецкого языка. В России этот овощ появляется в середине XVIII в. через балтийские порты, или через Польшу, или непосредственно из Пруссии. Первая попытка распространения картофеля при Петре I не удалась, только при Екатерине II был издан указ об отправке во все губернии «на расплод земляных яблок». Однако внедрение картофеля в крестьянские хозяйства сопровождалось бунтами и жестокими административными мерами. Предубеждение против картофеля усиливалось и звучанием самого названия, так как многим слышалось «крафт тойфельс», что в переводе с немецкого «чертова сила»⁸⁹. Позже картошка была часто на столе поселенцев, так, Л. Э. Найдич описывает типичный ужин колонистов под Петербургом следующим образом: «На кухне стоял большой стол, покрытый холщовой скатертью, а перед ним — длинная скамья. За ужином на скатерть высыпали сваренную в мундире картошку. Посередине стола стояла сковородка с растопленным свиным салом. Каждый чистил себе картошку, а потом макал ее на вилке в сало»⁹⁰. Найдич указывает при этом на то, что такой ужин неслучаен и был типичен для Германии, например для Пфальца. По воспоминаниям самих колонистов, вся их жизнь вертелась вокруг картошки, Ново-Саратовскую колонию называли даже в шутку «Kartoffelburg»⁹¹.

По одному разу встречаются лексемы **борщ** — *Borscht* и **каша** — *Kaschen*:

Fleisch und Borscht und ein Stück Kaschen,
Alles kriegt man eisenkalt,
Heisses kann man gar nicht kriegen,
Weil das Deutschland immer knallt.

М 14 № 6

⁸⁸ Фасмер М. Указ соч. Т. 2. С. 204.

⁸⁹ См.: Лехнович В. С., Будин К. З., Камераз А. Я. Картофель // Большая советская энциклопедия: В 30 т. М., 1969–1978. Т. 11. Режим доступа: <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/059/595.htm>, свободный. Загл. с экрана; Журнал кулинарных открытий. Режим доступа: <http://www.cooking-book.ru/library/veget/potato.shtml>, свободный. Загл. с экрана.

⁹⁰ Найдич Л. Э. Указ. соч. С. 103.

⁹¹ Там же. С. 105.

Употребление данных лексем связано с тем, что ряд блюд и продуктов не имеет полного соответствия в немецкой кухне. Слово **Borscht** обозначает украинский суп из красной свеклы и капусты. Данная лексема была заимствована в немецкий язык, так как в немецкой кухне отсутствует подобный суп, и используется в современных поваренных книгах, но в иной орфографии (*Borschtsch*)⁹².

Слово **Kaschen** («каша») имеет в немецком языке два соответствия: для обозначения крутой каши используется лексема *die Grütze* (возникло в IX в.⁹³), для обозначения жидкой каши — *der Brei* (появилось в IX в.⁹⁴). Однако в русском языке «каша» имеет более общее значение — это крупа, сваренная на молоке или воде, консистенция при этом может быть различной. Для немецкой кухни больше характерно приготовление пшеничной каши, которая занимала важное место в рационе крестьян в Германии XVIII в. На столах колонистов под Петербургом можно было встретить также гречневую и рисовую, а для детей готовили манную кашу, в чем видно влияние русской кухни. Каша называлась немецким словом «Kritz» от «Grütze»⁹⁵. Лексема *Kasche* встречается в песне, описывающей солдатскую жизнь. Вероятно, русское название используется по той причине, что герой находится в окружении русских и питается именно русской кашей, которая не совсем соответствует немецкой, к тому же подается в военных условиях холодной и т. д. Кроме того, в данной песне не так много русских слов, и употребление лексем *Borscht* и *Kasche* (в слабой форме *Kaschen*) способствует созданию русского колорита.

Реже в смешанных колонистских песнях употребляется лексема **пряник** — М 21 № 1 (L), 3–9 в различных вариантах фразы *Я пряниками торговал*. Для данного русского слова существует немецкое соответствие *Lebkuchen*. Оба слова, и русское, и немецкое, используются как обозначение сладкой выпечки на меду или патоке с добавлением пряностей. На использование русской лексемы влияет, очевидно, контекст — слово *пряник* встречается только в окружении русских слов. Форма творительного падежа передается в некоторых вариантах данной фразы при помощи предлога *s* (*mit* в немецком языке): *Когда я*

⁹² Wir kochen gut. Leipzig, 1986. S. 200.

⁹³ Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Erarb. unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. München, 2004. S. 486.

⁹⁴ Там же. S. 168.

⁹⁵ Найдич Л. Э. Указ. соч. С. 105.

с пряником торговал — М 21 № 9. Владельцы немецких булочных славились широким ассортиментом товара: «Печенье, булки, торты, баранки делались по ночам, утром же одна часть товара отправлялась в магазин, другую забирали лавочники и продавали на Невском проспекте и в других районах города. Оставшаяся часть уносилась на Сенную площадь для раздачи нищим, так как на следующий день продукция уже не была свежей и считалась непригодной для продажи»⁹⁶. Думается, были в этом ассортименте и медовые пряники.

Единично встречаются лексемы **бифштекс** (*И кушают приличнейший // Бифштекс mit Schafenschmalz* — М 22 № 1) и **колбаса** (*Сколько стоит колбаса?* — М 72 № 1).

Слово **бифштекс**, обозначающее «жареный кусок говяжьего филе», известно в русском языке с последней четверти XVIII в., но сначала как наименование кушанья, характерного для английской кухни. У Карамзина в «Письмах русского путешественника» это слово появляется в форме **бифстекс**, в том же виде оно встречается у Даля. Современная форма этого слова **бифштекс** встречается впервые у Пушкина в «Истории села Горюхина». Данное слово восходит к англ. *beef-steak* в форме мн. ч. *beef-steaks*⁹⁷. Немецкая лексема *Beefsteak* также восходит к английскому слову и появилась в немецком языке лишь в XX в.⁹⁸ Учитывая то, что немецкие колонисты переселялись в основной своей массе еще при Екатерине II, использование русского слова является вполне объяснимым и поддерживается к тому же макароническим характером всей песни и предшествующим русским контекстом.

Лексема **колбаса**, обозначающая в современном русском языке «продукт питания — приготовленный по особому рецепту мясной фарш в полупрозрачной оболочке из кишки или искусственной пленки», встречается еще в др.-рус. яз. в XIII в. в словосочетании «кровяная колбаса», значение слова в то время точно не известно. Возможно, оно обозначало какую-либо снедь из рыбьего фарша, как в польск. яз. Старшая форма могла выглядеть как *kǫlbasa* в значении «колбаса из колбы, колбней (рыба *Gobius*, колючка), пескарей, бычков и прочей мелкой рыбёшки»⁹⁹. Немецкая лексема *die Wurst* известна еще в двн., имеет

⁹⁶ Репина А. В. Указ. соч. С. 200.

⁹⁷ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. С. 92.

⁹⁸ Duden «Etymologie». Указ. соч. S. 704.

⁹⁹ Черных П. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 410–411.

неясное происхождение и связана, возможно, с глаголом *wirren*, откуда происходит, например, значение выражения *Würste machen* «путаться, неаккуратно работать»¹⁰⁰. Интересно, что в австрийском и баварском есть лексема, имеющая, возможно, общее происхождение со словом *колбаса* — *Kabanossi*, обозначающая специально приготовленные колбаски с пряностями, которая заимствована в русский язык и используется в поваренных книгах в форме *кабаносси*. Однако на выбор данного слова в тексте немецкой песни влияют, скорее всего, русский контекст и общий шуточный характер всего текста:

Enecke, benecke, sickle-sa:

— Сколько стоит колбаса?

— Три копейки с половиной.

Отвечает Катерина.

— Катка врешь, Катка врешь.

Посмотри товар хорош!

М 72 № 1

Данная песня имеет только немецкое вступление, похожа на русскую считалку, была записана в 1930 г. Жирмунским, а исполнителями названы школьники. Учитывая довольно позднюю запись, когда преподавание в школах уже довольно давно велось на русском языке, почти полное отсутствие немецкого контекста и какого-либо интерферирующего влияния немецкого языка, можно сказать, что появление в данной песне русской лексемы является неизбежным. Различные колбасы, как правило, свиные, входили в основу рациона колонистов, с чем связано появление дразнилки «Немец-перец, колбаса, кислая капуста». Мясо было на столах колонистов практически каждый день. Свинину коптили, жарили, делали ветчину и колбасы. В каждом хозяйстве обязательно были запасы ливерной и кровяной колбасы.

В песнях встречается также один раз прилагательное *колбасный*, употребленное исключительно для рифмы, выявить его значение представляется маловероятным:

Спи младенец мой прекрасный,

Баюшки спюю.

Denn du hast gar nicht Kalbasnoj

Schlaf, mein süsser Bub.

М 76 № 1 (L)

¹⁰⁰ Duden «Etymologie». Указ. соч. S. 820.

3) Предметы быта

Три раза в песне «Sommerzeit» встречается слово **самовар**: *самовар* — М 20 № 5 (L), 1 (L), *Samowar* (Die Bürger mit dem Samowar — М 20 № 2). Данное русское слово образовано от слов *сам* и *варить*, восходит, возможно, к латинскому *authepsa* «машина для варки» из греческого «сосуд для кипячения», или вследствие народной этимологии к тюркскому *sanabar*, хотя тюркские соответствия вроде турецкого *samavar*, татарского *samaur*, *samiwar* рассматриваются как заимствования из русского, как и калмыцкое *samāwer*¹⁰¹.

Один раз встречается слово **стаканчик** во фразе *Und ein стаканчик чай dazu* — М 21 № 6.

К этой же группе мы относим лексему **Birgengwas** во фразе *Парис mit frischen Birgengwas*, // *Сейчас будет здоров*:

Und wenn спохмелье Schmerzen hast;

Sage zum Пылинов.

Парис mit frischen *Birgengwas*,

Сейчас будет здоров.

М 19 № 1 (L)

Типичный для русской бани березовый веник можно обозначить на немецком языке как «Birkenquast». Немецкая лексема *der Quast* имеет несколько значений. Первое (употребляется на севере Германии) — *breiter, bürstenartiger Pinsel*, второе обозначается также словом *die Quaste* [mhd. quast(e), queste, ahd. questa = (Laub-, Feder)büschel, urspr. = Laubwerk], которое означает либо 1) *größere Anzahl am oberen Ende zusammengefasster, gleich langer Fäden, Schnüre, die an einer Schnur hängen*, либо 2) *an eine Quaste erinnerndes Büschel*¹⁰². Лексема *Birkenquast* немецкими словарями не фиксируется, однако по правилам немецкого словообразования вполне может быть образована посредством соединения двух основ — *Birke* и *Quast*, где первый компонент будет выступать в качестве определяющего по отношению ко второму, т.е. полученное таким образом слово будет обозначать «березовый веник», которое имеет отношение к бане (о которой идет речь в данном отрывке, что подтверждается также глаголом **париться** в форме повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. — *парься* и наречием **здоров**, так

¹⁰¹ Фасмер М. Указ. соч. Т. 3. С. 553.

¹⁰² Duden. Deutsches Universalwörterbuch. S. 1263.

как известно, что русская баня полезна для здоровья). Таким образом, это может быть существительное *Birkenquast* с отпадением последнего согласного, образованное для обозначения понятия, отсутствующего в немецком языке.

4) Предметы одежды

В колониистских песнях смешанного характера упоминается довольно мало предметов одежды, но среди них есть и русские лексемы, например слово **шуба**, которое встречается два раза (в форме *Шуба* — М 19 № 1 (L) и *Шубы* — М 19 № 2 (L), оба раза с заглавной буквы, как этого требуют правила написания имен существительных в немецком языке, и с переносом ударения на второй слог согласно требованиям ритма). В текстах смешанных песен встречаются также немецкие эквиваленты *Wolfspelz* — М 19 № 2 (L) и *Schafpelz* — М 19 № 5:

Und hat man Lust гулят zu gehen,
So muss Шуба herbei.
Dann mergt man es, wie wunderschön
Beim *Wolfsbels* sei. М 19 № 1 (L)

При этом в одном четверостишии приводится как немецкий, так и русский эквивалент, русский, возможно, для обозначения местного колорита или русского происхождения данного предмета одежды, а немецкий — для уточнения, здесь, например, материала, из которого изготовлена данная шуба. При этом в одном варианте этой песни строка с русским словом опущена, а в немецкой строке слово *Wolfspelz* заменяется на *Schafpelz*:

Und hat man Lust guljat' zu gehen,
Da merkt man erst wie wunderschön
Ein warmer *Schafpelz* sei. М 19 № 5

По одному разу в смешанных колониистских песнях встречаются лексемы **сапоги**, **теплые башмаки** (*Da greift man auf die warme Mütz, // Nach теплые башмаки — М 19 № 6*), **рукавица** (*Drunne kummt ä Russl gfare // Mit ä Rukawitza // Hat ä verrissnes Pelz a: // Это не годится — М 27 № 1*), **шляпа** (*Шляпа на бок — М 32 № 1 (L)*). Интересно, что слово *шляпа* пришло в русский язык изначально из баварского *Schlappe* 'чепец, шапка', происходящего от свн. *slappe* 'сवेशивающаяся часть

головного убора', 'вид мягкой шляпы'¹⁰³, а немецкие колонисты заимствовали его снова в русской форме, что является редким примером «кругового заимствования».

5) К этой группе относятся также характеристики погоды, обозначения времени суток и другие лексемы, относящиеся к быту колонистов.

В смешанных колонистских песнях часто употребляется наречие **светло**, всегда в песне «Sommerzeit» в контексте, где говорится о белых ночах, даже и в тех вариантах, которые были записаны не под Ленинградом (М 20 № 1, 2, 4, 5, 7), один раз данная лексема дается с фиксацией замены глухого согласного на звонкий, в форме *сведло* — М 20 № 2 (L).

В этой же песне несколько раз встречается наречие **тепло**, два раза — опять же с фиксацией замены согласного: *тебло* — М 20 № 2 (L) и *дебло* — М 20 № 4 (L).

Реже в песне «Sommerzeit» появляется наречие **назад** — пять раз в форме *назад* — М 20 № 5 (L), 3 (L), 7 (L), 2, 1 (L) и один раз в форме *на-зат* — М 20 № 4 (L) с графической фиксацией оглушения конечного согласного. Данная лексема отнесена к группе «Быт немецких колонистов», так как она употребляется в одном контексте с лексемой *дом* во фразе «А дома лучше брат», которая восходит к русскому фразеологическому выражению «В гостях хорошо, а дома лучше». При употреблении слова *назад* подразумевается возвращение домой после увеселительной прогулки:

Und hat man alles da gesehen
So fährt man schnell назад —
Es ist wohl alles reich und schön,
А дома лучше, брат.

Два раза данная лексема употребляется в одном контексте со словом **ночью**: во фразах *Fährt ночью там опять назад* — М 19 № 1 (L) и *Kehrt Notschja man opjat nasat* — М 19 № 5.

Лексемы *светло*, *тепло* и *назад* занимают конечные позиции в строках и употребляются изолированно в окружении немецких слов. При этом лексемы *тепло* и *светло* рифмуются друг с другом. Таким образом, появление данных слов в тексте песни может быть объяснено как макароническим характером всей песни, так и требованиями рифмы:

¹⁰³ Фасмер М. Указ. соч. Т. 4. С. 456.

Die angenehme Sommerzeit
Ist selten hier тепло.
Doch Sommer sagt ist das dafür
Die Nacht dadurch светло.

М 20 № 1 (L)

К группе «Быт немецких колонистов» относятся также уже упомянутая выше лексема **дом** и связанное с ней наречие **домой**, которое, как и слова *тепло*, *светло* и *назад*, стоит изолированно в окружении немецких слов, занимает конечную позицию в строке и рифмуется с русской лексемой *Стой*:

Und kommt man an der Station an
Da schreit die Menge: Стой.
Man ruft: Извозчик, подавай.
Und fährt mit ihm домой.

М 20 № 1 (L)

Данное наречие употребляется 20 раз единично в песне «Sommerzeit» и один раз в песне «Winterzeit» (М 19 № 2, М 20 № 1–4, 1 (L), 2 (L), 3 (L), 4 (L), 5 — два р., 6 — два р., 7(L)) в одном контексте с немецким глаголами *kommen*, *gehen*, *fahren* и русским наречием **пешком** — М 19 № 2, М 20 № 3–7, например:

Und wer kein Geld zum Zahlen hat,
Der geht пешком домой
Und wer den Schnaps verspüret hat,
Kommt wie ein черт домой.

М 20 № 1 (W)

Один раз данное наречие дано в форме *büschkom* в словосочетании *büschkom damoi*:

Und wenn er kein Geld zu zahlen hat,
Dann greift er in den Hosensack
Und nimmt das Geld hervor,
Und da ruft man: «Iswochtschik bodwot dawai».
Und fährt büschkom damoi.

М 20 № 7

- К группе «Быт немецких колонистов» можно также отнести глагол **жить**, встречающийся два раза во фразах: *Теперь живу я, wie ein König* — М 21 № 5, 6 и *Живу in meinem Vaterland* — М 21 № 7, употребляемый как в русском, так и в немецком контексте.

5.4.3.3. Лексемы, обозначающие лиц мужского пола
(не связанные с предыдущими группами)

К данной тематической группе относятся 14 русских лексем в 77 словоупотреблениях. В данной группе не наблюдается параллельного употребления русских и немецких эквивалентов.

1. Наиболее частотна в этой подгруппе лексема **брат**. Она встречается всего в нескольких колониистских песнях — 15 раз в песне «Sommerzeit» и 3 раза в песне «Winterzeit». Данное слово всегда употребляется в значении дружеского обращения и ни разу для обозначения родственных связей. Лексема *брат* не встречается единично и представлена в вариантах следующих русских фраз: *А дома лучше, брат, Что просто, брат, беда, Что, брат, ни взять ни сесть* в значении *Что, брат, ни встать ни сесть* («Sommerzeit») и в вариантах фразы *ты, брат, держись* («Winterzeit»), где слово *брат* всегда является обращением, либо адресованным русскому персонажу или вложенным в уста русского действующего лица (например извозчика), либо имеющим довольно общее значение, употребляющимся в устойчивой фразе и служащим для создания русского колорита. Последнее употребление встречается, например, в наиболее частотных фразах, таких как *А дома лучше, брат* и *Что, брат, ни взять ни сесть*. Первая фраза относит нас к русской пословице «В гостях хорошо, а дома лучше», вторая — к устойчивому словосочетанию «ни встать ни сесть», т. е. где-то очень тесно, мало места. В данных фразах слово *брат* имеет значение индивидуализации высказывания, движения от общего к частному, приближения устойчивого высказывания к реальной действительности и вовлечения слушателя в сюжет песни. Схожее значение имеет данное слово и во фразе *Что просто, брат, беда*, где приближается по значению к вводным словам.

Лексема *брат* встречается наиболее часто в правильном с точки зрения русской орфографии написании — *брат* (16 раз), один раз она приводится с заглавной буквы и с озвончением последнего согласного — *Брад*, во фразе *Что проста Брад Педа* — М 20 № 4 (L). Последнее — типичная для данной колонии фонетическая форма, так как именно для этой колонии было свойственно неразличение признака звонкости/мягкости согласных. Один раз мы находим вариант *Brat* в написании латиницей и с заглавной буквы, как и все немецкие существительные, во фразе *ни, Brat, djerschis* — М 19 № 5, в варианте из песенника, где весь текст записан латиницей. Один раз лексема *брат* во фразе *А дома лучше брат* заменяется на другую, совершенно

неподходящую по смыслу — *град*. Данный вариант также взят из песенной тетради, и если учесть популярность данной лексемы, вряд ли можно предположить, что автор песенника ее не знал. Скорее всего, здесь имеет место описка.

В немецком языке существует схожая с русской по семантике лексема *Bruder*, которая также может не только обозначать помимо основного значения обозначения родственника, но и использоваться в значении «собрат», «приятель», «единомышленник». Однако данная лексема не встречается в рассматриваемых смешанных колониистских песнях. На выбор русского слова влияет устойчивое употребление всей русской фразы.

2. Следующей по частотности является лексема *отец*, которая появляется в песне «Когда я в Ревеле родился» (М 21) в различных вариантах фразы *Oтец wollt mich zum Kaufmann machen* — М 21 № 1-11, 1 (L). В отличие от предыдущего слова данная лексема появляется исключительно в немецком контексте, хотя и в смешанной колониистской песне. Появление ее во фразе *Oтец wollt mich zum Kaufmann machen* обусловлено, скорее всего, ритмом стихотворения, который требует ударения на втором слоге. Немецкий эквивалент *Vater* с ударением на первом слоге в этом ритм не вписывается.

3. Далее следует лексема *сын***ок**, употребляющаяся всего 11 раз, пять раз — в различных вариантах фразы *Сыночек, ты ступай в кабак* в песнях «Sommerzeit» и «Winterzeit» — М 20 № 3, 4, 1(W); М 19 № 6, 2 и шесть раз в вариантах фразы *Идет купеческий сын***ок** в песне «Sommerzeit» — М 20 № 1 (L), 5 (L), 7 (L). Один раз данная фраза дается на немецком языке — в песне М 20 № 6 (L): *Da kommt der Sohn Kupetscheski*, записанной латиницей с минимальными вкраплениями русских слов и фраз. Лексема *сын***ок** почти во всех случаях дается в сопровождении прилагательного и глагола с правильным согласованием по роду, числу и падежу. Только один раз во фразе *Идет купеческий сын***ки** — М 20 № 5 (L) данная лексема приводится во множественном числе, при этом глагол и прилагательное не меняют своих форм.

В одном контексте с лексемой *сын***ок** употребляются такие русские глаголы, как *идти* (в настоящем времени в форме 3-го л. ед. ч. — *идет*), *ступать* (в форме повелительного наклонения, 2-го л., ед. ч. — *ступай*). В этом же контексте употребляется русское прилагательное *купеческий*.

4. Три раза встречается лексема **мальчик** в словосочетании *мальчик Николай: Es ist geworden ein grosser Schlingel // Aus kleinem мальчик Николай* — М 21 № 5, 7, 8. Данная лексема не употребляется в других контекстах, не используется в сочетании с немецкими словами и служит только для подчеркивания макаронического характера текста. В немецком контексте, как правило, встречается немецкое слово *Bube, Bub*: *Solche Buben wie du bist // Findet man auf dem Bauernmist* — М 57 № 1; *Schlaf, mein süsser Bub* — М 76 № 1 (L).

5. Два раза в колониистских песнях появляется лексема **мóлодец**, всегда в сопровождении неопределенного артикля (М 20 № 2, 8 (L), М 29 № 2).

Und wer kein Geld zu fahren hat,
Der geht пешком hinaus,
Что за беда, was macht sich denn
Ein мóлодец daraus.

М 20 № 2

Данная лексема была образована в др.-русс. яз. от прилагательного *молодъ* при помощи суффикса *-иц-ь* *молодицъ* в значении «молодой человек», «удалец». Народно-поэтическое *мóлодец* в значении «удалец» обособилось от него несколько позже посредством ударения на первом слоге¹⁰⁴. В немецком языке отсутствует полное соответствие данному слову, поэтому здесь в значении «удалец» употреблена русская лексема.

6. По одному разу в смешанных колониистских песнях употребляют-ся следующие лексемы:

- **шут** в словосочетании *Ein rechter шут* — М 20 № 1(W):

So ist nun auch das Liedel aus,
Что стоило viel труд.
Und wer es recht schön singen kann,
Der ist ein rechter шут.

В данной песне очень хорошо видно, как русские слова в немецких строках или, наоборот, немецкие в русских используются для удобства поддержания размера и рифмы, здесь нет явного русского контекста или диалога. Только макаронический характер текста позволяет использовать удобное односложное слово *viel* в русской строке и, наоборот, *шут* в немецкой;

¹⁰⁴ Цыганенко Г. П. Указ. соч. С. 238.

- **франт** в словосочетании *франт какой* — М 32 № 1 (L). Данное слово вошло в русский язык в конце XVII в. через польск. *frant* «плут», «шут», «бродячий комедиант» из чеш. *franta*, *frant* «хитрец, шут, плут, глупец». Происхождение от немецкого *frant* «прямой, открытый» считается маловероятным¹⁰⁵. При заимствовании значение слова несколько изменилось. Ожегов определяет франта как человека, любящего наряжаться, щеголя¹⁰⁶;
- **парень** в словосочетании *Парень малатецкой* (= парень молодецкий = мо́лодец) — М 32 № 1 (L), может быть, переосмысленное *парень молодой*;
- **дядюшки** в словосочетании *Дядюшки мои* — М 22 № 1, где в основу скорее легло русское устойчивое «Батюшки мои!», со случайной, вероятно, заменой первого компонента, так как контекстом слово *дядюшки* никак не поддерживается;
- **младенец** в зачине уже упоминавшейся смешанной немецко-русской песни, начинающейся как колыбельная с контаминацией двух русских выражений «баюшки-баю» и «песенку спою» в одно — «баюшки спою»:

Спи младенец мой прекрасный
Баюшки спою.
 Denn du hast gar nicht Kalbasnoj
 Schlaf, mein süsser Bub.

7. К этой же подгруппе лексем можно отнести уже упоминавшееся слово **земляки**, которое встречается всего шесть раз, из них пять раз в песне «Sommerzeit» и один раз в песне «Winterzeit». Данная лексема употребляется всегда единично, т. е. без сопровождения других русских слов, в вариантах словосочетания: *mit seinen земляки* — М 20 № 2 (L), 5 (L), 2, 1 (L), 4 (L); М 19 № 7. Четыре раза данное слово встречается в правильном с точки зрения орфографии русского языка написании — *земляки*, один раз — с заглавной буквы (как все немецкие существительные) и с заменой звонкого согласного на глухой в начале слова — *Семляки* — М 20 № 4 (L) и один раз — с выпадением согласного /m/ в середине слова — *зеляки* — М 19 № 7.

Немецкий эквивалент — слово *Landsmann (Landsleute)* ни разу не употребляется в колониетских песнях смешенного характера.

¹⁰⁵ Фасмер М. Указ. соч. Т. 4. С. 206.

¹⁰⁶ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 855.

Наличие русского, а не немецкого слова в данных песнях выводит-ся из контекста, где под земляками понимаются, очевидно, русские, а не немцы¹⁰⁷.

5.4.3.4. Названия лиц женского пола

К данной группе отнесено всего 12 лексем в 37 словоупотреблени-ях, из них — 10 существительных в 35 словоупотреблениях и одно сло-восочетание.

1. Лексема **жена** встречается в разных песнях и словосочетаниях. Данное слово всегда употребляется в обращении к жене. При этом семь раз — в различных, иногда повторяющихся в одной песне, вариантах фразы *Жена, постой* — М 20 № 3, 4, *Жена, молчи* — М 19 № 2, М 20 № 3, 5, 1(W), *Жена, терпи* — М 20 № 3; два раза лексема *жена* заменяется в том же контексте либо на местоимение *ты* — *Dann heißt es: Ты мол-чи!* — М 20 № 4, либо на междометие *na* — «*na moltschi*» — М 20 № 7. Данное словоупотребление, возможно, отражает семейный уклад коло-нистов, где главой семьи был мужчина. Это подтверждается также на-личием в одном контексте как русского слова *жена*, так и немецкого слова *Weib*, употребленного в сниженном значении, подкрепляющемся следующим за ним существительным *Maul*, также имеющим снижен-ную коннотацию:

Und wenn das Weib das Maul auftut
So heisst`s: «*Жена, молчи*».

М 20 № 3

Русская лексема встречается также три раза и в более лиричном контексте в форме **женка**, в одном варианте песни «Srguch», повеству-ющей о нелегкой судьбе немецкого колониста, в частности о том, как он отправляется вопреки своему желанию на войну:

1. Ich muss reisen, ich muss fort,
Ich muss завтра на поход.
Женка, душенька моя,
Ну, прощайте навсегда.
2. Weil ich morgen reisen muss,
Geb ich`s dir den Abschiedskuss.

¹⁰⁷ Более подробно о данном слове см. подраздел 5.4.2 «Причины появле-ния русских лексем в текстах колониетских песен смешанного характера».

Ах ты, любушка моя,
Женка, душенька моя.

М 23 № 2

Как мы видим, данная лексема употреблена здесь в южной просторечной форме «женка», что связано с тем, что текст был записан в колонии *Bergdorf* на Украине.

Другой вариант употребления данной лексемы мы встречаем в колониистской песне, которую можно отнести к жанру колыбельных: «Спи младенец мой прекрасный» (М 76 № 1 (L)). В этом тексте в третьей строфе также встречается лексема *женка*:

Kommst zu sechzig, fahrst Kartoffel
С женкой молодой,
Sauf nicht viel, sonst wirst besoffen
Kommst nach городской.

Третий вариант употребления данной лексемы — *шинка* — также встречается в песне, записанной в колонии *Schlangendorf* на Украине. Данная песня отнесена В.М. Жирмунским к группе колониистских песен, она почти полностью написана на русском языке, с сильным влиянием украинского (*шинка* ‘жена, женка’, *цей* ‘этот, тот’, *бил* ‘был’):

Первый рас, как ошенился
То всял шинку с Молтаван;
А тругой, как ошенился
Цей бил глуп, а той болван.

М 58 № 1

В данной песне слово *шинка* не является обращением к жене и соответственно не предполагает ситуации диалога. Однако в тексте есть указание на то, что жена — не немка, а молдаванка — *То всял шинку с Молтаван*. При этом национальная принадлежность героя в этой песне также четко обозначена в последней строфе:

Я в немецком край ротился
И политики не стай.
Польку-мазур не учился,
Только Walzer eins, zwei, drei.

Вальс, зародившийся в Германии в XVII–XVIII вв. как танец из глиссирующих шагов с поворотами на месте, был хорошо известен колонистам

и лег в основу многих местных народных танцев, таких как лендлер и шлайфер. Так, Н. Везнер отмечает, что «в настоящее время сибирские немцы танцуют вальс по-особенному — немного подпрыгивая и добавляя “пружинку” в ногах. Совсем иначе исполняют вальс в современном бальном танце — танцоры “плывут” по площадке. Немецкая специфика исполнения вальса обусловлена тем, что в XVIII в. он исполнялся не полным поворотом, а полуповоротом пары по кругу. Композиции народного немецкого вальса были различны: некоторые вальсы представляли собой простые вращения по кругу, другие — движения с различными покачиваниями вперед, назад и из стороны в сторону, с последующим вращением по кругу. Основные положения рук оставались такими, как и несколько столетий назад. У немцев Омской области были зафиксированы такие виды вальса, как вальс “Августин” (Augustin), “лангзамевальс” (Langsame Walzer¹⁰⁸, буквально — медленный вальс) и “вальс с хлопками”, или “даменвальс” — дамский вальс (Walzer mit Plattler, или Damen Walzer)¹⁰⁹. Полька также была знакома колонистам, но в несколько измененной форме. Когда этот танец пришел в Германию в XVIII в., немцы уже танцевали похожий на него шоттиш, восходящий к танцу начала XVI в., хопсеру, от «hopsen» — прыгать, скакать. Как мы находим у Везнер, «хопсер» имел музыкальный размер и исполнялся на прыжках. В Россию переселенцы привезли именно этот национальный танец (Hopsa-Walzer), и уже здесь в него были добавлены элементы польки. Поэтому его стали называть двойным названием — “хопса-полька” (Hopsa-Polka). Этот танец стал излюбленным, наиболее популярным, и сегодня считается жемчужиной немецкой хореографии. “Хопса-полька” сочетает в себе парное исполнение и вращательные движения. Его танцуют как на свадьбах, так и на различных гуляньях¹¹⁰.

Смешанные колонистские песни не просто носили юмористический характер (когда два языка — русский и немецкий — намеренно «сталкиваются» в одном контексте для создания юмористического эффекта). Это были в первую очередь песни о колонистской жизни, иллюстрировавшие ее различные стороны, в частности межнациональные браки, где жена была предположительно русской, украинкой или молдаванкой и диалог с ней велся соответственно на ее языке. Особо показательным с этой точки зрения является употребление как русской

¹⁰⁸ Здесь и далее в цитате текст оригинала приводится без изменений.

¹⁰⁹ Везнер Н.Н. Указ. соч. С. 18.

¹¹⁰ Там же. С. 20.

лексемы *жена*, так и ее немецких эквивалентов — *das Weib* и *die Frau* в пределах одного четверостишия: *Und wenn die Frau das Maul auftut // Dann heisst's жена молчи* — М 19 № 2, где происходит четкое разделение на речь автора и прямую речь персонажа, где автор употребляет немецкое слово, а герой (предположительно немец) по отношению к жене — русское.

Итак, в колониетских песнях употребляются также и немецкие эквиваленты русского слова *жена* — **Weib** (в разных песнях и разных контекстах, всего десять раз) и **Frau** (два раза). Данные лексемы ни разу не встречаются в диалоге, а только в монологах описательного характера, в речи автора. Например, в трех вариантах песни М 23 № 1 лексема **Weib** в различных вариантах употребляется в ироничном контексте, рассказывающем о семейных взаимоотношениях:

— Will der Mann spazieren gehn, // Und die Welt ein bisschen sehn, // Muss er erst dem Weibe sagen, // Und sie um Erlaubniss fragen, // Sonst ist ja der Teufel los, // Ist der Mann ja noch so gross — М 23 № 2;

— Muss er erst seinem Weibchen sagen, // Um sie um Erlaubniss fragen — М 23 № 1;

— O, ihr Buben, kommt und seht, // Wie's uns jungen Männern geht, // Weiwer haben wir ohne Zweifel // Die sind, wie die jungen Teufel! // Die nur Gift und Feuer scheut, // Und mir alles Guts verzeiht — М 23 № 2;

— Weiber haben wir ohne Zweifel, // Grade wie die jungen Teufel, // Gib mir Gift und Feuerspeis, // Und beim Abend gut verspeis — М 23 № 3.

Слово *Weib* встречается также еще в одной колониетской песне, относящейся к жанру бытовых песен, в форме *Weib* и *Weiblein*: *Ein jeder Mann, der braucht ein Weib, // Dass er sich die Zeit vertreibt // Ein jedes Weiblein braucht ein Mann, // Dass er sie's besorgen kann* — М 57 № 1.

В песне «Stenka Rasin und die Fürstentochter», представляющей собой перевод на немецкий язык «Стеньки Разина» и также отнесенной Жирмунским к группе колониетских песен, данная лексема употребляется в схожем значении в переводе фразы «Нас на бабу променял»¹¹¹:

¹¹¹ Русская лексема *баба* встречается в текстах песен всего один раз, в песне «Когда я в Ревеле родился», в варианте М 21 № 8:

Oтец wollt mich zum Kaufmann machen,

Чтоб пряники я продавал.

Aber ich dacht ganz ander Sache:

Красный город *бабой* играл.

Однако в данном случае имеет место случайная замена в результате непонимания русского выражения «играть в бабки», которое встречается в другом варианте данной песни: *В Красный город в папки играть* — М 21 № 1 (Л).

Hinterher es geht ein Murren:
«Uns vertauscht er um ein *Weib*!
Seine Seele nahm sie früher,
Jetzt umstrickt sie seinen Leib».

М 42 № 1

В другой исторической колониетской песне «Vertreibung der Deutschen aus Russland» (М 40 № 1) немецкая лексема *Weib* употреблена уже совсем в другом контексте в связи с выселением колонистов, их жен и детей с насиженных мест и имеет собирательное значение: Viel Kosaken sind befertigt, // Ziehen schon nach Dörfern raus, //: *Weib* und Kinder auszutreiben // In die weite Welt hinaus.

2. Два раза в песне «Sommerzeit» (М 20 № 3, 1(W)) встречается лексема *женищина* в форме дат. п. мн. ч. — *женищинам*:

8. Und wenn das *Weib* das Maul auftut
So heisst`s: «*Жена, молчи*».
Sonst wenn ich einen Prügel krieg
Wird dir`s nicht wohler gehn

9. Und dir damit на спине дам
Штук двадцать an der Zahl.
So geht es wohl den *женищинам*
Fast immer überall.

10. So geht wenn man geheiratet hat,
Dann heisst`s: «*Жена, терпи*».
Da bekommt man auch noch Schläge satt,
Fast wie das liebe Viehe.

М 20 № 3

Лексема *женищина*, имеющая более общее значение, чем *жена*, появляется в этой песне не случайно. Употребление данного слова связано с обобщающим характером фразы *So geht es wohl den женищинам // Fast immer überall*, приведенной в качестве ироничного вывода из предшествующего контекста, основывающегося на примерах из жизни, где как раз и употребляется лексема с более частным значением — *жена*. Немецкий эквивалент, *die Frau*, встречается в смешанных колониетских песнях также два раза, один из них — в значении *жена* (см. пример выше), а другой раз — в качестве обращения к хозяйке, жене хозяйина: *Frau Meisterin ich loben muss. // Sie tut mir manchmal Wohlgenuss. // Das Essen, das sie für uns macht, // Das schmeckt, da`s Herz im Leibe lacht* — М 24 № 1.

3. Лексема **душенька** употребляется девять раз, из них шесть раз в песне «Spruch» (М 23 № 1–3), два раза — в песне «Die angenehme Winterzeit» (М 19 № 1 (L), № 5) и один раз в песне, почти полностью написанной на русском языке «Ваши глазки просто чудо» (М 67 № 1).

Данная лексема употребляется в следующих вариантах: *Duschenga, Duschinga* — М 23 № 1: *Ach, du Duschenga moja, // Rassproschtei du Duschinga!*, *душенька* — М 23 № 2: *Женка, душенька моя*, М 23 № 3: *Ach ты, душенька моя, // Распрощаень душенька*, М 67 № 1: *Ангел, душенька моя*, *Duschenka* — М 19 № 5: *Ich tanz mit meiner Duschenka, Duschinga* — М 19 № 1 (L): *Und mach mit meiner Duschinga*.

Данное слово, так же как и лексема *жена*, употребляется, возможно, для обозначения русской девушки и встречается в отличие от нее как в речи автора (М 19), так и в качестве обращения (М 23, М 67). Русский колорит подтверждается также прилагательным *russisch* во фразе *Ich tanz mit meiner Duschenka, // Ein russischs Kasatschka* — М 19 № 5, где герой танцует русский танец казачок.

4. Для обозначения девушки используются также слова **девочка** и **девушка**. Лексема *девочка* употребляется два раза в двух вариантах песни «Winterzeit»: *Dann sag ich zu mein девочка* — М 19 № 3 и *Da nehm ich meine девочка* — М 19 № 1, лексема *девушка* — также два раза, в одном и том же варианте песни «Winterzeit» — М 19 № 4: *Dann tanz ich mit mein девушка* — М 19 № 4, *Dann sag ich zu mein девушка* — М 19 № 4. Интересно, что только один раз (в варианте М 19 № 1) соблюдается женский род русского имени существительного — *meine девочка*, где местоимение *meine* указывает на *Akkusativ Sg.* женского рода. В трех других случаях, где после немецких предлогов *zu* и *mit* должен стоять *Dativ*, падежное окончание местоимения либо показывает *Dativ Sg.* среднего рода — *mein*, что соответствует немецким эквивалентам данной лексемы — *das Mädchen, das Fräulein*, либо остается неизменяемым в форме среднего рода *mein*, что отражает особенности местного диалекта с унифицированными формами *Dativ* и *Akkusativ*¹¹².

5. Кроме того, в текстах колониистских песен единично встречаются существительные *девица, лобушка*:

¹¹² См. упоминавшиеся в предыдущих разделах работы по морфологии немецких диалектов в России (Р. Rosenberg, Н. М. Гринёва, Л. Р. Зиндер и др.).

Solche Mädchen grad wie du
Trag ich unter meiner Schuld.
Ах где-ж, ах где-ж, ах где-ж моя,
Ах где-ж моя красная девица?

М 57 № 1

Weil ich morgen reisen muss
Geb ich's dir den Abschiedskuss.
Ах ты, любушка моя,
Женка, душенька моя.

М 23 № 2

В песнях, написанных почти полностью на русском языке, встречаются также существительные *ангел*, *душенька* и *барышня*, употребленные по отношению к девушке:

Милая моя брюнетка,
Ангел, душенька моя,
Шоколадная конфетка,
Ох, как я люблю тебя.

М 67 № 1

А теперь моя барышня
Просто чудо вон какой.
Цвет лица такой хороший,
Голова такой польшой.

М 58 № 1

Немецкие эквиваленты даются довольно редко в рассматриваемой группе песен. Один раз встречается слово *das Fräulein* и три раза — *das Mädchen*.

Das Fräulein wollt ein Mord begehn,
Das hat die Welt noch nicht gesehn.

М 24 № 1

Что касается последнего примера, то это тот редкий случай, когда известно время создания песни — около 1917 г. Дальше она каждый раз изменялась, добавлялись новые куплеты (о чем говорит надпись на листе с текстом). Связи между куплетами не всегда четко прослеживаются, но речь везде идет о жизни немецкой деревни, поэтому при обозначении девушки употреблено немецкое слово *Fräulein*.

Лексему *das Mädchen* мы встречаем в двух других песнях, одна из которых называется просто «Lied» (М 37 № 1):

Mädchen, willst du mit mir gehen,
Meine Wirtschaft zu besehen...

Похожая, но не являющаяся вариантом предыдущей и отнесенная Жирмунским к другому номеру песня также включает в себя лексику *das Mädchen*:

Solche *Mädchen* grad wie du
Trag ich unter meiner Schuld.
Ах где-ж, ах где-ж, ах где-ж моя,
Ах где-ж моя красная девица?

Solche Buben wie du bist,
Findet man auf dem Bauernmist.

Ах где-ж, ах где-ж, ах где-ж моя,
Ах где-ж моя красная девица?

Ein jeder Mann, der braucht ein Weib,
Dass er sich die Zeit vertreibt.

Ах где-ж, ах где-ж, ах где-ж моя,
Ах где-ж моя красная девица?

Ein jedes Weiblein braucht ein Mann,
Dass er sie's besorgen kann.

Ах где-ж, ах где-ж, ах где-ж моя,
Ах где-ж моя красная девица?

М 57 № 1

По данной песне мы видим, что на русском языке дается только припев, при этом вся песня поется на немецком языке. В песне шутивым образом повествуется об отношениях между полами, все наименования лиц женского или мужского пола приводятся на немецком языке, за исключением припева, где появляется словосочетание «красная девица», восходящее к русскому «красна девица», что подтверждает также и ритм стихотворения, где ударение в слове *девица* падает на первый слог.

Такое распределение языков объясняется предположительно тем, что в песне нет намеренного подчеркивания национальной принадлежности девушки, нет противопоставления двух разных национальностей по отношению к разным полам. Припев на русском языке лишь подчеркивает макаронический, шуточный характер песни и был заимствован, вероятно, из русской народной любовной лирики, где такой припев является достаточно типичным. Один раз данная лексема встречается в песне «Sommerzeit»:

Wenn nur alle Tage Sonntag wär,
So wären *die Mädchen* froh,
So gehn sie auf der Eisenbahn
Nach Zarskoe Selo.

М 20 № 6 (L)

5.4.3.5. Торговые взаимоотношения русских и немцев

В данной группе можно отнести 12 лексем в 61 словоупотреблении, из них — пять существительных в 42 словоупотреблениях, шесть глаголов в 18 словоупотреблениях, одно прилагательное (один раз). Параллельно с русскими лексемами рассмотрены их немецкие эквиваленты и причины их появления или отсутствия в текстах смешанных колониетских песен.

1. Самым частотным в этой подгруппе является слово *деньги*, которое встречается в разных колониетских песнях всего 22 раза — девять раз в песне «Sommerzeit», в различных вариантах фразы *А денег дай, там будет пир*, девять раз в песне «Когда я в Ревеле родился» в вариантах фразы *И деньги свои промотал* и четыре раза в той же песне в различных вариантах фразы *И дал мне tausend Rubel денег*:

Oтец will mich zum Kaufmann machen,
Чтоб пряником я торговал.
А где я то мой смерти... sagen
Теперь я деньги промотал.

М 21 № 3

И дал мне tausend Rubel денег,
Dazu auch ein Ordensband,
Теперь весел я wie ein König
Живу in meinem Vaterland.

М 21 № 1

Там есть отличных трактиров
Ganz nach Franzosen Fuss.
А денег есть, там будет Bier
Dass man erstaunen muss.

М 20 № 4 (L)

Русское слово *деньги*, употребляющееся в современном языке во множественном числе и обозначающее «металлические и бумажные знаки как меру стоимости», восходит к др.-русск. *деньга́*, которое отмечается в памятниках с XIII в. в виде *деньга* и *денга* со значением «серебряная монета». Современное значение «мера стоимости» возникло

в XV в. Первоначальное *денга* представляет собой заимствование из татарск. *тэнкэ* «серебряная монета, рубль», подвергшееся озвончению: *т > д, к > г*¹¹³. Частотность появления данного слова в колониетских песнях объясняется русско-немецкими торговыми взаимоотношениями.

Немецкое слово «das Geld» также встречается в колониетских песнях, всего 12 раз — семь раз в различных вариантах фразы *Und wenn man kein Geld zum Zahlen hat* (один раз в песне «Winterzeit» и шесть раз в песне «Sommerzeit»), четыре раза в различных вариантах фразы *Und greift das Geld heraus* (в песне «Sommerzeit») и один раз во фразе *Hab nur das Geld bereit* в песне «Sommerzeit». Учитывая то, что немецкое слово *Geld* является общегерманским и стало употребляться в значении «денежное средство» уже в середине XIII в., а также принимая во внимание довольно частое его употребление в текстах колониетских песен в немецких фразах, можно сделать вывод, что использование русского слова *деньги* связано с общим русским контекстом и с шутливым характером смешанных песен, предполагающих появление русских слов с целью их противопоставления немецким, или с ритмической структурой песни. В некоторых песнях в одном текстовом варианте может употребляться как русская, так и немецкая лексема в зависимости от того, в каком контекстном окружении она находится.

(4) И там вот есть большой трактир,

Ganz auf fröhlichem Fuss.

/: Денег давай, sonst будет бить,

Dass man erstaunen muss.:/...

(7) Und wer nun sich betrunken hat,

Ruft zu sich selber: Стой!

/: Und wer kein *Geld* zu zahlen hat,

Der geht пешком домой.:/

М 20 № 4

Тот факт, что слово *деньги* не встречается в изолированном положении среди немецкого контекста, говорит о том, что для обозначения денежного средства колониетсы использовали при общении друг с другом, скорее всего, немецкий эквивалент. В контексте данная лексема сопровождается такими существительными, как *купец* (чаще — *Kaufmann*), *лавочка* (см. ниже), русскими глаголами *торговать*, *промотать*, *пропивать*, *дать*, *брать* («Извозчик, что берешь?» — два раза) и немецкими глаголами *geben*, *zahlen*, *herausgreifen* и т. д.

¹¹³ Цыганенко Г. П. Указ. соч. С. 105.

2. Далее следует лексема **торговать**, которая употребляется в различных смешанных колониистских песнях (М 22 № 1; М 21 № 1-11, 1 (L)).

Данная лексема встречается как в окружении немецких слов (*Ich sollt mit Hering торговать* — М 21 № 2), так и в русских фразах *Торгуют здесь отличнейший* — М 22 № 1 и в различных вариантах фразы *Я пряниками торговал* (варианты песни М 21). Частота употребления данной лексемы говорит об активных торговых взаимоотношениях русского и немецкого населения. Среди предметов торговли в разных вариантах песни называются в основном *пряники* и только один раз — *Hering*. При этом отсутствующий в немецком языке творительный падеж заменяется сочетанием предлога *с* с существительным по аналогии с немецким глаголом *handeln mit D* в значении *verkaufen*. Так, словосочетание *торговать пряниками* шесть раз употребляется без предлога *с* и четыре раза — с предлогом *с*. В одном варианте песни (М 21 № 8) глагол *торговать* заменяется на *продавать* со сменой управления на винительный падеж — *Чтоб пряники я продавал*. Такая замена лексемы (по аналогии с немецкими синонимами *mit etw. handeln = verkaufen*) не случайна и отражается в другом варианте данной песни (М 21 № 10) в неправильном управлении глагола торговать — *Чтобы я пряник торговал*, где существительное стоит в винительном падеже, как при глаголе *продавать*.

3. К этой же группе относятся два слова **карман** и **портмоне**, которые появляются в контексте, связанном с наличием и отсутствием денег, и обозначают специальную деталь одежды, отделение или изделие для хранения денег.

Слово **карман** встречается в колониистских песнях в форме *карман* — М 19 № 1, М 61 № 1; *Харман* — М 19 № 2 (L) и латиницей — *Karman* — М 19 № 2 (L), М 19 № 5. При этом три раза данная лексема употребляется в различных вариантах песни «Winterzeit» (М 19 № 5, 1 (L), 2 (L)) в одном контексте со словом *портмоне*:

Und hat man nun in sein карман
Ein volles Bordmane,
Hält man beim alten Müller an
Auf Betersburg-Schossee.

М 19 № 1 (L)

Und hat man nur in sein Харман
Ein volles Portmanei
Hält man beim alten Müller an
Auf Petersburger Schossee.

М 19 № 2 (L)

Und hat man nur in sein *Karman*
Ein volles *Portmane*
Hält man beim alten Miller an
Auf Peterburgs Shaussen.

М 19 № 5

Лексема *Bordmane* может соответствовать как немецкому *das Port-monee / Portemonnaie* [pɔrtmo'ne:] ['pɔrtmone:], которое было заимствовано в немецкий язык из французского в значении «кошелек» в XIX в.¹¹⁴, так и русскому *портмоне*, которое было заимствовано русским языком также из французского также в XIX в. в значении «небольшой кошелек для денег». Это сложное слово, кроме первой части *port(e)* — буквально «неси, носи», оно содержит слово *monnaie* «монета»¹¹⁵. Итак, как мы видим, время заимствования данного слова в русский и немецкий языки совпадает. Однако, вероятно, немцы не были знакомы с написанием данного слова на немецком языке и узнали его, скорее всего, в устной форме уже на русской земле.

Слово *карман* встречается еще в одной смешанной колониистской песне, в русском контексте (М 61 № 1): *На пустой карман // Напиваюсь пьян*. Очевидно, что в данном контексте *карман* выступает в качестве места хранения денег, кошелька. Кроме того, в данном случае используется русское устойчивое выражения «на пустой карман», которое обозначает ситуацию отсутствия денег.

Три раза в песне «Sommerzeit» встречается немецкая лексема *der Hosensack* для обозначения места для хранения денег:

So greift er in den *Hosensack* // Und greift das Geld heraus — М 20 № 4.

Dann greift er in den *Hosensack* // Und nimmt das Geld herfür — М 20 № 5.

Dann greift er in den *Hosensack* // Und nimmt das Geld hervor — М 20 № 1 (L).

4. В эту группу вошли слова *трактир* и *базар* как обозначение мест, где происходит обмен денег на товары:

Там есть отличных трактиров

Ganz nach Franzosen Fuss...

Woll man Крестовский Остров sehen,

Сидя там час в трактир...

М 20 № 1 (L)

¹¹⁴ Duden «Etymologie». Указ. соч. S. 541; Duden. Deutsches Universalwörterbuch. S. 1227.

¹¹⁵ Цыганенко Г. П. Указ. соч. С. 320.

Drunne kommt ä Russl gfare

Mit ä lange Droschke.

— Куда едешь? — На базар.

— Привези картошку.

М 27 № 1

Лексема *базар* встречается только один раз в смешанных колонистских песнях в шуточной песне, в ситуации диалога с русским человеком¹¹⁶. Четверостишие разделено на две части, первая исполняется на немецком языке, вторая — на русском. Однако уже в первых двух строках появляются лексемы, определяющие следующие две русские строки: *Russl* (Russe) и *Droschke* (дрожки). Далее приводится диалог на русском языке, участником которого являются русский и предположительно немецкий персонаж, общающийся с ним на русском языке. Слово *базар* употреблено в речи предположительно русского персонажа. Единичность использования и русский контекст говорят о недостаточном лексическом освоении данного слова.

Лексема *трактир* встречается только в песне «Sommerzeit» в двух разных фразах. Семь раз — в различных вариантах фразы *Там есть отличный трактиров* — М 20 № 2 (L), 5 (L), 4 (L), два раза в М 20 № 7 (L), 5 (L), 5 (L) и четыре раза в вариантах фразы *Сиди там час в трактир* — М 20 № 5 (L), 2 (L), два раза в М 20 № 5 (L). При этом в форме *трактир* данное слово появляется пять раз, написанное как с заглавной (один раз), так и со строчной буквы (четыре раза), два раза — в составе сложного слова: *чай-трактир* — М 20 № 5 (L) и *трактирhof* — М 20 № 7 (L). Последнее представляет собой неологизм и является сложным словом, образованным с помощью исконно немецкого компонента *-hof*, обозначающего место, где происходит какое-либо действие. При этом в одной и той же песне данное слово дается как в варианте *трактирhof*, где русская часть слова написана кириллицей, а немецкая — латиницей, так и в форме *Traktierhof*, где обе части написаны латиницей. Последний вариант появляется в немецкой фразе (единственный вариант) *Da ist ja auch ein Traktierhof*, где оно употреблено уже как полноценное заимствование. От данной лексемы образованы, очевидно, слова *трактиров* и *Драктиров* за счет выпадения щелевого /h/ и озвончения в одном случае смычного /t/:

¹¹⁶ Это также единственный случай, когда напрямую обозначена принадлежность к русской нации — *ä Russl*.

Дам есть отличный Драктиров — М 20 № 4 (L).

Da ist ja auch ein Traktierhof.

Там есть отличный трактирhof — М 20 № 7 (L).

Слово *трактир* существует в русском языке со времени правления Петра I и является заимствованием с введением гиперграмматического *-up* — из польск. *traktjer* «трактирщик», *traktjerna* «трактир» от лат. *tractyria*, ит. *trattoria*¹¹⁷. Данное слово обозначает небольшое заведение, в котором подают еду, иногда предоставляют ночлег, и которое находится на тракте — большой проезжей дороге. Видимо, немецкими крестьянами данное слово не воспринималось как русское, поскольку для русских питейных заведений используются другие лексемы, например *кабак*.

Данная лексема встречается в различных вариантах фраз:

1) ...сидя там час в трактир — М 20 № 2 (L);

Ситя точас в Трактир — М 20 № 2 (L);

Сиди там час в трактир — М 20 № 5 (L);

Тотчас иди в трактир — М 20 № 5 (L);

2) Там есть отличный трактиров — М 20 № 2 (L), 5 (L);

Там есть прекрасный чай-трактир — М 20 № 5 (L);

Там есть прекрасный трактир — М 20 № 5 (L).

Лексема *чай-трактир* также является неологизмом, основанным на соединении двух понятий, касающихся с точки зрения немцев типично русской жизни — чай и трактир (т. е. то место, где пьют чай).

5.4.3.6. Праздник, веселье

Со значением «праздник», «радость», «веселье» в смешанных колонистских песнях употребляется всего восемь единичных лексем (16 словоупотреблений) и четыре словосочетания (22 словоупотребления).

1. Наиболее частотным в данной группе является слово **бал**. Оно употребляется всего 17 раз в смешанных колонистских песнях, в основном в различных вариантах песни «Sommerzeit» и один раз в песне «Winterzeit». В песне «Sommerzeit» данная лексема употребляется в различных вариантах фразы «Там славный будет бал» — М 20 № 1, 2, 3, 4, 6, 1 (L), 2 (L), 3 (L), 4 (L), 5 (L), 7 (L) 1 (W), «Да, славный будет бал» — М 20 № 5. Один раз прилагательное **славный** заменяется на **чудный** — «Dort будет чудный бал» — М 20 № 8 (L). Два раза данная фраза дается в записи латиницей: «Sto tam horoschei Bal» — М 20 № 6 (L)

¹¹⁷ Фасмер М. Указ. соч. Т. 4. С. 93.

и «Dass Slawnebuti Ball» — М 20 № 7. При этом в последнем примере, очевидно, происходит десемантизация значения, так как словосочетание «славный будет» написано с заглавной буквы и слитно, как имя собственное, название бала например. В песне «Winterzeit» данная фраза появляется всего один раз, что, вероятно, связано с влиянием не менее популярной и перекликающейся с ней по некоторым строкам «Sommerzeit», при этом меняется порядок слов, глагол ставится на второе место, что является естественным для немецкой фразы: «Там будет славный бал» — М 19 № 2.

2. Семь раз в смешанных колониcтских песнях в изолированном положении встречается слово **музыка**, два раза в форме *музыка* в песне «Winterzeit» (М 19 № 4), один раз — в песне с говорящим названием «Vermischtes Lied» (М 22 № 1) в форме *музик* с ударением на первом слоге, три раза — в различных вариантах слова *Musik* с ударением уже на втором слове: *Musig* — М 19 № 1 (L), *Musik* — М 19 № 5, *Музык* — М 19 № 3.

Однозначно как русскую лексему данное слово можно характеризовать только в первом случае, когда оно дается в форме *музыка*. Русское слово *музыка*, будучи производным от *Mousa* > *Муза* (в греческой мифологии одна из девяти богинь-покровительниц искусств и науки), в греческом языке — *mousikos* «относящийся к Музам», проникло в русский язык в форме *музыка* (XVI в.), затем изменилось на *музыка* (с ударением на *ы*) (XVII в.), позднее ударение переместилось на первый слог¹¹⁸. Немецкое слово *die Musik* (с ударением на последнем слоге) (mhd. *music*, ahd. *musika*) было заимствовано из лат. *musica*, которое восходит к греч. *mousike*. При этом до XVI–XVII вв. ударение в данном слове ставилось на корневой гласный, перенос ударения на последний слог произошел под влиянием французского *musique*, к которому восходит также и значение «музыкальное представление, произведение»¹¹⁹. В немецком языке существует также и слово *die Musica*, имеющее то же происхождение, что и *die Musik*, и употребляющееся в сочетании с латинскими прилагательными в музыкальной терминологии: *Musica antiqua* (старинная музыка); *Musica instrumentalis* (в средневековье музыка в собственном смысле этого слова, инструментальная и вокальная музыка); *Musica nova* (новая музыка); *Musica sacra* (сакральная, духовная музыка); *Musica viva* (современная музыка).

Таким образом, мы видим, что в ситуации колониcтских песен (учитывая невозможность их точной датировки) довольно сложно бу-

¹¹⁸ Цыганенко Г. П. Указ. соч. С. 244.

¹¹⁹ Duden «Etymologie». Указ. соч. S. 475.

дет однозначно определить, какое происхождение имеет слово *музыка* в формах *музик* (с ударением на первом слоге) и *Musik* (с ударением уже на втором слове). Для решения данного вопроса следует обратиться к контексту. Данная лексема в основном употребляется в различных вариантах песни «Winterzeit», в одной и той же строфе:

<i>Musig <u>играть</u></i> das hör ich gern. Ist wahr und <u>правата</u> Und mach mit meiner <u>Duschinga</u> Ein Russischen <u>газачка</u> М 19 № 1 (L)	<i><u>Музык играй</u></i>, das hör ich gern. Und ist der Tag vollbracht, Dann sag ich zu mein <u>девочка</u> „<u>Прощай</u>, zur guten Nacht“ М 19 № 3
<i><u>Музыка</u></i>, das hör ich gern Da bin gleich dabei; Ich tanz mit meim <u>девушка</u> Den russschen <u>Kosatschok</u> М 19 № 4	<i><u>Музыка</u></i>, das hör ich gern Und ist der Tag vollbracht, Dann sag ich zu meim <u>девушка</u>: <u>Прощай</u>, nun gute Nacht М 19 № 4
<i><u>Musik igratj</u></i> das hör ich gern, Das ist wahr und <u>prawda</u>, Ich tanz mit meiner <u>Duschenka</u> Ein russisches <u>Kasatschka</u> М 19 № 5	<i><u>Музыканты храют</u></i> Das hör ich ja so gern Da nehm ich meine <u>девочка</u> Und tanz den Russen <u>Казачок</u> М 19 № 1

Итак, строфа начинается каждый раз со схожей фразы, делящейся на главное и придаточное предложения, где придаточным дополнительным является как раз первая часть, в которой слово *музыка* (один раз замененное на *музыканты*) употреблено либо в изолированном положении, либо в паре с русским глаголом *играть* (один раз, в украинской колонии, в форме *храют*), что позволяет все же предположить здесь наличие русского словосочетания, хотя и подвергнувшегося сильной, в первую очередь грамматической, интерференции со стороны немецкого языка.

В песне М 22 № 1 слово *музик* употребляется в следующем контексте:

Bei mir bei schöner лавочка
Отличнейший бульвар.
Есть музик и фонарики
Ist lustig wirklich wahr.

Наличие русского контекста, а также ударение на первом слоге позволяют сделать предположение об употреблении русского слова *музыка* с апокопой последнего гласного.

3. Шесть раз употребляется слово **праздник** — в песне «Sommerzeit» в различных вариантах фразы: An jedem *праздник* — М 20 № 2, 1(L), 2 (L), 3 (L), 4 (L), 7 (L)). Из них пять раз данная лексема употребляется в форме праздник, один раз — с заглавной буквы, с озвончением первого согласного и выпадением *д* в середине слова — *Бразник* — М 20 № 4 (L). При этом каждый раз учитывается мужской род русского имени существительного, о чем говорит стоящее перед ним местоимение *jeder*:

Ein jeder *праздник* — М 20 № 2;

An jedem *праздник* — М 20 № 1 (L);

An jedem *праздник* — М 20 № 2 (L);

An jedem *праздник* — М 20 № 3 (L);

An jedem *Бразник* — М 20 № 4 (L);

Und jeden *праздник* — М 20 № 7 (L).

Данная лексема употребляется в русской строке и связана с поездкой колонистов за пределы своего поселения на праздничный или выходной день. В качестве места назначения в песне «Sommerzeit» называется, как правило, Царское Село, куда герой песни отправляется по железной дороге:

An jedem Бразник ist es jetzt

Народа тезнада.

Die Eisenbahn ist so besitzt

Что просто Браз пед.

М 20 № 4 (L)

Сюда примыкает лексема *празднѣй* в значении *праздничный*, встречающаяся один раз в русском контексте:

Раз пошел я в один дома;

Нет вина на *празднѣй* дня.

Соблюди я в одно яму

Я там кричал: «Was ist das».

М 58 № 1

4. Семь раз употребляются различные варианты русского словосочетания в значении «**тьма народу, теснота**», из них два раза — *Народа темнота* — М 20 № 1 (L), М 20 № 2 (L), один раз — *Народу, теснота* — М 20 № 2, один раз — *Народной теснота* — М 20 № 3 (L), один раз — *Народная теснота* — М 20 № 7(L) и один раз словосочетание заменяется одним словом — *Тезнада* ‘теснота’ — М 20 № 4 (L). В данных словосочетаниях чередуются лексемы *теснота* и *темнота*. Последнее свидетельствует или о неполном понимании слова *теснота* или

о видоизмененном *тьма* в русском словосочетании «тьма народу», обозначающем большое количество людей и, как следствие, тесноту и давку. При этом *тьма* обозначает также и *темноту*, поэтому неудивительны переосмысление фразы и замена не очень, возможно, понятного колонистам словосочетания *тьма народу* на *народу темнота*.

5. Несколько раз в смешанных колонистских песнях встречаются названия разных танцев — русский казачок, полька, мазурка, вальс. Название русского танца «казачок», который характеризуется Ожеговым как «народный танец ускоряющегося ритма, первоначально существовавший у казаков»¹²⁰, встречается четыре раза: два раза в исходной форме, кириллицей — *Казачок*, и латиницей — *Kosatschok*:

Da nehm ich meine девочка
Und tanz den Russen Казачок. М 19 № 1

Dann tanz ich mit meim девушка
Den russischen Kosatschok. М 19 № 4

Данная лексема встречается в смешанных колонистских песнях еще два раза, в формах *газачка* — М 19 № 1 (L) и *Kasatschka* — М 19 № 5. При этом в первом случае ударение в слове *газачка* должно падать на последний слог, рифмуясь с другим русским словом — *правата* ‘правота’:

Musig играть das hör ich gern.
Ist wahr und правата
Und mach mit meiner Duschinga
Ein Russischen газачка. М 19 № 1 (L)

Musik igratj das hör ich gern,
Das ist wahr und prawda,
Ich tanz mit meiner Duschenka,
Ein russischs Kasatschka. М 19 № 5

В русском словосочетании «плясать казачка́» ударение также стоит на последнем слоге. Таким образом можно заключить, что формы *газачка* и *казачка* имеют отношение не к обозначению девушки-казачки, а к русскому народному танцу «казачок».

¹²⁰ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 261.

В другой колониристской песне мы встречаем названия еще трех танцев — польки, мазурки и вальса:

Я в немецком край ротился

И политики не стай

Польку-мазур не учился,

Только *Walzer* eins, zwei, drei.

М 58 № 1

Названия танцев «полька» и «мазурка» даются на русском языке, кириллицей, в виде сложного слова *полька-мазурка* в форме **полька-мазур** с изменяемым первым компонентом. Название танца «вальс» дается на немецком языке, что вполне соответствует содержанию строфы, так как речь идет о танце, разученном у себя на родине.

6. По одному разу употребляются лексемы **Фонарики** (Есть мýзик и фонарики // *Ist lustig wirklich wahr* — М 22 № 1 («Vermischtes Lied»), **фонтаны** (Какие там фонтаны есть — М 20 № 2).

К этой же группе относится фраза *Und was für eine Illumination* // **Какой чудесный вид** — М 20 № 2. В песне «Sommerzeit» праздничность атмосферы подчеркивается также лексемами **Illumination** (см. выше) и **Paradies** во фразе *Man glaubt dort wird — wirklich steif ung fest* // *Im Paradies zu sein* — М 20 № 2.

7. К семантической группе «веселье, праздник» относится в отличие от предыдущих групп, довольно много прилагательных и наречий, обозначающих положительные эмоции, ощущения и характеристики предметов и явлений. Это уже упоминавшиеся выше прилагательные **славный** (15 раз), **чудный** (один раз), **чудесный** (один раз), **хороший** (один раз), **отличнейший** (один раз), словосочетание **очень хорошо** (14 раз)¹²¹, а также прилагательное **веселый** в краткой или полной форме: *веселый*, *весел* — М 21 № 7, *весел* — М 21 № 9, *веселый* — М 21 № 10 и наречие **весело** — М 22 № 1.

Наиболее частотными являются прилагательное *славный*, употребляющееся 15 раз в словосочетании «Там славный будет бал»¹²², и словосочетание *очень хорошо* — 14 раз, из них — четыре раза во фразе *Ist очень хорошо* — М 19 № 1 (L), 3 (L), 4, 6, 7, один раз в этой же фразе,

¹²¹ См. приведенные выше примеры.

¹²² См. приведенные выше примеры.

но латиницей *Ist otschen horoscho* — М 19 № 5, четыре раза во фразе *Ist das nicht очень хорошо* (в значении *Разве это не хорошо?* — М 19 № 1 (L), 2 (L), 3, 6), один раз — латиницей *Ist das nicht otschen horoscho* — М 19 № 5, один раз — *Ist das не очень хорошо* — М 19 № 4, один раз — *Ist das nicht это хорошо* — М 19 № 1. Один раз наречие *хорошо* в аналогичной позиции в тексте заменяется на наречие *холодно* — *Ist очень холодно* — М 19 № 2.

8. К данной группе относятся также два глагола *spazierengehen*, в котором русифицирован первый компонент — *гулять zu gehen* — М 19 № 1 (L), 2 (L), 5, и *играть* в словосочетании «играть в бабки» — М 21 № 1 (L). Бабки — это русская национальная народная игра, в которой игроки бросками бит (палок) выбивают определенное количество фигур, составленных из деревянных цилиндров, похожая на игру в городки. Победителем считается тот, кому на выбивание фигур требуется наименьшее количество бросков. С данной игрой колонисты познакомились только в России, чем и объясняется использование выражения «играть в бабки». Один раз, в том же контексте, что и фраза *В Красный город в папки играть* — М 21 № 1 (L), употребляется словосочетание *бабой играть*:

Отец wollt mich zum Kaufmann machen,

Чтоб пряники я продавал.

Aber ich dacht ganz ander Sache:

Красный город бабой играл.

М 21 № 8

Очевидно, что данная замена связана с отсутствием понимания значения слова *бабки* в данном контексте, и оно заменяется на более знакомое *баба* в форме *бабой*. Замены отдельных лексем, словосочетаний, фраз, иногда строк и четверостиший связаны с таким явлением, как «песенное варьирование» или «Zersingen» в немецкой терминологии. Они основываются как на желании индивидуализировать песню, придать ей особый, свойственный только данной местности, например, колорит, так и на непонимании отдельных слов и выражений, которые воспринимаются как отклонения от «правильного» текста и заменяются на схожие по звучанию знакомые лексемы, словосочетания и фразы.

5.4.3.7. Бранные слова, лексемы, относящиеся к конфликтным и проблемным ситуациям

Всего в данную группу вошли три имени существительных в 22 словоупотреблениях.

1. Лексема **черт** встречается в колониستских песнях всего восемь раз. Три раза — в песне «Sommerzeit», в различных вариантах фразы *Kommt er wie ein чорт домой* — М 20 № 3, либо в сравнительном обороте, либо без сравнения: *So kommt der чорт домой* — М 20 № 4, с написанием два раза через *o*, один раз — через *e*¹²³. 5 раз — в песне «Когда я в Ревеле родился» в различных вариантах фразы *И в ногу черт мою попал* — М 21 № 1, где слово *черт* выступает иногда в качестве бранного обозначения турка: *Hat mich der Turk auf's Ziel genommen, // И в ногу черт мне попал* — М 21 № 10, либо в качестве просто вводного бранного слова: *Hat mich ein Türk aufs Ziel genommen // И чорт, он в ногу мне попал* — М 21 № 6. В данной песне слово *черт* два раза написано через *o*, три раза — через *e*.

С. И. Ожегов дает следующие пояснения к данному слову: 1) «в суеверных представлениях: злой дух, олицетворяющее зло сверхестественное существо в человеческом образе, с рогами, копытами и хвостом; теперь употр. как бранное слово, а также в некоторых выражениях», 2) «о том, кто ловок, смел, удачлив»¹²⁴. В песне «Sommerzeit», очевидно, существует параллель с русским выражением «злой, как черт», при этом опускается прилагательное и остается только сравнение с чертом. Данная фраза связана с появлением дома пьяного и злого мужа, который начинает ругаться с женой:

Und wer sich dann betrunken hat,
Der sagt sich selber: «Стой»
Und wer kein Geld zum zahlen hat,
Der geht пешком домой.
Und wenn er dann nach Hause kommt
So heisst's: «Жена, постой»
Und wenn er gleich den Schnaps vermisst
Kommt er *wie ein чорт* домой.

М 20 № 3

¹²³ О данной особенности см. подраздел 5.3.2 «Графическое отражение особенностей вокализма языка песен немецких колонистов».

¹²⁴ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 879–880.

В другой фразе, в этой же песне, уже отсутствует сравнение и осуществляется метафорический перенос. Артикль, стоящий перед существительным, соответственно меняется с типичного для сравнительного оборота неопределенного на определенный, служащий для обозначения конкретного лица:

Und als er angekommen ist,
Ruft er: Жена, постой!
Und wenn er gleich den Schnaps verspürt,
So kommt der чорт домой.

М 20 № 4

Данная фраза восходит к немецкому употреблению слова *der Teufel*: *der Kerl ist ein Teufel [in Menschengestalt]* (человек очень злой, жестокий), *der Kleine ist ein richtiger Teufel*, *der Bursche ist der reinste Teufel* (разг. очень неуступчивый, зло подшучивающий над кем-либо) и пересекается с русским выражением «дьявол во плоти».

В колониетских песнях смешанного характера четыре раза употреблено также исконно немецкое слово *der Teufel*, которое было заимствовано немецким языком еще в древневерхненемецкий период (срвн. *tiuvel*, *tievel* днвн. *tiufal*) из готского, восходящего к церковной латыни (гот. *diabaulus*, *diabulus*), либо напрямую из латинского (лат. *diabulus*, *diabolus*)¹²⁵. Данное слово являлось, согласно христианскому учению, обозначением имени падшего ангела, ставшего противником Бога. В переносном значении оно, так же как и в русском языке, используется для обозначения злого, раздраженного человека¹²⁶.

Лексема *Teufel* встречается в двух вариантах песни «Когда я в Ревеле родился» — два раза в вариантах фразы *Weißer haben sie ohne Zweifel // Gerade wie die junge Teufel* — М 23 № 1, 2 и два раза в вариантах фразы *Sonst ist ja der Teufel los* — М 23 № 1, 2. В первом случае употребление немецкого слова связано с немецким контекстом, так как, как мы видели, немецкие колонисты знали и вполне могли употреблять русский сравнительный оборот «как черт», если того требовала контекстная ситуация, связанная с определенными интенциями исполнителя. Во второй фразе мы встречаемся с исконно немецким разговорным выражением «*der Teufel ist los*», которое обозначает большое волнение, раздражение, иногда спор и восходит к распространенному в народе предположению о том, что черт сидит где-то на привязи и только и ждет того,

¹²⁵ Duden «Etymologie». Указ. соч. S. 742.

¹²⁶ Duden. Deutsches Universalwörterbuch. S. 1575.

чтобы распространить зло по всему миру. По семантике данное выражение близко русскому «спустить (всех) собак на кого-либо», которое, правда, имеет более узкое значение и обозначает агрессивное поведение.

Лексема *черт* употребляется также по отношению к женщине, жене (несмотря на показатели мужского рода в окончаниях прилагательных и формах глаголов) в песне М 58 № 1: *Третий бил немножко лучше; // Он играл на хортетьян, // Бил похош на чорта куцы // И всегда ходил он пьян*. Речь в данной шуточной песне идет о разных женах героя и об их недостатках. В данном случае третья жена героя, которая немного лучше предыдущих и играет на пианино, и к которой как раз и имеет отношение фраза «Бил похош на чорта куцы», очевидно, не отличается приятной внешностью и хорошим характером.

2. Лексема *беда* всегда употребляется только в различных русских фразах в значении «несчастье», «горе». Всего она встречается в колониетских песнях десять раз — шесть раз в песне «Sommerzeit» (в различных вариантах фразы «*что просто, брат, беда*» — М 20 № 2, 7 (L), 3 (L), 4 (L), 1 (L), 2 (L)) и четыре раза в песне «Когда я в Ревеле родился» (в различных вариантах фразы *Da hat er meine беда vernommen* — М 21 № 1, 5, 6, 9).

В первом случае данная лексема используется скорее для эмпазы, для подчеркивания необычности состояния, когда речь идет о будничных явлениях, не связанных ни с какими реальными бедствиями, в частности о тесноте в пригородном поезде. Выбор слова *беда* определяет в данном случае также рифма со словом *темнота* в словосочетании *народа темнота* 'тьма народу':

An jedem праздник ist es da
Народа темнота,
 Die Eisenbahn ist so besitzt,
Что, просто, брат, беда.

Совершенно в ином контексте употреблено данное слово в другой песне — «Когда я в Ревеле родился». Здесь речь идет о серьезном несчастье, о военном ранении:

Und als es ins Gefächt gekommen,
Я много из ружья стрелял.
 Hat mich ein Tyrok auf Ziel genommen,
И в ногу, черт, мене попал.

Da ist der царь geritten gekommen
Ha grossem вороном коне.
Und hat er die беда vernommen,
И он позвал меня к себе.

Из возможных немецких эквивалентов — *das Unglück, das Unheil, die Not, das Elend*, только в одной из колониистских песен, написанной полностью на немецком языке, встречается слово *das Unglück: Doch der Le-nin hat gesorget // Für uns arme deutsche Leut, // Hat das Unglück abgewor-fen, // Hat uns vom den Joch befreit* — М 40 № 1. Кроме того, один раз встречается слово *Graus*, соответствующее русскому *ужас, несчастье, горе: Oft zankt mein Weib mit mir, o Graus!* — М 61 № 1. В данных фразах, как и во многих рассмотренных ранее случаях, появление русского слова определяется наличием русского контекста, и наоборот — немецкие лексемы употреблены в строках, написанных на немецком языке.

3. Четыре раза в колониистских песнях употребляется лексема *спор* — М 20 № 3, 4; М 19 № 2, 6 в вариантах фразы *Sonst gibt es einen спор* — М 19 № 2, 6:

Dann greift man in die Hosentasch
Und zieht das Geld hervor:
«Сыночек ты ступай в кабак
Sonst gibt es einen спор».

М 20 № 3

Лексема *спор* всегда сопровождается неопределенным артиклем в аккумулятиве мужского рода, на что влияет, очевидно, немецкое выражение «es gibt», и употребляется в значении *ссора*, близком к немецкому слову *der Streit*.

5.3.3.8. Имена собственные

Особую группу составляют **имена собственные**. Как справедливо отмечает С. М. Пак, «имена собственные sui genesis “являют” национальную культуру в максимальной степени: средства географической и лингвистической номинации есть путь прослеживания таксономической деятельности человеческого разума, интернирующего национальную культуру»¹²⁷.

¹²⁷ Пак С. М. Ономастикон как объект филологического исследования (на материале американского дискурса XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. С. 8.

Это наиболее обширная группа слов по общему количеству, но она уступает первым двум группам по количеству употреблений в текстах песен. Сюда вошли 13 имен собственных (60 раз), из них — восемь отыменных прилагательных (43 раза), семь существительных (54 раза) и 11 личных имен, из них — девять русских (12 раз) и два немецких (три раза).

Наиболее частотными являются **топонимы**, обозначающие излюбленные места отдыха колонистов. В основном речь идет о районах вокруг Санкт-Петербурга. В первую очередь это два имени собственных — **Павловский вокзал** и **Царское Село**. Первое из них встречается в песнях «Winterzeit» и «Sommerzeit» 15 раз в разных вариантах (*Павловский вокзал* — М 19 № 2; М 20 № 1, 3, 4, 2 (L), 3 (L), 5 (L), 7 (L), 8 (L), 1 (W), 6, *Bawłowski Wagsall* — М 20 № 7, *Pawłowski вокзал* — М 20 № 1(L), *Павловский Воксал* — М 20 № 4 (L), *Павловка вокзал* — М 20 № 5) и три раза с семантическим сдвигом: *Pavlovskoi Vassal* — *Von dort ist ein gerader Strich* // *Nach Pavlovskoi Vassal* — М 20 № 6 (L), где из-за замены звонкого /z/ на глухой /s/, выпадения согласного /g/ и отражения произнесения гласного /a/ в первом слое лексема *вокзал* пишется как *вассал*.

Под Павловским вокзалом подразумевается знаменитый в свое время Павловский музыкальный вокзал, открытый 3 июня 1838 г. вместе со вторым участком Царскосельской железной дороги, проходившей от Павловска (по территории парка, рассекая его надвое) до Царского Села, а оттуда — до Петербурга. Здание вокзала было построено недалеко от дворца, на берегу реки Славянки, по проекту А. Штакеншнейдера. Внутри были ресторан, сад с фонтанами и большой концертный зал. Слово *вокзал* происходит от английского названия зала Воксхолл, открытого Джейн Вокс в саду «Новый весенний сад» в 1661 г. и предназначенного для балов, танцев и концертов. А в самом саду ежедневно устраивались фейерверки, иллюминации и гуляния. В России первый увеселительный сад был построен в Москве в 1775–1776 гг., его название трансформировалось в *вокзал*. В Петербурге первый «вокзал» открылся в Нарышкинском саду в 1793 г., а в начале XIX в. их в столице было уже несколько — в Екатерингофе, на даче Куселева-Безбородко, при заведении минеральных вод в Новой Деревне. По этой же модели был задуман и Павловский вокзал, в нем проводились музыкальные вечера, устраивались балы и гулянья вокруг, в саду. Данное здание было, к сожалению, разрушено во время оккупации Павловска в период Второй мировой войны.

Два раза в колонистских песнях данное имя собственное заменяется другим (но в том же контексте) — *Nach Kurmaniki вокзал* — М 20 № 2

и *Половский завод* — М 19 № 7. В первом случае возможен семантический сдвиг. Во-первых, в Москве есть Курский вокзал (изначально — Нижегородский), построенный в 1860 г. для Курской железной дороги, поезда от которого отходили в южном направлении, на Нижний Новгород и Украину, а во-вторых, на вокзале много карманников. В результате контоминации этих двух понятий могло возникнуть словосочетание *Kurmaniki вокзал*. Что касается второго случая, то предположительно это тоже вариант замены, обусловленный схожестью звучания. Данная запись сделана в украинской колонии, в которой, возможно, значение лексемы *Павловский вокзал* (которая заменена здесь на *Половский завод*) было незнакомо. Подобные замены часто встречаются в немецких колониальных песнях и связаны со свойственной фольклору вариативностью, в случае с песнями — распеванием, когда незнакомые лексемы заменяются на похожие по звучанию, но понятные исполнителю слова.

Имя собственное *Царское Село* встречается всего 15 раз (М 20 № 1–6, М 22 № 1), из них один раз — в более новом для того времени названии — *Детское Село*¹²⁸ — М 20 № 7, один раз — с разделением словосочетания и семантическим сдвигом — *Nach Царской und Село* (М 20 № 4 (L) (Kol. Neu-Saratowka (Kreis Leningrad) Liederheft 1927)¹²⁹ и один раз латиницей — *Zarskoe Selo* — М 20 № 6 (L), Kol. Strelna (Kreis Leningrad) Liederheft 1929. По сюжету песни употребление данной лексемы связано с выездом в выходной день на прогулку в Царское Село: *Da kommt der liebe Samstag an, da sind wir alle froh, // Da geht es nach der Eisenbahn nach Царское Село* — М 20 № 2 (L). Царское Село, включенное с 1990 г. в Список памятников всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, действительно является одним из красивейших дворцово-парковых ансамблей Европы. Подаренное когда-то Петром I Марте Скавронской, ставшей его женой под именем Екатерины Алексеевны, Царское Село стало императорской резиденцией в царствование Елизаветы Петровны. Скромный дворец Екатерины I был перестроен в роскошную летнюю резиденцию. В это же время шло расширение территории сада, в котором появились скульптуры и пар-

¹²⁸ Детское Село — с 1918 по 1937 г. название г. Пушкина Ленинградской области РСФСР и железнодорожной станции, называвшейся сперва Царское Село и переименованной после революции. Станция сохранила это название после того, как город был переименован в 1937 г. в г. Пушкин.

¹²⁹ Это один из примеров того, что исполнители не всегда понимали тексты песен, хотя в данном случае вариант записан и в ленинградской колонии.

ковые павильоны. Начиная с этого времени Царское Село стало излюбленным местом отдыха петербуржцев, в том числе и российских немцев из близлежащих колоний.

Несколько реже (6 раз) встречается топоним **Крестовский остров**. Крестовский остров находится в западной части С.-Петербурга. Своим названием он обязан, согласно одной из легенд, тому, что ранее на острове стояла часовня с большим крестом. Данная лексема встречается в основном в песнях, записанных под Ленинградом: М 20 № 2 (L) — Kol. Neu-Saratowka (Kreis Leningrad, Liederheft, 1927); М 20 № 1(L) — Kol. Neu-Saratowka (Kreis Leningrad, Liederheft, 1924); М 20 № 4 (L) — Kol. Neu-Saratowka (Kreis Leningrad, Liederheft, 1927); М 20 № 5 (L) — Fröhliche Kol. (Kreis Leningrad, 1929); М 32 № 1 (L), и один раз — в песне, записанной в Крыму: *Will man Крестовский остров sehn* — М 20 № 2 — Krim 1928. Только один раз данная лексема дается в сокращенной форме, без имени существительного:

Wenn Garluscha tausend Rubel hat,
fährt er nach Krestowski.

М 32 № 1 (L)

К Петербургу относится также имя собственное **Летний сад**, встречающееся несколько раз в различных вариантах песни «Sommerzeit», в том числе и в виде словосочетания *самый главный сад* — М 20 № 8 (L), всего шесть раз в словосочетании *славный Летний сад*: *In славный Летний Сад* — М 20 № 4 (L), *Ит славный Летний Сад* — М 20 № 5(L), *Ит Славный Ледней сад* — М 20 № 2 (L), *In самый главный сад* — М 20 № 8 (L), *Вот славный Летний Сад* — М 20 № 7 (L), *In славный Летний сад* — М 20 № 1(L).

Летний сад, расположенный в центре Петербурга, стал почти сразу же после своего обустройства, еще при Петре I, местом проведения ассамблей, балов и фейерверков. Однако сначала он был закрыт для публики, и попасть туда было возможно лишь по приглашению самого царя. Впоследствии же сад стал излюбленным местом народных гуляний, проведения праздничных шествий и различных торжеств. Поэтому неудивительно, что в одном из вариантов встречается замена словосочетания «славный Летний сад» на «самый главный сад». Рядом с Летним садом в Петербурге находилась немецкая прядильная слобода. Она занимала пространство от Марсова (Потешного) поля до Дворцовой площади и далее до набережной реки Мойки. Центральной улицей слободы была современная Миллионная. Сад был любимым местом прогулок петербургских немцев.

Один раз в песне «Sommerzeit» употребляется лексема **Petrowski-fest**, которая отнесена к топонимам, так как по контексту она соответствует названию пригорода С.-Петербурга — Петергоф/Петродворец:

Und fährt man auf der Dampfahrt hin,

Auf *Petrowski-fest*,

So ist auch ein Gedränge dort,

Что там не станешь слезть.

Какие там фонтаны есть,

Констати gross und klein,

Man glaubt dort wird wirklich steif und fest

Im Paradies zu sein.

М 20 № 2, Krim 1928

Петергоф, бывшая парадная резиденция Петра I, является сегодня одним из крупнейших в мире дворцово-парковых ансамблей. В состав Петергофа входят дворцы, каскады, регулярные парки. Особенно знаменит Петергоф своими фонтанами, которых всего насчитывается на территории парка более 150. Петергоф также был включен в 1990 г. в список культурного наследия ЮНЕСКО.

Однако, цитируемая песня была записана в крымской колонии, поэтому, возможно, и возникло переосмысление неизвестного жителям данной колонии имени собственного. О том, что это именно Петродворец, свидетельствует во-первых, поездка на пароходе, во-вторых, наличие фонтанов. Кроме того, в других вариантах данной песни, записанных в колониях под Ленинградом, дается название данного пригорода на немецком языке, которое приводится в вариантах следующей фразы: *Nach Peterhof stehn fest* — М 20 № 5 (L) (Fröhliche Kol., Kreis Leningrad), *Peterhof's schön Fest* — М 20 № 2 (L) (Kol. Neu-Saratowka, Kreis Leningrad, Liederheft 1927), *Peterhof's schöne Fest* — М 20 № 1 (L) (Kol. Neu-Saratowka, Kreis Leningrad, Liederheft 1924).

Два раза употребляется лексема **Petersburg-Chaussee** в формах *Petersburgs Shausen* — М 19 № 5 и *Betersburg-Schosse* — М 19 № 1 (L). Слово *die Chaussee* было заимствовано немецким языком в XVIII в. из французского со значением «улица, выложенная камнями, асфальтом, бетоном или булыжником»¹³⁰. В настоящее время оно является в немецком языке устаревшим. В русский язык данное слово было заимствовано также из французского языка. Немецкие колонисты могли

¹³⁰ Duden «Etymologie». Указ. соч. S. 110; Duden. Deutsches Universalwörterbuch. S. 334.

заимствовать его как из французского языка (см. пример № 5), так и из русского путем транслитерации (см. пример № 1 (L)).

Загадочным является название **Красный город**, встречающееся два раза (М 21 № 1 (L), 8):

Aber ich dacht ganz ander Sache:

Красный город бабой играл.

М 21 № 8

Данная лексема не встречается в других текстах, а вывести ее точное значение из содержания данной песни не представляется возможным. Понятие **Красный город** обозначает довольно много топонимов: сегодня это перевод названий городов Нарьян-Мар (основан как рабочий поселок в 1929 г., Ненецкий автономный округ) и Йошкар-Ола (основан в 1584 г. в центре Волго-Вятского региона, столица Республики Марий), в XV в. — название псковской крепости (в форме Красный Городец, основана в 1464 г. под Псковом для защиты от Ливонского ордена). Кроме того, Красным городом называли также Самару в период захвата ее чехами и правления КОМУЧа (Комитет членов Учредительного собрания) в 1918 г. Данная лексема встречается в двух записях, сделанных под Ленинградом и на Украине, в вариантах песни «Когда я в Ревеле родился». Эта песня не содержит в тексте каких-либо указаний на место своего возникновения и была популярна в разных немецких колониях России, однако, учитывая, что данная лексема встречается также в записи, сделанной в ленинградской колонии, можно предположить, что под Красным городом подразумевается Красное Село, основанное Петром I в начале XVIII в. под Петербургом, не стоит также забывать о названии одной из подстоличных колоний — Красненькая.

Девять раз в разных словосочетаниях и фразах встречаются два имени собственных **Екатеринослав** и **Katherinenhof**, из них пять раз в песне «Sommerzeit», три раза в песне «Winterzeit» и один раз в песне «Когда я в Ревеле родился». Варианты лексемы **Екатеринослав** встречаются в песне «Winterzeit» — М 19 № 3, 4, *Katharinoslaw* — М 20 № 2, *Katrinoslav* — М 19 № 1, а **Katherinenhof** — в «Sommerzeit»: *ein Katrinahof* — М 20 № 4 (L), *ein Katherinenhof* — М 20 № 3 (L), *ein Kathriner Hof* — М 20 № 5 (L), *ein Katrinhof* — М 20 № 1 (L). Один раз в песне «Когда я в Ревеле родился» встречается лексема **Катерейка** во фразе *В Катерейки я родился* — М 21 № 1 (L). При этом название **Екатеринослав** встречается в украинских записях, а **Katarinenhof** и **Катерейки** — в ленинградских. Учитывая то, что обе песни, и «Sommerzeit», и «Win-

terzeit» возникли в петербургских колониях, о чем говорит их место действия (Павловский вокзал, Летний сад), изначально в песне употреблялась, вероятно, лексема *Katarinenhof*, которая обозначает Екатеринингоф. Название данной местности восходит к имени супруги Петра I, Екатерине, которой царь подарил усадьбу по случаю их свадьбы. Эта местность впервые вошла в историю в связи с первой морской победой Петра над двумя шведскими кораблями. В традиции царской семьи, как при Петре, так и позже, было посещение Екатеринингофа в первые майские дни, а с 1755 г. Екатеринингоф по четвергам и воскресеньям могли посещать горожане, и хотя сюда пускали не всех, парк стал с того времени одним из популярных мест отдыха в Санкт-Петербурге. Главным событием в **Екатерингофе** оставались майские гуляния (в связи с чем он так часто упоминается в колониетской песне «Sommerzeit»), особенно многолюдно было в **Екатерингофе** во время отмечаия Троицы. Зимой парк тоже не пустовал, здесь устраивались ледяные горы, катки, катания на санях (см. «Winterzeit»). В вариантах, записанных в украинских колониях, Екатеринингоф заменяется на *Екатеринослав*, который находился на Украине. Что касается лексемы *Катерейки*, то тот факт, что она употребляется в песне «Когда я в Ревеле родился», в первой, наиболее вариативной строке¹³¹ («В Катерейки я родился»), свидетельствует о том, что исполнитель намеренно заменил место рождения на Катерейки. Тогда можно предположить, что это либо другой топоним, не Екатеринослав, либо уменьшительно-ласкательное название Екатеринослава.

В колониетских песнях единично встречаются также такие топонимы, как **Ревель** — М 21, **Eupatoria** — М 22 № 1, **die Stadt Moskau** — М 20 № 4.

Следующая группа имен собственных — **названия праздников** (само слово *Fest* уже упоминалось выше в связи с лексемой *Peterhof* — *Peterhof's schön Fest*). Иногда в колониетских песнях дается пояснение

¹³¹ Очевидно, что каждый исполнитель пытался внести что-то личное в текст данной песни, поэтому место рождения варьируется почти во всех ее вариантах: *Когда в Европе я родился* — М 21 № 11, *В город Вильны я родился* — М 21 № 8, *В городе Риге я родился* — М 21 № 6, 7, *Я в городе Риге родился* — М 21 № 2. Иногда название города Ревель, будучи, видимо, непонятным, заменяется на схожее по звучанию «евреем» или «во время» — *Когда евреем я родился* — М 21 № 10, *Когда во время я родился* — М 21 № 9, 4. Встречается также и вариант *Когда на свете я родился* — М 21 № 3. Ревель называется всего в двух вариантах: *Итак, я в Ревеле родился* — М 21 № 1, 5.

или перевод того или иного понятия. Это касается, например, названия церковного праздника **Духов день**, который празднуется на второй день после Троицы. В четырех вариантах песни «Sommerzeit» — М 20 № 2 (L), 3 (L), 4 (L), 5 (L) и одном тексте песни «Winterzeit» — М 19 № 3 мы встречаем четверостишие:

Und auch am zweiten Pfingstentag,
по русски Духов День,
Идет купеческий сынок
 die reiche Braut zu sehn.

М 20 № 2 (L)

Троица и Духов день рассматриваются православной церковью как единый праздник Пятидесятницы, посвященный сошествию Святого Духа на апостолов, что является проявлением Божественной сущности Св. Троицы, трех ликов Бога: Отца, Сына и Святого Духа. Троица праздновалась в воскресенье после языческого праздника Семика, начинавшегося в четверг. В течение столетий древние обряды семицкой недели постепенно переносились на Троицу. Основными составляющими празднеств Семика — Троицы были ритуалы, связанные с культом растительности, девичьи гулянья, поминание умерших. Этот праздник воспринимался в народе как чествование возрождающейся после зимы природы, колосющихся полей, расцветающих садов, осмыслился и как праздник девушек и женщин. Во многих деревнях в дни Семика — Троицы исполнялись и чисто девичьи обряды, знаменующие готовность девушек к браку. Поэтому не случаен текст данного четверостишия, когда именно в Духов день купеческий сынок идет искать себе богатую (в некоторых вариантах *красивую*) невесту. В варианте М 20 № 6 (L) можно наблюдать семантический сдвиг: вместо *Духов день* появляется выражение *русский дух*, в результате чего теряется связь с предыдущей строкой: *Den zweiten Tag nach Pfingsten // Da ist wohl Russkoi Duch*. Упоминание второго дня праздника связано, возможно, с тем, что в Германии Пятидесятницу празднуют два дня — в воскресенье (Pfingstsonntag) и понедельник (Pfingstmontag). Появление названия данного праздника является весьма символичным применительно к исследуемому материалу (смешанные немецко-русские народные песни, свидетельство билингвизма российских немцев), если вспомнить о том, что «Чудом Пятидесятницы» называется поразительная способность учеников Христа говорить на разных языках и понимать эти языки, возникшая у них после сошествия Святого Духа, когда было отменено наказание «Вавилонским столпотворением».

Три раза употребляется имя собственное **Kullerberg**:

Und ist man bei dem **Kullerberg**

Когда хороший день,

Die Bürger mit dem Samowar

Sie amüsieren sehn.

М 20 № 2

Куллерберг — это название праздника, который немецкие колонисты отмечали в ночь с 23 на 24 июня. Тысячи петербургских немцев-ремесленников собирались в эту ночь где-нибудь на природе. Василе-островские немцы, как правило, перебирались семьями через Тучков мост в ближайший к острову Петровский парк. Здесь всю ночь играла музыка, были танцы и пикники на траве. Этот праздник устраивался также и на Крестовском острове¹³². Два других варианта даются с изменением корневого гласного: *Kollerberg* — М 20 № 2 (L): *Und kommt man am Kollerberg, когда хороший день*, а также *Kolerberg* — М 20 № 5 (L): *Und kommt man auf dem Kolerberg, // Когда хороший день*. Изменение предлога в последнем примере связано с многозначностью данного слова, которое означает также увеселительную горку для катания.

Отдельно необходимо упомянуть также **личные имена**, встречающиеся в смешанных колониcтских песнях. Среди них встречаются как русские, так и немецкие имена. Среди русских имен называются **Яшка**, **Мишка**, **Гришка**, **Максим** (Яшка, Мишка, Ванька, Гришка — // *Es kommt noch der Максим* — М 22 № 1), **Ванька** (М 22 № 1, *Der Ванька ist ein guter Knecht* — М 24 № 1), **Николай** (*Es ist geworden ein grosser Schlingel* // *Aus kleinem мальчик Николай* — М 21 № 7). Немецких личных имен встречается значительно меньше: **Mariechen** — М 23 № 1 (Т), **Garluscha** (*Nur Garluscha nicht versagt // Besser wird er künftig... Wenn Garluscha tausend Rubel hat, // fährt er nach Krestowski* — М 32 № 1 (L). Первое немецкое личное имя образовано по правилам немецкого языка с добавлением уменьшительно-ласкательного суффикса *-chen*, а второе является гибридным словом, оно образовано хотя и от немецкого имени *Karl* с заменой первого звонкого согласного на глухой, но уже при помощи русского уменьшительно-ласкательного суффикса *-yш*.

Сюда же относятся имена исторических деятелей — **Kaiser Nikolaj** (два раза), **Lenin** — М 40 № 1 и **Stenka Rasin** — М 42 № 1. Первые два

¹³² См., например: *Генслер И. С.* Гаванские чиновники. Куллерберг. СПб.: Издание И. С. Папина, 1864.

личных имени употребляются всего в одной смешанной колониистой песне, повествующей об истории колонистов в России и поющей на мелодию русской песни «Стенька Разин»:

1. Ach, wie traurig war die Botschaft
Hier in diesem Jammerland,
/: Alle unsere deutschen Brüder
Sollen raus mit leerer Hand! /:
2. Denn der *Kaiser Nikolai*
Gab Befehl im ganzen Land,
/: Alle Deutsche, die drin wohnen
Müssen raus mit leerer Hand /: ...
5. ...Doch *der Lenin* hat gesorget
Für uns arme deutsche Leut,
/: Hat das Unglück abgeworfen,
Hat uns vom den Joch befreit /:
6. Doch der Kaiser hats verdorben
Selbst mit seinem ganzen Heer,
Darum ist er auch verworfen,
Und das alte gilt nicht mehr.
7. Alle, die am höchsten waren
Sind auf einmal hingericht,
Und *der Kaiser Nikolai*
Darf nicht mehr ans Tageslicht.

Данная песня повествует о периоде до и после Октябрьской революции 1917 г. Под наименованием «Kaiser Nikolaj» подразумевается, очевидно, царь Николай II и связанные с периодом его правления гонения на немцев. Употребление имен исторических лиц позволяет примерно определить время создания песни. В данном случае, это, скорее всего, период после 1918 г., когда немецким поселенцам новым правительством во главе с В. И. Лениным (5-я строфа) были снова временно предоставлены отнятые ранее привилегии (19 октября 1918 г. В. И. Ленин был подписан указ о создании Трудовой коммуны (автономной области) немцев Поволжья).

Третье имя — Стенька Разин, появляется в песне, представляющей собой перевод русской песни «Стенька Разин», и не связано с временем создания (вернее, перевода) данной песни, в немецком варианте — «Stenka Rasin und die Fürstentochter» (12 строф).

1. Von der Insel her zur Tiefe
In den wilden Wogen Flug
Treiben freier Leute Kähne,
Buntbemalt mit hohem Bug.

2. In den ersten sitzen Rasin
Und sein Lieb, ein Perserkind.
Feiern fröhlich ihre Hochzeit
Und ihr Lied verweht der Wind usw¹³³.

М 42 № 1

Сюжет о Стеньке Разине (в первую очередь полулегендарное «утопление княжны», которое произошло либо осенью 1669, либо летом 1670 г. и было описано очевидцем события, голландским ремесленником и путешественником Яном Янсенем Стрейсом (Struys, 1630–1694)) вдохновлял многих русских поэтов, например А. С. Пушкина и А. В. Кольцова. Но популярным в народе стал текст Д. Н. Садовникова (1847–1883), опубликованный впервые в «Волжском вестнике» в 1883 г. (№ 12). А 28 октября 1908 г. вышел первый российский шестиминутный фильм «Стенька Разин» по пьесе Василия Гончарова «Понизовая вольница», написанной по мотивам данной песни¹³⁴. Выход на экраны фильма и исполнение пьесы в театрах еще более способствовали популярности данного сюжета в народе.

Таким образом очевидно, что имена собственные не только находятся на особом положении в языке, но и занимают особое положение к текстам народных песен, способствуют более глубокому их пониманию. Они наделяются невероятным богатством ассоциативных связей, способствующих раскрытию содержания произведения и проявляющихся в его контексте. Это связано с тем, что в семантике имени собственного всегда присутствует коннотативная, экстралингвистическая информация, которая способствует репрезентации социального, культурного, географического окружения действующего лица песни.

5.4.3.9. Русские лексемы, не относящиеся к тематическим группам

Два раза в смешанных колониистских песнях употребляется лексема *правда/правота* — *prawda* — М 19 № 5, *правата* — М 19 № 1 (L):

Musik igratj das hör ich gern,
das ist *wahr und prawda*,

¹³³ Полный текст данной песни дается в Приложении 4.

¹³⁴ О популярности мелодии «Стеньки Разина» в среде немецких колонистов см. выше.

Dann tanz ich mit meiner Duschinga
Ein rissisch Kasatschka.

М 19 № 5

Оба раза после немецкого слова приводится его русский эквивалент, появление которого может быть объяснено как требованиями рифмы, так и намеренным дублированием с целью пояснения значения. С точки зрения рифмы конечные позиции в трех из четырех строк данной строфы занимают рифмующиеся друг с другом русские слова — *правда, душенька, казачка́* (танец казачок). Прием дублирования слов на русском и немецком языках несколько раз встречается в смешанных колониистских песнях. Так, например, в словосочетании *wesel und froh* в двух вариантах песни «Когда я в Ревеле родился» (М 21 № 1, 5) во фразе *War ich wessel und froh dabei* — М 21 № 1. Три раза вместо немецкого слова приводится русский эквивалент, в результате чего русская фраза напоминает типичное для немецкого языка парное словосочетание (*Zwillingsformel*): *wesel und rad* — М 21 № 7, 8, 10 во фразе *Bin ich wessel und rad dabei* — М 21 № 7. Подобная замена ведет за собой следующие изменения, в результате которых в одном из вариантов песни мы находим выражение *Bin ich rad und satt dabei* — М 21 № 9, где уже нет дублирования информации и появляется новое слово — *satt*, связанное с предшествующим *rad* внутренней рифмой, что типично для немецких парных словосочетаний. Все приведенные выше примеры можно объединить в группу «Слова, обозначающие оценку ситуации». Морфологически они представляют собой предикативные словосочетания, объединяющие немецкое и русское или два русских предикативных наречия (предикатив).

Иногда в колониистских песнях на двух языках дублируются также словосочетания и целые строки. Это касается, например, всех вариантов песни «Когда я в Ревеле родился»:

Итак я в Ревеле родился
Hab ich erblickt das Licht der Welt...

М 21 № 1

В данном примере русский глагол *родиться*, употребленный вместе со словосочетанием *на свете*, что восходит к русскому выражению со значением «родиться» — *появиться на свет*, переводится немецким фразеологизмом с тем же значением — *Das Licht der Welt erblicken*. Только в одном примере в результате варьирования отсутствует дублирование первой строки:

В Катерейки я родился

Hab ich erkannt die ganze Welt.

М 21 № 1 (L)

Данное изменение связано с заменой словосочетания *на свете* на конкретное место рождения — *Катерейки*, а также с заменой фразеологизма *Das Licht der Welt erblicken* на выражение *die ganze Welt erkennen*.

В некоторых текстах нет дублирования, но переводятся строки, которые в других вариантах даны на русском языке, например вместо строки *Идет купеческий сынок* (см. выше), мы находим: *Da kommt der Sohn Kupetscheski // Die schöne Braut zu sehen* — М 20 № 6 (L).

В данную группу отнесены также лексемы с семантическим сдвигом, например употребление слова *Ordnungsband* — М 21 № 5* или *Ohrenband* — М 21 № 9* вместо слова *Ordensband* — М 21 № 6*; употребление слова *воронецкий*, представляющего собой смешение форм двух разных слов, *молодецкий* и *вороной* (*Da ist der царь geritten kommen // Auf grossem воронецкий конь.* — М 21 № 6*).

Резюмируя, можно сказать, что в лексике смешанных колониистских песен ярко проявляется интерферирующее влияние русского языка на язык немецких колониистов. Это связано с открытостью словарного состава языка для свободного варьирования, особенно в условиях коллективного двуязычия. На уровне лексики наиболее отчетливо проявляется шутливый характер смешанных колониистских песен, намеренное сталкивание двух языков в одном контексте. Русские слова чередуются с немецкими в пределах одной строки или словосочетания. На данном чередовании строится также и стихотворная рифма, при этом немецкие слова чаще рифмуются с немецкими, а русские — с русскими.

Иногда встречается дублирование информации на русском и на немецком языках, когда дается перевод или близкое соответствие какого-либо русского или немецкого слова в пределах одного словосочетания или строки, а также дублирование строк в одной строфе или перевод русских фраз в некоторых вариантах песен. Таким образом, можно сделать вывод о том, что немцы владели обоими языками, что позволяло свободное варьирование в рамках как русского, так и немецкого языка.

Появление русских слов связано, как правило, с контекстной ситуацией диалогичности или противопоставления разных понятий, разделенных по принципу национальной принадлежности. В ходе выделения

тематических групп русских слов, исследования причины их появления в немецком контексте и сравнения с немецкими эквивалентами в различных вариантах песен выяснилось, что в зависимости от частотности употребления русских лексических единиц можно назвать восемь тематических групп слов:

- обозначение профессиональной, социальной и национальной принадлежности и близкая по семантике лексика;
- быт немецких колонистов (напитки, продукты питания, предметы одежды, погода и пр.);
- лексемы, обозначающие лица мужского пола (не вошедшие в первую группу);
- обозначения лиц женского пола;
- торговые взаимоотношения русских и немцев;
- празднования;
- бранные слова, лексемы, обозначающие конфликтные ситуации;
- имена собственные.

Среди профессий выделяются четыре основных вида работы вместе со связанными с этими видами деятельности предметами. Это водители и транспортные средства; печник и связанные с этой профессией лексемы; профессии, связанные с торговлей, а также с наказаниями и штрафами. Среди «русских» профессий можно назвать такие, как *извозчик*, *печник*, среди «немецких» — *лавочник*, *булочник*. Одновременно с названием самой профессии появляются относящиеся к ней предметы, инструменты (дрожки, печь, веник).

К группе слов, обозначающих социальную и политическую характеристику, относятся как русские, так и немецкие лексемы. Из русских существительных наиболее частотным является слово *царь*. Сюда также относятся слова: *кулаки*, *заложник*, *свободны*, *союзники*, *политика*. К обозначению партийной принадлежности относится также лексема *Kommunisten*, встречающаяся только один раз на немецком языке. Среди упоминаний различных национальностей выделяются: немец, еврей, турок, француз, англичанин, русский, молдаванин.

Достаточно много русских и связанных с ними контекстом немецких слов бытового характера. Это обозначения напитков, продуктов питания, предметы одежды, характеристики погоды и названия времени суток, бытовые принадлежности. Здесь встречаются такие слова, как *чай*, *вино*, *Bier*, *Schnaps*, *пьян*, *похмелье*, *betrunkен*, *besoffen*, *пирожки*, *каша*, *борщ*; обозначения предметов одежды — *шуба*, *башмаки*, *рукавицы*, *шляпа*. К этой же группе относятся и названия домашней утвари — *самовар*, *стакан*. Существенными для характеристики всей

группы, хотя и не очень частотными лексемами, являются слова *дом, домой, жить*.

На русском языке часто вставляются слова с гендерными характеристиками: *брат, сынок, Sohn, мальчик, Bube, отец, Vater, жена, душенька, девочка, ангел, любушка* и т. д. Пятая группа включает лексику, имеющую отношение к торговым взаимоотношениям русских и немцев: *деньги, торговать, карман, лавочка, базар; Geld, Hosensack* и др. Достаточно частотны лексемы, обозначающие праздники и связанное с ними настроение. Выделение данной группы связано с тематической направленностью наиболее популярных смешанных колониистских песен, «Sommerzeit», «Winterzeit», «Когда я в Ревеле родился». В первых двух речь идет о праздничных днях, летних и зимних, а в последней появление прилагательных *рад, весел* связано с начальными и конечными строками песни, когда речь идет о беззаботных годах юности и о награждении героя за верность отечеству. К данной группе отнесены такие русские лексемы, как *праздник, музыка, фонарики, рад, весел* и немецкие — *Musik, Paradies, froh*. Противоположные эмоции, негативного характера, также отражаются в смешанной лексике: *черт, спор, беда; Teufel, Graus* и др. Группа имен собственных является самой обширной по общему количеству, но она уступает первым двум группам по количеству употреблений в текстах песен, имеет, что естественно, более индивидуальный характер. Среди имен собственных наиболее частотны те, которые связаны с С.-Петербургом и окрестностями — *Царское Село, Екатерингоф, Петергоф*, немецкими и русскими праздниками *Духов день, Pfingstentag, Kullerberg*. Всего рассмотрено более 150 русских лексем, употребленных около 700 раз. Выделенные тематические группы отражают моменты пересечения двух культур, их взаимопроникновения и, наоборот, противопоставления. Это в первую очередь бытовая лексика (в широком понимании), которая первая переходит, как правило, в разряд заимствований при контактировании двух языков, обозначая либо новые и неизвестные понятия, либо характерные национальные особенности уже существующих в заимствующем языке названий предметов и явлений. Особенностью макаронических песен в силу их шутивого характера и явной эмоциональности является также появление лексики, характеризующей явно позитивные или явно негативные явления повседневной жизни, связанные с проведением свободного от работы времени. В колониистских песнях практически нет, в силу особенностей жанра, русских слов, относящихся к повседневному тяжелому крестьянскому труду.

5.5. Проявление грамматической интерференции в островном песенном фольклоре немецких колонистов

В предыдущих двух разделах были выявлены основные фонетические и лексические явления, нашедшие отражение в текстах смешанных колонистских песен. Особенности графики русских и немецких слов демонстрируют либо отклонения от норм произношения русского или немецкого языка в результате интерферирующего влияния родного диалекта колонистов, либо отражение реального произношения слов в речи, их фонематическое написание. К лексическим особенностям относится употребление большого количества русских слов в той или иной языковой форме. Некоторые из них подвергаются влиянию грамматической системы немецкого языка, другие включаются в текст немецкой песни в составе русских словосочетаний или фраз и изменяются по правилам русского языка. В данном разделе мы рассмотрим некоторые грамматические явления, связанные с употреблением русской лексики в смешанных колонистских песнях, такие как, например, постановка немецкого вспомогательного слова, местоимения или артикля рядом с существительным, определение рода русского существительного по правилам немецкой грамматики, заимствование полупрефиксов сложных глаголов, что связано с грамматической интерференцией немецкого и русского языков. У. Вайнрайх отмечает, что грамматическая интерференция возникает в тех случаях, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящих в систему одного языка, применяются к примерно таким же цепочкам элементов другого языка. Вследствие этого происходит нарушение норм второго языка. Возможно также, что правила второго языка не будут работать, если они отсутствуют в первом языке¹³⁵.

Одной из первых попыток целостного рассмотрения грамматических явлений и фактов немецкого языка в сопоставлении с русским стала монография К. Г. Крушельницкой «Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков»¹³⁶. В данной работе анализируются некоторые особенности морфологического строя и ряд явлений синтаксиса обоих языков. С особым вниманием исследованы категории глагола — категории времени, вида, наклонения, модальности. При рас-

¹³⁵ Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие (1961)... С. 7–42.

¹³⁶ Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. Изд. 2-е, стереотип. М.: КомКнига, 2006. 272 с.

смотрении грамматики любого языка необходимо учитывать разнородность ее явлений, грамматических категорий, таких как: а) категории, выражающие отношения действительности (например падеж, число, лицо, члены предложения); б) категории, выражающие отношение высказываемого к действительности (например время, наклонение, утверждение и отрицание); в) категории, выражающие отношение говорящего к высказываемому, т.е. к отражаемой в нем действительности (например определенность и неопределенность, побуждение и вопрос, предположение, коммуникативная нагрузка членов предложения). При этом особого внимания требуют при сравнении двух языков категории последнего вида, поскольку они спонтанно усваиваются в родном языке, не привлекают внимания при изучении грамматики и так же легко и часто неосознанно транспонируются на контактирующий язык.

5.5.1. Частеречная принадлежность русских слов в текстах немецких колониетских песен

Самыми частотными русскими словами в текстах смешанных колониетских песен являются имена существительные. Наиболее часто встречаются существительные, обозначающие профессиональную, социальную или национальную принадлежность. Это такие существительные, как например *извозчик, печник, лавочник, городской, царь, немец, француз, англичанин, еврей*. Сюда же относится и примыкающая к этим группам лексика, например такие слова, как *сани, дрожки, печь, лавочка, карцер*. Несколько реже употребляются существительные, относящиеся к быту немецких колониетов и обозначающие напитки, продукты питания, предметы одежды и т.д. (*чай, картошка, каша, борщ, пирожки, самовар, стаканчик, шляпа, сапоги* и т.д.). Затем следуют обозначения лиц мужского пола, например: *отец, сын, брат, шут*; несколько реже — обозначения лиц женского пола, например: *жена, женщина, девушка, девочка, душенька* и существительные, обозначающие веселье и праздник, — *праздник, музыка, фонарики, полька-мазурка, казачок* (танец) и т.д. Наименее частотны имена существительные, обозначающие торговые взаимоотношения — *деньги, лавочка* и относящиеся к бранной лексике — *черт, спор* и т.д. Кроме того, в смешанных колониетских песнях встречается довольно много имен собственных — *Царское Село, Павловский вокзал, Екатеринослав* и др.

Некоторые существительные, например «извозчик», «душенька», встречаются в разном написании. Иногда это можно расценивать как

орфографические ошибки (*извозщик*), иногда — как фонетическое написание, например: *извозчик/свозчик*, *Duschinga*. Фонетическое написание может отражать как русское, так и немецкое произношение русских слов. Орфографическое написание наблюдается в абсолютном большинстве случаев, фонематическое встречается единично. Подобная тенденция могла быть следствием того, что русский язык к моменту работы группы Жирмунского в немецких колониях уже несколько лет изучали в школе, его использовали для общения с русским чиновничьим аппаратом, в том числе и в письменном виде. Если заимствованное русское существительное пишется латиницей, то начинается оно, как в немецком языке, с заглавной буквы. Если же автор использует кириллицу, то существительные пишутся как в русском языке — со строчной. При переходе на привычную для немцев орфографию побеждает, как мы видим, многолетняя привычка к написанию имен существительных с заглавной буквы. Исключением среди вышеприведенных примеров является только слово *prawda/правата*. Однако оно употреблено в форме, типичной для немецких параллелизмов: «Das ist wahr und prawda», «Ist wahr und правата». Первым в данном словосочетании стоит немецкое наречие *wahr*, которое пишется со строчной буквы. Поскольку русское слово употреблено в параллели с немецким наречием, оно пишется по аналогии с первым немецким словом со строчной буквы и осознается, возможно, тоже как наречие, а не существительное.

Также довольно частотны имена прилагательные, например: *славный, теплый, веселый, вороной, пьяный, немецкий, русский* и др. Имена прилагательные не встречаются изолированно в немецком контексте, и выступают в основном в качестве определения к русским словам, например *вороной конь, немецкий край, булочник немецкий, русский казачок, отличнейший бульвар, праздный день*. С русскими именами существительными могут согласовываться немецкие имена прилагательные, особенно в препозиции (*bei schöner лавочка*), но не наоборот. С немецкими именами существительными употребляются только немецкие имена прилагательные: *Da greift man auf die warme Mütze*.

Следующими по частотности употребления являются русские глаголы. Наиболее частотным является глагол *быть* в различных формах, реже употребляется глагол *бояться* в форме императива, далее употребляются глаголы *слышать/слушать, идти, топить, беречься, брать, держаться, играть и подавать*. Остальные глаголы встречаются еще реже. Это слова *ступать, отворять, стоять, париться, приходить, запрягать, отвозить, молчать*.

Для русских глаголов, вкрапленных в текст песни, наиболее характерна форма повелительного наклонения: *стой, ступай, играй, молчи, бойся, подавай, запрягай, nebois, slusch', topi, otwori, paschol, beregis, djerschis, paris*. Включение русских глаголов в песни в форме императива не случайно. Это связано с тем, что заимствование шло в основном устным путем при непосредственном общении, поэтому возможно, что данные словоформы воспринимались как самостоятельные лексемы. Данное предположение подтверждает также тот факт, что другие формы этих глаголов в песнях не встречаются. Лишь глагол *играть* употребляется в форме инфинитива в словосочетании *Musik igratj* (*Musik igratj, das hör ich gern* — М 19 № 5). Один раз встречается глагол в форме будущего времени — *отвезешь*, но и он представляет собой косвенный приказ, являясь обращением к извозчику (*Отвезешь меня туда...*), т.е. функционально является также «императивной» формой.

Русские заимствованные глаголы в форме повелительного наклонения распадаются в целом на две группы: прямая речь предположительно русского персонажа (извозчика или кого-либо другого) — *ступай, молчи, paschol, beregis, djerschis* — и обращение главного героя песни к какому-либо русскому человеку (например к печнику или извозчику) — *стой, молчи, подавай, slusch', topi, otwori*. В обоих случаях русские глаголы появляются там, где предполагается ситуация общения с носителем русского языка, и соотносятся по смыслу и по форме с уже названными выше русскими существительными: *Petsch, Dwer, Sani*.

Кроме того, русские глаголы звучат также в речи автора песни. Здесь они встречаются в форме императива (*nebois, paris*) и в форме инфинитива (*гулят/guljat', igratj*). Форма императива не всегда образуется в соответствии с правилами русского языка. Например, глагол *paris* в значении «парься», «попарься» образует данную форму по аналогии с глаголом *nebois*. Оба глагола занимают первые места в третьих строках следующих друг за другом строф, что способствует образованию аналогичных форм:

Kehrt Notschja dann opjat nasat,
mit etwas heissem Blut,
Nebois, fünfundzwanzig Grad
Macht alles wieder gut.
Und wenn man Pochmelj Schmerzen hat.
So geh zu Pinenow,
Paris mit frischem Birkenquast
Sejtschas budjesch sdorof.

В речи автора употребляется также глагол *быть* в форме либо 2-го либо 3-го лица настоящего времени (*budjet, budjesch*), который является изменяемой частью составного именного сказуемого (*budjet tjeplо, budjesch sdorof*). Надо сказать, что, когда русские глаголы появляются в речи автора, косвенно тоже предполагается ситуация общения с носителем русского языка, как, например, в рассмотренном выше примере. Кроме того, данный глагол употребляется также в русских фразах, например *Там славный будет бал, После будет тепло*. Этот русский глагол не употребляется в немецком контексте и сочетается только с русскими словами, что естественно, поскольку он выполняет в данном случае вспомогательные функции и нуждается в поддержке русского контекста.

Особое внимание привлекают заимствованные слова в функции полупрефиксов сложных немецких глаголов, объединенных в наших примерах общим значением второго компонента (наличие или отсутствие движения): *guljat ...gehen (spazieren gehen), gotow stehen (bereit stehen), nasat kehren (zurückkehren)*. В данном случае мы наблюдаем проникновение заимствований в систему словообразования и возникновение немецко-русских слов по модели немецких гибридных сложных глаголов. При этом типично также их употребление в рамочной конструкции по правилам немецкой грамматики: заимствованные полупрефиксы занимают в предложении либо последнее, либо предпоследнее место: *Und hat man Lust guljat zu gehen, da ruft man...; Und kommt man... hinaus, so stehen Sani gotow...; Kehrt Notschja man opjat nasat, mit etwas heissem Blut...* Интересно, что наречие *gotow* появляется в том же варианте песни и на немецком языке: *So ist der Punsch bereit*, данный пример подтверждает тот факт, что на появление русских слов влияет контекст, т. е. наличие или отсутствие русских заимствований вокруг: *Sani gotow*, но *der Punsch bereit*.

Русские наречия следуют за глаголами по частотности употребления в текстах смешанных песен. Наиболее частотны наречия *хорошо/horoscho, очень/otschen, тепло/tjeplо, небось/nebois, сейчас/сичас*. Наречия *очень/otschen, хорошо/horoscho* и *тепло/tjeplо* наименее подвержены варьированию и встречаются, например, во всех вариантах песни «Winterzeit». Это, так сказать, основа песни, речь в которой идет о том, что зима — это замечательное время года, когда все чувствуют себя очень хорошо, и скоро обязательно будет тепло. Поэтому, хотя речь и идет о зиме, наречие *холодно* употреблено всего один раз в одном из вариантов, в то время как наречие *тепло* встречается во всех остальных вариантах.

При анализе становится очевидным, что исполнители песен не делают различия между словами *небось* (в значении «авось», «наверное») и *не бойся* или в разговорном варианте *не боись*, так как в русской разговорной речи *не бойся* часто звучит как /nebo'is'/ или в еще более сокращенном виде с редукцией гласного /i/ и последующим переносом ударения /ne'bos'/ . Подтверждением этому может также служить уже упомянутая выше фраза *Nebois budjet tjeplо*, где глагол в повелительном наклонении пишется вместе с отрицательной частицей, а также вариативность фраз со схожим значением в одной и той же строке первой строфы: *Небось будет тепло*, *Nebois budjet tjeplо*, *Не бойся, будь тепло*. Всем наречиям присуще орфографическое написание, лишь единожды мы встречаем фонематическое написание наречия «сейчас» — *сичас*.

Реже употребляются наречия *готов/готов, skorej, домой, opjat/опять, sdorof/здоров*, по одному разу — *ночью* (=ночью), *холодно, пешком, посла, по-русски*. Наречия *gotow* и *nasat* выступают также в роли заместителей полупрефиксов сложных немецких глаголов¹³⁷. Наречия *хорошо/horoscho, очень/otschen, тепло/tjeplо, небось/nebois, сейчас/сичас, opjat/опят, пешком, ночью* (=ночью), *холодно, посла, по-русски* и *seitschas* употреблены в авторской речи, *skorej* — в обращении главного героя, в данном случае самого автора, к печнику, *готов/готов, домой* — в прямой речи печника и еще одного, предположительно русского, персонажа. Интересно различное написание оглушенных согласных в конце таких слов, как *gotow* и *sdorof*. В первом случае наблюдается орфографическое написание, а во втором — фонематическое, причем оба слова, и наречие, и краткое прилагательное, употреблены в одном и том же варианте песни.

Далее по несколько раз встречаются частица *не* и этикетная формула, относимая, как правило, к междометиям или междометным словам, — *прощай*, а также местоимения — *это, moi*. Остальные части речи представлены единично — количественное числительное *один*, предлог *в*, местоименное наречие *там*, вопросительное слово: *tschto*, междометия *he* и *ni*. Все эти слова появляются либо в авторской речи, когда предполагается ситуация общения с носителем русского языка, либо в обращениях к русским, либо в их прямой речи. По отношению к текстам смешанных колониистских песен можно сделать вывод, что заимствованных служебных частей речи довольно мало. Это связано с самим характером песен, когда русские слова несут важную

¹³⁷ См. выше.

смысловую нагрузку, подчеркивают ситуацию языкового острова, смешения не только языков, но и культур. Отсюда, например, большое количество русских существительных, обозначающих связанные с другой культурой предметы, реалии, служащих для обозначения ситуаций диалогичности, обозначающих как обращение к русским, так и взгляд с другой стороны — наиболее типичные обращения русских к немцам. Кроме того, нельзя забывать о том, что в смешанных колониистских песнях выбор русских слов во многом определяет рифма, в результате чего большинство из них занимают конечные позиции в строке.

5.5.2. Присвоение русским словам несвойственных им грамматических категорий

В основе морфологического строя каждого языка находится система частей речи с соответствующими грамматическими категориями. В русском и немецком языках данные системы в основном совпадают. Части речи имеют одинаковое лексико-грамматическое значение в обоих языках и выполняют в основном одни и те же функции в предложении. Основные различия заключаются в системе словоизменения и словообразования, последние носят при этом в основном формальный характер. Как отмечает Крушельницкая, «сопоставление в области словообразования дает лишь возможность установить, как различно выражаются в обоих языках общие для них значения (например уменьшительность, собирательность, абстрактность и т.п.)»¹³⁸. Одной из наиболее ярких особенностей смешанных немецко-русских песен является присвоение русским словам несвойственных им грамматических категорий, например **категории определенности/неопределенности**.

В немецком языке существует класс вспомогательных слов, называемых немецкими грамматистами словами-артиклами (Artikelwörter)¹³⁹. Основными характеристиками данных слов является то, что они всегда стоят перед существительным (при этом между артиклем и существительным могут помещаться также другие слова, прежде всего прилагательные), разные слова-артикли не употребляются одновременно для характеристики одного и того же существительного, они могут изменять

¹³⁸ Крушельницкая К.Г. Указ. соч. С. 11.

¹³⁹ См., например: Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. 2. Aufl. – Hildesheim, Zürich, New York: Dudenverlag, 2003; Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Berlin; München: Langenscheidt, 2001.

свою позицию в предложении только вместе с существительным, к которому они относятся, согласуются с именем существительным (и стоящим между ними прилагательным) по роду, числу и падежу, определяют тип склонения имени прилагательного, стоящего между ними и именем существительным, и являются обязательными (в том числе и нулевой артикль). К словам-артиклям в немецком языке относятся (по мнению некоторых немецких лингвистов) в первую очередь сами артикли — определенный, неопределенный и нулевой, а также и местоимения — указательные, притяжательные, вопросительные и неопределенные.

Артикль в немецком языке не только является основным показателем рода, числа и падежа имени существительного, но и выражает категорию определенности или неопределенности, несвойственную имени существительному в русском языке. В русском языке в отличие от немецкого артикли отсутствуют, и род, число и падеж имени существительного выражаются при помощи его окончания. С категорией определенности/неопределенности дело обстоит сложнее. Хотя в русском языке в обязательную грамматическую характеристику имени существительного не входят значения определенности и неопределенности, они могут выражаться факультативно, при помощи, например, лексических средств. Кроме того, значения определенности и неопределенности связаны также с коммуникативной значимостью членов предложения как *известного* и как *нового*, которая существует как в русском, так и в немецком языке. Российскими германистами неоднократно предпринимались попытки более четкого объяснения сущности значений артикля в немецком языке¹⁴⁰, поскольку при сопоставлении русского и немецкого языков с данной точки зрения становится очевидно, что именно артикль представляет наибольшую трудность для носителей русского языка, пытающихся освоить немецкий.

Русские имена существительные, встречающиеся в немецких песнях, часто сопровождаются немецким вспомогательным словом — артиклем или местоимением. Если русское имя существительное стоит в падеже, требующем изменения окончания, оно чаще всего дается в сопровождении немецкого артикля, который показывает род, число и падеж данного существительного. Например, в песне «Winterzeit» наиболее употребительным русским существительным является слово *извозчик*. Если данное существительное является обращением, стоит

¹⁴⁰ Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Современный немецкий язык. 3-е изд. М.: Иностр. лит.-ра, 1957; Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М.: Academia, 1983.

в начале прямой речи или слов автора, оно употребляется без артикля, например: *Und kriegt man dann ein wenig Durst, heisst es: извозчик, стой* — М 19 № 2, *Man ruft: «Is woschtschik, tschto berjosch?»* — М 19 № 5 или *Извозчик ruft die Pferde an: Пошел, эй, перекусь*. — М 19 № 2 (L). Если же это слово находится в косвенном падеже и не является обращением, оно сопровождается определенным артиклем. Например: *Dann ruft man dem свозчик zu* — М 19 № 1, *So ruft man dem извозчик zu (Сейчас, so ist er da)* — М 19 № 4 или *So ruft man nur den извозчик zu* — М 19 № 3, *Dann ruft man dem извозчик zu* — М 19 № 7. Как видно из примеров, русское существительное не изменяет своей формы при таком употреблении. Однако если мы переведем данное предложение на русский язык, оно будет звучать следующим образом: *Тогда зовут извозчика*, или, если оставить дательный падеж, которого требует немецкий глагол *zurufen*, то — *Тогда кричат извозчику*. В обоих случаях русское существительное приобретает падежные окончания — *е* или *у*. В текстах смешанных колонистских песен этого не происходит. Подстановка артикля позволяет, с одной стороны, избежать необходимости изменять русское существительное по падежам и показывает, с другой стороны, грамматические характеристики слова и связывает его со сказуемым.

Среди приведенных примеров один раз встречается артикль *den* вместо *dem* в песне, записанной в колонии *Prischib*, дочерней колонии *Molotschnaja*, основанной меннонитами, говорившими на нижненемецком диалекте. Вытеснение датива за счет замены его аккузативом — довольно частое явление на севере Германии (выше Магдебурга-Берлина), которое свидетельствует о недоразличении падежей датив и аккузатив в северных немецких (нижненемецких) диалектах: хотя формально различия между падежами сохраняются, употребляются они неправильно¹⁴¹.

Следующим словом, сопровождающимся определенным артиклем, является существительное *чай*: *So ist der чай bereit* — М 19 № 4. Данному слову почти во всех вариантах песни «Winterzeit» предшествует определенный артикль:

Kommt man zu einem guten Freund,
Da ist der чай bereit.
Ist das nicht это хорошо
Bei kalter Winterzeit.

М 19 № 1

¹⁴¹ См., например: *Гринева Н.М.* Морфология имени существительного и глагола в нижненемецком говоре села Кусак Алтайского края... С. 13–20.

Род русского имени существительного *чай* и немецкого *der Tee* совпадает, поэтому в данном случае не представляется возможным определить, на какой язык ориентировался автор при определении рода. Падеж (номинатив) соответствует немецкому предложению, в переводе данной фразы на русский язык падеж остался бы именительным — «И сразу / и вот уж чай готов», так как и в русском, и в немецком предложении данное слово выполняет функцию подлежащего. Данное существительное употребляется также один раз без артикля. Отсутствие последнего объясняется правилами немецкой грамматики, согласно которым артикль отсутствует перед именами вещественными, если не имеется в виду конкретная порция или количество. Этот пример показывает также и то, что артикль является часто единственной возможностью обозначить грамматические показатели рода, числа и падежа русского имени существительного:

Mit чай und пирожки,

Mit чай, mit чай, mit чай und пирожки.

М 19 № 7

Предлог *mit* управляет в немецком языке дативом, но русские слова *чай* и *пирожки*, употребленные в номинативе, никак этого не отражают, поскольку не получают свойственных русским существительным падежных окончаний. В переводе на русский язык — *с чаем и пирожками* — существительные ставятся в творительный падеж, что также никак не отражается в тексте песни.

Если русское существительное стоит без артикля, то это, как правило, тот случай, когда в немецком языке оно сопровождается нулевым артиклем, например: *Музыка, das hör ich gern* — М 19 № 4. В данном примере замена немецкой лексики на русскую не оказывает влияния на употребление нулевого артикля.

Неопределенный артикль встречается в колониистских песнях в основном только перед немецкими существительными, например: *ein guter Freund*. Перед русскими существительными постановка неопределенного артикля встречается только после немецкого выражения *es gibt*, как этого требуют правила немецкой грамматики: «Sonst gibt es *einen* спор» — М 20.

Категория рода, которая присуща как русским, так и немецким существительным, представлена тремя разрядами: мужским, женским и средним родом. Данная категория охватывает все имена существительные, кроме тех, которые не имеют формы единственного числа. Хотя принадлежность многих существительных к тому или иному роду

определяется лишь языковой традицией, в каждом из разрядов выделяются группы слов, объединенных общими семантическими и структурными признаками. Так как данная категория унаследована от более древних этапов развития языка и является пережиточным явлением, распределение имен существительных по родам оказывается в условиях языковой интерференции крайне неустойчивым. Существует несколько возможностей включения заимствованных слов в морфологическую систему грамматического рода: сохранение грамматического рода языка-источника, изменение рода слова под воздействием морфологических факторов языка-рецептора и образование рода в немецком языке, если в языке-источнике отсутствует категория рода. В исследуемом материале есть примеры первых двух типов включения слов в морфологическую систему рода, отсутствие третьего типа объясняется наличием данной категории в обоих языках, как в русском, так и в немецком. Изменение рода русских заимствований связано с родом немецких аналогов (печь 'der Ofen' — der Petsch, мой печь (*Skorej moi Petsch topi* — М 19 № 5); девушка 'das Mädchen' — mit/zu meinem девушка (*Dann tanz ich mit meinem девушка* — М 19 № 4¹⁴²)), и наоборот — изменение рода немецких имен существительных происходит под влиянием русского языка (die Flinte 'ружье' — das lange Flint). В некоторых случаях род имени существительного может определяться как по русскому слову, так и по его немецкому эквиваленту, например: *Dann ruft man dem извозчик zu...* — М 19 № 7. В данном примере глагол *zurufen* требует дополнения в дативе, которым является русское слово *извозчик*. Показателем дательного падежа служит в данном случае артикль *dem*, употребляемый в дативе либо в мужском, либо в среднем роде. Поскольку имя существительное *извозчик* в русском языке мужского рода, то можно сделать естественный вывод о том, что артикль *dem* является в данном случае показателем датива мужского рода. То же касается и фразы *...ruft man dem` Petschnik zu* — М 19 № 2 (L), в которой мы наблюдаем песенную вариативность за счет замены русского слова *извозчик* на *печник*. Артикль служит показателем рода имени существительного также и в других примерах: *der лавочник-хозяин, der немец, mit dem самовар* — М 20 и др. При этом, если русское слово употребляется в русской фразе, артикль, естественно, не появляется: *Идет купеческий сынок* — М 20

¹⁴² При этом возможна также форма с указанием на женский род русского существительного: слова *девочка/девушка* могут сопровождаться местоимением *meine* — М 19 № 1, показывающим женский род русского слова (*Dann nehm ich meine девочка*).

№ 1 (L) в отличие от перевода данной фразы, встречающейся в другом варианте: *Da kommt der Sohn Kupetscheski* — М 20 № 6 (L).

Существительное может также вводиться местоимением, причем как в немецком, так и в русском языке. Однако заимствованные русские существительные сопровождаются, как правило, немецкими местоимениями, например: *Drin sitzt der Mann mit seinem Sohn, // Und seinen зеляки* (= земляки) — М 19 № 7. Это связано с тем, что русские служебные слова используются в текстах песен значительно реже, чем знаменательные. Поскольку в немецком языке после предлога *mit* требуется датив, то показателем датива множественного числа существительного *земляки* служит в данном случае местоимение *seinen* (= своими). Изредка русские слова сопровождаются русскими местоимениями, но это происходит лишь в тех случаях, когда заимствуется целая фраза, например: *Skorej moi Petsch topi* 'Скорей мою печь топил' — М 19 № 5.

5.5.3. Порядок слов в предложении, синтаксические позиции заимствованных слов

Различия между немецким и русским языками имеют свою специфику в области морфологии, с одной стороны, и в области синтаксиса — с другой. В морфологическом строе каждого языка сосредоточены его наиболее ярко выраженные особенности, поскольку в данной области формальные различия связаны с различиями в выражаемых значениях. В области синтаксиса различия имеют, как правило, формально-структурный характер и меньше подвержены интерференции. Кроме того, поскольку материалом исследования служат тексты песен, подчиненные законам стихотворного ритма и размера, с укороченными предложениями и упрощенным синтаксисом, явления интерференции в области морфологии имеют более ярко выраженный характер, чем в синтаксисе.

Интерференция в области синтаксиса не является столь же явной, как в морфологии, также вследствие общности функций предложения и средств выражения синтаксических категорий в русском и немецком языках. К. Г. Крушельницкая отмечает, что «в немецком и русском языках не только полностью совпадают функции предложения — оно служит для выражения и сообщения мысли во всех языках, — но и состав синтаксических категорий, выражающих в обоих языках одинаковое содержание»¹⁴³. Исследовательница добавляет при этом, что посколь-

¹⁴³ Крушельницкая К. Г. Указ. соч. С. 173.

ку русский и немецкий являются языками одной и той же языковой семьи, они «располагают также в значительной степени одинаковыми средствами выражения синтаксических категорий, в том числе такими средствами синтаксической связи, как согласование, управление, порядок слов (словорасположение) и интонация»¹⁴⁴. Что касается различий в области синтаксиса, то они проявляются в первую очередь «в формах и степени использования сходных формальных средств выражения, в их соответствии и взаимодействии»¹⁴⁵.

Как уже было сказано, сходство между русским и немецким языками в области синтаксиса проявляется в способах выражения членов предложения и в их структуре, т.е. одни и те же члены предложения выражаются в данных языках, как правило, одними и теми же частями речи. Подлежащее и дополнение выражаются в основном именем существительным или местоимением в определенном падеже, сказуемое — глаголом в определенной личной форме (лицо, время, наклонение).

Различия в области синтаксиса в русском и немецком языках касаются в первую очередь порядка слов в предложении, поскольку в немецком языке он является более связанным, чем в русском. Е. Н. Морозова приводит следующие примеры в доказательство данного утверждения: «...Говоря о возможности словорасположения в немецком языке, В. Юнг¹⁴⁶ допускает в простом предложении типа *Ich war schon zweimal in Berlin* восемь вариантов порядка слов. В сходном русском предложении “Я завтра утром пойду гулять” А. М. Пешковский¹⁴⁷ считает возможным 120 перестановок»¹⁴⁸. Данное различие связано с разными возможностями порядка слов в русском и немецком языках. В последнем порядок слов является ведущим синтаксическим средством и служит для разграничения типов предложения. Известно, что порядок слов в немецком языке служит для обеспечения цельности и организации предложения как законченного единства, что осуществляется с помощью глагольно-сказуемой рамки. Порядок слов в немецком языке выполняет не только грамматическую

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Jung W. Kleine Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig: Bibliographische Institut, 1954. S. 264.

¹⁴⁷ Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 157.

¹⁴⁸ Морозова Е. Н. Вопросы синтаксиса // Немецко-русские языковые параллели. М.: Изд. лит-ры на ин. яз-х, 1961. С. 112.

функцию, он играет важную роль при выражении семантических оттенков и стилистической окраски предложения. Фиксированным в немецком языке является только положение сказуемого, а подлежащее, дополнение, обстоятельство, предикативное дополнение являются относительно свободными. Данная относительная свобода дает возможность выявить особенности интенций говорящего. Таким образом, мы переходим к коммуникативной нагрузке членов предложения в русском и немецком языках. К. Г. Крушельницкая отмечает, что «общее в немецком и в русском языках заключается в том, что, во-первых, самый состав средств выражения коммуникативной нагрузки в значительной степени совпадает; во-вторых, в том, что в обоих языках отмечаются одинаковые основные закономерности функционирования этих средств, особенно важные именно в сопоставительном плане»¹⁴⁹.

Говоря об основных функциях средств выражения коммуникативной нагрузки, следует обратить особое внимание на функцию эмфатического выделения данного и нового. В немецком языке новое стоит часто не на последнем месте, как в русском языке, а на предпоследнем, что связано с тем, что при помощи порядка слов не может быть, как правило, выражена коммуникативная нагрузка тех членов предложения, которые занимают твердо фиксированные позиции. Тенденция располагать сначала данное, а затем новое является господствующей в русском языке и свойственна также и немецкому с учетом указанных выше особенностей. Однако и в русском, и в немецком языке возможен и другой порядок слов, в котором новое предшествует данному. Нормальный порядок слов употребляется в спокойной речи, научной и деловой прозе, а эмфатический порядок, с вынесением нового в начальную позицию, свойствен разговорной речи, художественной литературе, особенно поэзии.

О том, что порядок слов в предложении может быть использован в целях художественного воздействия, писали многие лингвисты, в том числе и В. М. Жирмунский, который отмечал, что «порядок слов в поэзии никогда не безразличен, и в ряде случаев мы не ощущаем, что слова идут не в том порядке, какой был бы обычен в прозаическом тексте»¹⁵⁰. Говоря о роли эмфатического порядка слов в языках со строгим порядком слов, как, например, немецкий, Жирмунский пишет: «Именно

¹⁴⁹ Крушельницкая К. Г. Указ. соч. С. 201.

¹⁵⁰ Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: Курс лекций / Под ред. З. И. Плавскина, В. В. Жирмунской. Изд. 2-е. М.: УРСС, 2004. С. 369.

на фоне связанного порядка слов особенно ярко выступает то, что получило в стилистике название “инверсия”. Инверсия — перестановка слов, отклоняющаяся от нормальной расстановки слов, которые грамматика требует для прозаической речи. Инверсия выделяет слова с помощью их положения, например ставит на первое место такое слово, которое требует большей степени внимания»¹⁵¹. В качестве примеров ученый приводит стихи молодого Гёте с нарушением логического, грамматического порядка слов.

Говоря о синтаксических особенностях поэтической речи, Жирмунский выделяет частотность использования предложений необычного типа, безглагольных, безличных и неопределенно-личных. Для поэтической речи также характерно большое количество восклицательных и вопросительных предложений, а также обращений разного характера. Обращения могут быть разного рода. Часто они носят риторический характер, представляя собой обращение к отвлеченным понятиям или к определенному лицу, нередко отсутствующему, к воображаемому собеседнику. Для поэзии более типична сочинительная связь, нежели подчинительная. Жирмунский отмечает, что «сложные формы подчинения, в особенности подчинения логического (под которыми ученый понимает придаточные предложения причины, цели, следствия, уступки и условия. — Л. П.), необычны в поэзии»¹⁵².

Особое значение в поэтическом синтаксисе играют повторы, за счет которых происходит эмоциональное усиление высказывания. В повторении, как правило, дублируется смысл — слова или группы слов. Как пишет Жирмунский: «В стихах, а иногда и в ритмической прозе с такого рода звуковым повторением может быть связан ритмический параллелизм, т. е. какие-то повторяющиеся звуковые элементы повторяются и как ритмические ряды. И не только ритмический параллелизм, но и синтаксический, т. е. одинаковое расположение синтаксических элементов: подлежащее и сказуемое; или существительное и прилагательное (определение)»¹⁵³. Синтаксическое повторение играет существенную роль в композиции стихотворного произведения, так как образует период, построенный по принципу повторения определенных синтаксических элементов, что придает усиление и движение всему стихотворению, благодаря чему оно приобретает песен-

¹⁵¹ Там же. С. 368.

¹⁵² Там же. С. 380.

¹⁵³ Там же. С. 381.

ный, музыкальный стиль. Поскольку в этой работе рассматривается именно песенный жанр, то данное явление играет особую роль в построении текстов песен¹⁵⁴.

В смешанных колониистских песнях русские слова занимают, как правило, конечные позиции в строках песен и рифмуются также с русскими словами. Такая постановка русских слов неслучайна и связана с их выделенностью, акцентированием внимания именно на этих словах. Ведь смешанные колониистские песни являются в первую очередь шутливыми, макароническими произведениями, с намеренным противопоставлением двух языков. Вынесение русских слов в конечные рифмующиеся, а потому наиболее выделенные позиции в строке способствуют подчеркиванию шутливого характера песен:

Und kommt man an der Station an

Da schreit die Menge: Стой.

Man ruft: Извозчик, подавай.

Und fährt mit ihm домой.

М 20 № 1 (L)

Рифма русских и немецких слов является не такой частотной, но также возможна:

Und kommt der liebe Sonntag an,

Dann sind wie alle *froh*.

Da geht es auf der Eisenbahn

Nach Царское Село.

Или:

Es gibt auch ein Kathriner Hof

Am zweiten Tag am *Mai*.

Da kann man haben, was man will —

Где хочешь, там гуляй.

М 20 № 5 (L)

Тенденция к конечному положению русских слов касается в первую очередь имен существительных, которые составляют абсолютное большинство русских лексем в смешанных колониистских песнях, например:

¹⁵⁴ По данному вопросу см. также: *Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986.

Von dort geht man den graden Strich

Nach Павловский вокзал.

Und unterwegs da hört man schrein:

Там славный будет бал.

М 20 № 4 (L)

Или:

Und auch der Kaufmann mit dem Bart

Mit seine земляки

Bewirtet sich nach aller Art

Bei Schnaps und пирожки.

М 20 № 5 (L)

Конечная постановка русских слов, подчеркнутая ритмическим параллелизмом, приводит к эмоциональному усилению высказывания и акцентированию внимания на русских лексемах и соответственно на макароническом характере песен. Ритмический параллелизм является одновременно синтаксическим, синтаксические элементы, в данном случае дополнения в дативе, занимают одинаковые позиции. В результате этого повтора образуется период, характерный для произведений музыкальных жанров.

Русские имена существительные могут занимать и другие позиции в строке. Это касается, например, тех случаев, когда существительное приводится в прямой речи, выступает в качестве определения или является частью составного именного сказуемого. Например, существительное *Dwer* приводится в прямой речи, стоящей в конце строки: *Da ruft man nur: «Dwer otwori»*. Лексема *Pochmelj* написана с большой буквы как существительное, но выступает в качестве определения к слову *Schmerzen* (*Und wenn man Pochmelj Schmerzen hat*), является частью составного именного сказуемого, стоящего на предпоследнем месте перед изменяемым глаголом, что типично для немецкого придаточного предложения. Существительное *Notschja* занимает второе место в бессоюзном придаточном условном предложении, начинающемся с изменяемой части сказуемого: *Kehrt Notschja man opjat nasat / mit etwas heissem Blut*, и выступает, судя по контексту, в качестве обстоятельства времени — «ночью». Форма *Notschja* и написание с заглавной буквы сохранились, вероятно, от изначального, исправленного (в тексте это отчетливо видно) варианта. Исправление было сделано, вероятно, для того чтобы согласовать грамматически по смыслу первую и вторую строки, так как сравнение вариантов говорит о том, что это скорее наречие.

Практически все русские наречия также находятся в конце строки, рифмуются с русскими словами и способствуют ритмической организации песни и подчеркиванию ее смешанного характера, например:

Die angenehme Sommerzeit
Ist selten hier мелю.
Doch zum Ersatz dafür
Die Nacht dadurch светло.

М 20 № 5 (L)

Исключения составляют наречия *посля (после)* и *сейчас/сичас* в значении *скоро*. Данные наречия занимают исключительно начальные позиции в строке:

In angenehmer Winterzeit
Ist очень хорошо,
Es ist zuweil wohl windig kalt
Посля будет тепло.

М 19 № 3 (L).

Dann will man nun spazieren fahrn —
Adje, Katrinoslaw!
Dann ruft man dem своицк zu —
Сичас da ist er da!

М 19 № 1

Позиции немецких глаголов являются связанными и зависят от сказуемого и типа предложения. Заимствованные глаголы занимают в текстах песен часто начальные или конечные позиции в строке. Это означает, что фраза строится таким образом, чтобы глагол оказался именно на этих позициях, значимых для ритмической структуры стихотворения. Если русские глаголы стоят в конце строки, они, как правило, рифмуются с другими русскими глаголами, что опять способствует ритмическому и синтаксическому параллелизму и выделенности русских слов. Особо показательной является в данном случае песня «Когда я в Ревеле родился». Поскольку данная песня носит повествовательный характер, связана с описанием жизни героя и различных событий, которые происходили с ним на его жизненном пути, в ней довольно много глаголов, в том числе и русских, которые выносятся на значимые конечные позиции в строке. Рассмотрим полностью один из вариантов данной песни:

(1) Итак я в Ревеле *родился*¹⁵⁵

Hab ich erblickt das Licht der Welt,

И где потом я *находился*

Doch nirgends mir wie dort *gefällt*.

(2) Hab ich zum Frühstück einen Kringel,

War ich весел und froh dabei,

Теперь уж стал великий Schlingel

Aus kleine, kleine Алексей.

(3) Отец *wollt* mich zum Kaufmann *machen*,

Я пряниками *торговал*,

Doch ich dacht an ganz andre Sachen,

И деньги свои *промотал*.

(4) Und als der Турк nach Russ *gekommen*,

Hab ich gedacht: Теперь пора.

Und *hab* das lange Flint *genommen*,

Zu schützen моего царя.

(5) Und als ich in die Schlacht *gekommen*,

Я много из ружья *стрелял*,

Mir hat ein Türk das Ziel *genommen*,

И в ногу черт мою *попал*.

(6) Da *ist* der царь *geritten kommen*,

На grossem вороном коне,

Da *hat* er meine беда *vernommen*

И он *позвал* меня к себе.

(7) И дал мне tausend Rubel денег,

Dazu auch ein Ordensband.

Теперь весел я wie ein König

Живу in meinem Vaterland.

М 21 № 1

Итак, глаголы играют очень важную роль в данной песне. В пяти строфах из семи (1, 3–6) они рифмуются и занимают конечные позиции в строке. Это касается не только русских, но и немецких глаголов. Однако в связи с тем, что положение глагола является в немецком языке связанным и зависит от его временной формы, типа сказуемого и типа предложения, в строках с немецкими глаголами в конечной рифмующейся позиции употреблены сказуемые с рамочной конструкцией, где смысловой глагол ставится на последнее место.

¹⁵⁵ В данном примере подчеркиванием выделяются русские лексемы, а курсивом — глаголы.

В последней строфе глаголы переносятся на начальные позиции в строках, создавая за счет изменения ритмической структуры эффект выделения данной строфы на фоне предыдущих, так как в ней подводится итог жизни героя, а акцентирование действия становится неважным. Гораздо важнее в данной строфе существительные, которые говорят о положении и о статусе героя, которого он добился в ходе своей жизни.

Итак, можно отметить следующие грамматические особенности колониистских песен: среди русских слов, встречающихся в текстах двуязычных колониистских песен, преобладают имена существительные, глаголы и наречия, которые занимают, как правило, либо начальные, либо конечные позиции в строке. Остальные части речи встречаются единично и могут стоять на разных местах в строке. Появление русского слова в тексте песни определяется, как правило, либо явной, либо косвенно обусловленной ситуацией, предполагающей общение с носителем русского языка. Тогда русские слова появляются в речи автора или главного действующего лица песни, когда они рассказывают об общении с русскими или ведут с ними диалог, а также в прямой речи носителей русского языка. Русским словам, вкрапленным в тексты немецких песен, иногда присваиваются грамматические категории соответствующих немецких слов. Особую роль в этом играют слова-артикли. В смешанных колониистских песнях артикль, ставящийся перед русским именем существительным, выполняет те же функции, что и в немецком языке, а именно является грамматическим показателем рода, числа и падежа. При этом русское имя существительное употребляется в форме именительного падежа и не изменяется ни по родам, ни по падежам. Изменение русских слов по числам иногда происходит, например *пирожки, башмаки, земляки, сынки*. Данные примеры единичны, в песнях русские существительные чаще употребляются в единственном числе, что, связано, скорее всего, с содержанием песен. Правила употребления определенных и неопределенных артиклей соответствуют грамматике немецкого языка, однако перед заимствованными русскими существительными обычно не ставится неопределенный артикль (за исключением употребления неопределенного артикля после выражения *es gibt*), а используются только определенный и нулевой. Реже русские слова в немецком тексте могут сопровождаться местоимениями, как немецкими, так и значительно реже русскими.

Род имени существительного в русском и немецком языках может совпадать, тогда не возникает сложностей с согласованием данного

существительного и сопровождающего его вспомогательного слова. Однако в случае несовпадения рода имени существительного он определяется преимущественно по признакам, характерным для правил немецкой грамматики. В таких случаях наблюдается нарушение согласования русского имени существительного и сопровождающего слова, имеющего форму, показывающую род, число и падеж подразумеваемого немецкого эквивалента или ошибочно определенные (согласно формальным признакам немецкой грамматики) род, число и падеж русского существительного.

Постановка артикля перед иностранным словом, включенным в текст повествования, не является чем-то необычным для немецкого языка. Подобное мы находим также у некоторых немецких писателей, например у Т. Манна. В новелле «Mario und der Zauberer», действие которой происходит в Италии, писатель пользуется итальянскими лексемами для создания соответствующего колорита, например: «Jetzt hatte wieder der Bursche die Zeche zu zahlen, den Cipolla nicht müde wurde in der Rolle des donnaiuolo und ländlichen Hahnes im Korbe vorzuführen....» или «Die führende Presse hat diese Arbeit zu schätzen gewusst, der Corriere della Sera erwies mir so viel Gerechtigkeit, mich ein Phänomen zu nennen...»¹⁵⁶

Конечные позиции русских слов в строках песен, а также их рифмование подчеркивают смешанный шуточный характер исследуемых текстов. Русские слова формируют ритмическую структуру песни благодаря ритмическому и синтаксическому параллелизму, повторяемости в определенных синтаксических позициях. В целом отмеченные особенности свидетельствуют об интерферирующем влиянии немецкой грамматики на изменение и употребление русских слов в текстах макаронических колониистских песен.

¹⁵⁶ Mann Th. Novellen. СПб.: Капо, 2008. С. 230.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вустном творчестве народа проявляется его культура, история, обычаи, традиции, речь, словом, все, что составляет жизнь народа, чем он дышит, что его волнует и радует. Оно как зеркало, иногда старое, потрескавшееся по краям, изображение в нем бывает размыто, но все же отражающее события, чувства, мысли, волновавшие тысячи людей много лет назад. Это уникальная возможность погрузиться в прошлое и постараться понять его. Понять народ, находившийся в сложнейших жизненных условиях, в окружении инонациональной среды, но сумевший на протяжении столетий сохранить свои самобытность, культуру и родной язык. Народ, строивший свое будущее, добивавшийся успеха, терявший все и начинавший сначала. Перелистывая страницы исторических трудов, посвященных немецкому населению в России, глядя на старые фотографии, не перестаешь удивляться жизненной стойкости колонистов, их терпению, трудолюбию, глубокой вере, на которой основывались устойчивые моральные принципы. Все эти качества нашли свое отражение в народных песнях, собранных многосторонним филологом и признанным германистом В.М. Жирмунским в немецких поселениях СССР в начале XX в., начиная с 1924 и заканчивая началом 1930-х гг. Ученый был вынужден прекратить успешно начатую широкомасштабную работу в колониях в связи с ухудшением внутриполитической ситуации в стране. Всего в коллекции Жирмунского собрано около 4000 песен, записанных на восковые пластинки и валики и распределенных по темам и месту записи. Работа с архивом, вновь начавшаяся в 1995 г., ведется по сей день лингвистами, фольклористами и музыковедами как в России, так и в Германии.

Данная работа посвящена в первую очередь языку песенного фольклора немецких колонистов, а именно «колонистским песням» (по терминологии Жирмунского), исполнителями (а возможно, и авторами)

которых являлись в основном крестьяне, жившие в немецких колониях. Колонистские песни являются особой группой песен, которая включает всего 77 типов, представленных часто в нескольких вариантах, всего 189 текстов. Песни этой группы были записаны в разных колониях и областях на Украине, в Ленинградской области, в Закавказье и на Волге и подразделяются на несколько жанров — песни о трагических событиях, смертях и самоубийствах (*Moritaten*), о смешных событиях колонистской жизни, четверостишия, песни об истории колонизации в России, военные песни разных периодов — от русско-турецкой до Первой мировой войны и революции. Колонистские песни пелись на новые и на уже известные немецкие или русские мелодии. Очень часто для песен грустного или трагического содержания использовалась мелодия русской песни «Стенька Разин». На нее пелись песни: «Ach, wie traurig kam die Botschaft...», «Neunzehnhundert einundzwanzig // War für uns ein schweres Jahr», «Manche liegen auf dem Felde...». Колонистские песни свидетельствуют о взаимовлиянии культур, обычаев и традиций, например немецкие солдатские песни пелись часто на мелодии русских песен схожего содержания — «Посидел бы я в окопах» или «Дело было под Полтавой».

Исследуя языковые особенности подгруппы колонистских песен — смешанных немецко-русских макаронических песен, которые были созданы колонистами уже в России, — можно сделать выводы об интерференции также на языковом уровне. К смешанным колонистским песням относятся как песни с чередованием строк на русском и немецком языках, так и песни с единичными вкраплениями русских слов или, наоборот, написанные целиком или почти целиком на русском языке, но с явным влиянием немецкого языка. Макаронический жанр, бывший очень популярным в Германии в период средневековья и почти исчезнувший в XIX в., вновь стал популярен в России в среде немецких колонистов. Появление смешанных немецко-русских макаронических песен в фольклоре немецких колонистов в России обусловлено островным положением данного языкового коллектива и является следствием сильного интерферирующего влияния языков окружения, которое связано с постепенным изменением социально-политического статуса немецких колонистов в России в течение веков, а также с языковой политикой, проводимой по отношению к данному языковому острову со стороны государства. Постепенное ущемление прав немцев, начавшееся при Александре II (1855–1881) и продолжившееся в последующие годы, особенно в периоды Первой и Второй мировых войн, сильно повлияло на языковую ситуацию немцев в России. Немецкий язык

всегда был для колонистов средством сохранения национальной идентичности и самосознания, но начавшаяся еще в 60-е гг. XIX в. политика русификации (закрытие немецких школ, запрет на использование немецкого языка) привела к постепенному его вытеснению из повседневного общения поселенцев. Хотя языковые острова и жили своей особой этнокультурной жизнью, они всё равно оказывались связаны с иноязычным большинством вокруг благодаря экономическим, политическим, хозяйственным и социальным отношениям. Островной диалект немцев подвергался языковой интерференции на уровне фонетики, лексики и грамматики в результате постепенного овладения языком соседей и сначала индивидуального, а потом и повсеместного двуязычия. В связи с этим можно исследовать фонетические, лексические и некоторые грамматические особенности смешанных немецко-русских песен, обусловленные взаимовлиянием русского и немецкого языков. Хотя исполнители песен и были носителями смешанных островных диалектов, язык колонистских песен близок к норме, особенно на уровне лексики и грамматики. Диалектные черты проявляются фрагментарно, в первую очередь в области фонетики.

В связи с плохой сохранностью звучащей части коллекции при выявлении некоторых особенностей консонантизма и вокализма языка колонистов пришлось ограничиться графикой смешанных песен. Среди особенностей графики особое внимание обращает на себя использование двух типов алфавитов — кириллицы и латиницы, что позволяет отделять русские слова от немецких и подчеркивает макаронический характер песен. Иногда чередование алфавитов способствует синтаксическому оформлению высказывания, например прямой речи. В связи с тем что записи текстов имеют разное происхождение — иногда они взяты из песенников колонистов, иногда записаны собирателями на слух, здесь особо отмечались записи, сделанные собирателями, так как примеры из этих текстов представляют собой скорее исключение, чем правило. Абсолютное большинство примеров фонетической интерференции взято из текстов песенников колонистов, а в записях собирателей, как правило, присутствует нормативная орфография. В результате данного наблюдения стал возможен вывод о том, что песенники часто фиксируют фонетическое написание, отражающее реальное произношение немецких колонистов (как родных, так и русских слов), т. е. можно сказать, что в графике смешанных колонистских песен наблюдается тенденция к фиксированию звуковой формы слова, отражающей особенности взаимного интерферирующего влияния русского, немецкого и отчасти украинского языков друг

на друга на фонетическом уровне. Интерференция на уровне фонетики проявляется в большей степени в консонантизме, чем в вокализме. При этом русские слова усваиваются часто согласно произносительным нормам немецкого языка. Можно назвать три основные особенности консонантизма русских немцев, нашедшие отражение в графике смешанных колониистских песен:

- замена звонких согласных на глухие, и наоборот, замена глухих на звонкие (как в русских, так и в немецких словах);
- непоследовательное обозначение мягкости русских согласных в написании кириллицей или латиницей;
- фиксирование просторечного произношения.

В текстах встречаются также единичные случаи выпадения одних согласных и подстановки других и замены одного согласного другим, не всегда сходным по своим основным характеристикам.

К особенностям вокализма, отмеченным в графике смешанных колониистских песен, относятся отражение разной степени открытости/закрытости гласных, фиксирование в орфографии чередования русских гласных, их выпадение, присвоение русским гласным несвойственных им различительных признаков, фиксирование просторечного произнесения.

Неразличение степени открытости/закрытости гласных проявляется в первую очередь в конечной рифме, когда более закрытые гласные чередуются с более открытыми. В графике фиксируются чередования а//о в приставках и корнях слов; чередование е//і в суффиксе, а также выпадение Murmellaut'a в кратких формах глаголов на конце слова, у существительных на конце слова, в середине слова и в стяженных формах. В русских словах отмечается выпадение буквы о в слове *турк* 'турок' по аналогии с немецким словом *der Türke*. В некоторых примерах наблюдается также выпадение гласного в начале слова. Буква *ы*, обозначающая отсутствующий в немецком языке звук /ɨ/, заменяется буквами *i*, *u*, *ü* при написании русских слов латиницей (сюда относится чередование имен собственных *Пылинов* и *Pinenow*, написание *slüsch* и *slusch* вместо *слышь*). Поскольку в немецком языке этот звук отсутствует, то данную особенность написания можно толковать как попытку отразить на письме необычный для немца звук. Это подтверждается также тем, что данные чередования наблюдаются только в написании латиницей, в которой нет полного соответствия данному звуку. Некоторым русским гласным присваиваются несвойственные им различительные признаки, такие как, например, долгота и краткость. Часто наблюдается графическая

фиксация просторечного произнесения некоторых русских слов: *сичас, посля*.

В условия коллективного двуязычия меняется также словарный состав любого языка, поскольку лексико-семантические категории не носят замкнутого характера. В текстах колониистских песен данная особенность проявляется в большом количестве русских слов, встречающихся либо в немецком контексте, либо в русских словосочетаниях или отдельных фразах, что является принципиальным отличием смешанных колониистских песен от остальных песен этой же группы, в которых практически нет русских слов. При этом можно отметить как заимствования путем восприятия уже имеющихся русских лексем (извозчик, сани, печь, душенька и др.), так и возникшие путем образования единых словесных комплексов с немецкими словообразовательными элементами и по немецким словообразовательным моделям (*gotow stehen, nasat kehren* и др.). Употребление русских слов зависит в первую очередь от макаронического характера песен, в которых намеренно смешиваются два языка с целью достижения комического эффекта. Русские слова чередуются с немецкими в пределах одной строки или словосочетания. На данном чередовании строится также и стихотворная рифма, при этом немецкие слова чаще рифмуются с немецкими, а русские — с русскими. Употребление русских слов связано, как правило, с контекстной ситуацией диалогичности, в которой существует мысленный или реальный диалог предположительно с русским персонажем, например с извозчиком, банщиком, хозяином харчевни, русской старушкой или девушкой. Появление русских действующих лиц влечет за собой новый ряд лексики, обозначающий либо те предметы, которыми они пользуются в своей жизни, либо те действия, которые они совершают. Печник топит *печь*, а иногда даже зовет *попариться* в бане, извозчик *подает* лошадей, с другом пьют *чай*, с девушкой танцуют *казачок*. При этом для каждой песни характерен в целом свой набор отдельных лексем, словосочетаний и фраз, отражающих ее содержание. Лишь небольшое количество лексических единиц встречается в разных по содержанию песнях.

Можно выделить несколько тематических групп русских слов в текстах колониистских песен. Выделенные семантические группы подтверждают тот факт, что заимствуются в первую очередь слова, часто используемые в повседневной жизни, имеющие отношение к быту и восприятию себя в окружающем мире. В зависимости от частотности употребления русских лексических единиц выделены восемь тематических групп слов:

- обозначение профессиональной, социальной и национальной принадлежности и близкая по семантике лексика;
- быт немецких колонистов (напитки, продукты питания, предметы одежды, погода и пр.);
- лексемы, обозначающие лиц мужского пола (не вошедшие в первую группу);
- обозначения лиц женского пола;
- торговые взаимоотношения русских и немцев;
- празднования;
- бранные слова, лексемы, обозначающие конфликтные ситуации;
- имена собственные.

Среди русских слов в текстах смешанных песен преобладают имена существительные, служащие для обозначения явлений и предметов колониальной жизни, в первую очередь — это обозначения профессиональной, социальной или национальной принадлежности. Несколько реже употребляются существительные, относящиеся к быту немецких колонистов, затем следуют обозначения лиц мужского, далее — женского пола и существительные, обозначающие веселье и праздник. Наименее частотны имена существительные, относящиеся к торговым взаимоотношениям и к бранной лексике.

Также довольно частотны имена прилагательные, которые не встречаются изолированно в немецком контексте и выступают в основном в качестве определения к русским словам, например *вороной конь*, *немецкий край*, *булочник немецкий*, *русский казачок*. При этом с русскими именами существительными могут сочетаться также немецкие имена прилагательные, как правило, в препозиции (*bei schöner лавочка*), но с немецкими именами существительными употребляются только немецкие имена прилагательные: *Da greift man auf die warme Mütze*.

Следующими по частотности употребления являются русские глаголы, для которых наиболее характерна форма повелительного наклонения (*стой, ступай, играй, молчи, бойся, подавай, запрягай, nebois, slusch', topi, otwori* и др.) и которые распадаются на три группы: прямая речь предположительно русского персонажа, обращение главного героя песни к какому-либо русскому человеку, речь автора песни. Включение русских глаголов в песни в форме императива связано с устным путем заимствования, при непосредственном контакте, в связи с чем можно выдвинуть предположение, что данные словоформы воспринимались в качестве самостоятельных лексем, которое подтверждается тем фактом, что другие формы этих глаголов (кроме глагола *играть*) в песнях не встречаются. Особое внимание привлекают заимствованные слова

в функции полупрефиксов сложных немецких глаголов, объединенных в наших примерах общим значением второго компонента (наличие или отсутствие движения): *gulfat... gehen (spazierengehen)*, *gotow stehen (bereitstehen)*, *nasat kehren (zurückkehren)*. В данном случае наблюдается проникновение заимствований в систему словообразования и возникновение немецко-русских слов по модели немецких гибридных сложных глаголов. При этом типично также их употребление в рамочной конструкции по правилам немецкой грамматики: заимствованные полупрефиксы занимают в предложении либо последнее, либо предпоследнее место: «Und hat man Lust gulfat zu gehen, da ruft man...»; «Und kommt man... hinaus, so stehen Sani gotow...»; «Kehrt Notschja man opjat nasat, mit etwas heissem Blut...»

Заимствования служебных слов почти не происходит, русские служебные слова появляются, как правило, только в русских словосочетаниях или фразах, а не в немецком контексте. Редкое употребление служебных слов связано не только с типом смешанных макаронических песен (в которых русские слова несут важную смысловую нагрузку, подчеркивают ситуацию языкового острова, смешения не только языков, но и культур), но и с рифмой, которая во многом определяет употребление русских слов, занимающих часто конечные позиции в строках и рифмующихся с другими русскими же лексемами.

Русским словам, вкрапленным в тексты немецких песен, иногда присваиваются грамматические категории соответствующих немецких слов, например категория определенности/неопределенности. В связи с этим здесь было рассмотрено употребление немецких вспомогательных слов-артиклей перед русскими словами. Если русское имя существительное стоит в падеже, требующем изменения окончания, оно чаще всего дается в сопровождении немецкого артикля, который показывает род, число и падеж данного существительного. Если данное существительное является обращением и стоит в начале прямой речи или слов автора, оно употребляется без артикля. Подстановка артикля позволяет, с одной стороны, избежать необходимости изменять русское существительное по падежам и показывает, с другой стороны, его грамматические характеристики и связывает его со сказуемым. Неопределенный артикль встречается в колониистских песнях в основном только перед немецкими существительными, например: *ein guter Freund*. Перед русскими существительным постановка неопределенного артикля встречается только после немецкого выражения *es gibt*, как этого требуют правила немецкой грамматики: «Sonst gibt es *einen* спор».

Категория рода, которая присуща как русским, так и немецким существительным, представлена тремя разрядами: мужским, женским и средним родом. Распределение имен существительных по родам оказывается в условиях языковой интерференции крайне неустойчивым. При включении заимствованных русских слов в немецкую морфологическую систему грамматического рода происходит либо сохранение грамматического рода русского слова (например, слова *девочка/девушка* могут сопровождаться местоимением *meine*, показывающим женский род русского слова, — *Dann nehm ich meine девочка*), либо его изменение под воздействием морфологических факторов немецкого языка (печь *‘der Ofen’* — *der Petsch*, мой печь (*Skorej moi Petsch topi*); девушка *‘das Mädchen’* — *mit/zu mein* девушка (*Dann tanz ich mit mein девушка*)). При этом изменение рода немецких имен существительных происходит под влиянием русского языка (*die Flinte* ‘ружье’ — *das lange Flint*).

Интерференция в области синтаксиса проявляется в смешанных колониистских песнях не столь явно, как в морфологии. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, синтаксические различия между русским и немецким языками имеют формально-структурный характер и в целом менее подвержены интерференции. Во-вторых, материалом исследования служат тексты песен, подчиненные законам стихотворного ритма и размера, с укороченными предложениями и упрощенным синтаксисом. В-третьих, интерференция в области синтаксиса не является столь же явной, что и в морфологии, вследствие общности функций предложения и средств выражения синтаксических категорий в русском и немецком языках. Поскольку различия в области синтаксиса в русском и немецком языках касаются в первую очередь порядка слов в предложении, который не только выполняет грамматическую функцию, но и играет важную роль при выражении семантических оттенков и стилистической окраски предложения, важно учитывать, какие синтаксические позиции занимают русские слова в текстах песен. Как правило, русские заимствования занимают значимые конечные позиции, что способствует их выделению и связано с маркированным характером исследуемых песен. При этом русские слова образуют ритмическую структуру песни благодаря ритмическому и синтаксическому параллелизму, повторяемости в определенных синтаксических позициях, что приводит к эмоциональному усилению высказывания. В результате повтора образуется период, характерный для произведений музыкальных жанров.

Проведенное исследование дает возможность дальнейшей разработки данной темы. Богатый архив В. М. Жирмунского сегодня доступен

для исследователей, интересующихся вопросами языка и культуры немецкого населения в России. В данный момент в научный оборот вводится диалектологическая часть архивного наследия ученого, однако песенная часть коллекции еще ждет своих исследователей. На основании сделанных выводов возможно изучение всех остальных жанров, представленных в данной коллекции: старых баллад, солдатских песен, детских песен, заговоров, частушек и многих других. Составленные каталоги могут быть использованы при работе с коллекцией В. М. Жирмунского с самыми разнообразными целями, позволяющими облегчить доступ к унифицированной информации, касающейся отдельных объектов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1а

Динамика численности населения немецких колоний С.-Петербургской губернии (конец XVIII — начало XIX в.)

Год	1799	1827	1862	1897
Численность колонистов (чел.)	1047	2506	5120	8088

Примечание: данная таблица составлена Е. В. Бахмутской по: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 32; Д. 1194; О занятиях Комиссии по преобразованию общественного управления и поземельного устройства иностранных колонистов в России. СПб., 1869. С. 37; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 37. С.-Петербургская губерния. СПб., 1903. С. 303. Таблица приводится на с. 303 канд. дис. Е. В. Бахмутской (см. указ. соч.).

Приложение 1б

Население немецких колоний С.-Петербургской губернии в 1827 г.

Колония	Число жителей		Кол-во семей	Средняя численность семьи
	жен.	муж.		
Ново-Саратовская	462	443	109	8,3
Среднерогатская	174	185	38	9,4
Ижорская	247	211	49	9,3
Ямбургские	162	146	33	9,3
Стрельнинская	94	117	28	7,5
Кронштадтская	29	25	7	7,7
Кипенская	50	50	11	9,9
Ораниенбаумская	15	12	3	9,0
Петергофская	8	11	2	9,5
Фриденальская	31	34	14	4,6
Все колонии	1272	1234	294	8,5

Примечание: данная таблица составлена Е. В. Бахмутской по: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1194 и приводится в ее диссертации (см. указ. соч.), с. 304.

Приложение 2

Немецкий в качестве родного языка в зависимости от даты рождения и региона страны

Geburtsjahr	Region des Landes, %			
	europäischer Teil und sibirischer Teil (RSFSR)		Kasachstan und Mittelasien	
	Stadt	Land	Stadt	Land
1905–1935	98,3	96,6	98,3	93,9
1936–1955	82,5	87,5	86,0	86,1
1956–1965	46,2	75,0	66,7	80,0

П. Хилькес приводит следующую таблицу для демонстрации знаний немецкого и русского языка в среде немецких колонистов (*Hilkes P. Указ. соч. S. 5*):

Год рождения	Литературный немецкий	Диалект	Двуязычные	Не говорят по-немецки
1905–1935	27,9	67,4	2,1	2,6
1936–1955	28,9	52,9	3,5	14,7
1956–1965	21,9	40,6	—	37,5
Всего в %	28,0	58,2	2,7	11,1

Приложение 3

Песни, взятые из песенников колонистов

Номер песни согласно каталогизации В. М. Жирмунского	Собиратель	Год записи	Место записи (колония, округ)
«Die angenehme Winterzeit»			
M 19 № 1 (L)	V. Schirmunski	1927	Kol. Neu-Saratowka, Kreis Leningrad
M 19 № 2 (L)	V. Schirmunski	1927	Kol. Neu-Saratowka, Kreis Leningrad
M 19 № 1	V. Schirmunski	1927	Kol. Libental, Kreis Ukraine
M 19 № 5	S. Akuljanz	1930	Kol. Glückstal, Kreis Mold.
M 19 № 7	T. Sokolskaja	1930	Kol. Eigenfeld, Kreis Ukraine
«Die angenehme Sommerzeit»			
M 20 № 1 (L)	V. Schirmunski	1924	Kol. Neu-Saratowka, Kreis Leningrad
M 20 № 2 (L)	V. Schirmunski	1927	Kol. Neu-Saratowka, Kreis Leningrad
M 20 № 3 (L)	V. Schirmunski	1927	Kol. Neu-Saratowka, Kreis Leningrad
M 20 № 4 (L)	V. Schirmunski	1927	Kol. Neu-Saratowka, Kreis Leningrad
M 20 № 5 (L)	V. Schirmunski	1929	Kol. Fröhliche, Kreis Leningrad
M 20 № 6 (L)	O. Durnowo	1929	Kol. Strelna, Kreis Leningrad
M 20 № 7 (L)	N. Jachontowa	1929	Kol. Ofzyno, Kreis Leningrad
M 20 № 7	S. Akuljanz	1930	Kol. Glückstal, Kreis Mold.
«Когда я в Ревеле родился»			
M 21 № 1	E. Johannson	1927	Kol. Kronental, Kreis Simferopol
M 21 № 10	Zusendung von Arthur Marx	1928	Ukraine
M 21 № 11	T. Sokolskaja	1930	Kol. Eigenfeld: Kreis Ukraine
M 21 № 21	V. Schirmunski	1927	Kol. Neu-Saratowka, Kreis Leningrad
Andere Lieder			
M 22 № 1	V. Schirmunski	1927	Kol. Darmstadt, Kreis Krim
M 23 № 1	V. Schirmunski	1926	Kol. Hoffnungstal, Kreis Ukraine
M 32 № 1 (L)	V. Schirmunski	1927	Kol. Kamenka-Wolkowo, Kreis Leningrad
M 67 № 1	T. Sokolskaja	1930	Kol. Mariental, Kreis Ukraine

Приложение 4

Примеры некоторых смешанных колониистских песен

В данном приложении примеры песен даются в разном виде с целью ознакомления с теми вариантами, в которых существуют записи песен из коллекции В. М. Жирмунского.

Die Winterzeit

(перепечатано Л.П.)

M 19 Nr. 7

In angenehmer Winterzeit,
Ist очень хорошо.
Es ist bisweilen gründlich kalt,
Не бойсь, будет тепло
Не бойся, не бойся, не бойсь
будет тепло.

Dann fahren wir auf Eisenbahn
Nach Половский завод,
Und auf dem Wege hört man schon
Там будет хорошо,
Там будет, там будет, там будет
хорошо.

Dann kommen wir nach der Station,
Dann heisst: "Машина, стой",
Dann ruft man dem извозчик zu,
"Извозчик, подавай".
"Извозчик, извозчик, извозчик
подавай".

Drin sitzt der Mann mit seinem Sohn,
Und seinen зеляки,
Die Wirtschaft ist nach seiner Art
Mit чай und пирожки,
Mit чай, mit чай, mit чай und
пирожки.

Kol. Eigenfeld, Kreis Dnjepropetrowsk,
Ukraine. Liedersammlung von Lehrer
Stenbrohm. T. Sokolskaja, 1930

M 19 Nr. 6

Bei angenehmer Winterzeit
Ist очень хорошо.
Es ist bisweilen wenig kalt
Не бойся, будь тепло.
Und will man nun spazierenfahn
Nach Екатеринослав,
So ruft man den извозчик zu
Сейчас, so ist er da.

Und nun kommt zu dem guten
Freund
So ist der чай bereit.
Ist das не очень хорошо
Bei kalter Winterzeit.

Музыка, das hör ich gern
Da bin ich gleich dabei;
Dann tanz ich mit meim девушка
Den russischen Kosatschok.

Музыка, das hör ich gern
Nun ist der Tag vollbracht.
Dann sag ich zu meim девушка:
Прощай, nun gute Nacht.

Колония Эбенталь,
Херсонская область, Украина.
Зима 1928

Die Sommerzeit

(сайт Архива немецкой народной песни во Фрайбурге)

1

Die angenehme Sommerzeit
Ist selten hier дебло,
Doch zum Ersatz ist das dafür
Die Nächte dadurch светло.

2

Und kommt der liebe Sonntag an,
Dann sind sie alle froh.
Dann geht es auf der Eisenbahn
Nach Царской und Село.

3

Von dort geht es den graden Strich
Nach Павловский Воксал,
Und unterwegs hört man schrein:
Там славный будет бал.

4

Und hat man alles da gesehen,
So fährt man schnell nazat,
Es ist wohl reich und schön,
А дома лучше град.

5

Und kommt man an die Station an,
Da schreit die Menge стой.
Man ruft: Извозчик подавай.
Und fährt mit ihm домой.

1

Die angenehme Sommerzeit
Ist selten hier тепло.
Doch zum Ersatz ist das dafür
Die Nacht dafür светло.

2

Und kommt der liebe Sonntag an,
Dann sind wir alle froh.
Dann geht es auf der Eisenbahn
Nach Царское Село.

3

Von dort geht es den graden Strich
Nach Павловский Вокзал.
Und unterwegs da hört man schrein:
«Там славный будет бал!»

4

Там есть отличный трактиров:
Ganz nach Franzosen Fuss.
А деньги дам, так будет Bier,
Dass man erstaunen muss.

5

Es ist auch ein Kathriner Hof
Am zweiten Tag am Mai.
Da kann man haben, was man will -
Где хочешь, там гуляй.

6

An jedem Бразник ist es jetzt
Народа тезнада.
Die Eisenbahn ist so besetzt
Что проста Брад педа.

7

Es ist auch ein Katrinahof
Am ersten Tag am Mai.
Da kann man haben, was man will,
Где хочешь, там гуляй.

8

Дам есть отличный Драктиров,
Nach Franzosen Fuss dahin.
А денек даж, так будет Bier,
Dass man erstaunen muss.

9

Und auch am zweiten Pfingstentag,
По рузской духов день.
Идет Кубеческий сынок
Die reiche Braut zu sehn.

10

Und auch der Лавашник хозяин
Kämmt sich die Haare glatt,
Und mischt sich ins Gedräng hinein,
In славный Летний Сад.

11

Will man Крстовский Остров
Ситя точас в Трактир
Amfierst (!) der Немец sich
Bei Tabak und Bier.

12

Und auch der Kaufmann mit dem
Bart,
Mit seine Семляки,

6

Und auch am zweiten Pfingstentag —
По русски — Духов День —
Идут купеческий сынки
Die reiche Braut zu sehn.

7

Und auch der лавочник-хозяин
Kämmt sich die Haare glatt
Und mischt sich ins Gedräng hinein,
Im славный Летний Сад.

8

Und kommt man auf den Kolerberg,
Когда хороший день,
Die Bürger mit dem самовар
Sich amüsieren schön.

9

Will man Крстовский Остров
sehn,
Сиди там час в трактир,
Dort amüsiert der немец sich
Mit Tabak und mit Bier.

10

Und auch der Kaufmann mit dem
Bart
Mit seine земляки
Bewirten sich nach aller Art
Bei Schnaps und пирожки.

11

Dann geht es auf dem Dampfschiff
fort
Nach Peterhof stehn fest.
Da ist es ein Gedränge dort,
Что брат ни взять ни сесть.

Bewirten sich nach aller Art
Bei Schnaps und Пирожки.

Liederheft von Ch. Steinmüller (1884),
Kolonie Neu-Saratowka (Kreis Leningrad).
Aufgezeichnet von Viktor Schirmunski
1927. DVA: DVL — M 20, Nr. 4 (L).

Данный вариант опубликован на сайте
фрайбургского Архива немецкой народ-
ной песни (Deutsches Volksliedearchiv.
Режим доступа http://www.liederlexikon.de/lieder/die_angenehme_sommerzeit/,
свободный. Загл. с экрана

12

Und kommt man an der Station,
Da schreit die Menge: стой!
Man ruft: Извозчик, подавай!
Und fährt mit ihm домой.

13

Und hat man alles da gesehen,
So fährt man schnell назад.
Es ist wohl alles reich und schön,
A дома лучше, брат!

Aufgezeichnet in Fröhliche Kolonie (Kreis
Leningrad) von Viktor Schirmunski, Januar
1929.

Text: Christine Reich (ca. 60 Jahre). Me-
lodie: Christian Reich (ca. 50 Jahre). DVA:
DVL — M 20, Nr. 5 (L) sowie Tran-
skription von Tondok. L VII, Nr. 28c.
Dort folgende Anmerkung von Viktor Schir-
munski: «Über Zahl und Reihenfolge der
Strophen war Frau Reich nicht im sicheren.»
[Die übliche Reihenfolge der Strophen bei den
sonstigen Liedaufzeichnungen aus dem Lenin-
grader Gebiet ist: Str. 1–3, 13, 12, eine Strophe
fehlt, 5, 4, 6–7, 9–10, 8, 11. Eckhard John]

Данный вариант опубликован на сайте
фрайбургского Архива немецкой народ-
ной песни Deutsches Volksliedearchiv. Ре-
жим доступа http://www.liederlexikon.de/lieder/die_angenehme_sommerzeit/,
свободный. Загл. с экрана

Когда я в Ревеле родился
(перепечатано Л. П.)

М 21 № 1

Итак я в Ревеле родился
Hab ich erblickt das Licht der Welt,
И где потом я находился
Doch nirgends mir wie dort gefällt
Hab ich zum Frühstück einen
Kringel,
War ich весел und froh dabei,
Теперь уж стал великий Schlingel,
Aus kleine kleine Алексей.
Отец wollt mich zum Kaufmann
machen,
Я пряниками торговал,
Doch ich dacht an ganz andre Sachen,
И деньги свои прототал.
Und als der Турк nach Russ
gekommen,
Hab ich gedacht: Теперь пора.
Und hab das lange Flint genommen,
Zu schützen моего царя.
Und als ich in die Schlacht
gekommen,
Я много из ружья стрелял.
Mir hat ein Türk das Ziel genommen,
И в ногу черт мою попал.
Da ist der царь geritten kommen,
На grossem вороном коне,
Da hat er meine беда vernommen,
И он позвал меня к себе.
И дал мне tausend Rubel денег,
Dazu auch ein Ordensband,
Теперь весел я wie ein König,
Живу in meinem Vaterland.

Kol. Kronental, Simfer. Rayon. Liederheft
von Erna Hoffmann, geb. 1907
E. Johannson, Krim, Sommer, 1927

М 21 № 2

Я в городе Риге родился,
Das heisst erblickt ich Licht der Welt
И долго я там находился,
Weils mir ужасно da gefällt.
Отец wollt mich zum Kaufmann
machen,
Ich sollt mit Hering торговать,
Doch ich dacht an ganz andre
Sachen
На красной горке в бабки играть.
Hab ich zu Mittag einen Kringel
War ich весел как воробей,
Jetzt ist geworden drosser Schlingel
Aus kleinem, kleinem Alexej.
Jetzt ist француз ins Land
gekommen,
Hab ich gedacht, теперь пора,
Hab meine Flint von Wand
genommen,
Zu schützen нашего царя.
Hurra, wie sind sie da geloffen,
Француз мой милый, берегись,
Im Березин ist teils ersoffen,
Klein bisschen kam nur nach Paris.
Jetzt wieder kommt der Türk
zur Hilfe,
Der англичанин und француз,
Denk wie am sechzehnhundert
zwölfe
Wirst wieder kriegen длинный нос.

Kol. Zarekwitsch. Krim, Winter, 1928

Примеры некоторых других песен

(копии текстов, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ)

М. 40, 41

г.м. 1178

VERTREIBUNG DER DEUTSCHEN AUS RUSSLAND.

1. Ach, wie traurig kam die Botschaft

Hier in diesem Jammerland,

/: Alle unsere deutschen Brüder

Sollen raus mit leerer Hand! /:

2. Denn der Kaiser Nikolai

Gab Befehl im ganzen Land,

/: Alle Deutsche, die drin wohnen

Müssen raus mit leeren Hand! /:

3. Viel Kosaken sind befertigt,

Ziehen schon nach Dörfern raus,

/: Weib und Kinder auszutreiben

In die weite Welt hinaus! /:

4. Alle, die zu Hause sitzen,

Alle, die mit grauem Haar

/: Sollten ihres Gut verlassen

Und sich geb'n in Todesgefahr! /:

5. Doch der Lenin hat gesorget

Für uns arme deutsche Leut,

/: Hat das Unglück abgeworfen,

Hat uns vom dem Joch befreit! /:

6. Doch der Kaiser hats vendorben

Selbst mit seinem ganzen Heer,

Darum ist er auch verworfen,

Und das Alte gilt nicht mehr.

7. Alle, die am höchsten waren

Sind auf einmal hingericht,

Und der Kaiser Nikolai

Darf nicht mehr ans Tageslicht.

Kolonie Konstantinowka (Kreis Artjemosk) U.

A. S. Ström, 1927.

Melodie: *Степная Песня*.

M, 23, №1.

104 12. 82
Jm. 8/6.

Spruch.

1. Ich muss reisen, ich muss fort,
Ich muss sawtra na bochoť.
2. Weil ich morgen reisen muss,
So gib mir den Abschiedskuss.
3. Ach, du Duschenga moja,
Rassproschteť du Duschingal
4. Ihr liebe Leute seht.
Wie's unsern jungen Männern geht.
5. Welwer haben sie ohne Zweifel
Gerade wie die junge Teufel.
6. Will der Mann spazieren gehn,
Sich ein Bisschen d'Welt ansehen,
7. Muss er erst seinem Weibchen sagen,
Um sie um Erlaubnis fragen,
8. Denn sonst ist der Teufel los,
Ist der Mann noch so gross.
9. Kommt er abends dann nach Haus',
Hat er noch ein' kleinen Rausch,
10. Muss er gehn mit leisen Schritten
Vor das Bettlad stehn und bitten.
11. - Geh nur 'naus, du gsoffne Sau,
Oder ich schlag dich schwarz und blau!
12. Heiraten ist kein Pferde kaufen
Blinder, tu deine Augen auf!

Kol. Hoffnugstal. (Oderman R.) M.

Liederheft v. J. Fischer.

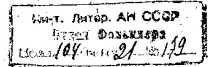
V. Schirmunski, Sommer 1928.

Anmerkung: Nach H. Bachmann - gesungen auf die Melodie:
"Как у наших у ворот".

M, 32, A112

Inv. 1584

100

1. Nur Carluscha nicht verjagt,
Besser wird er künftig.
Morgen Tages ist ein Glück -
Sei nur gerecht vernünftig.
2. Nur dann kriegst du eine Braut,
So schön als ein Schätzchen.
Weiß und zart ist ihre Haut,
Wie ein Zuckerblättchen.
3. Rote Lippen, wie Korall,
Haare schwarz, wie Tinte.
Stimme, wie die Nachtigall,
"Aglein, wie Korinter.
4. Wenn Carluscha tausend Rubel hat,
Fährt er nach Krestowski,
Trinken eine Flasche Bier
Hören muss man Zihren (?)
5. Endlich spricht man: "Что такой."
Булашник немецкой,
Шляпа на бок, Франт какой,
Чтобы малатенкой.

Kol. Kamenka=Wolkowo (Kreis Leningrad)

Liederheft von El. Lade (1918)

V. Schirmunski, 1927.

№ 42, 41

№ 8
Jm. 904.

STENKA RASIN UND DIE FÜRSTENTOCHTER.

St. Petersburg. 12. 10. 1894.

1. Von der Insel her zur Tiefe
In den wilden Wogen Flug
Treiben freier Leute Kähne,
Buntbemalt mit hohem Bug.
2. In den ersten sitzen Rasin
Und sein Lieb, ein Perserkind.
Feiern fröhlich ihre Hochzeit,
Und ihr Lied verweht der Wind.
3. Hinterher es geht ein Murren:
"Und vertauscht er um ein Weib!
Seine Seele nahm sie früher,
Jetzt umstrickt sie seinen Leib".
4. Dieses Murren, dieses Raunen
Hört der strenge Häuptling gleich,
Und umschlingt mit starken Armen
Die Geliebte Schreckenbleich.
5. Seine scharfen Falkenaugen
Rollten wild, Gewitter naht.
Und sie füllen sich mit Blute,
Und der Miene folgt die Tat.
6. "Alles gab ich ohne Zögern
Auch mein eignes stolzes Haupt",
Schallt die Nacht durch seine Stimme
Dass es jeder Scherke glaubt.
7. Und die Fürstin, sinkt die Lieder,
Und sie schreckt sich halb zu Tod.
Lebend lauscht sie seinen Worten,
Als des herrschers Macht gebot.

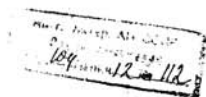
8. "Wolga, Wolga, traute Mutter,
Wolga, Wölga, Riesenfluss!
Hast du ja von mir erfahren,
Was ich eben hören muss.
9. Doch sich niemand zanke
Unter frechen Leuten hier,
Wolga Wolga, traute Mutter
Nimm die Schöne hin von mir".
10. Und mit einer mächtigen Geste
Hebt er seine Braut empor,
Wirft sie über Bord, von unten
Schlägt die Wolga dumpf hervor.
11. "Nun ihr Teufel, seid ihr ställe?
Vorwärts Filka, tanze schnell!
Lass ein lustig Lied uns singen
Zum Gedenken ihrer Seel.
12. Von der Insel her zur Tiefe
In der wilden Wogen Flut
Treiben freier Leute Kähne
Buntbemalt mit hohem Bug.

Kol. Frischib: (Mölotschnaja)

A. Ström, Sommer 1928,

М. 58, М!

Див. 2775 125

1. Первый рас, как ошенился
То всял шинку с Молтаван;
А другой, как ошенился
Цей бил глуп, а той болван.
2. Третий бил немножко лучше;
Он играл на хортенъян,
Бил похош на чорта куцы
И всегда ходил он пьян.
3. А теперь моя барышня
Просто чудо вон какой.
Цвет лица такой хороший
Голова такой польшой.
4. Раз пошел я в один дома;
Нет вина на праздный дня.
Соблюдил я в одно яму
Я там кричал: "Was ist das".
5. Meine Mutter именинник,
Я у карцеру сижу.
Ohne Pfeffer, ohne Urzach,
Я по карцеру хожу.
6. Я в немецком край ротился
И политики не стай.
Польку - мазур не учился,
Только Walzer eins, zwei, drei.

Kol. Schlangendorf /Schwedengebiet/, U.
Christoph Kovalsky, ca. 22 J.
L.Sinder, 1929.

Приложение 5

Каталог пластинок и валиков из коллекции В. М. Жирмунского,

LI — Aufnahmen aus Kingisepp,

№ P	Liedtitel	Schirmunski- Signatur	Sänger	
1	a) Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 3 (L)	Frau /Kath./ Hässel	
	b) Es wollt` ein Jäger jagen	A 24 a Nr. 5 (L)	Frau /Kath./ Hässel	
2	a) Ein Edelmann ritt zum Tor hinaus	A 21 Nr. 2 (L)	Frau /Kath./ Hessel	
	b) Heut ist Kirwe	F 1 Nr. 1 (L)	Frau /Kath./ Hessel	
3	a) Ich habe mein Feinsliebchen	C 6 Nr. 3 (L)	Kath. Hessel	
	b) Gestern Abend sah ich sie	B 49 Nr. 1 (L)	Kath. Hessel	
4	a) Es wollt` ein Mädchen früh aufstehen	A 31 Nr. 2 (L)	Frau /Kath./ Hessel	
	b) Ich stand auf hohen Bergen	A 3 Nr. 6 (L)	Frau /Kath./ Hessel	
5	a) Vater und Mutter wollen`s nicht leiden	D 96 Nr. 1 (L)	Kath. Hessel	
	b) Es war ein junger Schuhmachergesell	A 11 Nr. 1 (L)	Kath. Hessel	
6	a) Ich ging wohl in den Garten	C 32 a Nr. 2 (L)	Georg Köhler	
	b) Komm, mein Knäbchen, komm, komm, komm	C 70 Nr. 2 (L)	Luise Christine Köhler	
	c) Ich ging wohl in den Garten	C 32 a Nr. 2 (L)	Luise Christine Köhler	
7	a) Und wenn die Frau nicht folgen will	C 46 Nr. 1 (L)	Friederike Butz	
	b) Ich ging mal in der Nacht	C 2 Nr. 1 (L)	Georg Köhler	
8	a) Es, es, es /Es , es, es und es/	D 112	Frau Köhler	
	b) Es, es, es /Es , es, es und es/	D 112	Frau Amann	
9	a) Ich ging mal in der Nacht	C 2 Nr. 1 (L)	Georg Köhler	
	b) Nichts schöneres kann mich erfreuen	A 4 b Nr. 4 (L)	Georg Köhler	
10	a) Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 4 (L)	Christine Köhler	
	b) In dem dunklen Graschdanker — Wald	M 34 Nr. 8 (L)	Christine Köhler	
	c) Es stand ein Lind im tiefen Tal	A 6 Nr. 5 (L)	Christine Köhler	
11	a) Wie komm ich denn bei dir herein	C 70 Nr.1 (L)	Charlotte Sackmann	
	b) Frau, du sollst nach Hause kommen	C 8 Nr. 1 (L)	Charlotte Sackmann	
12	a) Wir sitzen so fröhlich beisammen (Napoleon, du, Schustergeselle)	L 53 a Nr. 1 (L)	Hieronimus Walter	
	b) Ich habe mein Franzliebchen	C 6 Nr. 4 (L)	Margarethe Kaist	
	c) Ich bin der Pfannenflicker / Pfanneflicker aus der Stadt/	C 19 Nr. 1 (L)	Emilie Butz	

¹ Здесь и далее в таблицах каталогов и протоколов P = die Platte.

записанных в немецких поселениях под С.-Петербургом

Kreis Leningrad (April 1928)

Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
–	Kol. Frankfurt	18.IV.1928	Geschwindigkeit 50 /V 50/ /[67]/	Anmerk.- auf Russisch "Hessel" ist zu "Hässel" nur auf der Pl. № 1 korrigiert
–			Geschwindigkeit 50	
–	Kol. Frankfurt	18.IV.1928		
–				
–	Kol. Frankfurt	18.IV.1928	/ [189] /	
–				
–	Kol. Frankfurt	18.IV.1928		
–			/ [70/71] /	
–	Kol. Frankfurt	18.IV.1928		
–				
–	Kol. Luzk	18.IV.1928		
–			/anderer Anfang/	Anmerk.- auf Russisch
–				
–	Kol. Luzk	18.IV.1928	/Porchov/	Anmerk.- auf Russisch
–				
–	Kol. Luzk	18.IV.1928	(Schwach)	
–			(Schwach) / [222] /	
–	Kol. Luzk	18.IV.1928		Auf der Pl.: Kol. Lutzk
–				
–	Kol. Luzk	19.IV.1928		
–				
–			/ [44] /	
–	Kol. Porchowo	18.IV.1928		
–				
–	Kol. Porchowo	18.IV.1928		Vermutlich auf die Mel. „Napoleon, du...“
–			/ [189] /	Im Heft u. auf der Pl.: „Franzliebchen“ (!)
–				

№ P	Liedtitel	Schirmunski- Signatur	Sänger	
13	a) O, du, schöne Hobelbank,	C 68 (L)	Charlotte Sackmann	
	b) Geh, du, ins Lindenau	N 49 Nr. 1 (L)	Charlotte Sackmann	
	c) Straßenburg, o, Straßenburg	L 39	Charlotte Sackmann	
14	a) Ich bin ein feiner /fixer/ Jägersknecht	H 16 Nr. 1 (L)	H. Walter	
	b) Ich lieg im Bett und schwitze	C 36 Nr. 1 (L)	Frau A. Scheffner	

LII — Aufnahmen aus dem Kreis Kingisepp,

Sammler: E. Johannson, L. R. Sinder

V = 100

Apparat Exzelsior, das Aluminiumsprachrohr

№ W	Liedtitel	Schirmunski- Signatur	Sänger	
39	1. Es wollt` ein Jäger jagen wohl in dem Tannenholz	A 19 [?] Nr. 2 (L)	Kath. Hessel	
	2. Bruder, trink noch einmal	K 14 Nr. 1 (L)	Otto Walter	
	3. In dem Garten der dunkeln Laube	B 6 Nr. 1 (L)	Walter	
	4. Die Rosen, die blühen im Garten	A 4 b	Kath. Walter	
40	1. Es stand eine Linde	A 6	Kath. Hessel	
	2. Sonnenlicht, Sonnenschein	D 128 Nr. 1 (L)	Chr. Hessel	
	3. Mein Vater ist ein Tischler	I 54 Nr. 1 (L)	Chr. Hessel	
	4. 10 000 Mann, die zogen ins Manöver	L 19 Nr. 1 (L)	Kath. Hessel	
41	1. Willst du mich denn nicht mehr lieben	D 89 Nr. 7 (L)	Anna Nerenz	
	2. Wer lieben will, muß leiden	D 59 Nr. 4 (L)	/?/	
	3. Straßburg, das ist eine wunderschöne Stadt	L 40 Nr. 2 (L)	/?/	
42	1. Wenn es meine Mutter wüßte	M 14 /?/	Alex. Nerenz	
	2. An einem Fluß da rauscht ein Schoß	B 5	Alex. Nerenz	
	3. Ein scheckiges Pferd	L 72 Nr. 1 (L)	Alex. Nerenz	

² Здесь и далее в таблицах каталогов и протоколов W = die Walze.

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	–	Kol. Porchowo	18.IV.1928		
	–				
	–			/ [V. 61] /	
	–	Kol. Porchowo	18.IV.1928		a und b = IV und V – auf der Platte
	–				

Leningrader Gebiet (April 1928)

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	–	Kol. Frankfurt	April 1928	Sammler: E. Johansson	Die Walze fehlt
	–				
	–				
	–				
	59 J.	Kol. Frankfurt	April 1928	Sammler: E. Johansson	Die Walze fehlt
	–				
	–				
	–				
	74 J., geb. 1854	Kol. Neu-Luzke	April 1928	Sammler: E. Johansson	
	–				
	–				
	–	Kol. Neu-Luzke	April 1928	Sammler: L.R. Sinder	
	–				Eigentlich heißt das Lied: An einem Fluß, der rauschend floß
	–				

№ W	Liedtitel	Schirmunski- Signatur	Sänger	
	4. Morgen müssen wir verreisen	D 76 a Nr. 1 (L)	Anna Nerenz	
	5. Und wer sein Gläschen trinkt	K 13 Nr. 1 (L)	Anna Nerenz	
43	1. Rigau ist ein schönes Städtchen	D 76 a Nr. 2	A. Nerenz	
	2. Heiter war der Frühling meines Lebens	D 123 Nr. 1	A. Nerenz	
	3. Ich stand auf einem hohen Berge	A 3 Nr. 7 (L)	Alex. Nerenz	
44	1. Im Schlondenburg	I 56 Nr. 1 (L)	Anna Nerenz	
	2. Rigau ist ein schönes Städtchen	D 76 a Nr. 2	Anna Nerenz	
	3. Haet ist Kirgle, Morgen Kirgle	F 1 Nr. 2 (L)	Anna Nerenz	
	4. Ich liebt ein Mädchen von 18 Jahr	N 36 Nr. 1 (L)	Anna Nerenz	

L III — Aufnahmen aus dem Kreis

№ P	Liedtitel	Schirmunski- Signatur	Sänger	
1	a) Es regnet auf der Brücke	O 46 Nr. 2 (L)	Jakob Plätzer	
	b) Bauer, bind den Pudel an	O 65 Nr. 1 (L)	Katja Gehweiler	
	c) Der Sonntag und der Montag	D 148	J. Plätzer	
	d) Hoppe hoppe Rößle /Rössle/	O 31 näher zu Nr. 5 (L)	Reginchen Gehweiler	
2	a) Es waren drei Husaren	C 1 Nr. 10 (L)	Joh. Plätzer	
	b) Auf der Reise bin ich gewesen	L 6 Nr. 2 (L)	Joh. Plätzer	
3	a) Müde kehrt ein Wanderer /zurück/	B 3	Sophie Dahlinger	
	b) Unsre alte Kaffekanne	–	Sophie Dahlinger	
4	a) Es ging ein Graf spazieren	A 26 Nr. 4 (L)	Fride Kohfall	
	b) Ich stand auf hohe Berge /hohen Bergen/	A 3 Nr. 27 (L)	Dorothee Ehrhardt	
5	a) Es war eine Kaufmannstochter	A 12 Nr. 3 (L)	Katharina Plätzer	
	b) Wenn ich des Morgens früh aufsteh`	L 51 Nr. [?]	Johann Plätzer	
	c) Dreihunderttausend /300000/ Mann, die zogen ins Manöver	L 19 Nr. 2 (L)	Marie Gehweiler (<i>aus Nikolajewskaja</i>)	

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	–				
	–				
	–	Kol. Neu- Luzke	April 1928	Sammler: L.R. Sinder	
	–				
	–				
	–	Kol. Neu- Luzke	April 1928	Sammler: L.R. Sinder	
	–				
	–				
	–				

Novgorod (1930)

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	15 J.	Kol. Alexan- drowskaja	/1930/		a, b, c und d sind auf der Platte als 1, 2, 3, und 4 nummeriert
	10 J.				
	ca. 32 J.				
	6 J.				
	26 J. /30 ?/	Kol. Alexan- drowskaja	/1930/		
	26 J.				
	28 J.	Kol. Alexan- drowskaja	/1930/		
	28 J.				
	58 J.	Kol. Alexan- drowskaja	/1930/		
	ca. 50 J.				
	55 J.	Kol. Alexan- drowskaja	/1930/		
	ca. 30 J.				
	24 J.				

№ P	Liedtitel	Schirmunski- Signatur	Sänger	
6	a) Frau, du sollst nach Hause kommen	C 8 Nr. 4 (L)	Frau Kristine Plätzer	
	b) `S Häuslein verkauft, `s Geldlein versaft	K 7 Nr. 1 (L)	J. Plätzer	
	c) Mariechen saß auf einem Stein	O 1 Nr. 2 (L)	J. Plätzer	
	d) Mariechen saß auf einem Stein	O 1 Nr. 2 (L)	J. Plätzer	
7	a) Es stand ein Lind` im tiefen Tal	A 6 Nr. 21 oder 22 (L)	Frau K. Plätzer	
	b) Es stand ein Lind`	A 6 Nr. 21 oder 22 (L)	Frau K. Plätzer	
	c) Es stand ein Lind`	A 6 Nr. 21 oder 22 (L)	Frau K. Plätzer	
	d) Ich hab ein Rausch — das macht der Wein	C 62 Nr. 4 (L)	Frau K. Plätzer	
8	a) O, wie bin ich so verlassen	D 31 näher zu Nr. 2, 3, 4 (L)	Jakob Plätzer	
	b) Ich ging das Kästchen auf und ab	D 100	Frau Katharina Plätzer	
	c) Ich ging das Kästchen auf und ab	D 100	Frau Katharina Plätzer	
9	a) Es spielt` ein Graf mit einer Dam / Dame/	A 8 Nr. 6 (L)	Frau Scheff	
	b) Es war einmal ein kleiner Mann	C 7	Frau Scheff	
	c) Jungfer Lieschen /schlief oben/	C 21 Nr. 2 (L)	Johan Plätzer	
	d) Wenn ich in Tannenwald geh`	I 125 (L)	Kath. Schmidt	
10	a) Manche liegen auf dem Felde	M 6 b Nr. 3 (L)	Sophie Ehrhardt	
	b) Sollte es /sollt` es/ meine Mutter wissen	M 14	Marie Fleischmann	
11	a) Ach, Mädchen, wenn ich dich erblicke	D 84 Nr. 5 (L)	Sophie Ehrhardt	
	b) Ich will euch mein Schicksal erzählen	–	Joh. Ehrhardt	
	c) Hopp, hopp, hopp, mein Kätzchen	–	Kath. Schmidt	
12	a) Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 13 (L)	Sophie Ehrhardt	
	b) Es war eine Kaufmannstochter	A 12 Nr. 2 (L)	Sophie Ehrhardt	
	c) Heinrich schlief bei seiner / Neuermählten/	B 1	Lotte Schees	

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	ca. 50 J.	Kol. Alexandrowskaja	/1930/	C 8/4	Alle Liedtypen-Signaturen auf den Platten wurden später mit Bleistift eingetragen.
	14 J.			K 7/1	
	14 J.			/erste Melodie/ O 1/2	Auf der Pl.: „3.–4. Mariechen saß auf einem Stein (2 Melodien)“
	14 J.			/zweite Melodie/ O 1/2	
	ca. 50 J.	Kol. Alexandrowskaja	/1930/	(alte Melodie) A 6/21 Len. 22	
	ca. 50 J.			(neue Melodie – /b/ etwas verdorben) derselb.	b und c = 2.-3. auf der Pl.
	ca. 50 J.			(neue Melodie – etwas verdorben)	
	ca. 50 J.			C 62/4	
	ca. 17 J.	Kol. Alexandrowskaja	/1930/		
	ca. 50 J.			(2 Strophen – 1-ste falsch)	Anmerk. – auf Russisch (meint: falsch gesungen)
	ca. 50 J.			Dasselbe – richtig	
	ca. 55 J.	Kol. Alexandrowskaja	/1930/	A 8/6	
	ca. 55 J.			C 7	
	26 J.			C 21/2	
	18 J.	Kol. Goreloje		I 125	
	17 J.	Kol. Alexandrowskaja	/1930/	M 6 b/3	
	11 J.	Kol. Goreloje		M 14	
	17 J.	Kol. Alexandrowskaja	/1930/	D 84/5	
	ca. 18 J.				
	18 J.	Kol. Goreloje			
	17 J.	Kol. Alexandrowskaja	/1930/	A 1/13	
	17 J.			A 12/2	
	77 J.	Kol. Goreloje		B 1	

№ P	Liedtitel	Schirmunski- Signatur	Sänger	
13	a) Es wollt` ein Mädchen Wasser holen	A 33	Magdalene Butz	
	b) Es stand ein /eine/ Lind im tiefen Tal	A 6 Nr. 10 (L)	Marie Gehweiler	
	c) Herr Edelmann ritt zum Tor hinaus	A 21 Nr. 7 (L)	Elisabeth Scheff	
14	a) Ich weiß nicht, was mir fehlet	D 59 Nr. 6 (L)	Marie Trotter (Oberdorf)	
	b) `S ist noch nicht lang, das gregnet hat	I 32	Frau Gehweiler	
	c) Wisst ihr nicht, wie`s Tanzhaus ist	–	Frau Gehweiler	
	d) Wenn ich im Tannenwald geh`	I 125 (L)	Kath. Schmidt	
15	a) Es war einmal eine Müllerin	C 13 Nr. 1 (L)	Sonia Leiter	
	b) Drei Wochen vor Ostern	I 9 Nr. 3 (L)	Magdalene Butz	
16	a) Mädchen, wenn du heiraten willst	C 10 b Nr. 3 oder 5 (L)	Charlotte Jack	
	b) An einem heißen Sommertag	C 5 Nr. 2 (L)	Charlotte Jack	
	c) Es wohnt ein Müller in einem /jenem/ Teich	C 55	Charlotte Jack	
	d) Wir sitzen so fröhlich beisammen	L 53 a Nr.4 (L)	Charlotte Jack	
17	a) Das faule Grätchen /Wer ein faules Gretchen hat/	C 20 Nr. 9 oder 8 (L)	Sonia Leiter	
	b) Frau, du sollst nach Hause gehen	C 8 Nr. 5 (L)	Sonia Leiter	
	c) Ich und mein alter Mann	I 90 Nr. 2 (L)	Dorothea Butz	
18	a) Jungfer Lieschen /schlief oben/	C 21 Nr. 3 (L)	Dorothea Butz	
	b) Als ich ein Junggeselle war	C 4 Nr. 5, 6 oder 9 (L)	Dorothea Butz	
	c) Da droben, da drunter /drunten/	I 61 a Nr. 4 (L)	Magdalene Butz	
19	a) Es wollt` ein Mädchen früh aufstehen und in den /sein/ Rosengarten gehen / gehn/	A 31 Nr. 6, 7 oder 8 (L)	Frau Jack	
	b) Spinn, spinn meine liebe Tochter	C 9 Nr. 2 oder 4 (L)	Frau Butz	
	c) Ich habe mein Feinsliebchen	C 6 Nr. 9, 11 oder 13 (L)	Frau Jack	
20	a) Ein Edelmann ritt zum Tor hinaus	A 21 Nr. 6 (L)	Frau Jack	
	b) Es wollt` ein Mädchen früh aufstehen Dreiviertel Stunden /vor Tagen/ (Brombeeren)	A 17 Nr. 3 oder 4 (L)	Frau Butz	

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	–	Kol. Nikola-jewskaja	/1930/	A 33	
	–	Kol. Nikola-jewskaja	/1930/	A 6/10	
	50 J.	Kol. Alexandrowskaja	/1930/	A 21/7 (falsch)	Anmerk. — auf Russisch (meint: falsch gesungen)
	–	Kol. Nikola-jewskaja	/1930/	D 59/6	In ähnlichen Fällen steht: „aus Oberdorf“
	–	Chutor Tarasowka		I 32	
	–				
	18 J.	Kol. Goreloje		I 125 (nicht beendet)	Anmerk. — auf Russisch
	–	Kol. Nikola-jewskaja	23.VI.1930	C 13/1	
	–			I 9/3	
	–	Kol. Nikola-jewskaja	23.IV.1930		
	–				
	–				
	–				
	–	Kol. Nikola-jewskaja	23.VI.1930	C 20/9	
	–			C 8/5	
	61 J.			I 90/2	
	61 J.	Kol. Nikola-jewskaja	23.VI.30	C 21/3	
	61 J.			C 4/5, 6, 9	
	–				
	–	Kol. Nikola-jewskaja	/1930/	A 31/6, 4 oder 8	
	ca. 60 J.			C 9/2 oder 4	
	–			C 6/9 oder 13	
	–	Kol. Nikola-jewskaja	/1930/	A 21/6	
	ca. 60 J.			A 17/3 oder 4	

№ P	Liedtitel	Schirmunski- Signatur	Sänger	
	c) O, Berlin, ich muß dich lassen	D 133 Nr. 5 oder Nr. 7 (L)	Frau Jack	
21	a) Es ging ein Graf spazieren	A 26 Nr. 2 oder 5 (L)	Frau Jack	
22	a) Es waren drei Gesellen	C 1 Nr. 8,11 oder 12	Marie Gehweiler	
	b) Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 14 (L)	Marie Gehweiler	
	c) Wie sieht`s aus im fernen Osten	M 6 a	Lise Baes	
23	a) Auf der Reise war ich gewesen	L 6 Nr. 1 (Nr. 3) (L)	Marie Toppert	
	b) In Polen steht ein schönes Haus	L 40 Nr. 6 (/ vielleicht/ Nr. 7, 9) (L)	Marie Toppert	
24	a) Vater und Mutter wollen`s nicht leiden	D 96 Nr. 3 (L)	Marie Toppert	
	b) Im Graschdanker dunklen Wald	M 34 Nr. 21 (L)	Katharine Bender	
25	a) Die Abreis von Rigau	L 10 Nr. 9 oder 10 (L)	Marie Toppert (Oberdorf)	
	b) Die Abreis von Rigau	L 10 Nr. 9 oder 10 (L)	Magdalene Butz (Unterdorf)	
	c) Was kann mich nicht schönres erfreuen	A 4 b Nr. 29 (L)	Katja Ehrhardt	
26	a) Es stand ein Schlöbchen /Schlösschen/ in Österreich	A 7 Nr. 8, 11 oder 12 (L)	Elis. Baes	
	b) Es war einmal ein feiner Knab	A 5 Nr. 11 (L)	Marie Toppert	
	c) Grünes Gras, mir ist hass	O 50 Nr. 2 (L)	Katja Ehrhardt	
27	a) Ich stand auf hohen Bergen	A 3 Nr. 24, 25, 26, 28, oder 31 (L)	Lisabeth /Elisab./ Baes	
	b) Ich ging bei finstrer Nacht	C 2 Nr. 12 (L)	Elisabeth Zeiter	
28	a) Dunja /?/ unser Blümelein	–	Heinrich Lerch	
	b) Auf der Wolga breiten Fluten /Auf der Wiese breiten Fluren/	–	Heinrich Lerch (/aus/ Weizenfeld, Marientaler Kanton, W.)	
29	a) Aus einem Bach, da rauscht ein Fluß	B 5 Nr. 7 (L)	–	
	b) Heut ist Kirwe	F 1 Nr. 6 (L)	Frau Gehweiler	

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	–			D 133/5 oder 7	
	–	Kol. Nikola-jewskaja	/1930/	Strophe 1 u. 2 (Nur die letzte richtig mit Wiederholung)	
	–	Kol. Nikola-jewskaja	/1930/	/Husaren/	
	–				
	15 J.				
	/ca. 19 J./	Kol. Nikola-jewskaja	Sommer 1930		
	/ca. 19 J./				
	ca. 19 J.	Kol. Nikola-jewskaja	/1930/		
	ca. 21 J.				
	–	Kol. Nikola-jewskaja	/1930/		
	–				
	–				
	–	Kol. Nikola-jewskaja	/1930/		
	–				
	–				
	15 J.	Kol. Nikola-jewskaja	/Sommer 1930/		
	14 J. /10 J. ?/				
	24 J.	Kol. Nikola-jewskaja	/1930/		
	24 J.				Russische Melodie = «Иза острова на стрежень» (= Stenka Rasin)
	–	Chutor Tarassowka	1930	(«Среди долины ровныя», 1-ste Melodie)	Russische Mel., Anmerk. — auf Russisch
	–				

№ P	Liedtitel	Schirmunski-Signatur	Sänger	
30	a) Aus einem Bach, da rauscht ein Fluß	B 5 Nr. 7 (L)	Frau Gehweiler	
	b) Es ist ein Lied gesungen	–	Frau Gehweiler	
	c) Kleine Fische ess ich gern	I 119 Nr. 1 (L)	/Frau Gehweiler/	
	d) Igel, Igel, putz dich /dein/	–	/Frau Gehweiler/	

LV — Aufnahmen aus dem Kreis

Sammler: E. W. Hippius

V = 100

Apparat Exzelsior, das Aluminiumsprachrohr

№ W	Liedtitel	Schirmunski-Signatur	Sänger	
1	1. Es wollt` ein Jäger früh jagen	A 24 a Nr. 2, 4, 7 (L)	Fr. Graule	
	2. Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 8 (L)	Frau Graule	
	3. Es war eine stolze Jüdin	A 2 Nr. 1 (L)	Frau Graule	
	4. Wer so ein faules Gretchen hat	C 20 Nr. 1 (L)	Frau Graule	
2	1. Als Gott der Herr	G 7 a Nr. 1 (L)	Frau Graule	
	2. Ein niedliches Mädchen	C 18 b Nr. 1 (L)	Frau Graule	

LVI — Aufnahmen aus dem Leningrader

Sammler: Z. Evald

V = 100

Apparat Nr. 9, das Papiersprachrohr

№ W	Liedtitel	Schirmunski-Signatur	Sänger	
45	1. Es waren zwei Bauernsöhn	A 22	–	
	2. Es warn einmal zwei Bauernsöhn	A 22	P.I. Sinner	
	3. Schöner Heinrich	A 28	P.I. Sinner	
	4. Es, es, es, es ist ein harter Schluß	D 112	P.I. Sinner	
	5. Es, es, es, es ist ein harter Schluß [Fortsetzung]	D 112	P.I. Sinner	
46	1. Es wollt` Mädchen Wasser schöpfen	A 33 Nr. 2 (T)	Frl. Schock	
	2. Es war eine stolze Jüdin	A 2 Nr. 3 (T)	Frl. Schock	
	3. Es wohnt einmal Graf an dem Rhein	A 9 Nr. 2 (T)	Frl. Schock	
	4. Hier ist grün und dort ist grün	O 36 Nr. 1 (T)	Frl. Schock	

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	–	Chutor Tarassowka	/1930/	(deutsche Melodie, rhythmisch /sehr/ interessant)	Anmerk. – auf Russisch
	–				
	–				Gedicht
	–			Gedichte	Anmerk. – auf Russisch

Leningrad (Januar 1927)

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	–	Kol. Neu-Saratowka	Januar 1927		
	–				
	–				
	–	Kol. Neu-Saratowka	Januar 1927		
	–				
	–				

Gebiet (Mai 1928)

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	–	–	26.05.28		
	–				
	–				
	–				
	–				
	–	/Kol. Katharinenfeld (Transkaukasien)/	26.05.28		
	–				
	–				
	–				

L VII — Aufnahmen aus dem Kreis

№ P	Liedtitel	Schirmunski-Signatur	Sänger	
1	a) Es spielt` ein Graf mit seiner Magd	A 8 Nr. 5 (L)	Sophie Bender	
	b) O, Berlin, ich muß dich lassen	D 133 Nr. 4 (L)	Sophie Bender	
	c) Ich stand auf hohen Bergen	A 3 Nr. 22 (L)	Ehrhardt	
2	a) Es war eine stolze Jüdin	A 2 Nr. 3 (L)	Sophie Bender	
	b) Es war eine stolze Jüdin	A 2 Nr. 3 (L)	Sophie Bender	
	c) Du hast Diamanten und Perlen	D 25 a	Sophie Bender	
3	a) Es stand ein Schloßchen in Österreich	A 7	Frau Ehrhardt	
4	a) Ich stand auf hohen Bergen	A 3 Nr. 22 (L)	Sophie Bender	
5	a) Es wollt` ein Mädchen früh aufstehen	A 17 Nr. 1 (L)	Sophie Bender	
	b) Das griff ans Herz und ich vergaß es nimmer	B 65 Nr. 2 (L)	Sophie Bender	
	c) Geliebter mein, wo magst du jetzt wohl weilen	D 93 (L)	Sophie Bender	
6	a) Ich stand auf hohen Bergen	A 3 Nr. 22 (L)	Sophie Bender	
	b) Es ging ein Graf spazieren	A 26 Nr. 1 (L)	Sophie Bender	
7	a) Feinsliebchen schlief oben	C 21 näher zu Nr. 1 (L)	Elisabeth Muss	
	b) Wer die faule Gretchen hat	C 20	Elisabeth Muss	
8	a) Wer kann sich denn schöner erfreuen	A 4 b Nr. 25 (L)	Elisabeth Muss	
	b) Ach, Mutter, allerliebste Mutter	A 1 Nr. 12 (L)	Elisabeth Muss	
9	a) Es, es, es /und es/	D 112 Nr. 1 (L)	Al. Eidemüller	
	b) Frisch auf, Kameraden	L 52 Nr. 1 (L)	Al. Eidemüller	
10	a) Es wollt` ein Mädchen früh aufstehen / aufstehn/	A 31 Nr. 1 (L)	Alex. Eidemüller	
	b) [Es wollt` ein Mädchen früh aufstehen] /Dasselbe / Fortsetzung	A 31 Nr. 1 (L)	Alex. Eidemüller	
	c) Es wohnt ein Markgraf /überm Rhein/	A 9 Nr. 1 (L)	Alex. Eidemüller	

Leningrad (Winter 1928–1929)

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	–	Kol. Kolpino	10.III.29	V 60 / [681a] /	
	–			V 60 / [217] /	
				/ [70/1] /	
	–	Kol. Kolpino	10.III.1929	V. 70 1.2. [= a und b] hoch und schnell, verdor- ben, vielleicht besser ersetzen	Anmerk. – auf Russisch
	–			V. 65	
	–			V. 65	
	–	Kol. Kolpino	10.III.1929	/A 7 Nr. 3 (Kolpino) – ein Teil, anderer Anfang/	Anmerk. – auf Russisch
	–	Kol. Kolpino	27.XII.1928	2 Strophen / [70/1] /	
	–	Kol. Kolpino	27.XII.1928		
	–				
	–				
	–	Kol. Kolpino	27.XII.1928	/ [71/1] /	
	–			/ [83] /	
	32 J.	Kol. Kolpino	27.XII.1928		Anmerk. in der Signatur – auf Russisch
	32 J.			/[294/95]/	
	32 J.	Kol. Kolpino	27.XII.28		
	32 J.				
	–	Kol. Sredn. Rogatka	16.XII.1928	/ [222] /	
	–				
	–	Kol. Sredn. Rogatka	16.XII.1928		
	–				
	–			/ [48/9] /	

№ P	Liedtitel	Schirmunski-Signatur	Sänger	
11	a) Bettelei, ihr Leute, wißt, das alles Übels Wurzel ist	B 89 Nr. 1 (L)	Fr. Eidemüller	
	b) Wenn ich wär ein reicher Mann	–	Fr. Eidemüller	
	c) Ich ging mal bei der Nacht	C 2 Nr. 4 (L)	Fr. Eidemüller	
12	a) III. Drei Dutzend alte Weiber	I 124 (L)	K. Lorer	
	b) IV. Ich ging mal bei der Nacht	C 2 Nr. 4 (L)	K. Lorer	
13	a) Du, stolzer Napoleon	L 35 Nr. 2 (L)	Katharina Lorer	
	b) Du hast Diamanten und Perlen	D 25 a Nr. 4 (L)	Katharina Lorer	
14	a) <i>Die schöne Jüdin</i> /Es war eine schöne Jüdin/	A 2 Nr. 2 (L)	K. Lorer	
	b) <i>Das bucklige Männchen</i> /Es war ein buckliges Männchen/	–	K. Lorer	
15	a) Ein alter Mann ein junges Weib sich nahm	C 58 Nr. 1 (L)	K. Lorer	
	b) Schönes Jungfrau /Jungfer/ Lieschen	C 86 Nr. 1 (L)	K. Lorer	
	c) Bin übers Eckle gangen	O 7 Nr. 2 (L)	K. Lorer	
16	a) Du meinst, du wärst die Schönste	D 89 Nr. 11 (L)	K. Lorer	
	b) Ach, wie bin ich so verlassen	D 31 Nr. 5 (L)	K. Lorer	
	c) Ich und mein altes Weib, wir schlafen auf Stroh	I 90 Nr.1 (L)	K. Lorer	
17	a) Da droben auf dem Berge	D 16 (C 26)	K. Lorer	
	b) Ich bin dein Weibchen und du mein Mann	I 87 Nr. 1 (L)	K. Lorer	
18	a) II Mädels, ruck, ruck, ruck an meine grüne Seite	D 71 Nr. 1 (L)	K. Lorer	
	b) Meinen Sohn willst du heiraten (III)	C 12 Nr. 1 (L)	K. Lorer	
19	a) Mariechen saß weinend im Garten	B 17 Nr. 1 (L)	Jakob Bräuner	
	b) Was geht denn dort draus für ein Mädels vorbei	C 32 b Nr. 1 (L)	Jakob Bräuner	
20	a) Auf meines Vaters Haus und Hof	K 21 Nr. 2 (L)	Elisab. Scheff	
	b) Gold und Silber /hab ich gern/	K 28 Nr. 1 (L)	Elisab. Scheff	

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	–	Kol. Sredn. Rogatka	16.XII.1928		
	–			/V.../	
	–				
	–	Kol. Sredn. Rogatka	1.XII.28 /1.XII.29/	N. Jachontowa, M. Okrent	Jachontowa, Okrent = Sammler
	–				
	63 J.	Kol. Sredn. Rogatka	1.XII.28 /1.XII.29/	/Anfang oder.../ M. Okrent u. L. S. Wolfson	Anmerk. — auf Russisch Jachontowa, Okrent und Wolfson = Sammler
	63 J.			N. Jachontowa, M. Okrent	
	–	Kol. Sredn. Rogatka	1.XII.1928 /1.XII.29/	M. Okrent	Okrent = Sammler
	–				
	–	Kol. Sredn. Rogatka	1.XII.1928 /1.XII.29/	N. Jachontowa, M. Okrent	Jachontowa, Okrent = Sammler
	–				
	–				
	–	Kol. Sredn. Rogatka	1.XII.28 /1.XII.29/	M. Okrent	Okrent = Sammler
	–				
	–				
	–	Kol. Sredn. Rogatka	1.XII.1928 /1.XII.29/	M. Okrent	Okrent = Sammler
	–				
	–				
	–	Kol. Sredn. Rogatka	1.XII.1928 /1.XII.29/	M. Okrent	Okrent = Sammler
	–				
	–	Kol. Sredn. Rogatka	1.XII.1928 /1.XII.29/	M. Okrent	Okrent = Sammler (die Zahlen II und III er- scheinen in dieser Form auf der Pl.)
	–				
	28 J.	Kol. Owzyna	4.III.29	V. 65	
	28 J.				
	20 J.	Kol. Owzyna / Owzyno/	Winter 1928-29 /4.III.29/		
	20 J.				

№ P	Liedtitel	Schirmunski-Signatur	Sänger	
	c) Mädchen in dunkler Nacht	–	Elisab. Scheff	
	d) So lang hab ich still geschwiegen	D 89 Nr. 8 (L)	Elisab. Scheff	
21	a) Bei der Nacht, wenn ich heim soll /will/ gehen /gehn/	C 95 Nr. 1 (L)	Frau Dahlinger, /geb. in Neu- Saratowka/	
22	a) Wenn die Soldaten /durch die Stadt marschieren/	L 50 Nr. 1 (L)	Elisab. Scheff	
	b) Nun ist die Zeit gekommen	D 50 Nr. 2 (L)	Frau Dahlinger	
	c) Es ging ein wackres Mädchen	A 19 Nr. 3 (L)	Frau Dahlinger	
23	a) Wie wir zwei beide	K 20 Nr. 3 (L)	Frau El. Dahlinger	
	b) Dort, wo die klaren Bächlein rinnen	B 64 Nr. 2 (L)	Frau El. Dahlinger	
	c) In dem dunklen Graschdanker Wald / Graschdanker-Wald/	M 34 Nr. 12 (L)	Frau El. Dahlinger	
24	a) Heut wird im Dorfe Hochzeit sein	M 55 Nr. 1 (L)	Elis. Fink	
	b) Ach, wär ich doch reich	–	Elis. Fink	
	c) Als Gott der Herr die Welt hat erschaffen	G 7 a Nr. 2 (L)	Fr. Dahlinger	
25	a) Es wohnt ein Müller in jenem Teich	C 55 Nr. 4 (L)	Ad. Holzward (aus Neu /-/ Saratowka)	
	b) Am Sonntag da ging ich spazieren hinaus	–	Ad. Holzward (aus Neu /-/ Saratowka)	
26	a) Schätzlein, mein Schatz, warum bist du so traurig	D 76 e Nr. 4 (L)	Frau Reich	
	b) Ich ging bei dunkler Nacht	C 2 Nr. 5 (L)	Chr. Reich	
	c) Ich ging bei dunkler Nacht	C 2 Nr. 6 (L)	Chr. Reich /Ad. Holzward (Neu- Saratowka)/	
	d) Es wohnt ein Müller in jenem Teich	C 55 Nr. 3 (L)	Chr. Reich	
27	a) Ich hatte mein Feinsliebchen	C 6 Nr. 7 (L)	Frau Reich	
	b) Ich hatte mein Feinsliebchen	C 6 Nr. 7 (L)	Christian Reich	

Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
20 J.				
20 J.			/Es gibt noch die 2-te Mel., wie in Neu Saratowka. V.65/	Anmerk. — auf Russisch
65 J. /ca. 60 J./	Kol. Owzyno/ Owzyno/	Winter 1928-29	/V. 65/	
20 J.	Kol. Owzyno	4.IV.29	Geschwindigkeit /V/ 70	Anmerk. — auf Russisch
ca. 60 J.			Geschwindigkeit /V/ 65	
ca. 60 J.				
ca. 60 J.	Kol. Owzyno	4.III.29		
ca. 60 J.				
ca. 60 J.			Geschwindigkeit /V/ 65	Anmerk. — auf Russisch
18 J.	Kol. Owzyno	4.III.29	Umgesungenes Abendmahllied	Anmerk. — auf Russisch
18 J.			Selbst gedichtete Lieder, werden nicht gesungen	
60 J.			Geschwindigkeit /V/ 65	
ca. 55 J.	Fröhliche Kol.	27.I.1929		
ca. 55 J.				
60 J.	Fröhliche Kol.	27.I.1929	(Der Sänger besteht darauf, daß man die zweite Strophe als Wiederholung der ersten nicht braucht)	Anmerk. — auf Russisch
ca. 50 J.				
ca. 50 J. / ca. 55 J./				
ca. 50 J.				
ca. 60 J.	Fröhliche Kol.	27.I.29	(1,2-unbeendet, 3 – richtig)	Anmerk. — auf Russisch
ca. 50 J.			(Str. 1 u. 2)	

№ P	Liedtitel	Schirmunski-Signatur	Sänger	
28	a) Als ich ein Junggeselle war	C 4 Nr. 4 (L)	Fr. Chr. Reich	
	b) Frau, du sollst nach Hause kommen	C 8 Nr. 2 (L)	Emilie Reich	
	c) Die angenehme Sommerzeit	M 20 Nr. 5 (L)	Christian Reich	
29	a) Es wohnt ein Müller an jenem Teich	C 55	P. Sinner (aus Kol. Schilling, Wolga)	
	b) Es wollt` ein Mann in Acker fahren	C 17	P. Sinner (aus Kol. Schilling, Wolga)	
	c) Es wollt` ein Mädchen Wasser holen	A 33 Nr. 1 (L)	Christine Reich	
	d) Drei Wochen vor Ostern	I 9 Nr. 2 (L)	Christine Reich	
30	a) So leb` denn wohl, du, stilles Haus	D 80 Nr. 3 (L)	Luise Walliser	
	b) Abend wird es werden	N 77 Nr. 1 (L)	Luise Walliser	
31	a) `S ist alles dunkel	D 34 Nr. 4 (L)	Margarethe Ehrhardt	
	b) `S ist alles dunkel	D 34 Nr. 4 (L)	Elis. Ehrhardt	

L VIII — Aufzeichnungen aus dem Kreis

Sammler: E. W. Hippius

[Diese Melodieaufzeichnungen wurden bislang nicht gefunden. Es handelt
(?). Alle Informationen stammen aus dem Heft; die dafür ansonsten

№ P	Liedtitel	Schirmunski-Signatur	Sänger	
1	Der Abschied von Riga	L 10 Nr. 1 (L)	—	
2	Die angenehme Winterzeit ist очен хорошо	M 19 Nr. 1 (L)	—	
3	Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 8 (L)	—	
4	Was kann mich denn schönes erfreuen	A 4 b Nr. 1, 2, oder 7 (L)	—	
5	Die angenehme Winterzeit ist очен хорошо	M 19 Nr. 1 (L)	—	
6	Es waren Schwestern drei	C 2 Nr. nah zu 2 und 11	—	
7	Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 8 (L)	—	
8	Es spielt` ein Graf mit seiner Magd	A 8 Nr. 3 (L)	—	
9	Heinrich schlief bei seiner Neuvermählten	B 1 Nr. 1 (L)	—	
10	Morgen muß ich weg von hier	D 2 b Nr. 1, 2 oder 3 (L)	—	
11	In dem Walde	—	—	
12	Wie wir zwei beide gibt`s keine nicht mehr	K 20 Nr. 1 oder 2 (L)	—	

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	60 J.	Fröhliche Kol.	27.I.29		
	21 J.				
	ca. 50 J.				
	–	Fröhliche Kol.	27.I.29		
	–				
	ca. 60 J.				Anmerk. – auf Russisch
	ca. 60 J.			/1. Anfang, 2. Alles zusammen/	
	28 J.	Neu-Alexandrowka	3.II.29		
	28 J.				
	ca. 70 J.	Neu-Alexandrowka	Winter 1928-29		
	ca. 35 J.				

Leningrad

sich dabei eventuell um Melodiediktate und nicht um Schallplatten verwendeten speziellen Klammern wurden hier weggelassen]

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		Anmerk. – auf Russisch
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–	-	

№ P	Liedtitel	Schirmunski-Signatur	Sänger	
13	Es waren mal drei Husaren	C 1 Nr. 1 oder 2 (L)	–	
14	Mein lieber Michel liebet mich	B 24 Nr. 1 (L)	–	
15	Die Leineweber haben eine feine Musik	H 26 Nr. 1 (L)	–	
16	Wir haben gesungen die ganze Nacht	–	–	
17	In einem tiefen Tal wo der Ostwind weht	B 41 Nr. 1 (L)	–	
18	Nein, nein	–	–	
19	Jungfer Lieschen lag oben im Stübchen allein (<i>Feinsliebchen</i>)	C 21 Nr. 1 (L)	–	
20	Auf dem Bengel	–	–	
21	Schlämmer	–	–	
22	<i>Erntefest</i> Das ganze Dorf versammelt sich	B 63 Nr. 1 oder 2 (L)	–	
23	Der Abschiedsbrief	–	–	
24	<i>Bauernmannstochter</i> Es war eine Bauermannstochter	A 12 (L)	–	
25	Ich hatte mein Feinsliebchen	C 6 Nr. 1 (L)	–	
26	Der Bauer	–	–	
27	Als ich an einem Sommertag	C 5	–	
28	<i>Vogelhochzeit</i> Die Vögel wollten Hochzeit halten	O 5	–	
29	Wie sieht`s aus im fernen Osten	M 6 a Nr. 1 (L)	–	
30	a) Als Gott die Welt hat erschaffen	G 7 a Nr. 1 (L)	Frau Graule	
	b) Ein niedliches Mädchen, ein junges Blut	C 18 b Nr. 1 (L)	Frau Graule	
	c) Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 8 (L)	Frau Graule	
	d) Es war eine stolze Jüdin	A 2 Nr. 1 (L)	Frau Graule	
	e) Wer so ein faules Gretchen hat	C 20 Nr.1 (L)	Frau Graule	
	f) Es wollte ein Jäger jagen (<i>Verschl. Jäger</i>)	A 24 a Nr. 2, 4 oder 7 (L)	Frau Graule	
31	Ich stand auf hohen Bergen	A 3 Nr. 12 oder 13 (L)	–	
32	Es stand eine Linde im tiefen Tal	A 6 Nr. 7 (L)	–	
33	Es wollte ein Jäger jagen (<i>Verschlafener Jäger</i>)	A 24 a Nr. 1 (L)	–	
34	Ich stand auf hohen Bergen	A 3 Nr. 12 oder 13 (L)	–	
35	Wir treten auf die Kette	O 3 Nr.1 (L)	–	
36	Es stand ein Schloss in Österreich	A 7 Nr. 2 (L)	–	
37	Köln am Rhein ist eine schöne Stadt	–	–	
38	Es spielt` ein Graf mir seiner Magd	A 8 Nr.2 (L)	–	
39	Am Sonntag und am Montag in aller, aller Früh	D 148 Nr.1 (L)	–	
40	Kaum ich, Mädchen, dich erblicke	D 84 Nr.1 (L)	–	

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Neu-Saratowka	–		
	–	Kol. Janino	–		
	–	Kol. Janino	–		
	–	Kol. Janino	–		
	–	Kol. Janino	–		
	–	Kol. Janino	–		
	–	Kol. Janino	–		
	–	Kol. Janino	–		
	–	Kol. Janino	–		
	–	Kol. Kamenka	–		
	–	Kol. Kamenka	–		
	–	Kol. Kamenka	–		

№ P	Liedtitel	Schirmunski-Signatur	Sänger	
41	So lebst denn wohl, du, stilles Haus	D 80 Nr. 1 (L)	–	
42	An einem Fluß, der rauschend schoss	B 5 Nr. 1 (L)	–	
43	Einst ging ich an dem Ufer	B 43 Nr. 2 (L)	–	
44	Müde kehrt ein Wandersmann zurück	B 3 Nr. 1 (L)	–	
45	Es wohnt ein Müller in jenem Teich	C 55 Nr. 1 (L)	–	
46	Hab` ich ein Rausch, das macht der Wein	C 62 Nr. 2 (L)	–	
47	Es steht ein Schloßchen in Österreich	A 7 Nr. 4 (L)	–	
48	Es ist dunkel, es ist trübe	D 34 Nr. 1 (L)	–	
49	O, wie bin ich so verlassen	D 31 Nr.3 (L)	–	
50	Auf dieser Welt hab ich kein Freund	D 132 Nr.1 (L)	–	
51	O, Berlin, ich muß dich lassen	D 133 Nr.2 (L)	–	
52	Es ging ein wackres Mädchen	A 19 Nr.1 (L)	–	
53	Heiter war der Frühling meines Lebens	D 123 Nr. 4 (L)	–	
54	Häschen	–	–	
55	In dem dunklen Graschdanka-Wald	M 34 Nr. 6 (L)	–	
56	Was kann mich denn schöner erfreuen	A 4 b Nr. 3 (L)	–	
57	Es stand ein Lind im tiefen Tal	A 6 Nr.1 (L)	–	
58	Es waren drei Husaren	C 1	–	
59	Neunzehn Hundert ein und zwanzig	M 16	–	

	Alter	Aufnahmeort (Kolonie)	Datum	Anmerkungen (Schirm.)	Kommentar (L. Puz.)
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	Kol. Kamenka	—		
	—	-	—		
	—	-	—		

Приложение 6

Протоколы перезаписи песен из коллекции В. М. Жирмунского на цифровые носители

Allgemeine Hinweise:

Jede einzelne Tabelle ist mit einem Titel versehen, wo Liedgruppe, Forschungsreise und Datum links und CD-Nummer und Überspielquelle/quellen rechts erwähnt sind. Alle Platten-Aufnahmen waren von den DAT-Kassetten überspielt, bei den Walzen waren als Grundlage auch die Kassetten genommen, aber bei den Fragefällen wendete man sich direkt an die Walze, diese Fälle waren nicht protokolliert, und bei den Walzen sind als Quellen immer nur die Kassetten genannt.

Die Spalten der Tabelle bedeuten im Einzelnen:

- 1 – Zählung der Tonträger nach Schirmunski (P = Plattennummer; W = Walzennummer)*;
- 2 – Liedtitel*;
- 3 – Liedtypensignatur (nach Schirmunski);
- 4 – Signatur der Aufnahme im Phonogrammarchiv St. Petersburg;
- 5 – Tonqualität der Aufnahme (sehr gut: ++, gut: +; genügend: 0, schlecht: -, sehr schlecht: --). Die Tonqualität wurde im Verhältnis zur Qualität der ganzen Sammlung abgeschätzt);
- 6 – Melodietranskription (vorhanden = x, nicht vorhanden = o, vermutlich vorhanden = (x));
- 7 – Tr. = track (auf der CD);
- 8 – Zeit (der Lautdauer jeder einzelnen Aufnahme);
- 9 – Anmerkungen.

*Die einzelnen Melodieaufnahmen sind:

- auf den Platten: mit a), b), c) usw. nummeriert;
- bei den Walzen mit: 1., 2., 4. usw.

Dieser Unterschied entspricht der Praxis von V.M. Schirmunski.

Alle Anmerkungen von V.M. Schirmunski werden in der Spalte "Liedtitel" aufgeführt. Hierbei werden alle Informationen, die sich nicht unmittelbar auf den Liedtitel beziehen, in Kursiv-Schrift geschrieben und mit speziellen Klammern versehen:

() = die Anmerkung stammt von der Rückseite der Platte oder vom Einlegeblatt zur Walze;

// = die Anmerkung stammt aus dem Heft von V.M. Schirmunski,

[] = neue Anmerkungen von L.N. Puzejkina (die zum Liedtitel gehören).

Die Anmerkungen von V.M. Schirmunski sind im Original entweder auf Russisch oder auch auf Deutsch angegeben; die russischen Anmerkungen von V.M. Schirmunski wurden hier von L.N. Pusejkina ins Deutsche übersetzt, weil dieses Prokoll alle Informationen nur in der deutschen Sprache enthält.

Alle Angaben in der Spalte "Anmerkungen" stammen von L.N. Pusejkina.

Werden hier Melodietranskriptionen genannt, so beziehen sie sich die Kürzel auf die Dateinamen der Scans: die Dateien sind entsprechend den Forschungsreisen und der Liednummerierung auf der Platte/Walze benannt:

z.B. U6-01a: U6 = Forschungsreise U VI, 01 = Platte Nummer 1, a = erste Aufnahme auf der Platte.

Bei der Liedgruppe U V (Aufnahmen aus Jamburg (1929)) sind die Namen der Dateien mit Melodietranskriptionen immer in der Spalte "Anmerkungen" angegeben, weil diese z.T. vorher nicht zweifelsfrei identifiziert wurden und mit "x...." oder "xxx...." bezeichnet worden sind (sodass deren Nummer nicht immer den Nummern der Platte bzw. des Liedes entsprechen).

LI — Aufnahmen aus Kingisepp

CD 1

Kreis Leningrad (1928)

Quelle: DAT 2

P	Liedtitel	Signatur (Schirmunski)	Signatur (PhonoA-StP)	Ton	Mel.	Tr.	Zeit	Anmerkungen
1	a) Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 3 (L)	ЛЛ 500.01	0	x	1	0'49	
	b) Es wollt ein Jäger jagen	A 24a Nr. 5 (L)	ЛЛ 500.02	0	x	2	0'48	
2	a) Es ritt ein Edelmann zum Tor hinaus	A 21 Nr. 2 (L)	ЛЛ 501.01	0	x	3	0'48	
	b) Heut ist Kirwe	F 1 Nr. 1 (L)	ЛЛ 502.02	-	x	4	0'25	
3	a) Ich habe mein Feinesliebchen	C 6 Nr. 3 (L)	ЛЛ 502.01	-	o	5	0'59	
	b) Gestern Abend sah ich sie	B 49 Nr. 1 (L)	ЛЛ 502.02	0	x	6	0'23	
4	a) Es wollt' ein Mädchen früh aufstehen	A 31 Nr. 2 (L)	ЛЛ 503.01	0	x	7	1'14	
	b) Ich stand auf hohen Bergen	A 3 Nr. 6 (L)	ЛЛ 503.02	-	x	8	0'44	
5	a) Vater und Mutter wollen's nicht leiden	D 96 Nr. 1 (L)	ЛЛ 504.01	--	x	9	0'37	
	b) Es war ein junger Schuhmachergesell	A 11 Nr. 1 (L)	ЛЛ 504.02	--	x	10	1'05	
6	a) Ich ging wohl in den Garten	C 32a Nr. 2 (L)	ЛЛ 505.01	--	x	11	0'33	
	b) Komm, mein Knäbchen, komm, komm, komm	C 70 Nr. 2 (L)	ЛЛ 505.02	-	o	12	0'36	
	c) Ich ging wohl in den Garten	C 32a Nr. 2 (L)	ЛЛ 505.03	-	o	13	0'32	
7	a) Und wenn die Frau nicht folgen will	C 46 Nr. 1 (L)	ЛЛ 506.01	--	x	14	0'43	
	b) Ich ging mal in der Nacht	C 2 Nr. 1 (L)	ЛЛ 506.02	--	o	15	0'46	
8	a) Es, es, es /und es/	D 112	ЛЛ 507.01	--	o	16	0'33	
	b) Es, es, es /und es/	D 112	ЛЛ 507.02	-	o	17	0'33	
9	a) Ich ging mal in der Nacht	C 2 Nr. 1 (L)	ЛЛ 508.01	--	o	18	0'42	
	b) Nichts schöneres kann mich erfreuen	A 4 b Nr. 4 (L)	ЛЛ 508.02	--	x	19	0'37	
10	a) Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 4 (L)	ЛЛ 509.01	-	o	20	0'48	

	b) In dem dunklen Graschdanker – Wald	M 34 Nr. 8 (L)	DJI 509.02	0	x	21	0'33
	c) Es stand ein Lind im tiefen Tal	A 6 Nr. 5 (L)	DJI 509.03	-	x	22	0'35
11	a) Wie komm ich denn bei dir herein	C 70 Nr. 1 (L)	DJI 510.01	0	x	23	0'38
	b) Frau, du sollst nach Hause kommen	C 8 Nr. 1 (L)	DJI 510.02	0	x	24	0'47
12	a) Wir sitzen so fröhlich beisammen (<i>Napoleon, du Schustergerelle</i>)	L 53 a Nr. 1 (L)	DJI 511.01	0	x	25	0'36
	b) Ich habe mein Franzliebchen	C 6 Nr. 4 (L)	DJI 511.02	-	x	26	0'36
	c) Ich bin der Pfannenflicker /aus der Stadt/	C 19 Nr. 1 (L)	DJI 511.03	-	x	27	0'29
13	a) O, du schöne Hobelbank	C 68 (L)	DJI 512.01	--	x	28	0'29
	b) Geh du ins Lindenau	N 49 Nr. 1 (L)	DJI 512.02	-	x	29	0'37
	c) Straßenburg o. Straßenburg	L 39	DJI 512.03	--	x	30	0'33
14	a) Ich bin ein feiner Jägersknecht	H 16 Nr. 1 (L)	DJI 513.01	0	x	31	0'34
	b) Ich lieg im Bett und schwitze	C 36 Nr. 1 (L)	DJI 513.02	0	o	32	0'24

LII — Aufnahmen aus Kingisepp, Kreis Leningrad (1928)

CD 1

Quelle: TB KF 694 + 713/14

W	Liedtitel	Signatur (Schirrmunski)	Signatur (PhonoA-StP)	Ton	Mel.	Tr.	Zeit	Anmerkungen
39	1. Es wollt ein Jäger jagen wohl in dem Tannenholz	A 19 № 2 (L)	-	-	x	-		Die Walze fehlt
	2. Bruder, trink noch einmal	K 14 № 1 (L)	-	-	x	-		
	3. In dem Garten des dunkeln Laube	B 6 № 1 (L)	-	-	x	-		
	4. Die Rosen, die blühten im Garten	A 4b	-	-	o	-		
40	1. Es stand eine Linde	A 6	-	-	x	-		Die Walze fehlt
	2. Sonnenlicht, Sonnenschein	D 128 № 1 (L)	-	-	x	-		
	3. Mein Vater ist ein Tischler	I 54 № 1 (L)	-	-	x	-		
	4. 10 000 Mann die zogen ins Manöver	L 19 № 1 (L)	-	-	x	-		

Продолжение таблицы

W	Liedtitel	Signatur (Schirmunski)	Signatur (PhonoA-StP)	Ton	Mel.	Tr.	Zeit	Anmerkungen
41	1. Willst du mich denn nicht mehr lieben	D 89 № 7 (L)	ΦB 5888.01	+	x	33	0'38	
	2. Wer lieben will, muß leiden	D 59 № 4 (L)	ΦB 5888.02	+	x	34	0'46	
	3. Straßburg, das ist eine wunderschöne Stadt	L 40 № 2 (L)	ΦB 5888.03	+	x	35	1'11	
42	1. Wenn es meine Mutter wüsste. (<i>O, wie dunkel sind die Mauern</i>)	M 14	ΦB 5889.01	+	x	36	0'33	
	2. An einem Fluß da rauscht ein Schloß	B 5	ΦB 5889.02	+	x	37	0'47	
	3. Ein scheckiges Pferd	L 72 № 1 (L)	ΦB 5889.03	0	x	38	0'25	
	4. Morgen müssen wir verreisen	D 76a № 1 (L)	ΦB 5889.04	-	x	39	0'30	
	5. Und wer sein Gläschen trinkt	K 13 № 1 (L)	ΦB 5889.05	+	x	40	0'34	
43	1. Rigau ist ein schönes Städchen	D 76a № 2	ΦB 5890.01	0	x	41	0'59	
	2. Heiter war der Frühling meines Lebens	D 123 № 1	ΦB 5890.02	+	x	42	0'45	
	3. Ich stand auf einem hohen Berge	A 3 № 7 (L)	ΦB 5890.03	+	x	43	0'51	
44	1. Im Schlondenburg	L 56 № 1 (L)	ΦB 5891.01	+	x	44	0'32	
	2. Rigau ist ein schönes Städchen	D 76a № 2	ΦB 5891.02	0	o	45	1'03	
	3. Haet ist Kirgle, Morgen Kirgle	F 1 № 2 (L)	ΦB 5891.03	0	x	46	0'29	
	4. Ich lieb ein Mädchen von 18 Jahren.	N 36 № 1 (L)	ΦB 5891.04	0	x	47	0'44	

L III — Aufnahmen aus dem Kreis Novgorod (1930)

CD 2

Quelle: DAT 2-1

P	Liedtitel	Signatur (Schirmunski)	Signatur (PhonoA-StP)	Ton	Mel.	Tr.	Zeit	Anmerkungen
1	a) Es regnet auf der Brücke	O 46 Nr. 2 (L)	ДЛ 545.01	0	x	1	0'30	
	b) Bauer, bind den Pudel an	O 65 Nr. 1 (L)	ДЛ 545.02	0	x	2	0'14	

	c) Der Sonntag und der Montag	D 148	ДЛ 545.03	0	x	3	0'48	
	d) Hoppe hoppe Rössle	O 31Nr. 5 (L)	ДЛ 545.04	-	x	4	0'47	
2	a) Es waren drei Husaren	C 1 Nr. 10 (L)	ДЛ 546.01	--	x	5	0'44	
	b) Auf der Reise bin ich gewesen	L 6 Nr. 2 (L)	ДЛ 546.02	-	x	6	0'47	
3	a) Müde kehrt ein Wanderer /zurück/	B 3	ДЛ 547.01	0	o	7	0'38	
	b) Unsre alte Kaffeekanne	-	ДЛ 547.02	+	x	8	0'21	
4	a) Es ging ein Graf spazieren	A 26 Nr. 4 (L)	ДЛ 548.01	0	x	9	1'16	
	b) Stand ich auf hohen Bergen	A 3 Nr. 27 (L)	ДЛ 548.02	+	x	10	0'44	
5	a) Es war eine Kaufmannstochter	A 12 Nr. 3 (L)	ДЛ 549.01	-	x	11	0'33	
	b) Wenn ich des Morgens früh aufsteh	L 51 N 43	ДЛ 549.02	-	x	12	0'59	
	c) Dreihunderttausend Mann die zogen ins Manöver	L 19 Nr. 2 (L)	ДЛ 549.03	0	x	13	0'25	
6	a) Frau, du sollst nach Hause kommen	C 8 Nr. 4 (L)	ДЛ 550.01	-	x	14	0'34	
	b) S'Häuslein verkauft, s'Geldlein versauft	K 7 Nr. 1 (L)	ДЛ 550.02	0	x	15	0'34	
	c) Mariechen saß auf einem Stein (<i>erste Melodie</i>)	O 1 Nr. 2 (L)	ДЛ 550.03	+	x	16	0'40	1-te + 2-te Mel.
	d) [Mariechen, warum weinst du] (<i>Fortsetzung</i> <i>(zweite Melodie)</i>)	O 1 Nr. 2 (L)	ДЛ 550.04	+	(x)	17	0'19	Melodietran- skription vermut- lich unter L3-06c
7	a) Es stand ein Lind im tiefen Tal (<i>alte Melodie</i>)	A 6 Nr. 21/22 (L)	ДЛ 551.01	--	x	18	0'30	
	b) Es stand ein Lind (<i>neue Melodie</i> — <i>etwas</i> <i>verdorben</i>)	A 6 Nr. 21/22 (L)	ДЛ 551.02	-	x	19	0'38	
	c) Es stand ein Lind (<i>neue Melodie</i> — <i>etwas</i> <i>verdorben</i>)	A 6 Nr. 21 oder 22 (L)	ДЛ 551.03	--	o	20	0'21	Wiederholung
	d) Ich hab ein Rausch — das macht der Wein	C 62 Nr. 4 (L)	ДЛ 551.04	--	x	21	0'22	
8	a) O wie bin ich so verlassen	D 31№ 2, 3, 4 (L)	ДЛ 552.01	--	x	22	0'39	
	b) Ich ging das Kästchen auf und ab (<i>2 Strophen</i> — <i>1-ste falsch</i>)	D 100	ДЛ 552.02	0	x	23	0'44	
	c) Ich ging das Kästchen auf und ab (<i>Dasselbe</i> — <i>richtig</i>)	D 100	ДЛ 552.03	0	(x)	24	0'25	Melodietran- skription vermut- lich unter L3-08b

Продолжение таблицы

P	Liedtitel	Signatur (Schirrmunski)	Signatur (PhonoA-StP)	Ton	Mel.	Tr.	Zeit	Anmerkungen
9	a) Es spielt ein Graf mit einer Dam / <i>Dame</i> /	A 8 Nr. 6 (L)	ДЛ 553.01	-	x	25	0'34	
	b) Es war einmal ein kleiner Mann	C 7	ДЛ 553.02	--	o	26	0'33	
	c) Jungfer Lieschen / <i>schliefe oben</i> /	C 21 Nr. 2 (L)	ДЛ 553.03	-	x	27	0'20	
	d) Wenn ich in Tannenwald geh	I 125	ДЛ 553.04	-	x	28	0'19	
10	a) Manche liegen auf dem Felde	M 6 b Nr. 3 (L)	ДЛ 554.01	-	x	29	0'49	
	b) Sollt` es meine Mutter wissen	M 14	ДЛ 554.02	-	x	30	0'52	
11	a) Ach, Mädchen, wenn ich dich erblicke / <i>erblickte</i> /	D 84 Nr. 5 (L)	ДЛ 555.01	--	x	31	0'40	
	b) Ich will euch mein Schicksal erzählen	-	ДЛ 555.02	0	o	32	0'35	
	c) Hopp, hopp, hopp, mein Kätzchen	-	ДЛ 555.03	-	o	33	0'18	
12	a) Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 13 (L)	ДЛ 556.01	-	x	34	0'37	
	b) Es war eine Kaufmannstochter	A 12 Nr. 2 (L)	ДЛ 556.02	-	x	35	0'40	
	c) Heinrich schlief bei seiner / <i>Neuermählten</i> /	B 1	ДЛ 556.03	-	x	36	0'32	
13	a) Es wollt ein Mädchen Wasser holen	A 33 Nr. 1, 2, 3	ДЛ 557.01	0	x	37	0'29	
	b) Es stand ein / <i>eine</i> / Lind im tiefen Tal	A 6 Nr. 10 (L)	ДЛ 557.02	0	x	38	0'41	
	c) Herr Edelmann ritt zum Tor hinaus	A 21 Nr. 7 (L)	ДЛ 557.03	0	o	39	0'19	
14	a) Ich weiß nicht, was mir fehlet / <i>fehlt</i> /	D 59 Nr. 6 (L)	ДЛ 558.01	+	x	40	0'58	
	b) S' ist noch nicht lang, das gregnet hat	I 32	ДЛ 558.02	0	x	41	0'25	
	c) Wisst ihr nicht, wie's Tanzhaus ist	-	ДЛ 558.03	-	x	42	0'15	
	d) Wenn ich im Tannenwald geh (<i>nicht beendet</i>)	I 125 (L)	ДЛ 558.04	0	o	43	0'18	
15	a) Es war einmal eine Müllerin	C 13 Nr. 1 (L)	ДЛ 559.01	-	x	44	1'16	
	b) Drei Wochen vor Ostern	I 9 Nr. 3 (L)	ДЛ 559.02	+	(x)	45	0'20	Melodietranskription vorhanden, aber unter L3-15d
16	a) Mädchen, wenn du heiraten willst	C 10 b Nr. 3/5 (L)	ДЛ 560.01	0	x	46	0'18	
	b) An einem heißen Sommertag	C 5 Nr. 2 (L)	ДЛ 560.02	0	x	47	0'31	

	c) Es wohnt ein Müller in einem <i>/jenem/</i> Teich	C 55	ДЛ 560.03	0	x	48	0'23	
	d) Wir sitzen so fröhlich beisammen	L 53a Nr. 4 (L)	ДЛ 560.04	0	x	49	0'37	
17	a) Das faule Gretchen <i>/Wer ein faules Gretchen hat/</i>	C 20 Nr. 8/9 (L)	ДЛ 561.01	-	o	50	0'53	
	b) Frau, du sollst nach Hause gehen	C 8 Nr. 5 (L)	ДЛ 561.02	-	x	51	0'37	
	c) Ich und mein alter Mann <i>/Und mein alter Mann/</i>	190 Nr. 2 (L)	ДЛ 561.03	0	o	52	0'15	
18	a) Jungfer Lieschen <i>/schief oben/</i>	C 21 Nr. 3 (L)	ДЛ 562.01	0	x	53	0'34	
	b) Als ich ein Junges war	C 4 Nr. 5, 6, 9 (L)	ДЛ 562.02	+	x	54	0'22	
	c) Da droben, da drunter	161 a Nr. 4 (L)	ДЛ 562.03	+	x	55	0'39	
19	a) Es wollt ein Mädchen früh aufstehen und in den <i>/sein/</i> Rosengarten gehen	A 31 Nr. 6, 7, 8 (L)	ДЛ 563.01	0	x	56	0'57	
	b) Spinn, spinn meine liebe Tochter	C 9 Nr. 2/4 (L)	ДЛ 563.02	-	x	57	0'27	
	c) Ich habe mein Feinsliebchen	C 6 Nr. 9, 11, 13 (L)	ДЛ 563.03	0	x	58	0'27	
20	a) Ein Edelmann ritt zum Tor hinaus	A 21 Nr. 6 (L)	ДЛ 564.01	-	x	59	0'25	
	b) Es wollt ein Mädchen früh aufstehen Dreiviertel Stunden vor Tagen (<i>Brombeeren</i>)	A 17 Nr. 3, 4 (L)	ДЛ 564.02	--	x	60	0'30	
	c) O, Berlin, ich muß dich lassen	D 133 Nr. 5 oder Nr. 7 (L)	ДЛ 564.03	-	x	61	0'34	
21	Es ging ein Graf spazieren (<i>Strophe 1 und 2 — Nur die letzte richtig mit Wiederholung</i>)	A 26 Nr. 2 oder 5 (L)	ДЛ 565	-	x	62	1'13	
22	a) Es waren drei Gesellen	C 1 Nr. 8 / 12	ДЛ 566.01	0	x	63	0'37	
	b) Es waren zwei Königskinder	A 1 Nr. 14 (L)	ДЛ 566.02	0	x	64	0'31	
	c) Wie sieht's aus im fernen Osten	M 6 a	ДЛ 566.03	0	x	65	0'30	Russische Mel.
23	a) Auf der Reise war ich gewesen	L 6 Nr. 1 (Nr. 3?) (L)	ДЛ 567.01	+	x	66	0'45	
	b) In Polen steht ein schönes Haus	L 40 Nr. 6 (Nr. 7, 9 ?) (L)	ДЛ 567.02	+	x	67	0'42	
24	a) Vater und Mutter wollens nicht leiden	D 96 Nr. 3 (L)	ДЛ 568.01	-	x	68	0'50	

Продолжение таблицы

P	Liedtitel	Signatur (Schirumski)	Signatur (PhonoA-StP)	Ton	Mel.	Tr.	Zeit	Anmerkungen
	b) Im Grasdanker dunklen / <i>dunkler</i> / Wald	M 34 Nr. 21 (L)	ДЛ 568.02	- -	x	69	0'53	
25	a) Die Abreis von Rigau	L 10 Nr. 9 oder 10 (L)	ДЛ 569.01	0	x	70	0'33	
	b) Die Abreis von Rigau	L 10 Nr. 9 oder 10 (L)	ДЛ 569.02	0	x	71	0'30	
	c) Was kann mich nicht schönes erfreuen	A 4 b Nr. 29 (?) (L)	ДЛ 569.03	-	x	72	0'40	
26	a) Es stand ein Schloßchen in Österreich	A 7 Nr. 8, 11 oder 12 (L)	ДЛ 570.01	-	x	73	0'41	
	b) Es war einmal ein feiner Knab	A 5 Nr. 11 (L)	ДЛ 570.02	+	x	74	0'45	
	c) Grünes Gras, mir ist bass	O 50 Nr. 2 (L)	ДЛ 570.03	+	x	75	0'32	
27	a) Ich stand auf hohen Bergen	A 3 Nr. 24, 25, 26, 28, oder 31 (?) (L)	ДЛ 571.01	0	x	76	0'43	
	b) Ich ging bei finstrer Nacht	C 2 Nr. 12 (L)	ДЛ 571.02	0	x	77	0'41	
28	a) Dunja unser Blümelein	-	ДЛ 572.01	0	o	78	0'50	
	b) Auf der Wolga breiten Fluten / <i>Auf der Wiese breiten Fluten</i> / (russische Melodie – «Из-за омпоя ва на стрежень»)	-	ДЛ 572.02	+	o	79	0'44	Russisches Lied, übersetzt ins Deutsche
29	a) Aus einem Bach da rauscht ein Fluß (1-ste Melodie) (russische Melodie – «Среду домини поелъ») b) Heut ist Kirwe	B 5 Nr. 7 (L)	ДЛ 573.01	0	x	80	1'17	
30	a) Aus einem Bach, da rauscht ein Fluß (deutsche Mel., rhythmisch interessant) b) Es ist ein Lied gesungen c) Kleine Fische ess ich gern d) Igel, Igel, putz dich /dein/	F 1 Nr. 1 (L)	ДЛ 573.02	0	o	81	0'23	
		B 5 Nr. 7 (L)	ДЛ 574.01	-	x	82	0'54	
		-	ДЛ 574.02	-	o	83	0'24	
		I 119 Nr. 1 (L)	ДЛ 574.03	- -	x	84	0'15	
		-	ДЛ 574.04	-	o	85	0'22	

LV — Aufnahmen aus dem Leningrader Gebiet (1927)

CD 3

Quelle: KF 688/689

W	Liedtitel	Signatur (Schirmunski)	Signatur (PhonoA-StP)	Ton	Mel.	Tr.	Zeit	Anmerkungen
1	1. Es wollt ein Jäger früh jagen	A 24a, № 2,4,7 (L)	ΦB 5853.01	--	x	1	1'05	Melodietranskr.: L5-01a, L5-01av (Variante)
	2. Es waren zwei Königskinder	A 1 № 8 (L)	ΦB 5853.02	--	x	2	0'55	Melodietranskr.: L5-01b, L5-01bv
	3. Es war eine stolze Jüdin	A 2 № 1 (L)	ΦB 5853.03	-	(x)	3	0'51	Melodietranskr.: L5-01cv
	4. Wer so ein faules Gretchen hat...	C 20 № 1 (L)	ΦB 5853.04	-	x	4	0'49	Melodietranskr.: L5-01d, L5-01dv
2	1. Als Gott der Herr	G 7a № 1 (L)	ΦB 5854.01	--	(x)	5	1'05	Melodietranskr.: L5-02av
	2. Ein niedliches Mädchen	C 18 b, № 1 (L)	ΦB 5854.02	--	(x)	6	2'19	Melodietranskr.: L5-02bv

LVI — Aufnahmen aus dem Leningrader Gebiet [sowie aus Transkaukasien] (1928)

CD 3

Quelle: KF 713/14

W	Liedtitel	Signatur (Schirmunski)	Signatur (PhonoA-StP)	Ton	Mel.	Tr.	Zeit	Anmerkungen
45	1. Es waren zwei Bauernsöhn	A 22	ΦB 5892.01	+	x	7	0'39	Andere Sängerin!
	2. Es waren einmal zwei Bauernsöhn	A 22	ΦB 5892.02	+		8	0'57	
	3. Schöner Heinrich	A 28	ΦB 5892.03	+	x	9	0'48	
	4. Es, es, es, es ist ein harter Schluß	D 112	ΦB 5892.04	+	x	10	0'37	
	5. Es, es, es, es ist ein harter Schluß [2. Strophe]	D 112	ΦB 5892.05	+	x	11	0'36	Fortsetzung von ΦB 5892.04
46	1. Es wollt Mädchen Wasser schöpfen	A 33 № 2 (T)	ΦB 5893.01	+	x	12	0'45	
	2. Es war eine stolze Jüdin	A 2 № 3 (T)	ΦB 5893.02	+	x	13	0'53	
	3a. Es war einmal Graf an dem Rhein	A 9 № 2 (T)	ΦB 5893.03	+	x	14	0'52	
	3b. Es war einmal Graf an dem Rhein	A 9 № 2 (T)	ΦB 5893.04	+	x	15	0'55	Nocheinmal Nr. 3 gesungen, besser
	4. Hier ist grün und dort ist grün	O 36 № 1 (T)	ΦB 5893.05	0	x	16	0'41	

LVII — Aufnahmen aus dem Kreis Leningrad (Winter 1928–1929)

CD 4

[Anmerkung zu den Melodien: In der Melodienkartei sind die Nummern L VII 1a–L VII 31b vermutlich fälschlich unter L II 1a–L II 31b angegeben]

Quelle: DAT 2-1: Nr. 1–14
DAT 2-2: Nr. 15–31

P	Liedtitel	Signatur (Schimmunski)	Signatur (PhonoA-StP)	Ton	Mel.	Tr.	Zeit	Anmerkungen
1	a) Es spielt ein Graf mit seiner Magd	A 8 Nr. 5 (L)	ДЛ 514.01	-	x	1	0'27	
	b) O, Berlin, ich muß dich lassen	D 133 (139 ?) Nr. 4 (L)	ДЛ 514.02	-	x	2	0'29	
	c) Ich stand auf hohen Bergen	A 3 Nr. 22 (L)	ДЛ 514.03	-	o	3	0'29	
2	a) Es war eine stolze Jüdin	A 2 Nr. 3 (L)	ДЛ 515.01	--	o	4	0'34	
	b) Es war eine stolze Jüdin	A 2 Nr. 3 (L)	ДЛ 515.02	--	o	5	0'25	
	c) Du hast Diamanten und Perlen	D 25 a	ДЛ 515.03	--	x	6	0'32	
3	Es stand ein Schließchen in Österreich	A 7 71	ДЛ 516	-	o	7	0'38	
4	Ich stand auf hohen Bergen. 2 Strophen	A 3 Nr. 22 (L)	ДЛ 517	--	o	8	1'02	
5	a) Es wollt ein Mädchen früh aufstehen	A 17 Nr. 1 (L)	ДЛ 518.01	--	o	9	0'32	
	b) Das griff ans Herz und ich vergaß es nimmer	B 65 Nr. 2 (L)	ДЛ 518.02	--	x	10	0'44	
	c) Geliebtes mein, wo magst du jetzt wohl weilen	D 93 (L)	ДЛ 518.03	--	x	11	0'34	
6	a) Ich stand auf hohen Bergen	A 3 Nr. 22 (L)	ДЛ 519.01	0	o	12	0'40	
	b) Es ging ein Graf spazieren	A 26 Nr. 1 (L)	ДЛ 519.02	--	o	13	0'43	
7	a) Feinsliebchen schlief oben	C 21 Nr. 1	ДЛ 520.01	--	o	14	0'34	
	b) Wer die faule Gretchen hat	C 20	ДЛ 520.02	--	o	15	0'50	
8	a) Wer kann sich denn schöner erfreuen	A 4b Nr. 25 (26?) (L)	ДЛ 521.01	--	x	16	0'52	
	b) Ach Mutter, allerliebste Mutter	A 1 Nr. 12 (L)	ДЛ 521.02	--	o	17	0'47	
9	a) Es, es, es <i>/und es/</i>	D 112 Nr. 1 (L)	ДЛ 522.01	-	x	18	0'31	
	b) Frisch auf, Kameraden	L 52 Nr. 1 (L)	ДЛ 522.02	--	x	19	0'26	

	a) Es wollt ein Mädchen früh aufstehen	A 31 Nr. 1 (L)	DJl 523.01	--	o	20	0'33	
10	b) Es wollt ein Mädchen früh aufstehen	A 31 Nr. 1 (L)	DJl 523.02	-	o	21	0'28	Fortsetzung
	c) Es wohnt ein Markgraf /überm Rhein/ a) Bettelei, ihr Leute wißt, Das alles Übels Wurzel ist	A 9 Nr. 1 (L) B 89 Nr. 1 (L)	DJl 523.03 DJl 524.01	-- --	x o	22 23	0'42 0'25	
11	b) Wenn ich wär ein reicher Mann	--	DJl 524.02	--	o	24	0'36	
	c) Ich ging mal bei der Nacht	C 2 Nr. 4 (L)	DJl 524.03	--	o	25	0'19	
12	a) Drei Dutzend alte Weiber	I 124 (L)	DJl 5'5.01	--	x	26	0'24	
	b) Ich ging mal bei der Nacht	C 2 Nr. 4 (L)	DJl 525.02	-	x	27	0'23	
13	a) Du stolzer Napoleon	L 35 Nr. 2 (L)	DJl 526.01	-	x	28	0'49	
	b) Da hast Diamanten un Perlen	D 25a Nr.4 (L)	DJl 526.02	-	x	29	1'49	
14	a) Die schöne Jüdin /Es war eine schöne Jüdin/ b) Das bucklige Männchen /Es war ein buckliges Männchen/	A 2 Nr. 2 (L) --	DJl 527.01 DJl 527.02	- --	o o	30 31	1'14 0'25	
15	a) Ein alter Mann ein junges Weib sich nahm	C 58 Nr. 1 (L)	DJl 528.01	--	o	32	0'22	
	b) Schönes Jungfrau ./jungfer/ Lieschen	C 86 Nr. 1 (L)	DJl 528.02	--	o	33	0'30	
	c) Bin übers Eckle gangen	O 7 Nr. 2 (L)	DJl 528.03	--	x	34	0'36	
16	a) Du meinst, du wärs die Schönste	D 89 Nr. 11 (L)	DJl 529.01	-	x	35	0'29	
	b) Ach, wie bin ich so verlassen	D 31 Nr. 5 (L)	DJl 529.02	--	x	36	0'36	
	c) Ich und mein altes Weib Wir schlafen auf Stroh	I 90 Nr.1 (L)	DJl 529.03	--	x	37	0'25	
17	a) Da droben auf dem Berge	D 16 (C 26?)	DJl 530.01	-	x	38	0'33	
	b) Ich bin dein Weibchen und du mein Mann	I 87 Nr. 1 (L)	DJl 530.02	--	x	39	1'07	
18	a) Mädcl, ruck, ruck, an meine grüne Seite	D 71 Nr. 1 (L)	DJl 531.01	--	x	40	0'37	
	b) Meinen Sohn willst du heiraten	C 12 Nr. 1 (L)	DJl 531.02	-	o	41	0'57	
19	a) Mariechen saß weinend im Garten	B 17 Nr. 1 (L)	DJl 532.01	--	o	42	0'51	
	b) Was geht denn dort draus für ein Mädel vorbei	C 32 b Nr. 1 (L)	DJl 532.02	--	o	43	0'45	

Продолжение таблицы

P	Liedtitel	Signatur (Schirmunski)	Signatur (PhonoA-StP)	Ton	Mel.	Tr.	Zeit	Anmerkungen
20	a) Auf meines Vaters Haus und Hof	K 21 Nr. 2 (L)	ДЛ 533.01	--	x	44	0'33	
	b) Gold und Silber / <i>hab ich gern</i> /	K 28 Nr. 1 (L)	ДЛ 533.02	--	o	45	0'39	
	c) Mädchen in dunkler Nacht	—	ДЛ 533.03	--	o	46	0'21	
	d) So lang hab ich still geschwiegen	D 89 Nr. 8 (L)	ДЛ 533.04	--	x	47	0'23	
21	Bei der Nacht, wenn ich heim soll gehen	C 95 Nr. 1 (L)	ДЛ 534	0	o	48	0'45	
22	a) Wenn die Soldaten / <i>durch die Stadt marschieren</i> /	L 50 Nr. 1 (L)	ДЛ 535.01	--	o	49	0'42	
	b) Nun ist die Zeit gekommen	D 50 Nr. 2 (L)	ДЛ 535.02	--	x	50	0'34	
	c) Es ging ein wackres Mädchen	A 19 Nr. 3 (L)	ДЛ 535.03	--	x	51	0'28	
23	a) Wie wir zwei beide	K 20 Nr. 3 (L)	ДЛ 536.01	--	x	52	0'37	
	b) Dort wo die klaren Bächlein rinnen	B 64 Nr. 2 (L)	ДЛ 536.02	--	x	53	0'49	
	c) In dem dunklen Grasdanker-Wald	M 34 Nr. 12 (L)	ДЛ 536.03	--	x	54	0'29	
24	a) Heut wird im Dorfe Hochzeit sein	M 55 Nr. 1 (L)	ДЛ 537.01	-	o	55	0'26	Abendsmahl- lied — anders gesungen
	b) Ach wär ich doch reich	—	ДЛ 537.02	--	o	56	0'21	
	c) Als Gott der Herr die Welt hat erschaffen	G 7a Nr. 2 (L)	ДЛ 537.03	--	x	57	0'29	
25	a) Es wohnt ein Müller in jenem Teich	C 55 Nr. 4 (L)	ДЛ 538.01	-	o	58	0'28	
	b) Am Sonntag / <i>Sammstag</i> / da ging ich spazieren hinaus	—	ДЛ 538.02	--	o	59	0'19	
26	a) Schätzlein, mein Schatz, warum bist du so traurig	D 76 c Nr. 4 (L)	ДЛ 539.01	--	o	60	0'21	
	b) Ich ging bei dunkler Nacht	C 2 Nr. 5 (L)	ДЛ 539.02	--	o	61	0'29	
	c) Ich ging bei dunkler Nacht	C 2 Nr. 6 (L)	ДЛ 539.03	--	x	62	0'27	
	d) Es wohnt ein Müller in jenem Teich	C 55 Nr. 3 (L)	ДЛ 539.04	--	x	63	0'25	
27	a) Ich hatte mein Feinsliebchen (1,2 — <i>unbeendet</i> , 3- <i>richtig</i>)	C 6 Nr. 7 (L)	ДЛ 540.01	--	x	64	0'24	

Продолжение таблицы

W	Liedtitel	Signatur (Schirmunski)	Signatur (PhonoA-StP)	Ton	Mel.	Tr.	Zeit	Anmerkungen
Ohne Nr.	1. Es zog ein Ritter	—	ΦB 5931	--	o	63	0'59	
Ohne Nr.	1. In des Waldes dunkler Laube	—	ΦB 5932.01	0	o	64	0'29	
	2. Ach Tochter, liebe Tochter mein	—	ΦB 5932.02	-	o	65	0'30	
	3. Es waren drei Gesellen	—	ΦB 5932.03	-	o	66	0'35	
	4. Wie bammelt mir mein Röckele	—	ΦB 5932.04	-	o	67	0'18	
	5. Ich hab ein Schatz ghat	—	ΦB 5932.05	--	o	68	0'20	
	6. Heildumm, mein Schatz ist krumm	—	ΦB 5932.06	--	o	69	0'25	
Ohne Nr.	1. Sprache	—	ΦB 5933	-	o	70	1'38	
9	1. Daher seien wir's gekommen	F 19 Nr 2	ΦB 5934.01	-	o	71	0'36	Gehört zu K I, (CD 14)
	2. Wir winden dir den Jungfernkranz	F 11 a Nr 1	ΦB 5934.02	--	o	72	1'12	
	3. Hochzeitstag, wann kommst du's heran	N 21 Nr 1	ΦB 5934.03	--	o	73	1'07	

Nicht identifizierte Aufnahmen

P	Liedtitel	Signatur (Schirmunski)	Signatur (PhonoA-StP)	Ton	Mel.	Tr.	Zeit	Anmerkungen
—	Din-don-din-don, don-din-din-din. Drei	—	ΔJN.01	--	o	74	0'50	
—	Auf der Wolga...	—	ΔJN.02	--	o	75	0'42	

Об авторе

Лариса Николаевна Пузейкина — член Российского союза германистов и Содружества преподавателей немецкого языка, преподаватель С.-Петербургского государственного университета. Участник проекта по сохранению коллекции немецких народных песен В. М. Жирмунского (DVA/Freiburg, ИРЛИ/С.-Петербург), руководитель проекта «Германистические архивы в С.-Петербурге. Научная обработка архива В. М. Жирмунского в СПФ АРАН» (РГНФ, СПбГУ, Россия). В сфере научных интересов — фонетика, немецкая диалектология, история немецкого языка, фольклор.

Научное издание

Лариса Николаевна Пузейкина

**Немцы в Санкт-Петербургской губернии
История, язык, песни**

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*

Корректоры *М.К. Одиноква, А.Н. Никитина*

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*

Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 15.12.2013. Формат 60×90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 24,0

Тираж 500 экз. Заказ № 3589

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21

Тел. (812)622-01-23